

ИСТОРИЯ СССР

АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР

ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ
СССР

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1957 ГОДУ

ВЫХОДИТ
6 РАЗ В ГОД

5 · 1977

СЕНТЯБРЬ · ОКТЯБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАУКА
МОСКВА

Октябрьская революция является таким социально-политическим событием, величие которого раскрывается все глубже и рельефней с каждым новым шагом человечества по пути общественного прогресса.

Всемирно-историческое значение победы Октября, опыта реального социализма состоит в том, что они дали пример самой справедливой организации общества в интересах трудящихся.

(Из Постановления ЦК КПСС от 31 января 1977 года «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции»).

1917 1977

К 60-летию Великого Октября

АКАДЕМИК И. И. МИНЦ

ОКТЯБРЬ И МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС

В докладе на XXV съезде партии Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев образно обобщил современное состояние мира: «Буквально на наших глазах мир меняется и меняется в лучшую сторону»¹. Действительно, планета, как говорится, поворачивает влево и поэтому так велик интерес трудящихся всех стран к историческому опыту Великого Октября, к разительным достижениям социализма. Но этот позитивный процесс, в свою очередь, усиливает стремление мировой реакции «идти наперерез» общему движению и не допустить усвоения уроков Октября.

Разумеется, потуги мировой реакции ослабить или вовсе перечеркнуть, путем злостного извращения исторических событий, роль и влияние Великой революции на судьбы человечества не прекращались ни на миг, начиная с ее победы. Контрреволюция не топчется на одном месте: под влиянием нарастающего революционного движения и в результате разоблачительной работы коммунистов, она меняет проблемы, формы, методы, аргументацию. В связи с приближающимся 60-летием Великого Октября наши идейные противники тоже подводят «итоги» своей деятельности: пересматривают проблематику, отбрасывают или откладывают на время устаревшие темы, согласовывают те вопросы, на которых необходимо, по их мнению, акцентировать внимание. Объектом извращения практически остаются все проблемы истории революции, хотя подход к ним, трактовка, аргументация нередко видоизменяются. Но особенно упорному, систематическому, широкому извращению снова и снова подвергается вопрос о международной значимости Октября. Делается это не в лоб. Такой прием сегодня редко достигает цели, ибо читатель уже не прежний, совершенно лишенный объективной информации. Великие достижения социализма известны всему миру. И тут мы наблюдаем попытки найти новый подход к старой теме. Современные советологи — и крайне правые, и леворадикальные псевдореволюционные типа Г. Маркузе, если отбросить известные различия, в основном рассуждают одинаково: за 60 лет империализм выдержал испытание временем, устоял под натиском революционных бурь, доказал свою стабильность, а если это так, то стоит ли продолжать безуспешную борьбу с ним, не лучше ли взять хорошее от империализма, добавить кое-что от социализма и предложить этот «социальный коктейль» массам, как возможную систему общества.

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 3.

В данной статье хотелось бы привлечь внимание читателя к вопросу о роли Октябрьской революции в мировом революционном движении и остановиться на некоторых новых приемах антикоммунистической и антисоветской идеологии.

Остановимся на следующем: антикоммунисты все чаще и с большим злорадством твердят, что вот уже 60 лет Октября, а мировая революция, которую предвидел и предсказывал В. И. Ленин, еще не победила и, следовательно, нужна ли была вообще революция в России? Именно на этом моменте особо часто фиксируют внимание антикоммунисты, стремясь отвратить трудящихся стран, где все еще господствует капитал, от вступления на единственный путь спасения от гнета империализма — на путь социализма.

Марксистско-ленинская историческая наука доказала, что Великий Октябрь — не только результат внутреннего развития России — это, конечно, главное и основное, — но и порождение всей эпохи империализма. «Всемирно-исторический поворот человечества от капитализма к социализму, начатый Октябрьской революцией, — закономерный результат развития общества», — говорится в Программе КПСС². Империализм, своими цепями сковавший весь мир, подготовил объективные социально-экономические условия для своего падения. В горниле классовых битв созрела и та общественная сила, которая возглавила борьбу трудящихся за освобождение, — пролетариат. Прорыв цепи империализма произошел в октябре 1917 г. в России, ибо здесь его звено оказалось слабым. Общеизвестно, что в России противоречия империализма были наиболее резкими. К задачам социалистической революции прибавились нерешенные задачи буржуазно-демократической революции. Вместе с тем сформировался рабочий класс, сплотивший вокруг себя гигантскую массу крестьянской бедноты; была создана партия нового типа, во главе с В. И. Лениным, развившим в новых условиях теорию марксизма. Российское звено мировой империалистической цепи, как наиболее слабое, легче всего было сломать. Именно в силу этих причин пролетариат России взял на себя революционную инициативу прорыва мировой империалистической цепи. Октябрь стал началом и составной частью мировой революции. Это ярко сказалось в самой повестке дня II Всероссийского съезда Советов, закрепившего победу революции. К сожалению, в советской историографии недостаточно подчеркивается, что сами декреты, подготовленные В. И. Лениным и принятые II съездом Советов, далеко выходят за границы интересов трудящихся России.

Следует отметить, что первым решением съезда было взятие власти в руки Советов. В обращении к рабочим, солдатам и крестьянам от имени II съезда В. И. Ленин писал: «Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки»³. Впервые в истории установилась власть трудящихся и не в одном городе, а в огромной стране. Человечество получило форму власти, которая освободит его от империализма.

Это не значит, что именно Советы должны явиться обязательной и единственной формой власти для всех народов, пролетариат в своем неиссякаемом творчестве выдвинул форму народно-демократической власти — но тип народной власти всегда одинаковый — власть трудящихся под руководством пролетариата.

² Программа Коммунистической партии Советского Союза, М., 1961, с. 7.

³ Ленин В. И. ПСС, т. 35, с. 11.

Вторым на повестке дня II съезда Советов был Декрет о мире, а ведь борьба за мир и поныне остается важнейшей проблемой, над решением которой бьется человечество.

II съезд Советов принял также Декрет о земле, впервые показавший, как надо решать аграрно-крестьянский вопрос, до сих пор не сходящий с повестки дня многих стран мира, крестьянских по составу населений.

В этом состоит непреходящее значение Великого Октября.

«Октябрьская революция,— читаем мы в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции»,— является таким социально-политическим событием, величие которого раскрывается все глубже и рельефней с каждым новым шагом человечества по пути общественного прогресса»⁴.

Героический почин пролетариата России вдохновил на выступление другие отряды всемирной пролетарской армии. Достаточно назвать революционные выступления, происходившие на первом этапе общего кризиса капитализма: пролетарская революция в Финляндии (1918 г.); Балдайское восстание солдат в Болгарии в сентябре 1918 г.; буржуазно-демократическая революция в Австро-Венгрии (октябрь — ноябрь 1918 г.); буржуазно-демократическая революция (Ноябрьская) в Германии (1918 г.); революционное движение в Чехословакии (1918 г.); буржуазно-демократическая революция в Венгрии (1918 г.); революционное движение и образование Советов в Польше (1918 г.); Венгерская Советская Республика (1919 г.); пролетарские восстания в Германии (1919 г.); Советская республика в Баварии (1919 г.); Словацкая советская республика; массовые революционные стачки во Франции, Англии, США; вооруженные восстания рабочих в Германии (1923 г.), в Болгарии (1923 г.).

К указанным революционным выступлениям в Европе следует добавить начавшееся движение в колониях, предвещавшее кризис всей колониальной системы: движение «4-го мая» в Китае (1919 г.), антияпонское восстание в Корее (1919 г.); Монгольская народная революция (1921 г.); революционная борьба китайского народа (1924—1927 гг.); массовые революционные национально-освободительные движения в Индии, Индонезии, Японии, Египте, Турции, Сирии, Иране, Пакистане, Афганистане, Южной Африке.

Одним из ярких проявлений революционного подъема в мире было образование коммунистических партий. В 1917 г. существовала только одна коммунистическая партия — партия Ленина в России, да в ряде стран намечались и действовали отдельные коммунистические группы и течения. А уже в 1918—1923 гг. были организованы еще 36 коммунистических партий⁵.

Даже простое перечисление этих всем известных фактов опровергает измышления, будто Октябрь был изолированным явлением, будто никто не поддержал смелой инициативы пролетариата и крестьянской бедноты России.

Можно представить себе, какой «куриной слепотой» страдают многие советологи, если среди десятков послеоктябрьских революций они

⁴ «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции». Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 г. М., 1977, с. 23.

⁵ В 1918 г. — в Австрии, Аргентине, Венгрии, Германии, Греции, Голландии, Польше, Финляндии; в 1919 г. — в Болгарии, Дании, Мексике, США, Югославии; в 1920 г. — в Австралии, Англии, Бельгии, Индонезии, Иране, Испании, Турции, Уругвае, Франции; в 1921 г. — в Италии, Китае, Люксембурге, Монголии (Народно-Революционная партия), Новой Зеландии, Португалии, Румынии, Чехословакии, Южной Африке; в 1922 г. — в Бразилии, Канаде, Чили, Японии; в 1923 г. — в Норвегии.

не смогли увидеть влияния Октября! Некоторые фальсификаторы, пытаясь доказать отсутствие непосредственного влияния Октября, приписывают В. И. Ленину тезис, что мировая революция немедленно поддержит дело Октября. Но Владимир Ильич никогда не утверждал ничего подобного. Напротив, именно В. И. Ленин в драматические дни переговоров о мире в Брест-Литовске, когда германский империализм посягнул на самое существование Советской власти, разоблачал троцкистов и бухаринцев, фактически утвердивших о необходимости «подталкивания» революций на Западе.

Продолжим, однако, нашу статистику мировой революции. На втором этапе общего кризиса капитализма, породившего вторую мировую войну, произошли социалистические революции в Эстонии, Латвии и Литве; революции в Албании, Болгарии, Венгрии, Китае, Польше, Румынии, Чехословакии и др. — всего 13 революций, открывших путь социализму в этих странах. К этому следует прибавить и образование в ходе распада колониальной системы ряда независимых республик. Назовем Вьетнам и Индонезию (1945 г.), Индию и Пакистан (1947 г.), Бирму и Цейлон (1948 г.), Камбоджу (1953 г.), Лаос (1954 г.), Судан, Марокко, Тунис (1956 г.), Гану (1957 г.).

Наконец, на третьем этапе общего кризиса капитализма, начавшегося примерно с конца 50-х годов, произошли новые революции и образовались независимые республики: Республика Куба; Малайская федерация и Сингапур (1957—1959 гг.); 1960 год вошел в историю как «Год Африки», когда независимость получили 17 государств. Освобождены португальские колонии в Индии (1961); стали независимыми Гвинея (1961 г.); Танганьика (1961 г.); Алжир, Уганда, Руанда, Бурунди (1962 г.); Занзибар и Кения (1963 г.); Замбия и Малави (1964 г.); Гамбия (1965 г.); Ангола (1976 г.).

Ряд государств Азии и Африки провозгласил строительство социализма своей целью.

Одного этого перечня стран, независимость которых была достигнута, как правило, посредством революции, достаточно, чтобы представить себе, как изменился мир к 60-летию Великого Октября, насколько сузилась база империализма.

Накануне Великой Октябрьской революции В. И. Ленин в гениальной работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» составил таблицу раздела мира между великими державами: из 139,9 млн. кв. км всей Земли 6 держав (Англия, Россия, Франция, Германия, США, Япония) владели 81,5 млн. кв. км (почти 60%) с населением — 960,6 млн. человек (почти 60% всех жителей Земли). На долю малых колониальных держав (Бельгия, Голландия и пр.) приходилось — 9,9 млн. кв. км (более 7%) и 45,3 млн. жителей (менее 3%), а вместе с великими державами — около 70% земли и более 60% населения. Остальная территория и население приходились на три страны — Персию, Китай и Турцию, которых Ленин отнес к полуколониям, и другие страны⁶. Миллиард людей, 2/3 всего человечества, не считая сотен миллионов в полуколониях, изнывали под «железной пятой» империализма!

Что осталось от всей этой гигантской колониальной империи? Десятые доли одного процента на юге Африки, да и там народы с нарастающей энергией борются за ликвидацию последних следов колониального гнета. На создание колониальной империи понадобилось более четырех столетий (если считать только со времени завоевания Южной Америки), в течение которых было пролито море крови и истреблены сотни

⁶ Ленин В. И. ПСС, т. 27, с. 377.

миллионов людей. А развалилась мировая колониальная система меньше чем за полвека. Нужно ли говорить, что у истоков этого мирового революционного процесса стоит Великий Октябрь, возвестивший начало освобождения человечества от гнета империализма. «Победа Октября, — говорится в Постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», — главное событие XX века, коренным образом изменившее ход развития всего человечества»⁷.

Теперь уже не десяток стран, как это было на первом этапе общего кризиса капитализма, а многие десятки (в ООН представлено без малого 150 государств) обрели свободу и независимость в результате революций. Трудно назвать революционного деятеля, который не признавал бы роли Октября. Фидель Кастро обобщил эти оценки, сказав: «Я вновь повторяю, что без Октябрьской революции была бы невозможна победа революции на Кубе»⁸.

Хороша стабильность, о которой твердят и хвастают все разновидности советологов и антикоммунистов, если империализм всего за каких-то 60 лет потерял всю свою колониальную империю, утратил свое господство над миром, шатается под ударами постоянных все более разрушительных кризисов и, особенно, нарастающего движения народных масс против его гнета.

Приспешники и защитники империализма стремятся отстоять последние позиции отживающего империализма. В этом можно видеть решающую причину, почему особенно ополчились они против главного источника мирового революционного движения — против Великого Октября. В силу этого антисоветчики и начали подкрашивать, перелицовывать старые «аргументы» и искать новые «доказательства» против Октября.

Было время, когда они кричали, что всему виною «Красная Москва». Германский завоеватель генерал Гофман в 20-х годах выпустил книгу под заглавием «Всюду Москва!», которая стала своего рода библией для тех, кто ставил своей целью свержение Советской власти. Можно и теперь еще встретить подобные книги, правда, речь в них идет уже не о Москве, а о мировом социализме.

Но теперь все же наблюдается новая тенденция: современные советологи с особым усердием утверждают, будто пролетарская революция в России мыслилась Лениным в виде своего рода «запальника», «взрывателя» мировой революции, что якобы о более или менее длительном существовании социалистической России вне рамок социалистических революций в Европе Ленин и не помышлял. Об этом, например, пишут А. Мейер, А. Улам, Дж. Кармайкл и др. По уверению Н. Дэвиса, автора книги о советско-польской войне 1920 г., интернациональная концепция русской революции потерпела крах после отхода Красной Армии от Варшавы, который показал, что расчеты «большевистских вождей» на классовую, пролетарскую солидарность Запада несостоятельны⁹. Для убедительности советологи вкравь и вкось оперируют ленинскими цитатами, бесцеремонно извращая их смысл и содержание. Буржуазные авторы выдают отсутствие победоносных социалистических революций непосредственно после Октября как аргумент, с одной стороны, несостоятельности ленинской теории социалистической революции, а с другой — как обоснование неизбежности «термидора», пере-

⁷ «Коммунист», 1977, № 2, с. 3.

⁸ «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», с. 3.

⁹ Davies N. While Eagle, Red Star. The Polish-Soviet War, 1919—1920. 1972, p. IX.

рождение членов Коммунистической партии Советского Союза в профессиональных «администраторов», исповедующих совершенно новую «концепцию» — «социализм в одной стране», которая на практике якобы означает чуть ли не возврат к прошлому.

Умысел здесь двойной: приписать Ленину ренегатскую теорию троцкистов о невозможности победы социализма в одной стране и «доказать», будто Ленин пришел к теории победы социализма в одной стране, когда убедился в том, что мировая революция не состоялась. Погнавшись «за двумя зайцами», ретивые фальсификаторы только разоблачили себя: кому неизвестно, что ленинская теория была сформулирована еще во время первой мировой войны, задолго до революции — не только Октябрьской, но и Февральской. В. И. Ленин нигде и никогда не писал, что международная революция произойдет немедленно после победы Великого Октября. Более того, именно он неоднократно подчеркивал, что «мировая социалистическая революция в передовых странах не может так легко начаться, как началась революция в России...»¹⁰.

Кстати, ретивые защитники империализма, с одной стороны, клеветуют, будто Ленин считал неизбежным взрыв мировой революции непосредственно после революционного почина пролетариата России, сразу после Октября, а с другой стороны, они признают и повторяют, что победа социализма в одной стране является «концепцией большевизма». Но ведь из теории победы социализма в одной стране как раз и вытекает невозможность победы социализма одновременно во всех или многих странах. Пусть, однако, сами авторы разбираются в ими же самими созданной путанице.

В течение всего послеоктябрьского периода буржуазная пресса Запада, со слов кадетов, меньшевиков, эсеров и всех других контрреволюционных партий, твердила, что великую революцию в России свершила «кучка заговорщиков», «группка фанатиков», «немецкие шпионы». Многие «специалисты» по истории революции в России немало исписали бумаги, повторяя клевету Керенского и Милюкова о немецком золоте как финансовом источнике большевиков. Да и сейчас еще не оставлены попытки возродить клеветническую «стряпню» о «чужом» золоте. Относительно недавно американский «сих дел мастер», некий А. Сатон «смастерил» на потребу клеветников книжку под названием «Уолл-стрит и большевистская революция»¹¹. Все осталось по-старому, переменялась только страна, откуда шло золото для большевиков: вместо Германии названы США. Чтобы понять главную идею книги, достаточно взглянуть на рисунок, украшающий ее суперобложку: внизу, в виде основы, подпись «Уолл-Стрит», над ней — советский герб, а еще выше изображение кремлевских церквей и соборов. Понимать следует так: уолл-стритовские банкиры «подняли на поверхность» большевиков, которые вернули-де Россию к ее исконной роли — сырьевого рынка для Запада¹².

Вся эта клеветническая стряпня оказалась, естественно, «мыльным пузырем». Характерно, что даже буржуазный исследователь А. Сенин, который проанализировал всю американскую и западногерманскую литературу, поддерживающую версию о золоте, якобы данном большевикам, и пришел к выводу, что она бездоказательна. Октябрьская революция, такого его заключение, питалась не чужим золотом, а «народными соками», трудящиеся массы составляли ее силу и плоть¹³.

¹⁰ Ленин В. И. ПСС, т. 36, с. 15.

¹¹ Sutton A. Wall Street and the Bolshevik Revolution, N. Y., 1974.

¹² Ibid., pp. 19, 123.

¹³ «Soviet Studies», 1975, № 3.

Этот голос благоразумия не одинок: «Представление о том, что большевистская партия,— пишет, например, С. Коэн,— явилась узурпатором власти в 1917 г., вводит в заблуждение»¹⁴. Все чаще советологи начинают признавать, что за большевиками шли народные массы. Американский историк У. Розенберг обработал на электронносчетной машине данные о выборах в городские Думы, проходившие в июле—августе 1917 г. в провинции, и получил следующий вывод: даже июльские события, когда контрреволюция захватила власть и перешла к репрессиям, не привели «к уменьшению влияния большевиков, как это принято считать»¹⁵.

Тезис о роли народных масс все чаще принимается советологами. В качестве примера можно сослаться на статью М. Улдрикса: «„Толпа“ в русской революции: к переоценке природы революционного руководства». Как видим, само название говорит о переоценке старых взглядов о руководстве большевиков народными массами. Он пишет, что современные теории революции, «как правило, основываются на событиях 1917 года и стимулируют дальнейшую разработку истории революции»¹⁶.

Отмечая некоторый поворот в старых взглядах к признанию роли масс в революции, мы, однако, не должны преувеличивать его значение: «толпа» в этих работах выглядит политически несознательной, анархистствующей. А это ведет к давно знакомой, старой схеме, будто большевики умело использовали «толпу» в своих целях, выступив в роли «элиты», избранной руководить слепой массой. Так, кажущаяся исследовательская «левизна», как ее характеризуют советологи, смыкается с крайне правым проявлением антисоветизма.

В этой связи хотелось бы предупредить еще против одной переоценки новых тенденций в буржуазной литературе, о которой мне уже приходилось писать. Все меньше советологи пишут об Октябре, как о «случайном» явлении, о слабом его воздействии на ход истории,— теперь чаще пишут о его величии. «Великая русская революция 1917—1918 гг.,— читаем мы в предисловии к сборнику материалов о революции,— была, вероятно, единственным наиболее важным событием века... а ее воздействие и последствия все еще чувствуются нами в 70-е годы»¹⁷. Или вот еще более свежий пример. Профессор Бременского университета Г. Штайнберг признает, что марксизм «оказал наиболее сильное влияние на последнее столетие европейской истории и завоевал первостепенное место в мировой истории»¹⁸. Профессор сделал свое замечание не об Октябре непосредственно, а о марксизме, но кто же может отделить Великую революцию от мировоззрения, конкретным воплощением которого в жизнь является революция.

Разумеется, надо отличать данный отход от прежних писаний, начисто отрицавших роль Октября в судьбах мира. Но, если внимательно присмотреться к этим оценкам, то нельзя не заметить их главной сути: Октябрь — великая революция, но она русская, в лучшем случае она подходит остальным странам, но не затрагивает промышленно раз-

¹⁴ Cohen S. Bukharin and the Bolshevik Revolution. N. Y., 1973, p. 46.

¹⁵ Rosenberg W. The Russian Municipal Duma Elections of 1917.— «Soviet Studies», 1969, vol. 21, № 2, p. 241.

¹⁶ Uldricks T. The «Crowd» in the Russian Revolution: towards Reassessing the Nature of Revolutionary Leadership.— «Politics and Society», 1974, vol. 4, № 3, pp. 400, 413.

¹⁷ Russian Revolution. Ed. by R. Daniels, N. Y. 1972, p. IV.

¹⁸ Marxism, Communism and Western Society. A Comparative Encyclopedia, vol. 5, N. Y., 1974, p. 342.

витых стран Запада. На деле такое ограничение означает отрицание роли Октября в мировом революционном движении.

И тем не менее Октябрь стал фактом, и советологам это необходимо как-то объяснить. Длительное время они говорили об исторической случайности. Эта, с позволения сказать, концепция встречается и ныне. Достаточно напомнить, например, о получившей печальную известность книге Р. Даниелса «Красный Октябрь», в которой Октябрь преподносится как «рискованная игра большевиков», лишь в силу стечения благоприятных обстоятельств завершившаяся их победой. Но идеи Даниелса не получили большой поддержки даже в советологической среде. Теперь из всей суммы различных взглядов, оценок, характеристик выкристаллизовалась концепция обусловленности революции в России. На первый взгляд это представляется точкой зрения, приближающейся к позиции советских историков. Но это только на первый взгляд.

Признавая значение Великого Октября в смысле «толчка», его глубокое воздействие на освободительные революционные движения в других странах («Октябрьская революция, — пишут, например, Т. Нейл и Д. Коллинз, — классическая революция, достигшая успеха и создавшая формулу для совершения коммунистических революций повсюду»¹⁹), буржуазные авторы усиленно отвергают его универсальное значение в смысле повторения основного революционного опыта, основных закономерностей при переходе от капитализма к социализму. «Коммунистическая доктрина не универсальна», — утверждают, например, С. Блэк и Т. Торнтон. «То, что произошло в России в октябре 1917 г., — вторит им французский историк Ж. Ревель, — не было началом и не может служить моделью социалистической революции»²⁰. Они пытаются доказать, что Октябрь — есть результат специфически русских условий, результат главным образом отсталости России, незавершенности процесса ее «модернизации». И поэтому, утверждают они, в лучшем случае октябрьский опыт может повториться в границах «гинтерланда», периферии индустриального Запада, уже достигшего уровня «общества всеобщего потребления».

В целях успешной борьбы с этими концепциями фальсификаторов особое значение приобретает указание Постановления ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции»: «Разоблачать различного рода фальсификаторов истории, пытающихся умалить международное значение Октябрьской революции, пути, пройденного нашей партией и народом, давать решительный отпор антикоммунизму и антисоветизму, оппортунистам всех мастей»²¹.

С особым упорством фальсифицируется история российского рабочего движения. Пролетариат России изображается «полукрестьянским», склонным к анархии и бунтарству²².

По-прежнему яростная атака ведется против учения о гегемонии пролетариата. И сегодня, когда остро стоит вопрос, какой класс приведет человечество к освобождению от всепачи и гнета империализма, антикоммунисты особенно активно стремятся отрицать роль пролетариата. В данном вопросе смыкаются все разновидности антикоммуниз-

¹⁹ Neil M., Collins D. Communism. Why It is and Now It Works. N. Y., 1964, p. 138.

²⁰ Revel J.-F. Ni Marx, ni Esus. Paris, 1970, p. 28.

²¹ «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», с. 29.

²² См., напр., Ulan A. Lenin and the Bolsheviks. L. 1965, p. 314; Revolutionary Russia, pp. 22, 113; Katkov G. Russia, 1917. The February Revolution. L., 1967, p. 424, etc.

ма — от крайне ярых и откровенных защитников империализма до псевдореволюционных его критиков. Первые, признавая стабильность империализма, уверяли, что пролетариат добился своего в «обществе изобилия»; вторые утверждают, что революционный порыв пролетариата иссяк, что сам пролетариат как класс растворился в массе трудящихся, депролетаризовался, и он уже совсем не тот, каким был при Марксе и Энгельсе, и поэтому, мол, должен уступить свою роль интеллектуалам.

С этой целью извращается история формирования и развития пролетариата и прежде всего российского. Американский историк Дж. Уолкин «доисследовался» до того, что заявил: «Вплоть до 1917 г. подавляющее большинство рабочих оставалось крестьянами, числившимися в сельских обществах владельцами наделной земли»²³. Где уж тут говорить о гегемонии пролетариата, если, по его словам, «значительная часть из них оставалась сезонными рабочими, возвращавшимися регулярно в деревню на полевые работы. Другая часть... оставалась круглый год в городе, но семьи их находились в деревне, куда высылались часть заработка»²⁴. Свой «анализ» автор заключает так: «Только незначительное меньшинство полностью порвало с деревней и жило вместе с семьями постоянно в городах»²⁵. И это пишется о том самом пролетариате, который впервые в истории мирового рабочего движения организовал всеобщую стачку в масштабах огромной страны, провел Октябрь. Спорить с несусветным утверждением фальсификатора об отсутствии пролетариата в России в начале XX в. значило бы создавать впечатление, будто бы есть какая-то доля правды в его клевете. А между тем это утверждение разделяется многими его коллегами по ремеслу, т. е. фальсификаторами. Другой автор без обиняков утверждает, что формирование рабочего класса только-только началось и поэтому нельзя говорить о российском пролетариате как классе капиталистического общества²⁶.

Назовем еще одну работу американского историка, который отрицает роль пролетариата в революции, говорит об его отсталости, неспособности возглавить движение, склонности к реформизму и т. п.²⁷. До каких чудовищных выводов доходят фальсификаторы, чтобы «доказать» отсутствие гегемонии пролетариата, вообще его роли в революции, можно судить по тому, что некоторые из них отрицают самую революцию. «По сути дела то, что произошло, — пишет английский историк Дж. Кип о революции 1905—1907 гг., — было стихийным, хаотичным и нередко анархичным народным движением, в котором различные социальные и национальные группы преследовали различные, часто противоречивые цели»²⁸. Не было революции, нет нужды и в классе-руководителе, — такова «логика» фальсификаторов.

С несравненно большей настойчивостью и рвением антикоммунисты отрицают гегемонию пролетариата в Октябрьской революции и в последующий период. Этому посвящена огромная, все увеличивающаяся литература.

²³ Walkin J. The Rise of Democracy in Prerevolutionary Russia. Political and Social Institutions under the Last Three Czars. L., 1963, p. 99.

²⁴ Ibid.

²⁵ Ibid. Разрядка моя. — И. М.

²⁶ Von Laue Th. The Russian Peasants in the Factory. 1892—1904. — «Journal of Economic History», 1961, vol. XXI, № 1.

²⁷ Harscave S. First Blood, The Russian Revolution of 1905. N. Y., 1964, pp. 133—134.

²⁸ Keep J. The Rise of Social Democracy in Russia. Oxford, 1963, p. 150.

Здесь нельзя не отметить замаскированные попытки не допустить народы «третьего мира» на путь Октября. С этой целью антикоммунисты гальванизируют «идейку», пущенную когда-то в ход народниками о «близости» марксизма и народничества. Обращаясь к народам слабо-развитых стран, они пытаются убедить их: зачем вам марксизм, раз вы похожи по своему социально-экономическому развитию на старую до-революционную Россию, — тут вам подходит больше народничество²⁹. Маневр нехитрый и давно испробованный российской контрреволюцией, прежде всего П. Милюковым, выдвинувшим лозунг «Советы без коммунистов!» Задача ясна — добиться отказа развивающихся народов от марксизма, а с народничеством у них и так ничего не выйдет. Отсюда видно, что малейшая оплошность или уступка в марксистской критике народничества только способствует усилению антикоммунизма.

В этом свете исключительное значение приобретает указание Постановления ЦК КПСС о 60-летию Великого Октября: «В Октябрьской революции глубоко и всесторонне раскрылась великая всемирно-историческая миссия рабочего класса»³⁰.

Вычеркнув (разумеется, лишь в своих надуманных расчетах), пролетариат как главную движущую силу революции, антикоммунисты замахнулись и на самую революцию. Вообразив, что империализм устойчив, стабилен (на деле, как показала жизнь, он все больше увязает в своих неизлечимых пороках), антикоммунизм пытается поставить вопрос, обсуждение которого приняло сейчас оживленный характер, — нельзя ли вообще избежать революции?

На XIV Международном конгрессе историков в США (в Сан-Франциско) в августе 1975 г. была поставлена в качестве одной из главных тем проблема революции. Основным докладчиком выступил английский проф. Гобсбаум. Он привел несколько определений революции: тут и применение силы, и участие масс, и субъективные настроения и т. п. Все эти факторы имеются в той или иной революции, но ни один из них не является определяющим, ни один из них не помогает отличить революцию от контрреволюции, или от дворцового переворота, или от перехода власти из рук одной группы генералов к другой. Проф. Гобсбаум не привел единственно правильного определения, данного марксистами: переход власти в руки нового класса. Более того, поддержанный другими представителями буржуазной науки, профессор высказал мнение, будто революции вовсе не обязательные условия развития общества.

Марксисты на конгрессе напомнили проф. Гобсбауму уроки истории. Хорошо известно, что ни один господствующий класс не уступает добровольно своей власти; если он идет на уступки, то только под давлением революционной борьбы масс или под угрозой революции. Теоретически можно себе представить положение, когда в ведущих государствах мира произойдет революция, то в остальных странах лидеры господствующих классов предпочтут сохранить свои головы и добровольно уйдут от власти. Но и в этом случае это будет революция, ибо власть перейдет к новому классу, — это будет мирная революция, возможность которой марксисты не отрицали и не отрицают, а ход истории подтвердил ее.

Но тут дело не в том, что буржуазные историки не понимают, вернее, не хотят понять, азбучных истин истории, а в том, что идеологи капитализма усиленно заговорили о «ненужности» революции.

²⁹ См. Kaser M. Soviet Economic. L., 1970, p. 12; Pomper P. H. Peter Lavrov and the Russian Revolutionary Movement. Chicago.—L., 1972, p. 214.

³⁰ «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», с. 4.

В последнее время в советологической литературе первостепенное значение начинает приобретать вопрос о предпосылках русской революции 1917 г., или, точнее сказать, об ее обоснованности, мотивированности, целесообразности. Английский советолог У. Мосс констатирует: «В последние годы интерес в области новейшей российской истории сместился с революции (включая революционное движение) к последним десятилетиям царского режима»³¹. В чем же дело? Что произошло? Неужели советологам надоело изображать мнимые ужасы революции и ее последствий, о которых они написали горы книг? Нет, конечно. Но современная советология стала изощреннее; она отдает себе отчет в том, что для компрометации явления не обязательно чернить его самое: не менее «убедительно» показать отсутствие у него истоков, прочных корней и т. п.³²

Сами советологи, занимающиеся проблемами предыстории 1917 г., делят себя на две группы. Одну из них они называют «пессимистами» — это те, кто считает, что царский режим был обречен в силу глубоких противоречий, расколовших общество в начале XX в. На свой манер «пессимисты» признают неизбежность революции. Другая группа именуется «оптимистами». Они уверяют, что ничто в российской действительности не вело к неминуемой революции, что царская Россия, как и сам царский режим, успешно прогрессировали: не случись войны и некоторых ошибок правительства — и Россия мирно модернизировалась бы в конституционную монархию «западного образца».

«Оптимистов» — явное большинство. Обращаясь к событиям конца XIX — начала XX в. они усиленно ищут там не корни революции, а ее альтернативу. Отсюда и проистекает тенденция современной советологии к определенной переоценке царской России и даже царизма, я бы сказал, по крайней мере, к частичной его реабилитации. Один из столпов американского советоведения Дж. Кеннан, бывший посол США в СССР, прямо писал, что традиционно отрицательное представление о царизме, по-видимому, является односторонним, поскольку оно «питалось главным образом взглядами антирусских, антицаристских и антибуржуазных элементов». Поэтому нужно выправить «баланс», найти «позитивные черты и достижения царизма»³³.

Линия на то, чтобы рассматривать царскую Россию начала XX в. не как «преамбулу» к революции, а как страну «стремительной модернизации», находит как «академическое», так и массовое проявление. В первом случае можно напомнить о книге Дж. Каткова, который, повторив черносотенную версию о масонах, дал монархическую интерпретацию Февраля 1917 г. Во-втором, можно упомянуть о новом, прямо-таки небывалом росте интереса к Романовым, к последнему царю, о судьбе которого в США и Англии чуть ли не каждый год выходят новые книги. До последнего времени не прекращается «сенсационная» возня с новым самозванцем, претендующим на роль «законного наследника».

Но из чего же все-таки исходят «оптимисты» в своем стремлении пересмотреть историю России кануна 1917 г. и обосновать тезис о ненужности революции? Надо сказать, что сейчас мало кто отрицает успехи и достижения Советского Союза. Можно привести массу цитат из трудов буржуазных авторов, подтверждающих это. Но вопрос «осторожно» ставится так: а нельзя ли было всего этого (а может быть и боль-

³¹ «Slavonic and East European Review», 1972, vol. 50, № 118, p. 130.

³² См. Tschebotarioff G. Russia, My Native Land. N. Y., 1964.

³³ Kennan G. Russian Revolution. Fifty Years After.—«Foreign Affairs», 1967, vol. 46, № 1, p. 6; «Slavonic and East Review», 1972, vol. 50, № 118, p. 170.

шего) достигнуть и без революции, без большевиков, а не слишком ли велика была «цена революции»?

Попутно следует еще остановиться на одном клеветническом выпаде, который постоянно выдвигается антикоммунистами как всеми принятая аксиома — о пресловутой «цене революции». Кадеты с меньшевиками еще до Октября пугали народ потоками крови, которые прольются во время революции. В. И. Ленин тогда же разоблачил «благодетелей народа», доказав, что революция отнюдь не будет сопровождаться теми потоками крови, которым трудящимся России обошлась война и кровавый террор царизма. Как известно, Октябрь оказался наиболее бескровной из всех революций. Кровь была пролита, когда интервенты вместе с белогвардейцами пошли войной против народной Советской власти. Вот это-то кровавое выступление приписали империалисты своим жертвам. «Цена революции» является таким же жуеолом, как современная «советская угроза», чтобы оправдать новые преступления против человечества.

Запугивая народы «ценой революции», защитники империализма, прикрываясь напускной наивностью, задают вопрос, можно ли было обойтись без Октября. С определенными оговорками, а иногда и без них, обычно следует ответ: по-видимому, можно, ибо перед революцией Россия бурно прогрессировала во всех областях.

В промышленности шел быстрый подъем, заложенный виттевской индустриализацией. Упомянувшийся нами Кеннан считает, что за достижения в области промышленного развития царское правительство «заслуживает наибольшей апологии»³⁴. По мнению А. Гершенкрона, промышленный прогресс неизбежно должен был привести к улучшению положения рабочего класса, а это, в свою очередь, снизило бы его революционный дух, повернув на тред-юнионистский путь³⁵.

А что же в сельском хозяйстве? Здесь славословие обычно воздается Столыпину и его реформе. По словам Дж. Ейни, столыпинские реформаторы намеревались «выделить наиболее передовых крестьян... и поддерживать их прогресс. В конечном счете это заставило бы пойти по такому же пути всех крестьян». Этот процесс «следования за лидерами» в конце концов привел бы к тому, что «традиционный крестьянский социальный порядок пал бы, и из-под его обломков возник бы современный способ жизни»³⁶. Так же считает и Л. Волин: если бы не первая мировая война, «улучшение сельского хозяйства продолжалось бы» и «проектируемый бастион против аграрной революции мог бы быть создан»³⁷.

Не менее «радужной» рисуют советологи и обстановку в государственно-правовой, политической сфере. Они много и охотно пишут о расцвете русской прессы, о повышении роли земств и городских Дум, о функционировании Государственной думы с ее «партийным плюрализмом»³⁸ и т. д.

Настоящие панегирики воздают советологи-«оптимисты» прогрессу культуры, народного образования, науки и т. д., который якобы характеризовал развитие предреволюционной России. Дж. Кеннан никак не соглашается с реальностью, что «царский режим держал русский на-

³⁴ Revolutionary Russia, Ed. by R. Pipes, N. Y., 1968, p. 2.

³⁵ Russia after 1861. Peaceful Modernization or Revolution? Boston, 1965, p. 85.

³⁶ Jane y G. The Concept of Stolypin Land Reform.— «Slavic Review», 1964, vol. 23, № 2, p. 284.

³⁷ Imperial Russia after 1861, p. 75.

³⁸ Revolutionary Russia, p. 7.

род в темноте до конца и что в 1917 г. была необходима революция, чтобы исправить это положение»³⁹.

Нетрудно видеть, в какое противоречие, в какой порочный круг попадают советологи, пишущие о предпосылках Октября и о самом Октябре. В первом случае, стремясь найти альтернативу Октябрю, они всячески превозносят прогресс царской, буржуазно-помещичьей России; во втором, пытаясь объяснить Октябрь, упирают на специфическую отсталость России, ее коренное отличие от Запада. Где же истина? Ответа на этот вопрос советологи, конечно, не дают, оказываясь в тупике. И это понятно: только с позиций марксизма-ленинизма можно дать научное толкование совершившегося в 1917 г.

Кстати, такой же «пересмотр» истории последних лет царизма происходит и в литературе ФРГ: и там вдруг «прозрели» и «увидели» старую Россию в новом свете. Это совпадение в американской и западно-германской литературе в оценке истории развития дореволюционной России лишний раз подтверждает, что фальсификация поставлена организованно, как любой «бизнес»: вместе обсуждают планы кампании, распределяют роли, разрабатывают проблемы и намечают кому, когда и где выступать.

Но это дело в общем привычное, — разве, что сейчас оно стало организованнее. Важнее отметить другое: «открытие Америки», то бишь открытие «новой» предреволюционной России ярко, убедительно показывает, в каком невежестве пребывают фальсификаторы: до сих пор они буквально из кожи лезли вон, чтобы доказать отсталость России и тем убедить «доверчивых» читателей (или желающих проявить доверчивость), что революция в России была невозможна, а сейчас, повернувшись кругом, уверяют, будто царская Россия, оказывается, бурно развивалась и поэтому революция вообще была не нужна. Сами себе выдали свидетельство о бедности в науке...

Означает ли это, что советские историки замалчивали факты о развитии Российской экономики? Отнюдь нет. Марксисты всегда писали об экономическом подъеме России конца XIX в., о бурном росте промышленности, об увеличении численности пролетариата, но они никогда не забывали сказать о социальных последствиях этого развития, о росте чудовищной эксплуатации, об усилении влияния мирового империализма в России и нарастании угрозы потери национального суверенитета. Именно советские историки издали целую библиотеку о столыпинской реформе, не забывая подчеркнуть, что она разорила миллионы крестьян, что она проводилась «железом и кровью», что она сопровождалась «столыпинскими галстуками», т. е. виселицами, на которых погибли тысячи людей. Что же касается притворного удивления американского историка Кеннана, будто царизм не держал русский народ в темноте, то ведь это только проявление его бывшей дипломатической деятельности — скрывать правду: кому же не известно, что три четверти населения дореволюционной России было неграмотным, и величайшим достижением Советской власти является сравнительно быстрая ликвидация этого «достоинства» царизма после революции 1917 г.

Но если, как мы уже отмечали, в последнее время, советологи усилили внимание к предреволюционному периоду России, то с другой стороны, следует отметить интерес, проявленный буржуазной историографией к непосредственно послеоктябрьскому периоду — точнее к истории гражданской войны и, особенно, установления Советской власти в национальных районах страны. Тут мы снова встречаемся с попытками

³⁹ Ibid., p. 5.

оживить старый, казалось бы, давно развенчанный миф.

Советские ученые давно и решительно разоблачили фальсификаторов истории разрешения национального вопроса в России. «...Уже очень скоро стало ясно, — писал, например, Р. Пайпс, — что Советское правительство не имело намерения уважать принцип национального самоопределения и что для распространения своей власти оно было склонно использовать силы, чуждые интересам национальных меньшинств»⁴⁰.

Ему вторили другие историки, атаковавшие принципы советской национальной политики. «Отбросьте коммунистический идеологический камуфляж, — уверял другой американский историк М. Ривкин, — и вы увидите мало разницы между отношениями России с ее среднеазиатскими владениями и прошлыми отношениями Англии и Франции с их зависимыми территориями»⁴¹. Нетрудно видеть, куда направлены «концепции» такого рода — все они тшятся подорвать идею пролетарского интернационализма, доказать, что Советский Союз — империя, подобная старой Российской империи⁴².

Казалось бы, советские ученые своими разоблачениями «красного империализма» отбили попытки «охотиться в этих полях». Но сейчас мы снова наблюдаем новые попытки «подогреть» старые блюда и подать их под несколько иной приправой.

В событиях на национальных окраинах советологи стремятся выявить причины победы «большевистского феномена», определить факторы его стабильности, извратив в корне национальную политику Советской власти. Никакой революции в национальных районах не было, твердят они.

Согласно точки зрения некоторых буржуазных авторов, то, что произошло в конце октября 1917 г. в Петрограде, было всего лишь своего рода переворотом в масштабах одной столицы. И лишь затем, в годы гражданской войны, большевики сумели «расширить свою власть», так сказать, «наложив» ее на остальную страну⁴³ — и особенно на окраины бывшей Российской империи, населенные нерусскими народами. Примечательно, что в данном случае советологи готовы даже выступить в роли... защитников марксизма, доказывая, что если уж Центральная Россия якобы с марксистской точки зрения не созрела для социализма, то ее еще более отсталым окраинам до социализма вообще было далеко: они были «безбуржуазны» и «бесклассовы»... А раз так, то социалистическую революцию принесли сюда «на штыках Красной Армии».

Чем можно объяснить это возрождение старых сюжетов фальсификации? Как известно, подавляющее большинство освобождающихся от гнета империализма стран, так называемый «третий мир», по составу своего населения многонациональны. Перед ними стоит проблема разрешения национального вопроса, что вызывает естественное стремление усвоить опыт решения национального вопроса Советским Союзом и странами социализма.

Возвращение защитников империализма к старым мифам объясняется стремлением воспрепятствовать бурно развивающемуся национально-освободительному движению усвоить и применить на практике великий опыт социализма. Этим вызваны новые усилия извратить принцип интернационализма, противопоставив ему национализм. Не

⁴⁰ Pipes R. The Formation of the Soviet Union. Communism and Nationalism. Cambridge (Mass.), 1954, p. 53.

⁴¹ Rivkin M. Russia in Central Asia. N. Y., 1963, p. 7.

⁴² Chirovsky N. An Introduction to Russian History. N. Y., 1967, pp. 167, 168, etc.

⁴³ Pethybridge R. The Spread of the Russian Revolution. L., 1972, p. 179.

случайно XXV съезд уделил столько внимания важнейшему принципу марксизма-ленинизма — принципу интернационализма. А от ученых это требует шире развернуть изучение огромного опыта СССР и стран социализма в разрешении национального вопроса.

Но каким же образом большевикам удалось стабилизировать и укрепить свою власть в тех огромных районах, население которых, если верить советологам, было враждебно Советской власти? Здесь следует отметить еще одну любопытную черту современной советологии. Она, как это не покажется странным на первый взгляд, состоит в... панегириках большевистской партии, точнее высоким организаторским качествам, сплоченности, умелой пропаганде, тактической гибкости, целеустремленности и т. д. Отошли в прошлое те времена, когда о большевиках писали и говорили в черных красках. Теперь в общем признается, что большевики как политическая партия на голову превосходили своих противников. Такие признания мы можем встретить и у уже упомянутого Р. Петибриджа, и у Р. Лаккета, и у Дж. Эриксона и др. Советологи, как выше уже отмечалось, рассматривают партию с так называемой «элитарной» точки зрения, видят в ней некую «профессиональную элиту», в общем оторванную от народных масс, но мастерски «манипулирующую» ими в интересах установления и укрепления своей власти. Глубочайшая народность большевизма, его неразрывная связь с коренными интересами трудящихся — здесь решительно игнорируется. А ведь именно в этом прежде всего и заключалась сила большевиков.

Как гордо, справедливо и точно звучат слова обращения ЦК КПСС: «**Вся героическая история советского народа, его боевые и трудовые победы, его выдающиеся свершения неразрывно связаны с деятельностью Коммунистической партии как руководящей и направляющей силы нашего общества**»⁴⁴.

В заключение следует сказать о причинах известного «новаторства» среди советологов, о появлении «радикальных», «левых» концепций, как их характеризуют сами авторы. «Левые» тенденции становятся модными среди западных историков по преимуществу молодого поколения. Игрет роль разочарование в старых догмах, процесс разрядки, требующей более «сбалансированных подходов», влияние главным образом революционных процессов, происходящих в мире, и, конечно, активная разоблачительная работа, которую ведут марксисты всего мира.

Но, разумеется, основная причина перестройки в рядах советологов, сводящейся к новым попыткам ослабить роль и значение Октября, состоит во все большем распространении идей великой революции по всему миру. Все большая часть человечества убеждается, что альтернативы этому нет: только переход к новому обществу позволит покончить с изжившим себя строем, обрекающим трудящихся на голод, страдания от безработицы, инфляции. Начало этому неодолимому революционному процессу, содержанием которого является ликвидация последней формы рабства — наемного рабства, положила Великая Октябрьская социалистическая революция.

Хотелось бы закончить тем, с чего начата эта статья.

Л. И. Брежнев, говоря о том, что мир меняется в лучшую сторону, добавил: «Наш народ, наша партия — не пассивные созерцатели этих перемен. Нет, мы — активные их участники. Труд советского народа, строящего коммунизм, деятельность КПСС и Советского государства на международной арене — все это вносит достойный вклад в дело общественного прогресса»⁴⁵. В этом вкладе есть и частица труда ученых, которую и дальше необходимо расширять и развивать.

⁴⁴ «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», с. 13.

⁴⁵ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 3.

К. В. ГУСЕВ, Л. М. МИНАЕВ

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ — ВЕЛИКИЙ ПОДВИГ ПАРТИИ И НАРОДА

Ни одна из революций, которые К. Маркс образно назвал локомотивами истории, по силе своего воздействия на общественное развитие не может сравниться с Великой Октябрьской социалистической революцией, коренным образом изменившей ход развития всего человечества¹. Она доказала, что только пролетариат, возглавляемый Коммунистической партией, «в состоянии руководить всей массой трудящихся и эксплуатируемых в борьбе за свержение капитала, в ходе самого свержения, в борьбе за удержание и укрепление победы, в деле создания нового общественного строя»². Вместе с тем исторический опыт Великого Октября свидетельствует, что подлинно революционной партией рабочего класса может быть только партия, которая руководствуется марксистско-ленинской теорией, дающей единственно верный ориентир в борьбе за победу социалистической революции, в строительстве нового общества.

Прорвав цепь империализма, Великий Октябрь открыл «новую эпоху всемирной истории, эпоху господства нового класса, угнетенного во всех капиталистических странах и идущего повсюду к новой жизни, к победе над буржуазией, к диктатуре пролетариата, к избавлению человечества от ига капитала, от империалистических войн»³.

Вместе с тем Великая Октябрьская социалистическая революция вошла в историю и как величайший подвиг партии и народа. В ней нашло свое воплощение единство социальных, интернациональных и национально-патриотических задач российского пролетариата и его авангарда — большевистской партии.

Уничтожив буржуазно-помещичий строй, пролетарская революция остановила далеко зашедший процесс отставания России от стран Запада, спасла, как указывается в постановлении ЦК КПСС о 60-й годовщине Великого Октября, «нашу Родину от надвигавшейся катастрофы, к которой ее толкала преступная политика правящих эксплуататорских классов — помещиков и буржуазии, вывела ее на путь подлинно независимого развития, всестороннего социально-экономического и культурного прогресса»⁴.

В буржуазной историографии при характеристике Октябрьской революции часто употребляются термины «восточная», «азиатская», т. е. революция «нетипичная», во всяком случае для Западной Европы и Америки. При этом предпринимаются попытки доказать, что в индустриально развитых странах социальная революция якобы вообще невозможна, а русская революция произошла в слаборазвитой стране, и

¹ См. «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции». Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 г. М., 1977, с. 3.

² Там же, стр. 5.

³ Ленин В. И. ПСС, т. 44, стр. 148.

⁴ «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», с. 4.

цель ее — прежде всего индустриализация отсталой России⁵. Так, Дж. Каутский утверждал, что задачей Октябрьской революции было уничтожение старого аристократического права на землю и «быстрое введение индустрии, независимой экономически и политически от западного капитала»⁶. Подобную задачу, заключает буржуазная историография, можно якобы успешно решить не революционным, а эволюционным путем, к чему стремились и что сделали бы буржуазия и ее партии, если бы им не помешали большевики.

Экономическое развитие России, преодоление ее отсталости, бесспорно, входили в число основных задач, которые ставили перед собой большевики. Однако они вовсе не абсолютизировали отсталость России, а наоборот, всегда подчеркивали, что она является страной капиталистической. В замечаниях на проект программы РСДРП, составленный Г. В. Плехановым, В. И. Ленин указывал, что развитие капитализма — основной процесс общественно-экономической эволюции России, хотя в стране «тьма остатков крепостного права», которые «варваризируют» процесс развития⁷ и в исправленной формулировке первого пункта первоначального варианта теоретической части проекта программы писал о все более полном господстве капиталистического способа производства⁸. Главным недостатком плехановского проекта он считал именно «отстранение и затемнение вопроса о специально-русском капитализме... ибо программа должна дать свод и руководство для агитации против русского капитализма. Мы должны выступить с прямой оценкой его и с прямым объявлением войны именно русскому капитализму»⁹.

Главную цель партия видела в уничтожении капиталистической эксплуатации, в экономическом, социальном и политическом раскрепощении народных масс. Что же касается ликвидации социально-экономической отсталости страны, то в условиях российской действительности эту задачу можно было решить только через социальное переустройство общества революционным путем. На это указывала шестая (Пражская) конференция большевистской партии. Революционное движение, говорилось в ее решениях, «единственный путь к избавлению России от тех бедствий и от того позора, до которых довел ее царизм»¹⁰.

На рубеже двух веков в России, где новейше-капиталистический империализм был, по выражению В. И. Ленина, оплетен особенно густой сетью отношений докапиталистических¹¹, главным тормозом общественно-экономического прогресса являлись пережитки крепостничества и царское самодержавие. Именно типичные для России противоречия между самым отсталым земледелием, самой дикой деревней и самым передовым промышленным и финансовым капитализмом¹², придавали небывалую остроту классовым антагонизмам, являлись одним

⁵ См. «Political Change in Underdeveloped Countries; Nationalism and Communism». № 4, 1964; von Laue T. H. Westernization, Revolution and the Search for a Basis of Authority. Russia in 1917.—«Soviet Studies», October 1967; Freenberg A. Marxist Theory and Socialist Society. A Dilemma.—«Newsletter on Comparative Studies of Communism», May 1973; Malecki E. Theories of Revolution and Industrialized Societies.—«The Journal of Politics», 1973, № 4, 1973 etc.

⁶ Political Change in Underdeveloped Countries, p. 69.

⁷ Ленин В. И. ПСС, т. 6, с. 217.

⁸ См. Ленин В. И. ПСС, т. 6, с. 418.

⁹ Ленин В. И. ПСС, т. 6, с. 235.

¹⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК, т. 1. М., 1970, с. 333.

¹¹ См. Ленин В. И. ПСС, т. 27, с. 378.

¹² См. Ленин В. И. ПСС, т. 16, с. 417.

из факторов, превращавших Россию в слабое звено империалистической цепи¹³.

Принципы и методы внутренней и внешней политики самодержавия не отвечали интересам экономического, политического и культурного развития России. Однако каким бы реакционным и закостенелым ни было абсолютистское правительство, оно все-таки должно было так или иначе поддерживать промышленное развитие. Этого требовали как процесс капиталистического развития, так и обострявшееся соперничество между империалистическими государствами. «С 1861 г. в России начинается развитие современной промышленности в масштабе, достойном великого народа...— писал Ф. Энгельс.— Россия и начала действовать и действовала с большой энергией»¹⁴. К началу XX в. в ней была создана крупная, высококонцентрированная промышленность и страна достигла среднего уровня капиталистического развития.

Вместе с тем Россия все более отставала в технико-экономическом и культурном отношении от передовых капиталистических стран Запада, в первую очередь от США. И хотя за полвека после освобождения крестьян потребление железа в России возросло впятеро, она была оснащена современными орудиями производства вчетверо хуже Англии, впятеро хуже Германии, вдесятеро хуже Америки¹⁵.

Из России уплывали огромные массы золота, выплачиваемые за промышленные изделия, поступающие из европейских стран, а также в виде платежей и процентов по займам, прибылей иностранных капиталистов, заграничных расходов царского двора, помещиков и т. д. Пытаясь устранить хронический дефицит платежного баланса, царское правительство прибегало к вывозу большого количества продовольствия и сырья. Хлебный экспорт являлся основой платежного баланса страны, главным источником доходов крупных землевладельцев и значительной части торговой буржуазии. Российские крестьяне, опутанные правительственными податями (на их долю приходилось $\frac{2}{3}$ всех прямых налогов в государстве) и платежами помещикам, вынуждены были продавать значительную долю необходимого продукта по крайне низким ценам, фактически отдавали его почти даром. Даже буржуазный журнал вынужден был признать: «Усиление вывоза происходит у нас при помощи расхищения естественных сил почвы и отнятия у населения буквально изо рта куса хлеба, а у детей — молока и пары яиц. Состав нашей внешней торговли способен привести в ужас каждого действительного патриота, задумывающегося над судьбами своего народа»¹⁶.

Большая часть крестьян за изнурительную работу не получала вознаграждения, которое обеспечивало бы питание по минимально приемлемой норме. А между тем «Земледельческая газета» помещала следующие рекомендации: «Если вместо кислого черного хлеба из одной ржаной муки масса сельских обывателей станет потреблять хлеб, приготовленный из смеси ржаной муки с картофелем ...то половинное количество ржи может пойти за границу для поддержания нашего кредитного рубля, без ущерба народному продовольствию»¹⁷. Несколько позднее один из царских министров сформулировал эту же мысль короче: недоедим, а вывезем. Такая торговая политика усугубляла отставание страны и обнищание населения. Великий русский ученый

¹³ См. Ленин В. И. ПСС, т. 9, с. 389, 392—393.

¹⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. XXIX. М., 1946, с. 37.

¹⁵ См. Ленин В. И. ПСС, т. 23, с. 360.

¹⁶ «Русская мысль», 1908, кн. 3, с. 156.

¹⁷ Энгельс Гарт А. И. Из деревни. М., 1950, с. 382.

Д. И. Менделеев с горечью писал: «Эти миллиарды рублей, ушедшие за иностранные товары, и этот русский хлеб — кормили не свой народ, а чужие»¹⁸.

Но не только «свои», российские, помещики и капиталисты разоряли страну и эксплуатировали трудящихся. Анализируя важнейшие особенности российского империализма, В. И. Ленин указывал, что, являясь империалистической державой, Россия в то же время была объектом экспансии французского, английского, германского, бельгийского, австрийского, американского капитала, который притекал в страну самыми различными путями: в виде правительственных и частных займов и, всего более, в виде вложений в самые различные отрасли промышленности, особенно в тяжелую индустрию. Перед первой мировой войной на долю иностранного капитала приходилось около одной трети всех капиталовложений в промышленность, а в горнодобывающей, металлургической, электротехнической отраслях эта доля превышала половину¹⁹. Западноевропейских и американских предпринимателей привлекали льготы, предоставляемые царским правительством, возможность бесконтрольного, хищнического использования природных богатств, но главным образом — высокая норма прибыли, обусловленная возможностью беспрепятственной эксплуатации «неприхотливых» трудящихся России, получавших гораздо меньшую заработную плату, чем их собратья в передовых капиталистических странах.

Россия была страной с крайне низким жизненным уровнем. Национальный доход на душу населения перед первой мировой войной в России составлял в год 102,2 руб., в Англии — 463 руб., во Франции — 333 руб., в США — 695 руб.²⁰ Однако реальная действительность была еще более неприглядной. Огромная доля экспортных поступлений использовалась не в целях развития страны, а шла на нужды расточительного царского двора, проматывалась помещиками на водах Виши и Карлсбада, в игорных домах Лазурного берега, в модных европейских магазинах. Непомерно дорого стоили раздувшийся бюрократический государственный аппарат, церковь. В России происходила беспрерывная растрата громадной массы общественного труда впустую.

Для периода, предшествовавшего общему кризису капитализма, характерно усиление империалистических тенденций к сужению круга привилегированных государств и увеличению числа наций, подвергавшихся грабежу и угнетению. В этих условиях возможности самостоятельного экономического развития стран, которые, подобно России, страдали от позднего и недостаточного развития капитализма, все более и более ограничивались. Они наталкивались на сильнейшую конкуренцию империалистического капитала передовых стран Запада, который созрел и стал в высшей степени экспансионистским, захватническим, стремящимся к уничтожению политической независимости отстающих или ослабевающих стран. Даже для «великих держав», писал В. И. Ленин, более невозможна жизнь «по-старому в сравнительно спокойной культурной, мирной обстановке плавно эволюционирующего и расширяющегося постепенно на новые страны капитализма, ибо наступила другая эпоха. Финансовый капитал *вытесняет* и вытеснит данную страну из ряда великих держав...»²¹.

¹⁸ Менделеев Д. И. Соч., т. XIX. М.-Л., 1950, с. 222.

¹⁹ Сидоров А. Л. Экономические предпосылки социалистической революции в России. — «История СССР», 1957, № 4, с. 24.

²⁰ Ляшенко П. И. История народного хозяйства СССР, т. II. М., 1947, с. 348.

²¹ Ленин В. И. ПСС, т. 26, с. 234.

Будучи империалистической державой, Россия в то же время относилась к числу тех государств, которые «целиком зависят экономически от мощи империалистического финансового капитала „богатых“ буржуазных стран»²². Разрыв между Россией и передовыми капиталистическими странами все увеличивался, и проблема времени, темпов экономического развития приобретала решающее значение.

Следствием сохранения полуфеодалных аграрных отношений в деревне, крестьянского малоземелья была узость внутреннего рынка, препятствовавшая экономическому и социальному развитию страны. Сельское хозяйство, пока сохранялось помещичье землевладение, было обречено на упадок.

Царизм был не в состоянии вывести страну на дорогу ускоренного экономического развития, преодоления социальной и культурной отсталости. Пражская конференция большевиков в своей резолюции констатировала, что он остается «бессильным на почве мировой конкуренции современных капиталистических государств» и все более оттесняется на задний план в Европе²³. Западные политики, рассматривая Россию как объект империалистической экспансии, уже вынашивали планы ее раздела на «зоны интересов» и «сферы влияния». Характер и масштабы этой угрозы постоянно вскрывали задолго до Октябрьской революции большевики. «Условия мирового рынка ставят перед Россией одно из двух, — писал В. И. Ленин в 1913 г. — либо быть раздавленной конкурентами, у которых капитализм идет вперед иным темпом и на действительно широкой основе, либо избавиться от всех остатков крепостничества»²⁴. Россия отстает все больше и больше, и «эта увеличивающаяся отсталость делает необходимую экстренную быстроту», исключительно быстрое и решительное движение вперед «под угрозой всяческих минусов и поражений»²⁵.

Будучи врагами общественного прогресса, царский двор и дворяне-помещики, тем не менее, присваивали себе монополию на патриотизм, смешивая при этом, как язвительно заметил М. Е. Салтыков-Щедрин, понятия «отечество» и «ваше превосходительство» и даже отдавая предпочтение последнему. Они квалифицировали не только революционную борьбу, а даже простую оппозиционность, как «измену царю и отечеству», горделиво объявляя себя «солью земли русской». Их программа была направлена на сохранение существующих порядков и, следовательно, консервацию народной нищеты и отсталости России. «Патриоты» на словах, российские эксплуататоры отказывались от всего родного, пресмыкаясь перед всем иноплеменным.

Подлинный патриотизм и национальная гордость, как неоднократно подчеркивала партия большевиков, не имеют ничего общего с отгораживанием от мировой культуры. В. И. Ленин, говоря о жизненной необходимости для новой России догнать и перегнать передовые страны в экономическом отношении, отмечал всю важность овладения опытом передовых стран²⁶. Однако дворяне-помещики, преклоняясь перед Западной Европой, воспринимали не столько достижения науки, техники, культуры, сколько «искусство, не обдирая рта, есть артишоки и глотать устрицы, не проглатывая в то же время раковины»²⁷.

²² Ленин В. И. ПСС, т. 25, с. 261.

²³ КПСС в резолюциях..., ч. 1, с. 329.

²⁴ Ленин В. И. ПСС, т. 23, с. 21.

²⁵ Ленин В. И. ПСС, т. 23, с. 361; т. 24, с. 138.

²⁶ См. Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 118.

²⁷ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. VII, 1957, с. 109.

Насмехаясь над «невежеством и грубостью русского мужика», дворянско-помещичья реакция в то же время стремилась поставить себе на службу, превратить в свой политический резерв патриотические чувства русского народа, возбуждая в нем шовинистическую ненависть против «инородцев», якобы виновных в несчастях страны. Царизм стремился разжечь верноподданические чувства. В поисках выхода из революционных кризисов царское правительство использовало лозунги борьбы с «внешним врагом» и в каждой войне — от Крыма до Цусимы и Мазурских болот — покрывало себя несмыслаемым позором.

Космополитические настроения, низкопоклонство перед Западом господствовали и среди либеральной буржуазии, идеалом которой была перестройка России по капиталистическому западноевропейскому образцу. Недовольная тем, что вся полнота власти принадлежит дворянству, она стремилась «приблизиться» к управлению государством и, ограничив самодержавие, превратить Россию в конституционную монархию. Буржуазия боялась развертывания народной революции и была готова на сделку с царизмом и помещиками, от которых восприняла снисходительно-презрительное отношение к своей стране и своему народу, который якобы виновен в том, что не достиг таких же высот капиталистической цивилизации, как англичане, французы, немцы, швейцарцы.

«Почему наш крестьянин до сих пор по-старому продолжает ковырять свою землю? Почему русский человек так неподвижен, неповоротлив? Почему русский предприниматель не предприимчив? Почему русский интеллигентный человек витает только в эмпиреях? Почему у нас нет любви к работе, правильной работе, почему нет привычки работать? — вопрошал либеральный профессор Озеров. — Пусть идут к нам американцы со своими капиталами, пусть ими они пробуждают от сна нашу спящую родину, мы их за это поблагодарим, вызванные из недр земли богатства их щедро поблагодарят».

В. В. Воровский дал достойный ответ этому разносчику национального нигилизма, раболепствующему перед иностранным капиталом: «Не первое десятилетие иностранные капиталы подвизаются у нас, а какое влияние оказали они на развитие производительных сил России? Принудили они отсталых русских капиталистов забросить старые хищнические приемы и перейти к европейским методам хозяйства? Подняли они хоть на волос материальное и духовное состояние многомиллионной массы русских рабочих? Принесли они с собою европейские „навыки, самостоятельность, смелость, размах“ или хотя бы только европейскую деловитость и честность? Помогли они нам, „бедным“, стать хоть немного богаче за счет „тмы богатств“, лежащих вокруг нас? Нет, нет и нет»²⁸.

Буржуазия искала компромисса с самодержавием и дворянством за счет интересов огромного большинства населения России. Крупные промышленники заключили союз с черносотенными помещиками и, разделяя с пуришкевичами и марковыми их средневековые привилегии, превратились таким образом в одну из опор реакционного режима. Современная буржуазная историография пытается изображать «октябристов» партией патриотов, стремившихся сделать из России страну, «внутренняя сила и международная мощь которой должна постоянно возрастать»²⁹. Но практически их политика ограничивалась, по опре-

²⁸ Воровский В. В. Статьи и материалы по вопросам внешней политики. М., 1959, с. 89.

²⁹ Pinchuk B. The Octobrist in the Third Duma 1907—1912. Washington, 1974, p. 178.

делению В. И. Ленина, приспособлением к интересам крепостников³⁰. Один из наиболее дальновидных политиков того времени — С. Ю. Витте — отмечал, что эта партия крупных промышленников хотела «ограничить царскую власть для... ничтожной кучки русских дворян и буржуа-аршинников определенного колера»³¹.

Другая фракция буржуазии, не прочь была бы подорвать экономическое и политическое влияние феодального барства, оттеснявшего ее на задний план, и с помощью уступок предупредить крестьянскую революцию. Числившие себя «прогрессивными» буржуазно-дворянские и буржуазные круги (наиболее видными представителями которых были С. Ю. Витте и П. Н. Миллюков) по-своему выступали за экономическую независимость. Создание своей, собственной промышленности они провозгласили коренной экономической и политической задачей. По их мысли, ее успешному решению должна способствовать система протекционизма, не преграждавшая, однако, дальнейшего проникновения западного капитала. Такая политика не могла обеспечить подлинной индустриализации России, поскольку основывалась на привлечении иностранных капиталовложений и использовании иностранных займов. Результаты ее известны: зарубежный капитал последовательно захватывал ключевые отрасли промышленности, закабалял страну в финансовом отношении.

Оппозиционная фракция буржуазии, кадеты, называли себя «партией народной свободы», единственной «подлинно патриотической» партией и утверждали, будто их программа направлена на устранение всех препятствий на пути преобразования России. В действительности кадетские законопроекты затрагивали лишь явные пережитки крепостного права, имевшие место в крупном землевладении (например, требование отчуждения (за выкуп) тех помещичьих земель, которые сдавались крестьянам из доли, или за отработки, или в аренду за деньги, или лежали втуне). Кадетская партия, указывая В. И. Ленин, «старается отстоять интересы помещиков, идя лишь на неизбежные уступки крестьянам. Кадеты стараются оградить, насколько возможно, крупное частное землевладение, не соглашаясь на полное отчуждение всех помещичьих земель в пользу крестьянства»³².

Сосредоточив в своих руках в результате развития капиталистического производства экономическую силу, партия кадетов в то же время мирилась с политической властью помещиков. В объятия контрреволюции российских либералов бросала, по выражению В. И. Ленина, «крайняя революционность мужика, доведенного вековым гнетом крепостников до самого отчаянного положения»³³.

Кадеты утверждали, будто Россия может преодолеть отсталость и поднять благосостояние народа путем повышения интенсивности и продуктивности труда, ибо хронический голод в российской деревне является не следствием феодальных порядков, а лишь результатом «истощения земли и нерационального ведения хозяйства». Поэтому улучшение крестьянского хозяйства, повышение его производительности — это «более щедрые средства для подъема благосостояния крестьян, чем клочки добровольного надела»³⁴.

Насквозь лживой, двуличной была оппозиция кадетов самодержавному строю. Недаром сами оппозиционеры подчеркивали, что пред-

³⁰ См. Ленин В. И. ПСС, т. 20, с. 41.

³¹ Витте С. Ю. Воспоминания, т. 3, с. 72.

³² Ленин В. И. ПСС, т. 13, с. 122.

³³ Ленин В. И. ПСС, т. 17, с. 40.

³⁴ «Слово», 1908 г., 17 апреля.

ставляют не «оппозицию его величеству», а «оппозицию его величества». Они высказывались за «осуществление эволюционным путем конституционного строя в России». По их убеждениям, конституционная монархия могла удовлетворить все жизненные нужды российского общества и интересы всех его классов. Когда в России будет парламент и ответственное министерство, «на страже исторических прав русского государства будет стоять живое национальное чувство полумиллионного народа». А без «настоящей европейской конституции», писал теоретик кадетского «патриотизма» проф. Н. А. Гредескул, «мы рискуем навсегда остаться в хвосте истории и превратиться в экономическое мясо для других, более настойчивых и энергичных, чем мы, народов»³⁵.

Буржуазия, стремясь использовать идеи патриотизма и национальной гордости в своих интересах, истолковывала их как «слияние групповых и классовых особенностей в одно русское государственное течение» и пыталась с их помощью добиться классового мира, пресловутого «единства нации». «Национальная идея современной России есть примирение между властью и проснувшимся к самосознанию и самодеятельности народом, который становится нацией,— писал в свое время один из ведущих идеологов российского капитала небезызвестный Петр Струве,— государство и нация должны органически срастись»³⁶.

Повторяя высокопарные фразы об «исторической миссии России в Европе», «восстановлении великой и сильной России», обеспечении неприкосновенности ее территории и «уважения к ее державным правам», буржуазия активно пропагандировала великодержавные империалистические лозунги. Одновременно ее идеологи клеветнически обвиняли нацию в «бесплодности, дряблости, мелкоте», заявляя, что русский народ показал себя «большим», но не «великим».

Особенно старательно буржуазия пыталась очернить, дискредитировать рабочий класс, чувствуя в нем новую могучую силу, идущую к руководству нацией. В буржуазной прессе постоянно поднимался вопрос о «пригодности» российского пролетариата не только для управления страной, но и для самостоятельных политических, более того — даже профессиональных — выступлений. Где уж ему, раздраженно писала «Русская мысль», «организовывать производство и руководить массами, и разбираться в сложнейших мировых вопросах»³⁷.

Революционеров они упрекали за то, что они якобы «разрывают историческую связь», воспитывают «презрение к отцам», отвращение ко всему прошлому, историческую и нередко даже просто личную неблагодарность³⁸.

Между тем именно большевики и прежде всего В. И. Ленин дали образцы бережного отношения к революционному наследию прошлого, классового подхода к национальной гордости, показали содержание, сущность национальной гордости пролетариата и его партии, вовсе не считавшими себя Иванами, не помнящими родства.

В работе «О национальной гордости великороссов» В. И. Ленин, отвергая лживые, клеветнические заявления об отсутствии у пролетариата патриотизма, писал: «Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (т. е. $\frac{9}{10}$ ее населения) поднять до созна-

³⁵ «Русская мысль», 1908, кн. 1, с. 62.

³⁶ «Русская мысль», 1908, кн. 1, с. 155.

³⁷ «Русская мысль», 1908, кн. 6, с. 199.

³⁸ «Свободные мысли», 1908 г., 25 февраля. Вехи, с. 55.

тельной жизни демократов и социалистов». Предметом национальной гордости великороссов является прежде всего то, что великорусская нация «выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс», что Россия доказала свою способность «дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм»³⁹.

Революционные демократы XIX в. говорили, что крестьянская революция, уничтожив самодержавие и крепостничество, завершит «дело Петра Первого» — «европеизацию» России, но завершит по-своему. Г. В. Плеханов дал «европеизации» новую, социал-демократическую трактовку: «Рабочему классу суждено завершить у нас великое дело Петра» — довести до конца процесс европеизации России. Но рабочий класс придает совершенно новый характер этому делу, от которого зависит самое существование России как цивилизованной страны. Начатое когда-то сверху, железной волей самого деспотического из русских деспотов, оно будет закончено снизу путем освободительного движения самого революционного из всех классов, какие только знала история»⁴⁰. Однако «европеизация» по Плеханову означала, в сущности, равнение на буржуазный Запад, ожидание созревания предпосылок социалистической революции в результате длительного развития капитализма и буржуазной демократии.

Утрируя это положение, меньшевик Потресов утверждал: «...Мы не хотим понять, что российской обывательской массе — пролетарской и всякой другой — еще надо поступить в подготовительный класс той школы гражданственности, через которую в течение ста лет и более проходила Европа, еще надо предварительно сбросить с себя первобытную шкуру обывателя подданного восточной полуазиатской страны и ощутить свое национально-государственное целое, как ощущает его европеец»⁴¹.

Меньшевики пытались выработать «политику рабочего класса», исходя из предвзятых схем и аналогий с Западом, не принимая во внимание ни конкретно-исторических условий наступившей эпохи мирового развития, ни национально-исторических условий России. В результате они оказались в одном лагере с кадетскими профессорами, изображавшими русскую историю лишь как историю «европеизации» России, а историю русской общественной мысли — как историю копирования идейных достижений Запада.

Меньшевики, пытаясь создать теорию русской революции, в соответствии с выработанной ими «нормой» соответствия пути, пройденного капитализмом и буржуазной демократией в Западной Европе, подчеркивали, что якобы история всякой страны, втягиваемой в капиталистическое развитие, должна повторять историю стран, ранее вступивших на этот путь, не только в общих закономерностях, но и чуть ли не во всех деталях. Во всяком случае, утверждали они, события «обязаны» принимать те же формы и идти в том же порядке. Таким образом, лидеры меньшевиков пытались внедрить в российское рабочее движение реформизм, правый оппортунизм, который они изображали как «европейскую плановость». Огромный боевой заряд, широкий революционный размах, свойственный выступлениям рабочих и крестьян России,

³⁹ Ленин В. И. ПСС, т. 26, с. 107—108.

⁴⁰ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения, т. I. М., 1956, с. 413.

⁴¹ Потресов А. Н. Война и вопросы международного демократического сознания. Вып. I. Пг., 1916, с. 73.

они со страхом называли «российской варварской стихийностью», клевета на трудовые массы своей страны.

И сегодня подобные измышления служат источником, из которого черпают идейки современные буржуазные историки, сиюсь доказывать, что Октябрьская революция, это всего-навсего результат «вестернизации» — стремления интеллигенции, всегда испытывавшей тенденции к заимствованию западной культуры и идеологии, приблизить Россию к уровню западных стран.

Другой точки зрения придерживалась самая крупная из мелкобуржуазных партий России — социалисты-революционеры. Эсеровские идеологи исходили из предпосылок о самобытности России и «преимуществах» отсталых стран. Они утверждали, что законы развития сельского хозяйства иные, чем промышленности, и если в индустрии мелкие хозяйства, не выдерживая конкуренции крупных предприятий, поглощаются последними, то в сельском хозяйстве наряду с мелкими погибают и крупные хозяйства, а за счет обоих растет трудовое среднее крестьянское хозяйство⁴². Из этого делался вывод о необходимости и целесообразности введения уравнительного землепользования, которое объявлялось социалистической мерой. Самобытность России, возможность ее особого пути к собственному, национальному социализму эсеры видели в сохранении общины. Разделяя народнические иллюзии о том, что крестьянская община вовсе не пережиток средневековья, а ступень к переходу в социализм, и крестьянина — природный социалист, эсеры объявляли крестьянство движущей силой революции. Пролетариат, по их мнению, «слишком узкий фундамент, чтобы опирающаяся на него политическая партия могла играть определяющую роль в политике страны»⁴³.

Эсеры провозгласили крестьянство «самостоятельным фактором» социальной революции. Они утверждали, что крестьянство отсталых стран более революционно, чем пролетариат промышленно развитых государств, и что именно здесь переход «из царства капитала в царство труда» более легок. Отрицая гегемонию пролетариата в революции, эсеры особенно резко выступали против диктатуры пролетариата, которая, по их рассуждениям, означала не что иное, как исключение крестьянства из «активного социального творчества».

В их программе декларировалась возможность «совершенствования» капитализма и достижения социалистических целей путем частичных реформ. Они полагали, что страхование от безработицы, кооперация, прогрессивный налог на наследство и тому подобные меры ни более ни менее, как ячейки социализма, вводимые в существующий капиталистический строй. Таким образом, и эсеровская программа была не в состоянии правильно ответить на вопрос о путях дальнейшего социально-экономического развития России.

Проблема заключалась, конечно, не просто в «европеизации», т. е. превращении России в одну из «образцовых» буржуазных стран и не в совершенствовании капитализма путем частичных реформ, а в революционном свержении самодержавия, в установлении диктатуры пролетариата, без которой немыслимо уничтожение эксплуататорских классов и построение социализма. Этот путь был указан В. И. Лениным, большевистской партией.

⁴² Гусев К. В., Ерицан Х. А. От соглашательства к контрреволюции. М., 1968, с. 37.

⁴³ Из истории рабочего класса и крестьянства СССР. М., 1959, с. 140.

Владимир Ильич Ленин научно доказал, что поскольку Россия является звеном в цепи империалистических держав и втянута в общий ход мирового развития, постольку социалистическая революция в стране не только возможна, но и необходима. Он подчеркивал, что особенностью России является «невиданная еще в эпоху буржуазных революций сила пролетариата...»⁴⁴ и что, видоизменив обычную историческую последовательность, существовавшую ранее, следует сначала изгнать помещиков и капиталистов, «а *потом* уж на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы»^{44а}.

Революция, назревшая в России, с объективной точки зрения, должна была решать двуединую задачу: социальную и национальную. Решение национально-патриотических задач российского общества (создание необходимых условий для преодоления отставания страны и для упрочения ее независимости) совпадало с решением социальных и интернациональных задач революции.

Только народная революция, возглавляемая рабочим классом и его партией, могла обновить страну, помочь крестьянству, составлявшему большинство населения страны, получить помещичью землю, избавиться от самодержавно-помещичьего гнета, добиться человеческих прав, повысить свое благосостояние и культуру.

Вождь народных масс России — пролетариат — был последовательно патриотическим классом как действительно передовой, действительно поднимающий массы на революцию, действительно способный «спасти Россию от гниения» класс⁴⁵. Революционную ситуацию в России В. И. Ленин характеризовал как великий национальный кризис с самостоятельным участием пролетарских масс⁴⁶.

Это свидетельствовало об огромном значении национально-патриотических задач революции в России и в то же время означало все большее слияние их с социалистическими задачами пролетариата, подчинение всех подлинно патриотических интересов народа социалистическим интересам пролетариата. «Интерес (не по-холопски понятой) национальной гордости великороссов совпадает с *социалистическим* интересом великорусских (и всех иных) пролетариев»⁴⁷, — подчеркивал В. И. Ленин.

Социалистическая революция совершается не только в интересах рабочего класса, в ее победе заинтересованы все трудящиеся, все живые, творческие, прогрессивные силы нации. В условиях, когда капитализм превратился в тормоз общественного развития, социалистическая революция становится национальной необходимостью — неременным условием избавления нации от застоя, загнивания и регресса.

Социалистическая революция означает смену руководящего класса нации, преобразование нации буржуазной в нацию социалистическую. Пролетариат — исторически поднимающийся класс, который шел к руководству нацией, и был самым патриотическим классом российского общества. Именно на него история возложила миссию спасения родины от отсталости и угнетения, от позора и бесчестия. Буржуазия с давних пор обвинует коммунистов в сектантстве, утверждая, будто для них дороже часть, чем целое, класс, чем нация, партия, чем общество.

Действительно пролетариат это лишь часть нации, но такая часть,

⁴⁴ Ленин В. И. ПСС, т. 24, с. 138.

^{44а} Ленин В. И. ПСС, т. 45, с. 381.

⁴⁵ Ленин В. И. ПСС, т. 23, с. 301.

⁴⁶ См. Ленин В. И. ПСС, т. 21, с. 318.

⁴⁷ Ленин В. И. ПСС, т. 26, с. 110.

без которой немыслимо национальное существование. Пролетариат не может быть безразличным к отечеству: «Отечество, т. е. данная политическая, культурная и социальная среда, является самым могущественным фактором в классовой борьбе пролетариата...»⁴⁸, — писал В. И. Ленин. Пролетарская революция совершается сначала в национальных рамках: рабочий класс каждой страны должен, прежде всего, покончить с собственной буржуазией. Однако национальные задачи рабочего класса подчинены его классовым задачам, ибо только в революционной борьбе они могут найти свое разрешение. Патриотизм с точки зрения передового класса нации не есть защита эксплуататорского экономического строя и буржуазного государства. Напротив, патриотическим долгом является непримиримая борьба за освобождение нации от всякой эксплуатации, всякого гнета. Самая глубокая и последовательная патриотическая борьба есть борьба за социалистическую революцию. Защита отечества в пролетариатском понимании, говорил Ленин, это борьба «всеми революционными средствами против монархии, помещиков и капиталистов *своего* отечества, т. е. *худших* врагов нашей родины»⁴⁹. И пролетариат, класс интернационалистский, будучи ведущей силой социалистической революции, выступает как наиболее последовательный патриотический класс, ибо освобождая себя, он освобождает всю нацию.

Пролетариат заявляет свои права на руководство нацией не из корыстных интересов господства и получения привилегий. Он первый в истории класс, для которого борьба за свои интересы неотделима от борьбы за интересы громадного и подавляющего большинства народа: «Пролетариат есть передовой класс *всех* угнетенных, фокус и центр всех стремлений всех и всяких угнетенных к своему освобождению»⁵⁰, его социалистический интерес есть высшее выражение интересов общественного прогресса нации.

Большевистская партия вступила на историческую арену как подлинный выразитель и защитник интересов рабочего класса и всех трудящихся России, как единственная подлинно патриотическая партия страны. Ее патриотизм был патриотизмом нового пролетарского типа. Ленинизм разоблачил корыстную националистическую идеологию эксплуататорских классов, ограниченность мелкобуржуазного понимания отечества и его интересов и раскрыл диалектическое единство народного патриотизма и пролетарского интернационализма, которое предполагает горячую любовь к родине, народу, его культуре, истории и способствует усилению революционного действия, самоотверженной борьбы против всякого гнета и насилия эксплуататоров.

С самого начала большевистскую партию отличала глубокая, основанная на марксистском учении о роли народных масс как творцов истории вера в народ своей страны, в его могучие силы, в его неисчерпаемые творческие возможности.

В. И. Ленин, большевики, будучи знаменосцами великого интернационального учения марксизма, марксизма новой эпохи, были в то же время прочно связаны с национальной почвой страны, ее историей. Они по праву считали себя наследниками российской прогрессивной общественной мысли, призванными «осуществить ту цель, которую ставит перед ней все общественное развитие России и которую завещали ей славные деятели русского революционного движения»⁵¹.

⁴⁸ Ленин В. И. ПСС, т. 17, с. 190.

⁴⁹ Ленин В. И. ПСС, т. 26, с. 108.

⁵⁰ Ленин В. И. ПСС, т. 37, с. 281.

⁵¹ Ленин В. И. ПСС, т. 4, с. 330.

Даже в трудное время реакции после поражения революции 1905 г., когда среди части демократической интеллигенции распространились пессимистические настроения, когда идеологи «философии разочарования» твердили о крушении веры в народ, большевики не покидали революционный оптимизм, который основывался не только на общих теоретических предпосылках, но и на выводах из исторического опыта освободительной борьбы народов нашей страны. Ленин много раз с подлинным энтузиазмом говорил об огромных силах, которые таятся в нашем великом, пробужденном революцией народе. «Россия,— указывал он,— отличалась тем, что в самое трудное время у нее всегда находились массы, которые можно было двинуть вперед, как запас, в котором находили новые силы, когда старые начинали иссякать»⁵².

После начала первой мировой войны оппортунисты, превратившиеся в социал-шовинистов, оправдывали свой переход на сторону буржуазных правительств, в частности, тем, что они якобы стремятся быть «вместе с классом, вместе с народом». Единственно правильное решение этой проблемы было указано большевиками во главе с В. И. Лениным.

Партия не может приспособляться к шовинистским настроениям, охватившим часть народных масс; она должна возбуждать, «встряхивать» народ, а не содействовать его усыплению шовинизмом. «Не позволим себя обмануть и дать буржуазным советчикам объяснять войну так просто, что жили-де мирно, один напал — другой защищается», «детски-наивно, в таком виде, что ночью один схватил другого за горло, и соседям приходится спасать жертву нападения»⁵³, — призывал В. И. Ленин социалистов всех стран. Надо не утешаться убогой и трусливой «мечтой о безоружной борьбе с вооруженной буржуазией»⁵⁴, а готовить условия для превращения империалистической войны в войну за уничтожение капитализма, разъясняя массам необходимость революционной борьбы в каждой стране со своим правительством.

Оппортунизм, социал-соглашательство на внутренней арене и социал-шовинизм — на международной — это две стороны одной медали. Отказ от революционных действий и призыв к классовому миру внутри страны вел к поддержке империалистической политики буржуазии за ее пределами. Поэтому и в военное время подлинный патриотизм сливался с революционной борьбой против угнетателей, подчинялся ей. Он не имел ничего общего с защитой буржуазного «отечества». Он требовал беззаветной верности пролетарскому интернационализму, так как борьба с империалистической войной невозможна иначе, как борьба революционных классов против господствующих классов во всемирном масштабе⁵⁵.

Первая мировая война резко обострила угрозу порабощения страны. Она вызвала развал промышленности, упадок сельского хозяйства, голод, транспортный и топливный кризис, до чрезвычайности обострила все социальные, экономические и политические противоречия. Самым наглядным образом обнаружилась и еще более усилилась ее зависимость от Англии и Франции в области финансов и поставок оружия, всевозможного снаряжения, медикаментов, даже обмундирования и обуви и т. д. Сами царские министры вынуждены были признать, что «возникшая война с несомненностью показала отсталость нашей промышленности от современных требований и нашу во многих отношениях

⁵² Ленин В. И. ПСС, т. 38, с. 252.

⁵³ Ленин В. И. ПСС, т. 26, с. 31.

⁵⁴ Там же, с. 41.

⁵⁵ См. там же, с. 172—173.

грозную зависимость от иностранцев в столь жизненной области, как оборона государства»⁵⁶.

В совершенное расстройство пришли государственные финансы, росли инфляция, государственные долги, процветало казнокрадство. А между тем буржуазия неслыханно обогащалась за счет прибылей от военных заказов, роста дороговизны, спекуляции.

Февральская буржуазно-демократическая революция, свергнув самодержавие, открыла трудящимся дорогу к дальнейшему углублению революции и большевистская партия взяла курс на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Этот курс соответствовал жизненным национально-патриотическим задачам всех народов России.

Восемь месяцев, отделяющих Февральскую революцию от Октябрьского вооруженного восстания, показали, что буржуазное Временное правительство неспособно дать народу ни мира, ни хлеба, ни свободы. Не могло оно покончить и с империалистической эксплуатацией страны, предотвратить надвигающуюся катастрофу. За время его хозяйничанья разруха лишь еще более усилилась. Падение производства охватило новые отрасли промышленности. Материально-техническая база народного хозяйства была подорвана. Усилилась нехватка металлов, сырья, топлива. Еще более обострился продовольственный кризис.

В сентябре 1917 г. Московская, Калужская, Костромская, Владимирская, Новгородская губернии получили лишь 15% продовольственных грузов, а в Минской губернии паек был сокращен до 3 фунтов (1,2 кг) на две недели. Резко вздорожала стоимость продуктов питания и предметов первой необходимости, цены на них только за сентябрь — октябрь 1917 г. поднялись на 340%.

Страна находилась на пороге финансового банкротства. Государственный долг к концу октября 1917 г. достиг фантастической цифры — 49 млрд. руб., из которых 11,2 млрд. приходилось на долю иностранного капитала. А доходы буржуазии все продолжали расти. По ее требованию правительство увеличило цены за поставки по оборонным заказам. В течение марта — апреля цены на уголь повышались дважды и возросли на 61%⁵⁷. Вдвое в это же время были повышены твердые цены на хлеб. Богачи беззастенчиво загребали деньги из государственной казны. «Капиталистическое хозяйство „на войну“...», — писал В. И. Ленин, — есть систематическое, узаконенное казнокрадство.... Война стоит России теперь 50 миллионов рублей в день. Эти 50 миллионов в день идут большей частью военным поставщикам. Из этих 50 миллионов по меньшей мере 5 миллионов ежедневно, а вероятнее 10 миллионов и больше, составляют „безгрешные доходы“ капиталистов и находящихся в той или иной стачке с ними чиновников»⁵⁸.

Распадались экономические связи между городом и деревней, шло интенсивное разрушение производительных сил; истощенное войной и узаконенным мародерством буржуазии народное хозяйство страны приближалось к катастрофе.

И при всем этом лидеры буржуазных и мелкобуржуазных партий оправдывали хищнический, антинациональный характер этой политики соображениями «прогресса демократии» в России. После февраля 1917 г. они демагогически изображали империалистическую войну, как

⁵⁶ «История СССР», 1957, № 4, с. 28.

⁵⁷ История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. VII. М., 1967, с. 39—40, 102—103.

⁵⁸ Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 173.

некую «освободительную войну» не только против германского милитаризма, но и против самодержавного деспотизма, падению которого якобы содействовал союз России «с передовыми демократиями Западной Европы» и рост влияния буржуазии на «организацию защиты Родины». Буржуазия будто бы направляла свои стремления и действия «на то, чтобы Россия извлекла из мирового столкновения наибольшую сумму тех благ, которые ей необходимы для широкого расцвета ее сил на основе демократической свободы»⁵⁹.

В. И. Ленин разоблачал антинациональную суть политики Временного правительства — политики данников иностранного империалистического капитала. «Гучков-Милюков с К° связаны англо-французским капиталом. Они на чужие деньги веля и ведут войну. Они обещали за занятые миллиарды платить *ежегодно* процентов *сотни миллионов* и выколачивать эту *дань* с русских рабочих и русских крестьян»⁶⁰.

VI съезд большевистской партии указывал на усиливающуюся уже по вине нового, буржуазного режима зависимость России от капитала Антанты, на то, что английские и американские капиталисты «в качестве кредиторов стали хозяевами русской жизни», а буржуазия России «оказалась связанной с капиталистами Европы и Америки и общими целями и тяжелой золотой цепью, концы которой сходятся в банкирских домах Лондона и Нью-Йорка», на то, что лидеры мелкобуржуазной демократии превратились в прямых агентов империализма⁶¹.

Исторический опыт показал, что коренные интересы буржуазии противостоят интересам громадного большинства народа, жизненным требованиям национального прогресса, и потому она объективно, а во многих случаях и субъективно, превращается в класс национальной измены. При сохранении власти буржуазии страну ожидали самые нерадостные перспективы: либо она, ослабленная войной и полнейшим экономическим развалом, станет вотчиной монополистического капитала «союзников», которые уже подумывали о том, как разделить ее между собой на «сферы влияния», либо при затяжке войны борющиеся стороны заключат между собой компромисс за ее счет. Достаточно вспомнить о предложении посла США Фрэнсиса в 1917 г. о расчленении территории России, о чем было известно Временному правительству.

В 1917 г. В. И. Ленин неоднократно указывал на то, что в сложившихся условиях опасность национальной катастрофы стала вполне реальной, и называл Россию в числе стран, которым угрожает раздел и удушение гигантскими империалистическими державами. «Катастрофа невиданных размеров и голод грозят неминуемо»⁶², — писал Владимир Ильич. Он выдвинул программу, осуществление которой только и могло предотвратить падение России в пропасть, куда ее толкало хозяйничанье буржуазии и помещиков. Но претворить эту программу в жизнь мог только пролетариат. «Война создала такой необъятный кризис, так напрягла материальные и моральные силы народа, — писал В. И. Ленин — нанесла такие удары всей современной общественной организации, что человечество оказалось перед выбором: или погибнуть или вручить свою судьбу самому революционному классу для быстрейшего и радикальнейшего перехода к более высокому способу производства»⁶³. Страна стояла перед альтернативой: либо погибнуть, либо до-

⁵⁹ Кизеветтер А. А. П. Н. Милюков. М., 1917, с. 27, 28, 31.

⁶⁰ Ленин В. И. ПСС, т. 31, с. 50.

⁶¹ КПСС в резолюциях..., т. I, с. 503.

⁶² Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 155.

⁶³ Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 197—198.

гнать и перегнать передовые страны также и экономически. «Погибнуть или на всех парах устремиться вперед. Так поставлен вопрос историей»⁶⁴.

Помещики и буржуазия обанкротились в качестве руководителей нации и совершили тягчайшую национальную измену, развязав с помощью иностранных интервентов жестокую войну против громадного большинства народа и ввергнув страну в новую кровопролитную схватку, в пучину разрухи и голода. Прикрываясь лозунгом «единой и неделимой России», буржуазия и помещики готовы были расплатиться за свержение Советской власти с иностранными империалистами любой частью территории страны.

И только рабочий класс и его партия оказались способны объединить громадное большинство народа и вывести его на путь свободного развития. Партия большевиков на деле доказала свою способность «исполнить свой долг интернациональных революционных социал-демократов»⁶⁵. Она одержала победу благодаря своей верности революционному марксизму, принципам пролетарского интернационализма, беззаветной преданности делу рабочего класса, высокой организованности, крепкой дисциплине, нерушимому единству своих рядов, твердой и в то же время гибкой политической линии, благодаря героизму и самоотверженности своих членов, незабываемой когорты большевиков-ленинцев, составлявших цвет и гордость российского пролетариата⁶⁶.

Революционная борьба трудящихся России под руководством большевистской партии за разрешение социальных задач слилась с их национально-патриотической борьбой за свободную демократическую Россию. Победив в этой борьбе, партия и рабочий класс совершили величайший патриотический и интернациональный подвиг. Страна была очищена от всего, что препятствовало ее экономическому, социальному и культурному прогрессу. Тем самым Россия была извлечена из чудовищной бездны отсталости и нищеты и ее народы избавлены от непосредственной угрозы национальной катастрофы невиданных масштабов. В исторически кратчайший срок социалистическая индустриализация, коллективизация сельского хозяйства, культурная революция превратили страну в могучую социалистическую державу.

Вместе с тем Октябрьская революция открыла новую фазу мирового революционного процесса, когда одна страна за другой стали освобождаться от угнетения и капиталистического рабства. «Советская революция, — писал впоследствии выдающийся государственный деятель Индии Джавахарлал Неру, — намного продвинула вперед человеческое общество и зажгла яркое пламя, которое невозможно потушить. Она заложила фундамент той новой цивилизации, к которой может двигаться мир»⁶⁷.

Мир впервые узнал о появлении таких качественно новых понятий, как социалистическое государство, советский патриотизм. Коренным образом изменилось содержание понятия «национальная гордость», которая стала советской национальной гордостью, гордостью за свое первое в мире рабоче-крестьянское государство. Эти качественно новые понятия выражают отношение советского человека к месту, занимаемому в мире его социалистической родиной и им самим, как полноправным гражданином Страны Советов. Народный комиссар иностранных дел Г. В. Чичерин говорил летом 1920 г.: «Мы стоим как мировая сила в центре исторического процесса. Мы стоим на страже интересов Со-

⁶⁴ Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 198.

⁶⁵ Ленин В. И. ПСС, т. 26, с. 172.

⁶⁶ См. «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», с. 13—14.

⁶⁷ Неру Д. Открытие Индии. М., 1957, с. 24.

ветской Республики, трудящихся масс России, и в то же время мы являемся мировой силой, противоречащей мировому империализму»⁶⁸.

Трудящиеся нашей страны гордились той ролью, которую стала играть Советская страна в мировой истории. Этой правомерной гордости не могли понять политики капиталистического мира. «В наших отношениях с советским правительством России,— писали в 1923 г. деятели английского рабочего движения Сидней и Беатриса Вебб,— ничто так не смущает и не скандализирует наших дипломатов, как предположение коммунистов, что преимущества морального престижа на их стороне... и британскому министерству иностранных дел это кажется просто наглостью. Нельзя сделать более опасной и вводящей в заблуждение ошибки. Капиталист... действительно может быть уличен в том, что он морально ниже рабочего класса»⁶⁹.

Социализм придал патриотизму и национальной гордости ярко выраженную гражданственность в самом высоком смысле этого слова — ответственность за судьбы своей родины, ее народа, за дело трудящихся всего мира.

В ходе исторического развития советского общества пролетарский интернационализм и советский, социалистический патриотизм стали основой общенациональной гордости советского человека.

Общенациональная советская гордость, сложившаяся в условиях победившего социализма,— качественно новое понятие. Это чувство всех наций и народностей нашей страны. «Общенациональная гордость советского человека,— охарактеризовал ее Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев,— это огромное, емкое, богатейшее по своему содержанию чувство. Оно глубже и шире естественных национальных чувств каждого в отдельности из народов, составляющих нашу страну. Оно вобрало в себя все лучшее, что создано трудом, отвагой, творческим гением миллионов и миллионов советских людей»⁷⁰.

При этом социалистический патриотизм и советская национальная гордость с самого начала не имели ничего общего с некритическим восхвалением всего исторического прошлого нации или с приписыванием своему народу особо выдающихся свойств, как бы заложенных в крови нации и дающих ей право возвыситься над другими нациями и народами. Такое гипертрофирование национальной гордости ведет к превращению ее в национализм. Советский патриотизм и национальная гордость несовместимы с прикрывающимся патриотическим флагом национализмом, который в противоположность благородным патриотическим идеям насаждает представления об исключительности своей нации, презрение к другим народам, пренебрежительное отношение к их культуре, отрицает их исторический опыт. Идеиное содержание советского патриотизма и национальной гордости — интернационализм. В противовес «эгоизму в крупном масштабе», как определил национализм Ф. Энгельс, эти понятия выражают общность коренных интересов и устремлений трудящихся всего мира.

Общенациональная советская гордость свойственна новой исторической общности — советскому народу. Ее носителем прежде всего выступает рабочий класс. В условиях социалистического общественного строя в полной мере выявляется гуманистическая и патриотическая сущность деятельности победившего пролетариата, который уничтожает

⁶⁸ Чичерин Г. В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961, с. 170.

⁶⁹ Вебб С. и Вебб Б. Закон капитализма. М., 1925, с. 185.

⁷⁰ Брежнев Л. И. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. с. 61.

капитализм для того, чтобы уничтожить бесчеловечные условия жизни и создать условия для гармоничного развития человеческой личности; освобождает себя, чтобы освободить всех людей; берет на себя роль руководящего класса общества, чтобы построить общество бесклассовое. «С построением зрелого социализма, с переходом на идейно-политические позиции рабочего класса всех слоев населения, — подчеркнул в докладе на майском (1977 г.) Пленуме ЦК КПСС Л. И. Брежнев, — и государство наше, возникшее как диктатура пролетариата, переросло в общенародное государство»⁷¹.

По мере укрепления социальной однородности советского общества «союз рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции при ведущей роли рабочего класса стал прочной нерушимой основой сложившейся в нашей стране новой исторической общности — советского народа»⁷². Эта общность является характерной чертой развитого социализма, который знаменует «высокую степень зрелости общественных отношений, постепенно перерастающих в коммунистические. Ему присущи нерушимая идейно-политическая и социальная сплоченность трудящихся, их безаветная преданность благородным идеалам Коммунистической партии, верность принципам марксизма-ленинизма»⁷³. И партия рабочего класса в развитом социалистическом обществе одновременно становится партией всего народа. В проекте Конституции СССР развитое социалистическое общество характеризуется, как «общество высокой организованности, идейности и сознательности трудящихся — патриотов и интернационалистов»⁷⁴.

Построение развитого социалистического общества является важнейшим итогом самоотверженного труда советского народа, новым доказательством животворной силы рожденного в революционной борьбе под руководством коммунистической партии — партии подлинных патриотов Родины — советского социалистического патриотизма.

Выполняя свой патриотический долг, который является и его интернациональным революционным долгом перед трудящимися всего мира, советский народ под руководством КПСС отдает все силы и творческую энергию строительству коммунизма, приумножая славу и могущество Родины, вносит свой решающий вклад в мировой революционный процесс, в борьбу всех прогрессивных сил против империализма, за мир, национальную независимость, демократию и социализм.

⁷¹ «Правда», 1977 г., 25 мая.

⁷² «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», с. 11.

⁷³ «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», с. 9.

⁷⁴ «Коммунист», 1977 г., № 8, с. 8.

З. В. СТЕПАНОВ

РАБОЧИЙ КЛАСС — ВЕДУЩАЯ СИЛА ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Победа Великой Октябрьской социалистической революции — главное событие XX века, коренным образом изменившее ход исторического развития всего человечества. В результате этой победы, завоеванной революционным народом под руководством партии большевиков во главе с великим Лениным, возникло первое в мире социалистическое государство.

Свержение власти буржуазии и основание государства рабочих и крестьян было закономерным результатом социально-экономического развития России, являвшейся одним из звеньев империалистической цепи, стало примером для всех угнетенных и эксплуатируемых, указало пути революционного преобразования общества, открыло эпоху перехода человечества от капитализма к более высокому общественному строю — социализму и коммунизму.

Ведущей силой революционных битв 1917 г. был героический рабочий класс России, который поднял и увлек на борьбу против буржуазии многомиллионные массы трудящегося крестьянства и угнетенные народы страны. «В Октябрьской революции, — подчеркивается в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», — глубоко и всесторонне раскрылась великая всемирно-освободительная миссия рабочего класса»¹.

Более ста лет назад основоположник научного социализма К. Маркс, предсказывая неизбежность крушения капиталистического строя, писал: «Сама история теперь судья, а исполнитель ее приговора — пролетариат»². Это великое пророчество сбылось в XX веке. Весь ход развития человечества — победа Великой Октябрьской социалистической революции, возникновение и упрочение международного содружества стран социализма, небывалый размах пролетарского движения против засилия монополий в современном мире капитала — раскрывают историческую роль рабочего класса как передовой общественной силы, гегемона многомиллионных масс трудящихся в борьбе за свое социальное освобождение.

Историческая роль рабочего класса, его политическая мощь и способность повести на борьбу против капитализма широчайшие массы трудящихся обусловлены его местом в общественном производстве. Решительно отвергая догматические положения западноевропейских оппортунистов и всех идейных апологетов капитализма о неспособности рабочего класса, не составляющего большинство населения, совершить социалистическую революцию, В. И. Ленин писал: «Сила пролетариата в любой капиталистической стране несравненно больше, чем доля проле-

¹ «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции». Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 г. М., 1977, с. 4.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 5.

тариата в общей сумме населения. Это — потому, что пролетариат экономически господствует над центром и нервом всей хозяйственной системы капитализма, а также потому, что пролетариат, экономически и политически, выражает действительные интересы громадного большинства трудящихся при капитализме»³.

Исходя из оценки исторической роли пролетариата, В. И. Ленин на основе тщательного анализа особенностей развития России всесторонне разработал и глубоко обосновал марксистское положение о руководящей роли, о гегемонии рабочего класса в борьбе за свержение власти капитализма, показал, что в тесном союзе с беднейшим крестьянством революционный пролетариат был способен свергнуть власть буржуазии. *«Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии»*⁴, — писал В. И. Ленин еще в период первой русской революции 1905—1907 гг., оценивая перспективы освободительного движения в России, ставшей к этому времени центром мирового революционного процесса.

Уже в ходе двух буржуазно-демократических революций — 1905—1907 гг. и Февральской революции 1917 г. — рабочий класс России, руководимый партией Ленина, выступил как гегемон, как ведущая политическая сила в борьбе народных масс за свержение царизма. Накопленный опыт позволил российскому пролетариату сплотить под свои знамена и повести на штурм капитализма революционный народ в дни Великого Октября.

Могучую и грозную силу представлял рабочий класс огромной многонациональной России в 1917 г. Хотя страна, испытывавшая гнет самодержавия и опутанная сетью феодально-крепостнических пережитков, сравнительно поздно встала на путь капиталистического развития, в начале XX в. она уже прочно вступила в стадию империализма, высшую и последнюю стадию капитализма, непосредственно подводящую человечество к социализму. Широкое проникновение капиталистического уклада во все сферы экономики страны закономерно обусловило и быстрый рост пролетариата — основной производительной силы буржуазного общества.

Численность российского пролетариата к 1917 г. составила уже не менее — 15 млн. человек. Кроме того, насчитывалось до 3,5 млн. лиц наемного труда, сближавшихся по своему экономическому и правовому положению с пролетарскими массами — служащих торговых учреждений, предприятий транспорта, связи. Свыше четверти рабочего класса страны составлял промышленный пролетариат: в его рядах насчитывалось 3545 тыс. рабочих фабрично-заводской, горнозаводской и добывающей промышленности, 61,9 тыс. рабочих мастерских казенных железных дорог⁵, а также около 500 тыс. квалифицированных рабочих железнодо-

³ Ленин В. И. ПСС, т. 40, с. 23.

⁴ Ленин В. И. ПСС, т. 11, с. 90.

⁵ Галоненко Л. С. Рабочий класс России в 1917 году. М., 1970, с. 72. Новейшие изыскания показывают, что численность пролетариата в России в 1917 г. была, видимо, значительно выше приведенных данных. В фундаментальном исследовании Э. Э. Крузе (Положение рабочего класса России в 1900—1914 г. Л., 1976) приводятся цифры, свидетельствующие о том, что уже в 1913 г. число наемных рабочих (без рабочих, занятых в торговле, прислуги и рабочих азиатской части России) в стране достигло 18,8 млн. Эти подсчеты совпадают с замечанием В. И. Ленина, сделанным им в сентябре 1913 г., о том, что «пролетариат у нас, вероятно, около 20 миллионов» (Ленин В. И. ПСС, т. 24, с. 34).

рожного транспорта⁶. Именно этот, более чем четырехмиллионный отряд рабочих, занятых в ведущих отраслях экономики, и являлся ядром политической армии социалистической революции. 3 млн. рабочих мелкой промышленности, около 1,25 млн. строительных рабочих, примерно 4,5 млн. сельскохозяйственных рабочих — батраков, более 1,1 млн. чернорабочих — составляли непосредственный резерв революционного пролетариата страны⁷.

Чрезвычайно важной особенностью состава рабочего класса России в 1917 г. был высокий удельный вес металлистов. Занятые преимущественно на наиболее крупных предприятиях и сосредоточенные в основных промышленных центрах страны рабочие-металлисты, численность которых достигала 915 тыс.⁸, представляли собой самый передовой, наиболее организованный и политически активный отряд фабрично-заводских рабочих.

Другая существенная особенность рабочего класса России состояла в исключительно высокой степени его концентрации. Это проявлялось прежде всего в том, что основная масса фабрично-заводских рабочих была сосредоточена в нескольких регионах: Центральном промышленном районе, на Украине и на Урале, в отдельных городах Прибалтики, Поволжья, Закавказья.

Крупнейшим промышленным центром страны был Петроград. В 1917 г. на столичных предприятиях трудилось 417 тыс. рабочих, из которых $\frac{2}{3}$ были заняты в металлообработке; петроградские металлисты составляли свыше 30% всех рабочих металлопромышленности страны. Исключительно высокая концентрация промышленных рабочих в Петрограде — 409 человек на одно предприятие (на 40% выше, чем по всей России), создавала особенно благоприятные возможности и условия для организации и сплочения рабочих масс; высок был в столичной промышленности удельный вес кадровых рабочих — до 50%⁹.

Свыше 1 млн. фабрично-заводских рабочих, среди которых $\frac{2}{3}$ составляли текстильщики и $\frac{1}{3}$ металлисты, сосредоточивалось в Центральном промышленном районе. Только в Москве было сконцентрировано 206 тыс. рабочих¹⁰. Наличие столь многочисленного отряда рабочего класса в Москве, Иваново-Кинешемском районе, во многих других областях Европейского центра России определило значение и роль этого региона в событиях социалистической революции.

Свыше 357 тыс. рабочих насчитывалось в 1917 г. на Урале; в шести губерниях Поволжья только на крупнейших предприятиях трудилось около 120 тыс. рабочих. Численность промышленного пролетариата Украины достигла в 1917 г. 893 тыс. человек, причем $\frac{2}{3}$ из них концентрировались в Донецком и Криворожском бассейнах¹¹. В Закавказье выделял-

⁶ Л. С. Гапоненко приводит цифру — 1203,8 тыс. рабочих и служащих железнодорожного транспорта (Указ. соч., с. 72). По данным П. Ф. Метелькова, квалифицированные рабочие (без чернорабочих) составляли среди работников железных дорог около 45% (Метельков П. Ф. Железнодорожники в революции. Февраль 1917 — июнь 1918. Л., 1970, с. 33); следовательно, число рабочих на железных дорогах составляло около 500 тыс.

⁷ Гапоненко Л. С. Указ. соч., т. 72.

⁸ Трухан Г. А. Рабочий класс в борьбе за победу и упрочение Советской власти. М., 1975, с. 25.

⁹ Степанов З. В. Рабочие Петрограда в период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания. Август — октябрь 1917 г. М.—Л., 1965, с. 26, 32.

¹⁰ Фабрично-заводская промышленность Москвы и Московской губернии. 1917—1927 гг. М., 1928, с. 1.

¹¹ Ерыкалов Е. Ф. Рабочий класс России накануне социалистической революции. В сб. Рабочий класс — ведущая сила Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1976, с. 37, 39.

ся Баку, где на нефтепромыслах и предприятиях по переработке нефти насчитывалось около 100 тыс. рабочих¹².

По степени концентрации фабрично-заводских рабочих Россия еще накануне первой мировой войны обогнала передовые страны Западной Европы и США. В 1913 г. 54% рабочих России были заняты на крупных предприятиях (против 32,5% в США в 1914 г.)¹³. К началу 1917 г. более 72% рабочих 31 промышленной губернии сосредоточивались на предприятиях с числом работающих свыше 500 на каждом из них¹⁴. Особенно высока была концентрация рабочих на 74 казенных заводах, где в среднем число рабочих превышало 4 тыс. человек¹⁵. Размещавшиеся в крупнейших промышленных центрах — Петрограде, Москве, Нижнем Новгороде, Самаре — эти заводы в большинстве своем стали форпостами пролетарской революции.

Высокая степень концентрации рабочего класса России отражала уровень развития монополистического капитализма. Так, в Петрограде 26 монополий владели 60 крупными заводами и фабриками, на которых выпускалась почти половина продукции столичной промышленности (не считая казенных заводов)¹⁶. Обобществление ведущих отраслей промышленного производства объективно подготовило экономику России к социалистической революции. В. И. Ленин, анализируя особенности монополистического капитализма в России, подчеркивал: «Объективный ход развития таков, что от монополий (а война удесятерила их число, роль и значение) вперед идти нельзя, не идя к социализму»¹⁷.

Характер и особенности капиталистического развития России обусловили сосредоточение основных сил рабочего класса в крупнейших политических и экономических центрах страны, там, где находились и основные силы классового противника пролетариата в лице Временного правительства, буржуазных партий. Это создавало благоприятные возможности для организации сил пролетариата, способствовало выполнению им роли гегемона в ходе борьбы за революционное свержение власти буржуазии.

Многонациональный по своему составу пролетариат России, опираясь на накопленный за многие годы борьбы против царизма опыт, выступил в ходе социалистической революции как единая интернациональная сила, объединившая рабочих русских и украинских, грузинских и белорусских, азербайджанских и татарских, узбекских и армянских, эстонских и финских, польских и латышских и многих других национальностей.

Предоктябрьский период характеризуется исключительным размахом революционной инициативы народных масс. Восемь месяцев, отделявшие буржуазно-демократическую революцию от социалистической, стали временем неустанной борьбы ленинской партии за расширение и упорочение влияния на массы. Эти месяцы отмечены неуклонным ростом организованности революционных сил народа, небывало высоким уровнем его политической и социальной активности. Окреп и возмужал идейно и организационно рабочий класс — гегемон социалистической революции.

Важнейшим условием, обеспечившим гегемонию рабочего класса в социалистической революции, являлось руководство ленинской партии.

¹² Победа Советской власти в Закавказье. Тбилиси, 1971, с. 33.

¹³ Вопросы народного хозяйства СССР. М., 1957, с. 393.

¹⁴ Фрейдлин Б. М. Очерки истории рабочего движения в России в 1917 г. М., 1957, с. 25.

¹⁵ Ерыкалов Е. Ф. Указ. соч., с. 34.

¹⁶ Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Кн. I. На путях к социалистической революции. Двоевластие. Л., 1967, с. 405.

¹⁷ Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 192.

Ленин подчеркивал, что пролетариат может выполнить свою роль могильщика капитализма «лишь благодаря тому, что идейное объединение его принципами марксизма закрепляется материальным единством организации, сплачивающей миллионы трудящихся в армию рабочего класса»¹⁸. Руководствуясь ленинским учением о возможности победы социалистической революции первоначально в одной, отдельной взятой стране, партия большевиков, объединив под своим знаменем пролетариат, повела народные массы России на штурм капитализма.

Выйдя из подполья после падения самодержавия, РСДРП(б), насчитывавшая в своих рядах около 24 тыс. членов, стала быстро пополняться за счет лучших представителей рабочего класса. Ко времени Октябрьского вооруженного восстания число ее членов возросло до 350 тыс.; ядро партии составляли рабочие. Крупнейшие партийные организации действовали в Центральном промышленном районе (70 тыс. членов), в Петрограде и губернии (60 тыс.), на Урале (35 тыс.), на Украине, Молдавии (60 тыс.), в других важнейших промышленных центрах и районах России¹⁹.

Залог успешного перехода от первого этапа революции ко второму, указывал В. И. Ленин, развертывание повседневной и упорной борьбы партии большевиков за влияние на массы, за прояснение их сознания, рабочего класса — в первую очередь, он требовал умения «приспособиться к особым условиям партийной работы в среде неслыханно широких, только что проснувшихся к политической жизни, масс пролетариата»²⁰. Главную задачу партии В. И. Ленин видел в том, чтобы «умело, осторожно... вести пролетариат и беднейшее крестьянство *вперед* от „двоевластия“ к *полновластию* Советов рабочих депутатов»²¹.

Исключительное значение для политического просвещения и революционной мобилизации пролетарских масс, для пропаганды ленинского учения о гегемонии рабочего класса имело возобновление издания большевистской «Правды». Выход 5 марта 1917 г. ее первого номера, в котором был опубликован манифест ЦК РСДРП(б) «Ко всем гражданам России» и передовая статья «Старый порядок», в которой намечались ближайшие задачи рабочего класса, имел большое мобилизующее значение. Рабочие горячо откликнулись на призыв организовать сбор средств для издания газеты. Уже к концу марта 1917 г. в фонд «Правды» поступило 16 тыс. руб.²²

На страницах «Правды» была опубликована ленинская работа «Первый этап революции» («Письма из далека»). В ней Владимир Ильич дал глубочайший анализ соотношения классовых сил в России, сложившихся после падения самодержавия и выдвинул задачу перехода от первого этапа революции ко второму ее этапу — социалистической революции. Подчеркивая, что только ее победа даст измученным войной народам мир, хлеб и свободу, В. И. Ленин обратился со страстным призывом к пролетариату: «Рабочие, вы проявили чудеса пролетарского, народного героизма в гражданской войне против царизма, вы должны проявить чудеса пролетарской и общенародной организации, чтобы подготовить свою победу во втором этапе революции»²³. В рабочем классе видел вождь революции выразителя интересов «всей беднейшей части городско-

¹⁸ Ленин В. И. ПСС, т. 8, с. 403—404.

¹⁹ История Коммунистической партии Советского Союза, т. 3, кн. I. М., 1967, с. 247.

²⁰ Ленин В. И. ПСС, т. 31, с. 106.

²¹ Там же, с. 123.

²² Соболев Г. Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. Период двоевластия. Л., 1973, с. 139.

²³ Ленин В. И. ПСС, т. 31, с. 21.

го и сельского населения»²⁴, гегемона первой в истории человечества пролетарской революции.

Выдвинутая В. И. Лениным задача сделать лозунги партии большевиков лозунгами широких пролетарских масс решалась прежде всего через революционные организации трудящихся: Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, профессиональные союзы, фабрично-заводские комитеты, рабочую милицию и Красную гвардию, землячества, женские и молодежные, культурно-просветительные организации.

Сложный процесс революционного воспитания, политического роста рабочего класса особенно ярко раскрывается в деятельности Советов, которые В. И. Ленин рассматривал как органы власти революционного народа. Создание 27 февраля 1917 г. Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов явилось закономерным актом, который вытекал из богатого революционного опыта рабочего класса за многие годы борьбы с царизмом. Советы представляли уже в июне 1917 г. 20,3 млн. рабочих, крестьян и солдат, в том числе 5,1 млн. рабочих²⁵, в их лице организованно и политически оформился союз пролетариата с крестьянством. Они выражали коренные интересы основной массы населения огромной страны. В октябре 1917 г. количество Советов (объединенных ВЦИК рабочих и солдатских депутатов) достигло 974. Они функционировали в 829 городах и рабочих поселках²⁶.

Во многих крупнейших пролетарских центрах страны Советы рабочих и солдатских депутатов в значительной степени являлись пролетарскими по своему классовому составу. В Московском промышленном районе, в Ярославле, Иваново-Вознесенске подавляющее большинство депутатов Советов составляли рабочие²⁷. В Петроградском Совете, где ввиду сложной политической обстановки первоначально большая часть депутатов представляла солдатские массы гарнизона, рабочая секция, постепенно увеличивая свое представительство, стала к осени 1917 г. ведущей силой.

В. И. Ленин уделял исключительное внимание деятельности Советов. Уже 10 апреля 1917 г. он присутствовал на заседании большевистской фракции Петроградского Совета, одобрившей в принятой в связи с вопросом о «Займе свободы» резолюции курс на социалистическую революцию²⁸. В дальнейшем В. И. Ленин поддерживал с ее членами тесные связи, и его указания, постоянное внимание к деятельности фракции сыграли важную роль в большевизации столичного Совета²⁹.

Открытие В. И. Лениным республики Советов как политической формы диктатуры пролетариата — нового, высшего типа демократического государства по сравнению с парламентарной демократической республикой — имело огромное историческое и политическое значение. Лозунг «Вся власть Советам!» стал лозунгом мобилизации масс на борьбу за свержение буржуазно-помещичьего Временного правительства, определил стратегию рабочего класса и его партии на весь период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Будучи гегемоном революции, пролетариат России сплачивал вокруг Советов миллионы крестьян и солдат, трудящихся национальных окраин, упро-

²⁴ Там же, с. 18.

²⁵ Трухан Г. А. Указ. соч., с. 51.

²⁶ Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957, с. 316.

²⁷ Революционное движение в России после свержения самодержавия, с. 316; Минц И. И. История Великого Октября, т. 1. М., 1967, с. 789.

²⁸ «Правда», 1917 г., 13 апреля.

²⁹ Токарев Ю. С. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте — апреле 1917 г., Л., 1976, с. 135.

чивая свой союз со всеми непролетарскими слоями населения страны. Большевизация Советов — будущей государственной формы диктатуры пролетариата — широко развернувшаяся после разгрома контрреволюционного корниловского мятежа, стала важнейшим показателем назревания социалистической революции.

Видное место в деятельности по сплочению широких пролетарских масс под знаменами социалистической революции заняли профсоюзы. Развернувшаяся по призыву партии большевиков сразу же после Февральской революции работа по возрождению и организации новых профсоюзов позволила создать огромную их сеть, охватившую прежде всего основную часть фабрично-заводского пролетариата. К октябрю 1917 г. общее число членов профсоюзов в стране превысило 3 млн. Особенно многочисленными и организованными были профсоюзы, объединявшие рабочих ведущих отраслей промышленности — металлистов, текстильщиков, железнодорожных рабочих, кожевников, химиков, важной чертой которых являлся производственный принцип их организации, получивший наиболее широкое развитие в Петрограде и Москве³⁰. Задачи профсоюзов в условиях перехода к социалистической революции были определены в решениях VI съезда партии, который указал, что в своей деятельности они должны руководствоваться принципами классовой борьбы, отстаивая коренные интересы пролетарских масс, «в тесном контакте с политической партией пролетариата организовать экономический и политический отпор контрреволюции»³¹.

Партия большевиков, стремясь обеспечить единство профсоюзного движения, настойчиво вела работу по завоеванию на свою сторону и тех профсоюзов, которые оказались под влиянием меньшевиков и эсеров. Этому способствовала развернувшаяся с лета 1917 г. работа по созданию общероссийских профессиональных союзов.

Ведущая роль рабочего класса в борьбе против буржуазии, ее экономического господства нашла свое выражение также в деятельности фабрично-заводских комитетов. Возникшие в ходе Февральской революции на предприятиях Петрограда, а затем в Москве и других промышленных центрах, фабзавкомы явились результатом важного революционного почина пролетарских масс. Эти рабочие организации, непосредственно созданные для решения неотложных вопросов, связанных с необходимостью поддержания производства и удовлетворения неотложных нужд рабочих, очень скоро стали боевыми революционными центрами. Сфера их деятельности была широка и включала самые разнообразные вопросы. По данным Всероссийской промышленной переписи 1918 г., в предоктябрьский период фабзавкомы действовали на 2151 предприятии, в том числе на 68,7 крупных и средних заводов и фабрик (с числом рабочих свыше 200)³², охватывая всю промышленность страны.

После того, как на состоявшейся в июне 1917 г. Первой Петроградской конференции фабзавкомов был образован общегородской Центральный совет фабзавкомов, во всех крупных пролетарских центрах также создаются объединенные советы фабзавкомов, ставшие опорными базами борьбы с меньшевиками и эсерами по важнейшим вопросам рабочего движения. К моменту победы Октябрьского вооруженного восста-

³⁰ Егорова А. Г. Партия и профсоюзы в Октябрьской революции. М., 1970, с. 325—326; Степанов З. В. Деятельность профсоюзов Петрограда в 1917 г. — Из истории трех русских революций. Л., 1976, с. 123—125.

³¹ Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. М., 1958, с. 262.

³² Дробижев В. З. Главный штаб социалистической промышленности. (Очерки истории ВСНХ. 1917—1932 гг.). М., 1966, с. 48, 50.

ния в стране имелось 94 объединенных центра фабзавкомов, в числе которых было 75 городских, районных, уездных и губернских, 8 отраслевых и 11 производственных объединений, которые действовали в 65 промышленных городах и областях. 36 из этих объединений функционировали в национальных районах России. В подавляющей массе центров фабзавкомов руководство принадлежало большевикам³³.

С деятельностью фабзавкомов связано такое замечательное проявление революционной активности рабочего класса в 1917 г., как контроль над производством и распределением. Выдвинутый В. И. Лениным в «Апрельских тезисах» лозунг рабочего контроля, ставший центральным требованием экономической программы партии большевиков в борьбе за установление диктатуры пролетариата, получил поддержку пролетарских масс. Возникший в первые месяцы после свержения самодержавия в связи с попытками капиталистов сокращать и приостанавливать производство рабочий контроль, постепенно развиваясь и совершенствуясь, к осени 1917 г. сложился в виде системы самых разнообразных мер, осуществлявшихся прежде всего фабрично-заводскими комитетами. И если сначала рабочие ограничивались наблюдением за доставкой топлива, сырья, материалов, то уже с лета, вследствие усиливающегося саботажа со стороны предпринимателей, фабрично-заводские комитеты постепенно переходят к установлению контроля за снабжением предприятий всем необходимым, начинают решать такие вопросы, как обеспечение заказов, сбыт готовой продукции, состояние финансов и т. д. С этой целью в составе фабзавкомов создаются специальные контрольные комиссии. О значительном развитии всестороннего контроля рабочих организаций над производством и распределением красноречиво свидетельствует тот факт, что к ноябрю 1917 г. 12,9% фабзавкомов имели в своем составе специальные органы рабочего контроля³⁴.

Практика рабочего контроля убедительно показывала, что рабочие в состоянии перейти к управлению производством. Вместе с тем было ясно, что решение такой задачи упиралось в проблему власти. До тех пор, пока государственная власть, а следовательно, и ключевые позиции в экономике, находились в руках буржуазии, переход управления промышленностью к рабочему классу был невозможен. «Революция поставила перед рабочим классом новые задачи рабочего контроля над производством и распределением продуктов, которые с дальнейшим развитием революции и в результате преодоления власти контрреволюционной буржуазии неизбежно переходят в задачу регулирования и, наконец, организации общественного производства»³⁵, — подчеркивалось в резолюции открывшейся за неделю до Октябрьского вооруженного восстания 17 октября 1917 г. Второй конференции фабзавкомов Петрограда. Центральное место в ее работе занял вопрос о контроле над производством и распределением.

Мощным оружием рабочего класса, активно применявшимся в борьбе за подготовку социалистической революции, являлись стачки. Резкое ухудшение продовольственного положения, трудности с топливом, падение реальной заработной платы в связи с катастрофическим ростом цен на предметы первой необходимости, наконец, открытое стремление буржуазии разваливать производство в расчете задушить революционный народ «костлявой рукой голода» — все это заставляло рабочих России

³³ Иткин М. Л. Центры фабрично-заводских комитетов России в 1917 году. — «Вопросы истории», 1974, № 2, с. 35.

³⁴ Там же.

³⁵ «Рабочий путь», 1917 г., 18 октября.

чаще и чаще обращаться к испытанному, чисто пролетарскому средству борьбы. Уже в мае — июне 1917 г. стачечные выступления охватывают почти все основные промышленные районы страны, выдвигаясь на первое место среди других форм рабочего движения.

Особенно высокого уровня стачечная волна достигает осенью 1917 г., когда в условиях усиливавшейся экономической разрухи буржуазия пытается сломить революционную волю рабочего класса с помощью массовых локаутов, закрытия заводов и фабрик. Охватившие всю страну стачки кожевников и текстильщиков, всеобщая политическая стачка протеста в Москве в дни проведения контрреволюционного Государственного совещания, мощное выступление железнодорожников, стачка нефтяников Баку, выступления шахтеров Донбасса, всеобщая массовая политическая стачка уральских рабочих — свидетельствовали о том, что рабочий класс вступил в новую полосу классовых битв. В сентябре в забастовках участвовал 1,1 млн. трудящихся, в октябре — уже 1,2 млн.³⁶ Стачечная борьба пролетариата оказывала революционизирующее влияние и на другие группы грудящегося населения, побуждая их к выступлениям за свои права, против произвола хозяев. Проходившие в разных городах забастовки служащих аптек, торговых предприятий, почт и телеграфа, работниц прачечных заведений и красильен, служащих почты и телеграфа пользовались моральной, материальной поддержкой фабрично-заводских рабочих. Это обстоятельство имело большое значение для выполнения рабочим классом своей роли руководителя, гегемона в общей борьбе всех трудящихся за свержение власти буржуазии. Об эффективности и мощи пролетарских стачечных выступлений в 1917 г. свидетельствует, в частности, и тот факт, что одна только угроза начать стачку на Путиловском заводе и других металлопредприятиях Петрограда в августе 1917 г. заставила могущественное Общество заводчиков и фабрикантов принять требования союза металлистов о повышении тарифов заработной платы³⁷.

Забастовочное движение 1917 г. оказало огромное революционизирующее влияние на рабочий класс и способствовало тому, что во многих промышленных районах — Ивано-Кинешемском, Донбассе и некоторых других — создались условия, обеспечившие в ходе социалистической революции мирное решение вопроса о власти.

Ярким выражением политической активности, высокой классовой сознательности и организованности рабочего класса, его ведущей роли в революционном процессе стало и рождение нового права. Пролетарские организации в период подготовки Великого Октября проявили образцы революционного правотворчества, оформив в виде различного рода документов целый ряд правовых норм самого различного порядка. Вопрос о власти, поддержание революционного порядка, осуществление правосудия, трудовые конфликты, нормы оплаты труда и расценки, контроль над производством и распределением, деятельность пролетарской Красной гвардии, наконец, подготовка и организация вооруженного восстания — эти столь разнообразные и сложные вопросы, становились сферой действия норм права, которые выдвигали и утверждали, проводили в жизнь массовые революционные организации, руководящее место в которых занимали рабочие³⁸.

³⁶ Лисецкий А. М. Стачечная борьба пролетариата России в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции (март — октябрь 1917 г.). Автореф. докт. дис. Кишинев, 1968, с. 42.

³⁷ История рабочих Ленинграда, т. 2. 1917—1965. Л., 1972, с. 45.

³⁸ Токарев Ю. С. Народное правотворчество накануне Великой Октябрьской социалистической революции (март — октябрь 1917 г.). М.—Л., 1965, с. 169—173.

Как гегемон революции рабочий класс России привлек на свою сторону беднейшее крестьянство — естественного союзника пролетариата в борьбе за свержение власти буржуазии и ликвидацию капиталистической эксплуатации. В. И. Ленин подчеркивал, что «широкая, много десятков миллионов насчитывающая, громадное большинство населения составляющая масса полупролетарского и частью мелкокрестьянского населения» России коренным образом заинтересована в победе социалистической революции, так как этой массе *«необходим мир, хлеб, свобода, земля»*³⁹. Дать их мог только рабочий класс, придя к государственной власти. Чтобы сделать беднейшее крестьянство активным союзником пролетариата, сознательным борцом за победу революции, рабочий класс и его партия развернули огромную и напряженную работу по политическому просвещению крестьянских масс, разъясняя им лозунги партии, цели и задачи революции. Выход из грабительской, империалистической войны, радикальное решение вопроса о земле путем немедленной передачи помещичьих земель крестьянству — под этими лозунгами прежде всего проходила борьба рабочего класса за пролетарские и полупролетарские слои сельского населения России. В то же время по отношению к среднему крестьянству партия большевиков проводила политику нейтрализации, стремясь отвоювать его у соглашателей, оторвать от кулака привлечь на сторону пролетариата, революции.

Успех социалистической революции во многом зависел и от борьбы рабочего класса, его партии за многомиллионные солдатские массы. В годы первой мировой войны, особенно после свержения в феврале 1917 г. царизма, солдаты прошли большую и серьезную школу политического воспитания. Участие в военных действиях, быстро усиливавшееся разорение деревни, революционная агитация в войсках, участвовавшие контакты и общение с рабочими — все это серьезно влияло на мировоззрение и психологию солдат.

По уточненным данным, в составе 15-миллионной русской армии в годы первой мировой войны находилось не менее 2 млн. рабочих (не считая сельскохозяйственного пролетариата), в том числе примерно 700—800 тыс. промышленных⁴⁰. Этот столь значительный слой солдатской массы представлял опору большевистской партии в войсках, служил важным каналом пролетарского влияния на солдат, на политические настроения крестьянства.

Разнообразные формы и методы агитации, разъяснительной работы, организаторской деятельности применяли рабочие в борьбе за трудящееся крестьянство, за его вовлечение в социалистическую революцию. С ее победой В. И. Ленин, партия большевиков непосредственно связывали вопрос о выходе России из империалистической войны и мире, особенно глубоко волновавший миллионы рабочих и крестьян. В знаменитых «Письмах из далека», где четвертое письмо было специально посвящено этому животрепещущему вопросу российской действительности того времени, Владимир Ильич, отвечая на вопрос «Как добиться мира?», писал: «надо, чтобы власть в государстве принадлежала не помещикам и капиталистам, а *рабочим и беднейшим крестьянам»*⁴¹. Владимир Ильич подчеркнул связь борьбы за мир с вопросом о власти, показал соотношение национальных и интернациональных задач российского пролетариата, который возглавил борьбу против войны, за мир в международном масштабе. Большевистская «Правда» систематически публиковала материа-

³⁹ Ленин В. И. ПСС, т. 31, с. 21.

⁴⁰ Протасов Л. Г. Классовый состав солдат русской армии перед Октябрем. — «История СССР», 1977, № 1, с. 47.

⁴¹ Ленин В. И. ПСС, т. 31, с. 52.

лы, посвященные разоблачению грабительского характера империалистической войны, продолжаемой Временным правительством под флагом «обороны Родины», настойчиво раскрывала массам антинародную направленность его политики.

Тысячи агитаторов-рабочих, выезжая в села и деревни, в части действующей армии, на массовых митингах и собраниях рабочих и солдат разъясняли сущность этой войны, призывали ширить борьбу против внешней политики Временного правительства. Большое значение для пропаганды идеи интернациональной солидарности рабочего класса приобретало братание солдат на фронтах. Важными центрами интернационального воспитания солдатских масс становились клубы, библиотеки и читальни, создававшиеся при заводах и фабриках, при местных Советах и профсоюзах. Особенно большая работа в этом направлении велась в Петрограде, Москве, Одессе, Омске, Красноярске, Томске и других городах⁴². Крупный размах приобрела отправка в воинские части литературы и газет пролетарскими организациями⁴³. Все это способствовало оживлению среди солдатских масс соглашательских иллюзий, решительному повороту крестьянства на сторону революционного пролетариата.

В сложной работе по упрочению революционного союза рабочего класса с широкими крестьянскими массами активно использовались землячества (губернские, уездные, волостные), объединявшие рабочих и солдат — уроженцев многих губерний страны. Появившись в апреле 1917 г., они охватили только в одном Петрограде около 30 тыс. рабочих и солдат, уроженцев 15 губерний⁴⁴. Их размещение в промышленных центрах, базирование в рабочих клубах и столовых, при местных Советах, тесная связь с коллективами заводов и фабрик указывали на характер деятельности землячеств. Основное место в ней занимала революционная агитация среди солдат и крестьян. С этой целью они направляли своих представителей во многие губернии Европейской России.

Вскоре после VI съезда РСДРП(б), подчеркнувшего важность использования этих организаций для агитации среди крестьянских масс, в Петрограде создается объединенный совет землячеств, а в составе землячеств организуются большевистские фракции. Разработанный при участии Я. М. Свердлова проект устава четко определил их задачи: «Ближайшей целью земляческих организаций является объединение пролетарских и полупролетарских крестьянских масс для совместного отстаивания политических прав и для удовлетворения экономических и просветительных нужд деревни». На открывшихся по ходатайству землячеств специальных курсах агитаторов при участии лекторов ЦК и ПК РСДРП(б) были подготовлены сотни агитаторов из рабочих и солдат, выезжавших затем на село для разъяснительной работы среди крестьянства⁴⁵. Осенью 1917 г. более 100 тыс. революционно настроенных солдат вели агитационную работу в деревне⁴⁶.

⁴² Воробцова Ю. И. Интернациональная деятельность большевистской партии в период подготовки Октября (февраль — октябрь 1917 г.). Л., 1975, с. 92—93.

⁴³ ЦГАОРЛ, ф. 4592, оп. 1, д. 3, л. 110; ЛГИА, ф. 1290, оп. 1, д. 1124, л. 3; ф. 1471, оп. 6, д. 32, л. 32; «Солдат», 1917 г., 15 октября.

⁴⁴ Смирнов А. С. Агитация и пропаганда большевиков в деревне в период подготовки Октябрьской революции (март — октябрь 1917 г.). М., 1957, с. 75; Соболев П. Н. Привлечение беднейшего крестьянства на сторону социалистической революции. В сб. Борьба большевистской партии за создание политической армии социалистической революции (март — октябрь 1917 г.). М., 1967, с. 176.

⁴⁵ «Солдат», 1917 г., 12, 13, 20 и 27 сентября; Подвойский Н. И. Год 1917. М., 1958, с. 88.

⁴⁶ Голуб П. А. Партия, армия и революция. М., 1967, с. 193.

С весны 1917 г. во многих пролетарских центрах страны возникает и быстро развивается такая форма укрепления революционного союза с трудящимся крестьянством, как снабжение деревни металлом, сельскохозяйственным инвентарем и оборудованием⁴⁷, в чем оно испытывало острую нужду⁴⁸. На заводах организуется сбор железного лома для отправки в деревню и изготовления сельскохозяйственного инвентаря. Только осенью 1917 г. на заводах Петрограда было собрано до миллиона пудов лома черных металлов⁴⁹. Представители заводов часто выезжали в сельскую местность. Посланцы рабочего класса выступали перед населением деревень, сел, рассказывая о политическом положении в стране. Крестьяне, в свою очередь, посылали рабочим хлеб, картофель и другие продукты питания. И эти формы сотрудничества способствовали становлению союза революционного пролетариата и беднейшего крестьянства.

Рабочий класс России, многонациональный по составу, выступил в период подготовки Великого Октября как руководитель национально-освободительного движения угнетенных народов. VII Апрельская конференция РСДРП(б), формулируя задачи партии и революционного пролетариата по национальному вопросу в новых исторических условиях, особо подчеркнула, что успех в решении этого вопроса в значительной мере определяется интернациональной, классовой организацией пролетарских масс. «Только такое слияние в единых организациях рабочих различных национальностей дает возможность пролетариату вести победоносную борьбу с международным капиталом и с буржуазным национализмом»⁵⁰.

Ярким проявлением ленинской национальной политики, выражением интернационализма рабочего класса стала поддержка, оказанная русскими рабочими борьбе трудящихся Финляндии за национальные права финского народа.

Смыкаясь с широким демократическим движением крестьянских масс, национально-освободительное движение угнетенных народов вливалось в общий революционный поток и, направляемое рабочим классом, становилось одним из важных факторов в борьбе за революционное свержение власти буржуазии.

Разгром контрреволюционного корниловского мятежа, осуществленный благодаря энергичным и решительным действиям рабочих, поддержанных революционно настроенными армейскими частями, вызвал поворот в настроениях широчайших масс трудящихся, наглядно убедившихся, что политика Временного правительства и меньшевистско-эсеровских соглашателей направлена на установление антинародной кровавой диктатуры буржуазии.

Одним из свидетельств неуклонно возраставшей политической сознательности и революционной активности пролетарских масс стали итоги выборов в ходе муниципальных кампаний, проводившихся в мае — июне и в августе — октябре 1917 г. Сравнение числа голосов, отданных на выборах за партию большевиков весной и осенью, показывает, что в Петро-

⁴⁷ ЦГАОР СССР, ф. 472, оп. 1, д. 70, лл. 10, 11; ф. 5451, оп. 1, д. 65, л. 26; Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис. Документы и материалы. М., 1961, с. 30.

⁴⁸ К началу весенних полевых работ в 1917 г. промышленностью России было выпущено сельскохозяйственных машин и оборудования всего 2% по отношению к довоенному времени. (См. Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962, с. 186.)

⁴⁹ «Продовольствие и снабжение», 1917, № 8, с. 23.

⁵⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. I, 1898—1917. М., 1970, с. 449.

граде большевистское представительство в органах городского самоуправления возросло с 19,4% до 33,6%, в Москве — с 11% до 47%, в Царицыне — с 37% до 44,4%, в Самаре — с 17,8% до 31,5%⁵¹, причем этот прирост был достигнут прежде всего за счет районов с пролетарским населением. И В. И. Ленин, характеризуя, в частности, итоги сентябрьских выборов в Москве, считал их одним «из наиболее поразительных симптомов глубочайшего поворота в общенациональном настроении»⁵².

Развернувшаяся в сентябре — октябре 1917 г. большевизация Советов, мощный размах выступлений рабочего класса против политики Временного правительства, нарастающие стачечной борьбы, начало подлинно крестьянской войны против помещиков осенью 1917 г. свидетельствовали о складывании в стране революционной ситуации. Оценивая сложившееся положение о соотношении классовых сил, В. И. Ленин в работах «Марксизм и восстание» и «Большевики должны взять власть» указывал, что создались условия для завоевания власти пролетариатом и беднейшим крестьянством. «За нами большинство класса, авангарда революции, авангарда народа, способного увлечь массы.

За нами большинство народа...

За нами верная победа...»⁵³.

Осуществляя намеченный VI съездом РСДРП(б) курс на вооруженное восстание, партия большевиков, В. И. Ленин, особое внимание уделяли рабочей Красной гвардии, ее комплектованию и вооружению, военному обучению красногвардейцев. В беседах с членами Военной организации ЦК РСДРП(б) Владимир Ильич специально подчеркнул, что именно на пролетариат следует в первую очередь рассчитывать в предстоящем выступлении против Временного правительства⁵⁴. Особенно энергично и широко разворачивается подготовка вооруженных сил рабочего класса России после исторического заседания Центрального Комитета партии большевиков 10 октября 1917 г., принявшего по докладу В. И. Ленина резолюцию, в которой определялись задачи партии по подготовке восстания.

Решающей силой победоносного Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде 25 октября 1917 г. явились отряды пролетарской Красной гвардии.

Еще накануне, 24 октября, красногвардейцы берут под контроль кварталы, прилегающие к Смольному — штабу революции; к вечеру красногвардейские отряды, поддержанные революционными солдатами и матросами, устанавливают контроль над важнейшими мостами через Неву. При активном участии Красной гвардии выполняется и указание В. И. Ленина об овладении средствами связи и вокзалами. С помощью рабочих отрядов под контроль Военно-революционного комитета переходят электрические станции и водопровод.

Решительные действия рабочей Красной гвардии позволили занять ряд типографий, организовав в них печатание большевистских газет и листовок. Утром 25 октября стотысячным тиражом выходит экстренный выпуск органа ЦК РСДРП газеты «Рабочий путь», в котором сообщалось о начале вооруженного восстания. В районах города распространялось написанное В. И. Лениным воззвание «К гражданам России», объявлявшее о победе восстания.

⁵¹ Астрахан Х. М. Большевики и их политические противники в 1917 году. Из истории политических партий в России между двумя революциями. Л., 1973, с. 371.

⁵² Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 278.

⁵³ Там же, с. 244.

⁵⁴ Подвойский Н. Красная гвардия в Октябрьские дни, М., 1927, с. 4.

На красногвардейские отряды были возложены главные задачи в штурме Зимнего дворца, рабочие-красногвардейцы шли в первых рядах наступающих. Уже в 22 часа 45 минут в Смольный прибывают посланцы с Дворцовой площади, принешие известие об аресте Временного правительства, и открывшийся в эти вечерние часы Второй Всероссийский съезд Советов принимает написанное В. И. Лениным воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам», объявлявшее о переходе власти к Советам.

Победа Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде послужила сигналом для вооруженного восстания в Москве и других центрах страны. На Урале и Украине, в городах Поволжья и Закавказья — всюду по огромной стране отряды Красной гвардии, численность бойцов которой достигала 200 тыс.⁵⁵, повели за собой сотни тысяч солдат, определив успех вооруженного восстания, победу пролетарской революции.

Весьма точным свидетельством политических взглядов рабочего класса в период победы Великой Октябрьской социалистической революции стали итоги выборов в Учредительное собрание. Так, в Петрограде, где они проходили в середине ноября 1917 г., во всех районах с преобладающим пролетарским населением, партия большевиков получила большинство голосов: 70% на Выборгской стороне, 68% за Нарвской заставой, 58% в Полюстрове, почти половину голосов на Васильевском острове, в Лесном и Новой деревне, на Охте, за Невской заставой и в Нарвском районе. В общей сложности по Петрограду за большевиков проголосовали 45% избирателей⁵⁶.

И если в целом по стране на выборах в Учредительное собрание за большевиков отдали голоса 23,9% избирателей, то по Петрограду и Москве — 46,4%, в Северо-Западном и Центральном промышленном районах — 53,1%, т. е. на $\frac{1}{10}$ больше, чем эсеры, меньшевики и кадеты, вместе взятые⁵⁷. В этом факте сказалась как высокая политическая активность рабочего класса обеих столиц, так и решительный перелом в настроениях трудящегося крестьянства указанных районов, поддержавшего рабочий класс и его партию. Именно на основании этих данных, осуществив их качественный анализ путем выделения сведений по промышленным губерниям и ведущим пролетарским центрам — Петрограду и Москве, В. И. Ленин наглядно и убедительно показал, что основные массы пролетариата поддерживали на выборах партию большевиков. Отсюда Владимир Ильич сделал вывод о том, что данные выборов в Учредительное собрание свидетельствовали о пролетарском, социалистическом характере Октябрьской революции, показали, что вопрос о власти — в форме Советов — был также решен именно по-пролетарски: в интересах рабочего класса и его ближайшего союзника — беднейшего крестьянства⁵⁸.

«Выражая коренные интересы абсолютного большинства населения страны, рабочий класс в союзе с трудящимся крестьянством обеспечил победу революции и установил свою власть. За революцией, за рабочим классом пошли широчайшие массы трудового народа, все передовые люди науки и культуры»⁵⁹, — отмечается в постановлении ЦК КПСС о 60-й годовщине Великой Октябрьской революции.

Прорыв фронта империализма в России, одной из крупнейших стран мира, привел к созданию Советского государства, нового типа демократии — демократии всех трудящихся.

⁵⁵ История Коммунистической партии Советского Союза, т. 3, ч. 1, с. 264.

⁵⁶ Знаменский О. Н. Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения. Л., 1976, с. 356—357, табл. 1.

⁵⁷ Там же, с. 273.

⁵⁸ См. Ленин В. И. ПСС, т. 40, с. 5.

⁵⁹ «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», с. 4—5.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции до основания потрясла все здание мирового капитализма и, расколов мир на две противоположные системы, положила начало развитию социализма во всемирном масштабе.

В борьбе пролетарских масс России за революционное свержение господства буржуазии с огромной яркостью и силой раскрылась перед человечеством роль рабочего класса как главной, ведущей силы — гегемона освободительного движения эпохи империализма.

В результате Великого Октября российский пролетариат решил не только свои национальные, но и интернациональные задачи, оказал огромное влияние на весь ход мировой истории. «Октябрьская революция, — говорится в постановлении ЦК КПСС от 31 января 1977 г., — является таким социально-политическим событием, величие которого раскрывается все глубже и рельефней с каждым новым шагом человечества по пути общественного прогресса»⁶⁰.

За шестьдесят лет, прошедшие со времени первой в стране победоносной пролетарской революции, произошли огромные изменения в мире. Построение социализма в СССР, возникновение братского содружества социалистических государств, гигантский размах освободительного антиимпериалистического движения стали определяющими факторами развития человечества, общественного прогресса. В результате еще больше возросла роль рабочего класса — главной производительной силы современного общества, гегемона революционного процесса, в который вовлечены сотни миллионов тружеников города и деревни капиталистических стран, народы, ведущие борьбу против колониализма и неоколониализма.

Коммунистическая партия Советского Союза, в рядах которой в начале 1976 г. рабочие составляли 41,6% и которая по своей природе «была и остается партией рабочего класса»⁶¹, уделяет неослабное внимание усилению роли рабочего класса в жизни страны, в деле строительства коммунизма. В Отчетном докладе XXV съезду КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев указал, что в СССР «сложилась новая историческая общность — советский народ, в основе которой лежит нерушимый союз рабочего класса, крестьянства и интеллигенции при ведущей роли рабочего класса»⁶².

Перерастание диктатуры пролетариата в общенародное государство с построением развитого, зрелого социализма ставит перед рабочим классом новые важные задачи. Создание материально-технической базы коммунизма, дальнейший культурный рост советских людей, формирование нового человека, сознательного и активного участника коммунистического строительства — эти исторические задачи решаются в Советском Союзе на основе неуклонного укрепления ведущей роли рабочего класса, дальнейшего возрастания значения КПСС — руководящей политической силы советского общества.

Славные революционные традиции рабочего класса, его огромный исторический опыт находят свое продолжение и развитие в героическом труде советских людей, в том решающем вкладе в дело коммунистического строительства, который вносят в него рабочие — ведущая сила современного исторического процесса.

⁶⁰ «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», с. 23.

⁶¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., с. 63.

⁶² Там же, с. 81.

М. И. КУЛИЧЕНКО

60-ЛЕТИЕ ОКТЯБРЯ И ТОРЖЕСТВО ЛЕНИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СССР

Победа Великой Октябрьской социалистической революции положила начало коренным изменениям во всех областях жизни народов, включая развитие национальных отношений. Эти изменения стали одним из важнейших условий всемирно-исторических успехов нашей партии и советского народа в строительстве социализма и коммунизма. «Наша страна, все прогрессивное человечество, — говорится в Постановлении ЦК КПСС о 60-й годовщине Великого Октября, — встречают эту знаменательную дату под знаком новых побед социализма, учения Маркса, Энгельса, Ленина, идей пролетарского интернационализма, ярко демонстрирующих свою великую революционно-преобразующую силу»¹.

Происшедшие в нашей стране глубокие изменения во всех областях жизни нашли всестороннее отражение в Проекте новой Конституции СССР, принятом майским (1977 г.) Пленумом ЦК КПСС и вынесенным Президиумом Верховного Совета СССР на всенародное обсуждение. «В СССР построено развитое социалистическое общество, — говорится в проекте. — ...Это — общество зрелых социалистических общественных отношений, в котором на основе сближения всех социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей возникла новая историческая общность людей — советский народ» («Правда», 1977 г., 4 июня).

В условиях развитого социализма, Коммунистическая партия настойчиво стремится обеспечить дальнейший всесторонний расцвет и неуклонное сближение наций, укрепить их нерушимую дружбу и интернациональное единство, совершенствовать методы интернационалистского воспитания советских людей — строителей коммунизма. На выполнение этих задач нацеливают решения XXV съезда КПСС и другие партийные документы, принятые на их основе.

Сущность национального вопроса, теоретическую основу и практическую программу его решения определили К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин. Позднее эти проблемы получили развитие в документах коммунистических и рабочих партий. Большой вклад в теорию и практику решения национального вопроса внесла Коммунистическая партия Советского Союза.

60-летний опыт деятельности Советского многонационального государства показал, что национальный вопрос может быть решен только на базе социализма и присущих ему общественных отношений. Он является составной частью проблемы уничтожения капитализма и революционно-го преобразования всех сторон общественного развития на социалистических началах.

¹ «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции». Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 г. М., 1977, с. 3.

Как свидетельствует опыт Октября, только рабочий класс в состоянии прочно и повсюду «освободить угнетенные нации и осуществить сближение и слияние наций не на основе насилия, а на основе равноправия и согласия пролетариата и трудящихся масс всех наций»². Интернационализм рабочего класса, его ведущая роль в решении задач национального освобождения и развития народовнискали ему уважение и поддержку широчайших масс трудящегося крестьянства, всех угнетенных народов.

Решение национального вопроса возможно лишь в результате создания марксистско-ленинской партии — боевого авангарда рабочего класса, активного проводника в жизнь принципов пролетарского интернационализма, наиболее решительного и последовательного борца против национализма и шовинизма.

60-летний опыт Советской власти показал, что социализм обеспечивает подлинно свободное и полнокровное развитие наций, народностей, национальных и этнических групп и их неуклонное сближение.

Закономерностью социализма является интернациональный союз народов, а он возможен, как отмечал Ф. Энгельс, лишь между равными, «только между *нациями*, чье существование, автономия и независимость во внутренних делах включаются, следовательно, в само понятие интернационализма»³.

Разрабатывая основные требования программы партии по национальному вопросу (полное равноправие наций, народностей, свободное развитие национальных меньшинств; право наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных национальных государств) В. И. Ленин вместе с тем подчеркивал, что централизованное крупное государство есть громадный исторический шаг вперед от средневековой раздробленности к будущему социалистическому единству всего мира и иначе как через такое государство нет и быть не может пути к социализму.

Установление диктатуры пролетариата, победа социализма коренным образом меняют сущность национальных отношений. Социализм предопределяет осознанное управление ими. Определяющую роль при этом играет созидательная деятельность рабочего класса, Коммунистической партии.

В ходе социалистического строительства создается основа нового этапа национальной консолидации, необходимого для строительства бесклассового общества, утверждается равноправие и добровольность в межнациональных и межгосударственных отношениях, обеспечивается учет национальных интересов народов, тесное сотрудничество и братская взаимопомощь, сочетание национальных и интернациональных интересов свободных народов, подчинение первых — вторым, второстепенных и временных — коренным и длительным интересам. Устраняя социальные причины национального неравенства, социализм создает условия для быстрого развития и расцвета экономики, культуры и национальной государственности народов.

Как показывает советский опыт, развитие наций и национальных отношений при социализме требует непримиримой борьбы против великодержавного шовинизма, буржуазного национализма и национального нигилизма.

Последовательное осуществление ленинской программы и политики по национальному вопросу дало возможность Коммунистической партии

² Ленин В. И. ПСС, т. 27, с. 464.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 39, с. 74.

создать все необходимые политические, экономические и идеологические предпосылки для решения национального вопроса в исключительно сложных условиях нашей многонациональной страны.

Политическими предпосылками разрешения национального вопроса являлись: образование и деятельность интернациональной по своему мировоззрению и составу ленинской Коммунистической партии, успешное решение ею задачи слияния классово-борьбы пролетариата и всех трудящихся России, установление диктатуры пролетариата в форме Советской власти, успешное национально-государственное строительство — образование различных форм советской национальной государственности народов, сплочение их в едином Советском многонациональном государстве на основе федерации.

Экономическими предпосылками успешного решения национального вопроса в Советской стране были ликвидация частной собственности на средства производства и эксплуатации человека человеком, осуществление индустриализации, коллективизации, культурной революции, организация партией сотрудничества и взаимопомощи народов в экономической области, единство экономики всей страны, построение материально-технической базы социализма.

Идеологическими предпосылками разрешения национального вопроса были торжество марксизма-ленинизма, последовательное воплощение Коммунистической партией в жизнь пролетарского, социалистического интернационализма, идей дружбы и братства народов.

В дооктябрьский период ленинская Коммунистическая партия теоретически и политически подготовила и осуществила интернациональное сплочение трудящихся всех национальностей в революционной борьбе.

Главное значение в разрешении национального вопроса имела победа Великой Октябрьской социалистической революции и установление диктатуры пролетариата, положившие начало становлению новых социалистических национальных отношений. Первостепенное значение в их утверждении имело провозглашенное партией, Советской властью раскрепощение ранее угнетенных народов, Декларация прав народов России, Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, многочисленные акты Советского правительства в связи с освобождением отдельных народов, создание Народного комиссариата по делам национальностей для практического руководства решением национального вопроса.

Величайшее значение в становлении новых, социалистических национальных отношений имело организованное партией всестороннее сотрудничество и взаимопомощь народов в борьбе за победу социалистической революции, против внутренней контрреволюции и интервентов, в осуществлении социалистических преобразований.

Общность целей и интересов освобожденных народов, интернациональный характер Советской власти, общественная потребность в развитии на новых социально-экономических основах исторически сложившегося разделения труда между центром и окраинами страны, культурных связей, задачи совместной борьбы против внутренней контрреволюции и происков международного империализма — обусловили зарождение массового объединительного движения народов России в первые годы Советской власти. На его основе Коммунистическая партия создавала и неустанно крепила государственный союз свободных народов, первоначально складывавшийся как советская социалистическая федерация в двух основных формах: основанной на договорах самостоятельных республик и базирующейся на автономии внутри РСФСР.

Ленинский план образования СССР предполагал создание более высокого типа федеративного союза — союзного государства. Этот план был единодушно одобрен миллионными массами трудящихся всех национальностей, и I Всесоюзный съезд Советов 30 декабря 1922 г. воплотил его в жизнь, провозгласив образование Союза Советских Социалистических Республик. Образование СССР на основе ленинского плана — торжество национальной политики Коммунистической партии, залог величайших свершений многонационального советского народа в строительстве социализма и коммунизма.

В ходе строительства материально-технической базы социализма, проведения культурной революции и формирования нового человека, Коммунистическая партия, руководствуясь ленинскими заветами, последовательно и успешно решила также все важнейшие проблемы развития наций и национальных отношений, развила дальше и нашла конкретные организационно-политические формы воплощения в жизнь ленинской теории о возможности социалистического развития отсталых народов, минув капитализм.

Теоретически и практически была воплощена в жизнь идея основоположников научного коммунизма об образовании в условиях диктатуры пролетариата качественно нового типа национальных общностей — социалистических наций и народностей. Под непосредственным руководством ленинской партии в СССР впервые в истории человечества сложилась социально-политическая интернациональная общность людей — советский народ.

В Программе КПСС, принятой XXII съездом, решение национального вопроса в СССР оценено как величайшее завоевание социализма⁴. «Социалистическая индустриализация и коллективизация сельского хозяйства, культурная революция, справедливое решение национального вопроса, — констатировал ЦК КПСС в Постановлении о праздновании 60-летия Великого Октября, — превратили в исторически кратчайший срок нашу Родину в могучую социалистическую державу»⁵. Л. И. Брежнев в докладе о 100-летию со дня рождения В. И. Ленина подчеркивал: «Торжество ленинской национальной политики, решение в Советском Союзе национального вопроса — одного из самых острых, самых трудных вопросов общественной жизни — это дело огромного значения, крупный шаг в социальном развитии человечества»⁶.

Национальный вопрос был решен впервые в истории в Советской стране на основе социализма, марксистско-ленинской науки. Сохраняющаяся после победы социализма проблема развития наций и национальных отношений выступает как составная часть проблемы совершенствования общественных отношений и формирования личности строителя коммунизма.

После решения национального вопроса на содержание процессов развития наций и национальных отношений определяющее влияние стало оказывать становление зрелого социализма, развивающегося на собственной основе, более полно раскрывающего свои творческие возможности, свою глубоко гуманистическую сущность. Развитой социализм характеризуется соединением достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства, решительным поворотом к интенсивным методам развития экономики, качественно новым уровнем и масштабами производства, позволяющими непосред-

⁴ См. Программа Коммунистической партии Советского Союза, с. 1.

⁵ «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», с. 6.

⁶ Брежнев Л. И. Ленинским курсом, т. 2. М., 1971, с. 576.

венно решать задачи создания материально-технической базы коммунизма, обеспечивать непрерывный рост благосостояния трудящихся, добиваться важных успехов в экономическом соревновании с капитализмом. Развитой социализм знаменует высокую степень зрелости всей системы общественных отношений, постепенно перерастающих в коммунистические.

В условиях строительства коммунизма развитие национальных отношений идет по линии всемерного укрепления и совершенствования добровольного союза социалистических наций, их интернационального единства в составе советского народа как новой исторической общности, возрастания роли единого Советского многонационального государства и совершенствования советской национальной государственности каждой нации, народности.

Опыт СССР опровергает домыслы буржуазной пропаганды, распространяющей досужие вымыслы о том, что будто социализм несовместим со свободным развитием наций, что присущий ему пролетарский интернационализм означает проведение нигилистической национальной политики, насильственную ликвидацию национальных особенностей народов, их национальных культур.

В результате построения социализма в СССР, решения национального вопроса на основе марксистско-ленинской теории, в целях обеспечения подлинно свободного национального развития на территории СССР созданы различные национально-государственные образования, которых в настоящее время насчитывается 53. Характерной особенностью их является то, что, хотя каждое создано одним или несколькими определенными народами (Дагестанская АССР — даже более чем 30 народами), все же в полном соответствии с принципами социалистической демократии труженикам любой национальности, живущим на их территории предоставляются равные права и не дается никаких привилегий представителям народов, провозгласившим республику, автономную область или национальный округ. Это важно подчеркнуть в связи с тем, что в условиях последовательного осуществления социалистического характера национальных отношений и всеобщей интернационализации общественной жизни все республики становятся все более многонациональными. Так, в Узбекской ССР в 1959 г. проживало 104 национальности, а в 1970 г. — уже 122, в Мордовской АССР — соответственно 20 и 40¹.

Национальная государственность — не единственная форма учета национальных интересов народов, всех трудящихся. Эту государственность имеют 57 наций и народностей, составляющие почти 98% населения страны, а проживает в СССР около 120 национальностей. Поэтому национальные интересы трудящихся учитываются всеми органами власти на местах и в центре, их учет предусмотрен всей системой советского законодательства. При этом речь идет не только об охране прав и об учете возможных пожеланий трудящихся всех национальностей, но и о повседневной заботе об удовлетворении их национально-специфических потребностей.

Социализм всей своей гуманистической и демократической сущностью гарантирует подлинно свободное национальное развитие народов. В политическом отношении эти гарантии воплощаются и в существовании различных видов советской национальной государственности, и в сохранении народами этой государственности даже в том случае, когда их удельный вес в населении составляет менее половины. Особенно боль-

¹ См. «Партийная жизнь», 1977, № 1, с. 31.

шую заботу об удовлетворении интересов народов постоянно проявляет специально созданный для этой цели Совет национальностей в составе Верховного Совета СССР, причем представительство численно малых народов в нем выше, чем их удельный вес в населении. Например, 13 автономных советских республик с населением до 1 млн. человек каждая, составляя всего 3% населения страны, имеют в Совете Национальностей 19% всех депутатов⁸.

В числе обязанностей депутатов местных Советов в законе специально предусматривается внимательный учет национальных особенностей населения. Национальный состав населения учитывается в избираемых трудящимися органах власти: в Верховном Совете СССР представлены депутаты 61 национальности, в Верховных Советах союзных и автономных республик — 72, в местных Советах — свыше 100. При этом в состав Верховного Совета РСФСР избраны депутаты 39 национальностей, Верховных Советов Узбекской ССР — 18, Киргизской ССР — 14, Таджикской ССР — 10, Молдавской ССР и Литовской ССР — по 8 и т. д. В местные Советы РСФСР в 1975 г. были избраны депутаты более 100 национальностей, Украины — 63, Узбекистана — 55, Азербайджана и Молдавии — по 36 и т. д.⁹.

По мере упрочения завоеваний социализма и повышения его зрелости происходит глубокий и многоплановый процесс совершенствования советской национальной государственности народов. Проявляется это главным образом в углублении ее демократизма, в вовлечении в работу органов государства все большего количества трудящихся, в повышении их социально-политической активности. Это совершенствование базируется на существующих формах федеративного устройства Советского многонационального государства. «Опыт показал, — отметил в докладе о проекте Конституции Л. И. Брежнев, — что основные черты федеративного устройства СССР полностью оправдали себя. Поэтому нет нужды вносить какие-либо принципиальные изменения в формы советской социалистической федерации» («Правда», 1977 г., 5 июня).

При сохранении суверенных прав союзных республик, определенных Конституцией 1936 г., в проекте новой Конституции СССР эти права расширяются, добавляются новые, такие, как право участия республик в решении союзными органами вопросов, отнесенных к ведению Союза ССР. За союзными республиками в лице их высших органов государственной власти, закреплено право законодательной инициативы в Верховном Совете СССР.

С другой стороны, прогрессирующее сближение наций и народностей СССР подсказывает необходимость укрепления союзных начал государства, что также нашло отражение в проекте («Правда», 1977 г., 5 июня).

О том, как учитываются интересы национального развития народов, можно судить на примере Белорусской ССР. Трудящиеся этой республики, избирая 430 депутатов своего высшего органа власти, послали туда 328 белорусов, 87 русских, 7 украинцев и др. При выборах 80 тыс. депутатов 1858 местных Советов в 1975 г. им было дано 16 тыс. различных наказов. Сами депутаты в этом году внесли на сессиях Советов 5,5 тыс. запросов по работе исполкомов. Вместе с депутатами в Советах работает около 75 тыс. представителей общественности. Национальные интересы трудящихся учитываются также различными самостоятельными организациями — группами и постами народного контроля, сельскими,

⁸ См. Итоги выборов и состав депутатов Верховного Совета СССР. Десятый созыв. М., 1975, с. 4, 21.

⁹ См. Итоги выборов и состав депутатов Верховных Советов союзных и автономных республик. М., 1976, с. 12, 24, 31.

уличными и домовыми комитетами, народными дружинами, товарищескими судами и т. п. В той же Белоруссии их насчитывается свыше 120 тыс., объединяющих 1,3 млн. представителей трудящихся¹⁰.

«Главное направление того нового, что содержит в себе проект Конституции СССР, — отметил Л. И. Брежнев на майском Пленуме ЦК КПСС (1977 г.), — это расширение и углубление социалистической демократии» («Правда», 1977 г., 5 июня).

Получают дальнейшее развитие демократические принципы формирования и деятельности Советов. Предусмотрено усиление их роли в решении важнейших вопросов в жизни общества. Особо подчеркнут систематический характер контроля Советов за исполнительными и распорядительными органами, за деятельностью организаций и должностных лиц. В проекте определены главные пути укрепления связей Советов и их депутатов с массами, основные полномочия депутатов.

Широко отражена в проекте важная роль, которую играют в жизни страны профсоюзы, комсомол, кооперативные и другие массовые общественные организации, включено также положение о роли коллективов трудящихся.

Расширение и углубление социалистической демократии укрепляет политические основы союза и братства народов, способствует их всестороннему развитию и сближению, мобилизации всех сил и средств на совместное строительство бесклассового общества.

Охарактеризованное выше активное участие всех народов Страны Советов, трудящихся всех национальностей в политической жизни представляет собою и важный показатель свободы национального развития и гарантию его воплощения во всех других областях общественного прогресса.

Существенно изменились и темпы экономического развития народов СССР. Это ускорение было вызвано именно преобразованием общественных отношений, о чем говорит, например, следующий факт. Объем промышленной продукции Латвии и Эстонии более чем за два десятилетия господства буржуазии даже не достиг уровня 1913 г., составив всего около 1/10 этого уровня. За последующее же 20-летие, несмотря на огромные потери в годы Великой Отечественной войны, благодаря господству социалистических общественных отношений и помощи братских народов объем промышленной продукции по сравнению с 1913 г. вырос в Латвии в 10 раз, в Эстонии — в 15 раз. Для сравнения можно отметить, что Украина и Белоруссия в условиях социализма увеличили в 1940 г. объем промышленного производства по сравнению с 1913 г. соответственно в 7,3 и 8,1 раза, а в 1960 г. — в 27 и 34 раза¹¹.

Руководя строительством нового общества, Коммунистическая партия всегда исходила из завещанной ей великим Лениным глубокой веры в безграничные творческие силы свободных народов. «...В массах, — учил В. И. Ленин, — есть много и много живых сил, могущих проявить грандиозные способности в большей степени, чем это можно представить»¹². Гигантский скачок от отсталости к прогрессу в условиях социализма стал возможен именно благодаря тому, что преобразование общественных отношений разбудило творческие силы народов, подняло к историческому

¹⁰ См. «Советская Белоруссия», 1975 г., 25 июля; 1976 г., 6 февраля; «Коммунист Белоруссии», 1976, № 10, с. 21.

¹¹ См. Народное хозяйство СССР в 1970 году. М., 1971, с. 138; Народное хозяйство СССР в 1975 году. М., 1976, с. 198; Вопросы интернационального воспитания трудящихся. М., 1977, с. 350.

¹² Ленин В. И. ПСС, т. 37, с. 205—206.

творчеству миллионы и миллионы людей, ранее подавленных гнетом и не заинтересованных в результатах труда на эксплуататоров.

Преимущества социалистической системы хозяйства и их значение для национального развития народов особенно наглядно проявляются сейчас, когда экономика СССР и всех составляющих его союзных республик бурно развивается, а капиталистические страны переживают экономический кризис и инфляцию. В 1977 г. общий объем продукции промышленности СССР вырастет по сравнению с 1913 г. в 145 раз, а ряда республик — значительно больше, в том числе Белорусской ССР — в 188, Казахской ССР — 226, Молдавской ССР — 257, Армянской ССР — 307, Киргизской ССР — 387 раз. Литовская, Эстонская и Латвийская советские республики, вошедшие в состав СССР в 1940 г., увеличат объем промышленного производства за 1913—1977 гг. соответственно в 133, 54 и 38 раз¹³.

Существенные сдвиги произошли и в развитии сельского хозяйства. Его валовая продукция за 1913—1975 гг. увеличилась в целом по стране в 3,2 раза, а Белорусской ССР — в 3,4, Молдавской ССР — 5,3, Азербайджанской ССР — 5,4, Казахской ССР — 5,7, Туркменской ССР — 6,1, Армянской ССР и Узбекской ССР — 6,4, Киргизской ССР — 6,6, Грузинской ССР — 8,3, Таджикской ССР — 9,2 раза.

Успешное развитие промышленности и сельского хозяйства обеспечивает такое важное условие прогресса народов, как национальный доход. За 1965—1975 гг. национальный доход в целом по стране вырос на 91%, а у 6 республик из 15 рост был выше, в том числе у Узбекской ССР — на 94, Казахской ССР — 98, Литовской ССР — 108, Белорусской ССР — 129, Армянской ССР — 131%¹⁴.

В целях более наглядного выявления значимости общественных отношений для национального развития народов сравним некоторые показатели экономики и благосостояния советских республик Закавказья, народы которого преобразовали всю свою жизнь на основе социализма, и стран, находящихся примерно в тех же географических условиях, — Ирана, Турции и Греции — общественный строй которых остался прежним. Так, выработка электроэнергии — важнейшего фактора модернизации производства и быта населения — в 1975 г. на душу населения составляла в Армении — 3267 квт.·ч, в Азербайджане — 2598, в Грузии — 2350, в то время как в Греции — 1702, в Турции — 395, в Иране — 389 квт.·ч. Можно сравнить также производство национального дохода на душу населения, которое в начале 70-х годов (сопоставимые данные на более позднее время в печати отсутствуют) по сравнению с Грузинской ССР составляло в Греции лишь четыре пятых, в Турции — две пятых, в Иране — менее одной трети¹⁵.

Национальное развитие народов обуславливается, конечно, не только уровнем экономического развития и материального благосостояния, но и влиянием преобразования общественных отношений на все стороны жизни людей, особенно на социально-классовую структуру общества. Основные сдвиги, происшедшие в нашем обществе в этом отношении, следующим образом зафиксированы в проекте Конституции СССР: «Упрочились союз рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции, дружба наций и народностей СССР. Сложилось социально-политическое единство советского общества, ведущей силой которого выступает рабочий класс» («Правда», 1977 г., 4 июня). В ходе комму-

¹³ См. СССР в цифрах в 1976 году. М., 1977, с. 98.

¹⁴ См. Народное хозяйство СССР в 1975 году, с. 314, 564.

¹⁵ См. Народное хозяйство СССР в 1975 году, с. 143; «Заря Востока», 1976 г., 4 декабря.

нистического строительства Советское государство, как это предусмотрено проектом Конституции СССР, способствует усилению социальной однородности общества, стиранию существенных различий между городом и деревней, умственным и физическим трудом, развитию и дальнейшему сближению всех наций и народностей СССР.

За годы социалистического развития у всех народов СССР выросли, а у многих даже возникли заново национальные кадры рабочего класса, интеллигенции, качественно преобразилось крестьянство. Удельный вес национальных кадров рабочего класса сейчас составляет на Украине почти 71%, в Молдавии — 60%, в Грузии — 47%, в Узбекистане — 36%¹⁶.

Для характеристики национального развития народов СССР очень важное значение имеет формирование интеллигенции, которой у многих народов до Октябрьской революции вообще не было. Сложилась она еще в довоенный период, а на начало 1977 г. уже составляла около 37 млн. человек, увеличившись за 40 лет более чем в 12 раз. Численность только специалистов с высшим и средним образованием за 1941—1975 гг. выросла по стране почти в 9,5 раза, в том числе по РСФСР — в 9,2, Украинской ССР — 8,6, Белорусской ССР — 9,2, Узбекской ССР — 14,3, Казахской ССР — 20,0, Грузинской ССР — 6,0, Азербайджанской ССР — 7,9, Литовской ССР — 13,9, Молдавской ССР — 17,0, Латвийской ССР — 8,5, Киргизской ССР — 19,4, Таджикской ССР — 16,3, Армянской ССР — 11,3, Туркменской ССР — 10,3, Эстонской ССР — в 9,9 раза¹⁷.

Место и роль национальной интеллигенции в жизни народов СССР можно лучше уяснить себе, если учесть, что в целом по стране в 1975 г. один специалист с высшим и средним образованием приходился на 5,15 занятых во всех отраслях народного хозяйства, а для РСФСР этот показатель был равен 4,98, Украинской ССР — 5,3, Белорусской ССР — 5,53, Узбекской ССР — 5,57, Казахской ССР — 5,45, Грузинской ССР — 5,12, Азербайджанской ССР — 4,77, Литовской ССР — 5,47, Молдавской ССР — 6,55, Латвийской ССР — 5,3, Киргизской ССР — 5,35, Таджикской ССР — 5,64, Армянской ССР — 5,03, Туркменской ССР — 6,03, Эстонской ССР — 4,77¹⁸.

Господство общенародной собственности, высокие темпы развития экономики вообще в сочетании с глубокими изменениями в социально-классовой структуре обеспечили качественно новую социально-экономическую базу для всех сторон национального развития народов, что, в частности, можно хорошо видеть на их культурном прогрессе. Еще в довоенное время, как известно, в СССР была ликвидирована неграмотность трудящихся всех национальностей. Сейчас всеми видами обучения охвачено более 93 млн. человек. Между тем уровень грамотности к Октябрю у многих народов составлял лишь несколько процентов. Это относится, например, к якутам. Сейчас в Якутии в среднем на 10 тыс. населения приходится 105 студентов, в то время как в Англии — 88, ФРГ — 67. Среди ненцев до революции не было ни одного грамотного, в настоящее время на каждую тысячу жителей Ненецкого национального округа приходится 66 человек с высшим и 155 со средним специальным образованием.

Обучение в советской школе сейчас ведется на 52 языках, полностью обеспечивая потребности каждого народа. При этом только родители — в соответствии с законодательством — имеют право определять, на каком языке будут учиться их дети.

¹⁶ См. «Вопросы истории КПСС», 1976, № 2, с. 107.

¹⁷ См. Народное хозяйство СССР в 1975 году, с. 554; СССР в цифрах в 1976 году.

¹⁸ См. «Вопросы истории КПСС», 1976, № 2, с. 107. Расчеты по: Народное хозяйство СССР в 1975 году. М., 1976.

Наряду с нацией, основавшей ту или иную республику, правом обучения детей на родных языках пользуются все более или менее значительные группы населения других национальностей. Это можно, в частности, показать на примере Грузинской ССР, где школы работают на 6 языках. В числе 3950 дневных школ республики на грузинском языке обучение ведется в 2829 (71,6%), на русском — в 276 (7%), на армянском — в 218 (5,5%), на азербайджанском — в 175 (4,4%), на осетинском — в 94 (2,4%), на абхазском — в 60 (1,5%). Кроме того, на двух языках обучение ведется в 227 школах (5,7%), на трех — в 67 (1,7%), на четырех и более — в 4 (0,1%). Такое же положение и в других республиках: в Туркменской ССР, например, кроме школ с туркменским языком, в 8,3% школ обучение ведется на русском языке, в 4,9% — на узбекском, в 2,9% — на казахском и, кроме того, примерно 8% школ являются смешанными — туркмено-русскими, туркмено-казахскими, туркмено-узбекскими и др.¹⁹

Показательны данные о количестве и национальности студентов, обучающихся в высших учебных заведениях. За период с 1960 по 1975 г. в целом по стране количество студентов выросло в 1,98 раза, в том числе русских — в 1,92 раза. Темпы роста удельного веса представителей наций, создавших союзные республики, за это время были тоже равны 1,98 раза, но у 10 из 15 они превышали среднесоюзные, в том числе у 6 составляли 2,6—3,0 раза. Удельный вес представителей наций, создавших автономные республики, вырос за тот же период в 2,6 раза, причем у 11 из 20 темпы роста составляли от 2,5 раза до 4,2 раза²⁰.

Чтобы более наглядно представить себе, что дала народам Союза ССР культурная революция в области народного образования, достаточно сослаться на то, что сейчас на каждую 1000 занятых в народном хозяйстве страны имеется 780 человек с высшим и средним (полным и неполным) образованием. В 1975 г. у 10 союзных республик из 15 этот показатель был выше среднего по стране, а из 20 автономных республик он выше среднего по стране у 9²¹.

Важным показателем современного уровня национального развития народов СССР является печать. Всего за годы Советской власти книги и брошюры печатались на 89 языках, в 1975 г. — на 58. При этом нужно подчеркнуть, что 47 народов получили свою письменность только в условиях социалистического строя. В частности, никакой печатной продукции до Октябрьской революции не было у четырех народов, ныне имеющих союзные республики, и у девяти, создавших автономные советские республики²².

О масштабах удовлетворения потребностей народов в печатной продукции можно судить по тому, что, если в 1913 г. на молдавском, киргизском, таджикском и туркменском языках вообще ничего не печаталось, то в 1975 г. общий тираж книг и брошюр на этих языках соответственно составлял 8,1 млн., 4,3 млн., 4,3 млн. и 3,8 млн. экземпляров. Если говорить о языках, на которых литература печаталась еще до революции, то и здесь можно видеть огромное увеличение тиражей изданий: на русском языке — в 17,2 раза, на украинском — в 152,6, на грузинском — в 28,6, на армянском — в 23,5, на казахском — в 89,6, на узбекском — в 262,7 раза²³.

¹⁹ См. «Вопросы истории КПСС», 1976, № 2, с. 107; «Заря Востока», 1976 г., 4 декабря.

²⁰ Расчеты по: Народное хозяйство СССР в 1975 году.

²¹ То же.

²² См. Печать СССР в 1975 году, с. 22; Гречишин В. А. Социализм и образование. М., 1976, с. 68.

²³ См. Печать СССР в 1975 году, с. 101—103.

Говоря о роли средств массовой информации в обеспечении национального развития народов, нельзя не отметить, что в Советской стране на 44 языках публикуются журналы, на 56 — газеты, на 67 — ведутся передачи радио и телевидения. При этом целесообразно проанализировать степень удовлетворения потребностей населения, что можно, например, видеть путем сопоставления удельного веса коренной национальности в населении республики и удельного веса годового тиража газет на соответствующем языке. Так, в Украинской ССР украинцы в населении составляют 74,9%, а удельный вес годового тиража газет на украинском языке равен 65,1; для Узбекской ССР эти показатели равны соответственно 65,5% и 74,1%; для Грузинской ССР — 66,8% и 83,9%; для Азербайджанской ССР — 73,8% и 76,1%; для Литовской ССР — 80,1% и 84,7%; для Молдавской ССР — 64,6% и 61%; для Латвийской ССР — 58,8% и 70,9%; для Киргизской ССР — 43,8% и 54,9%; для Таджикской ССР — 56,2% и 61,3%; для Армянской ССР — 88,6% и 90,6%; для Туркменской ССР — 65,6% и 69,9%; для Эстонской ССР — 68,2% и 83,0%²⁴. При анализе этих данных необходимо учитывать широко распространенное владение вторым языком — как русским для основного населения данной республики, так и языком народа, образовавшего республику — для русского населения, живущего на ее территории.

О разительных переменах в развитии национальных культур народов СССР в условиях социализма свидетельствует достигнутый ими высокий уровень развития художественной литературы и искусства. Из числа давно сложившихся национальных культур можно в качестве примера отметить значительные достижения литовской социалистической нации. Республиканский театр оперы и балета за годы Советской власти к середине 70-х годов показал более 70 опер и 40 балетов, в том числе вновь созданных 10 опер и 8 балетов. Только в сезоне 1975/76 г. из 16 поставленных на сцене пьес литовских драматургов 14 принадлежали современным авторам²⁵.

Ко времени победы социалистической революции в России лишь 13 населяющих ее народов имели свою художественную литературу, а сейчас она существует уже на 76 языках. У некоторых народов она оформилась только в последние 10—15 лет. Так, к 60-м годам относится достижение зрелости тувинской и хакасской литературы, развитие литературы у чукчей и нанайцев, манси и нивхов. Лишь в первой половине 70-х годов появились первые художественные произведения у вепсов и долган. Далеко за пределами Страны Советов известен талант чукчи Юрия Рытхеу и балкарца Кайсына Кулиева, аварца Расула Гамзатова и киргиза Чингиза Айтматова.

Десятки наций и народностей в условиях социализма впервые создали симфоническую и джазовую музыку, оперу и балет, скульптуру и живопись. По мере упрочения и повышения зрелости социалистического общества национальная культура народов поднимается на новые рубежи, появляются новые формы выражения ее социалистического содержания. В последние полтора — два десятилетия появились театр-студия киноактера у казахов, цирк у башкир, опера у некоторых народов Северного Кавказа, национальный балет — у отдельных народов Поволжья, искусство кинематографа — в Киргизии, оперетта и мюзик-холл — у узбеков.

²⁴ См. «Агитатор», 1977, № 7, с. 33; Население СССР. М., 1974, с. 90—91; Печать СССР в 1975 году, с. 184—190.

²⁵ См. Гришкявичус П. В семье единой, братской. Вильнюс, 1975, с. 89; «Советская культура», 1976 г., 10 сентября.

До Октябрьской революции лишь 9 народов царской России имели свои национальные театры. За годы Советской власти национальные театры возникли у 38 народов. Только в Дагестанской АССР сейчас действуют театры на 6 языках. За годы девятой пятилетки в республиках образовано свыше 40 новых театральных коллективов²⁶.

Национальная культура делает жизнь каждого народа полнее и богаче. Вот почему в гуще народных масс проявляется постоянная забота о ее развитии. Из года в год растет не только «потребление» культуры трудящимися массами, но и их участие в ее развитии. Об этом можно судить по массовости художественной самодеятельности: в Российской Федерации ею охвачено — 7,5 млн. человек, на Украине более 4 млн. человек, в Латвии и Литве — по 300 тыс., в Башкирии — 250 тыс. и т. д.²⁷ В Молдавской ССР сейчас действует 23 профессиональных и самодеятельных народных театра, 1838 клубов и домов культуры, 1843 киноустановки, 2030 массовых библиотек, 36 музеев, филармония с 9 исполнительскими коллективами, в их числе получившие всемирную известность танцевальный ансамбль «Жок», оркестр народных инструментов «Флуе-раш», хоровая капелла «Дойна». За один только 1975 год по линии лишь учреждений Министерства культуры республики для ее населения проведено 1444 массовых театрализованных представления и праздника, более 17 тыс. тематических вечеров, устных журналов и диспутов²⁸. В проекте Конституции СССР говорится, что «государство заботится об охране и приумножении духовных ценностей общества, широком их использовании для повышения культурного уровня советских людей» («Правда», 1977 г., 4 июня).

Социалистический строй внес коренные изменения в быт, обычаи и традиции наций и народностей СССР. Огромное влияние на быт народов оказывает обеспеченное социализмом и постоянно растущее благосостояние трудящихся, ликвидация противоположности между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, индустриализация производства, внедрение достижений науки и техники в быт людей. В широких масштабах идет перестройка сел в поселки городского типа, сейчас уже практически полностью электрифицированы все сельские населенные пункты, 96% населения охвачено радиовещанием, около 80% — телевидением.

Существенные изменения произошли в содержании обычаев и традиций народов. Постепенно отмирают те из них, которые были порождены отсталостью, вели к национальной замкнутости народов, воспитывали национальный эгоизм или были связаны с нарушением свободы личности, неуважением к женщине (шахсей-вахсей, калым, умыкание невест и т. п.). Многие обычаи и традиции трансформировались на новой основе. Появились многие новые обычаи и традиции, отражающие современную жизнь народов.

В буржуазной печати Запада бытует домysel о том, что будто бы для социализма характерно нивелирование национальных культур, стремление принизить или даже ликвидировать национальные факторы общественного развития, в том числе национальное сознание и национальные чувства людей. Кратко охарактеризованный выше совершенный всеми народами, в том числе вымиравшими до Великого Октября чис-

²⁶ См. Советский Союз. Политико-экономический справочник. М., 1975, с. 301; «Советская культура», 1976 г., 13 февраля.

²⁷ См. Гришкявичус П. В семье единой, братской, с. 94; «Советская Латвия», 1976 г., 23 января; «Рабочая газета», 1976 г., 11 февраля.

²⁸ См. Народное хозяйство Молдавской ССР. 1975. Кишинев, 1976, с. 196—201; Вопросы интернационального воспитания трудящихся, с. 193.

ленно малыми народностями, скачок от отсталости к прогрессу, нередко от патриархально-родового строя к зрелому социализму, не мог произойти без бурного подъема национального сознания, национальных чувств, в том числе национальной гордости за достигнутые успехи, за вклад в сокровищницу мировой цивилизации. В национальном сознании и национальных чувствах произошли глубокие качественные изменения. Ликвидация частной собственности и связанных с нею эксплуатации и угнетения народов, привела и к уничтожению основ национализма, былой отчужденности и недоверия во взаимоотношениях народов. Общие цели и интересы, совместный труд по созиданию нового общества и боевое братство по защите его завоеваний обусловили возникновение иной, чем до революции, основы национального сознания и национальных чувств — сознание и чувство дружбы и братства, стремление к расцвету своей нации и к ее сближению со всеми другими народами.

За годы социалистического развития произошли глубокие изменения в национальной структуре советского общества. На базе преобразования старых наций, сложившихся еще в условиях царизма и капитализма, а также консолидации и развития народностей, оформилось 36 социалистических наций. Наряду с ними в национальной структуре советского общества на основе социализма развиваются также 32 народности, 35 национальных групп и 17 этнических групп. Никакой сплошной ассимиляции наций, о чем все время твердят антикоммунисты, в СССР нет и в помине. Элементы же ассимиляции, действительно имеющие место, проявляются почти исключительно в жизни не наций и народностей, а малочисленных национальных и этнических групп, причем важнейшим их каналом являются межнациональные браки. В 1959 г. смешанные семьи составляли 10,2%, в 1970 г. — 13,5%, а проведенные в последние годы социологические исследования в Ленинграде, Прибалтике, в Казахстане и других районах нашей страны показывают, что удельный вес межнациональных браков вырос до 16—20%²⁹.

Социализм несовместим с отказом от прогрессивных достижений национального развития в прошлом и бережно заботится о сохранении и обогащении этих достижений в настоящем. Например, только на Украине под охрану государства взято 47,4 тыс. различных исторических памятников культуры. В то же время новый строй создает условия для таких высоких темпов национального развития, что сейчас во многих сферах жизни определяющую роль играют уже именно вновь созданные национальные ценности и связанные с ними национальное сознание и национальные чувства. Это предопределяет содержание и формы всех сторон национальной жизни народов, особенно в плане формирования нового человека, обеспечения тем самым благоприятных условий для дальнейшего ускорения национального прогресса и сближения наций, нарастания темпов строительства коммунизма.

Историческая роль преобразования национальной жизни и взаимоотношений народов на базе социализма состоит, конечно, прежде всего в том, что каждая нация и народность благодаря этому получает новый по силе и значимости импульс своего развития, можно даже сказать — возрождения и обновления, достигая при этом невиданных ранее и невозможных в условиях капиталистических общественных отношений высот прогресса. Вместе с тем в условиях многонациональной страны социализм дает каждой нации, народности возможность использовать наряду с собственными родниками этого развития также еще один источник, об-

²⁹ Подробнее об этом см. монографию автора «Укрепление интернационального единства советского общества» (Киев, 1976, гл. II).

разующийся благодаря достижению единства и дружбы народов, их сотрудничеству и взаимопомощи, взаимовлиянию и взаимообогащению.

Образование Советского многонационального государства знаменовало собою новый этап в развитии ранее угнетенных народов национальных окраин. Именно через это государство партия последовательно осуществляла курс на преодоление их неравенства во всех областях жизни, на ускоренное экономическое, политическое и культурное развитие оставших по вине царизма и капитализма наций и народностей. Осуществление этого курса было бы невозможно, конечно, без огромной и всесторонней помощи более развитых наций, выполнивших эту историческую миссию как выражение своих патриотических чувств, преданности делу революции и социализма. Оказание всесторонней помощи, в том числе готовность идти на определенные жертвы для ускоренного преодоления отсталости ранее угнетенных народов, В. И. Ленин считал также интернациональным долгом передовых наций, прежде всего русского народа, его рабочего класса. «И русский рабочий класс, русский народ, — отметил в дни празднования 50-летия образования Союза ССР Л. И. Брежнев, — этот долг с честью выполнили. По существу это был славный подвиг целого класса, целого народа, совершенный во имя интернационализма. И его, этот подвиг, никогда не забудут все народы нашей Родины»³⁰.

Историческое значение образования Союза ССР воплощено в достигнутых всеми народами успехах национального развития, в их взаимном сближении. В современных условиях это значение еще больше возрастает — Союз ССР ныне выступает как исторически полностью оправдавшая себя государственная форма совместной борьбы народов за свое светлое будущее. «Его образование и развитие, — говорится в Постановлении ЦК КПСС о 60-летнем юбилее Великого Октября, — являются триумфом ленинской национальной политики КПСС, ярким свидетельством ее подлинно интернационалистического характера, великим завоеванием социализма»³¹.

Социально-классовое, идейно-политическое и интернациональное единство советского общества цементируется прежде всего Коммунистической партией — ее интернационалистской идеологией и политикой, ее настойчивой деятельностью по осуществлению пролетарского, социалистического интернационализма. Об интернационализме КПСС говорит и ее состав. Она объединяет в своих рядах представителей буквально всех национальностей страны, русские составляют — 60,6%, украинцы — 16, белорусы — 3,6, узбеки — 2,2, казахи — 1,8, грузины — 1,7, азербайджанцы и армяне — по 1,5, литовцы — 0,7, молдаване, латыши и таджики — по 0,4, киргизы, туркмены и эстонцы — по 0,3%. В связи с тем, что до последнего времени еще продолжался, а частично и продолжается процесс выравнивания уровней социально-политической активности народов, удельный вес коммунистов ряда национальностей был несколько ниже, чем удельный вес соответствующих народов в населении страны. Поэтому в течение последних трех десятилетий укрепление рядов партии и ее связей с трудящимися массами выражалось также в более значительном росте удельного веса коммунистов нерусской национальности. Так, если количество русских в КПСС выросло за это время в 2,5 раза, то украинцев — в 3,8, белорусов — в 4,9, узбеков — в 5,2, казахов — в 3,1, грузин — в 2,4, азербайджанцев — в 4,2, литовцев — в 28,9, мол-

³⁰ Брежнев Л. И. Ленинским курсом, т. 4, с. 51.

³¹ «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», с. 11.

даван — в 23,2, латышей — в 7,7, киргизов — в 3,5, таджиков — в 4,6, армян — в 2,3, туркмен — в 3,8, эстонцев — в 6,2 раза ³².

Определяющее значение в укреплении единства населяющих Советскую страну народов играет сообща созданная ими экономика, представляющая собою единый народнохозяйственный комплекс, развивающийся по единому плану и на основе интересов как всего Союза ССР, так и каждой республики. Перераспределение наличных материальных и трудовых ресурсов уже в первые годы Советской власти было средством ликвидации фактического неравенства народов, решения в основном задачи выравнивания уровней их экономического развития.

Сложившийся в пределах всей страны единый хозяйственный организм в полном смысле стал материальной основой дружбы и братства народов, их сотрудничества и взаимопомощи. Усилиями всей страны, например, восстанавливалась экономика наиболее пострадавших в годы Отечественной войны республик. Производственные мощности Советской Эстонии, например, были уничтожены на 45%. Восстанавливались они всей страной: стоимость ввоза в Эстонскую ССР в 1945 г. в 3 раза превышала стоимость вывоза, а за 1945—1947 гг. — в 1,8 раза. Примером перераспределения ресурсов в условиях зрелого социализма может служить выделение за 1961—1968 гг. для Киргизской ССР 1,2 млрд. руб., за 60-е годы для Казахской ССР — 9,5 млрд. руб., в качестве дотаций, израсходованных ими главным образом для развития отраслей своей экономики, имеющих общегосударственное значение. Бюджетом СССР на 1977 г. предусматривается предоставление в распоряжение Узбекской, Казахской, Литовской, Таджикской и Туркменской союзных республик всех средств от подоходного налога и 86—100% поступлений от налога с оборота, которые обычно поступают в союзный бюджет. Кроме того, Казахской ССР выделена дотация в 148,9 млн. руб. ³³

Подводя итоги развития народов нашей страны, Л. И. Брежнев в докладе о проекте Конституции СССР отметил: «Не только юридическим, но и фактическим стало у нас равенство наций. Все наши республики, в том числе и те, которые ранее отставали в экономическом и культурном отношении, достигли теперь высокого уровня развития. Одновременно экономика каждой республики превратилась в неразрывную часть единого народнохозяйственного комплекса» («Правда», 1977 г., 5 июня).

В укреплении единства народов СССР все большую роль играют обмен передовым опытом, социалистическое соревнование. Так, зловинским опытом бригадного подряда сейчас пользуются 43 тыс. строительных бригад страны. На XVI съезде профсоюзов отмечалось, что в Литовской ССР сейчас по методу московского завода «Динамо» работает две трети рабочих-сдельщиков в машиностроении, более трети строительных бригад трудятся по примеру Н. А. Злобина, опыт которого находит все большее применение и в промышленности.

В целом по стране соревнованием сейчас охвачено 97,5 млн. человек, в том числе традиционным стало соревнование союзных и автономных республик между собою. На Украине в межреспубликанское соревнование вовлечено 970 трудовых коллективов, в Эстонии и Литве — более чем по 300. В последние годы договоры о социалистическом соревновании все шире стали оформляться также между коллективами тружени-

³² См. Коммунист. Календарь справочник. 1977. М., 1977, с. 27, а также расчеты автора.

³³ См. Кэбин И. Образ жизни — советский. — «Агитатор», 1977, № 8, с. 21; Клаусон В. Годы созидания. Таллин, 1976, с. 38; «Правда», 1976 г., 31 октября.

ков сельского хозяйства различных республик, например, их имеют более 200 колхозов и совхозов Грузинской ССР³⁴.

Указывая, что проект Конституции СССР отражает новый этап в развитии народного хозяйства страны, Л. И. Брежнев в докладе на Пленуме ЦК КПСС 24 мая 1977 г. отметил, что «экономика СССР превратилась в единый народнохозяйственный комплекс, охватывающий все звенья общественного производства, распределения и обмена на территории страны»³⁵.

Сотрудничество народов СССР в экономической области дополняется глубокими процессами взаимовлияния и взаимообогащения национальных культур, дальнейшим развитием единой многонациональной советской культуры.

Важнейшим средством взаимодействия национальных культур является печать. Особенно велик удельный вес переводной литературы, который в общем объеме печатной продукции Украинской ССР составляет 26,5%, Казахской ССР — 29,5, Грузинской ССР — 31,2, Прибалтийских республик — 43—46%. За 1971—1975 гг. на Украине издано 833 книги 519 русских писателей тиражом свыше 47 млн. экз. и 295 книг 150 авторов других национальностей СССР тиражом более 13 млн. экз. За то же время на языках народов СССР опубликовано 426 книг 198 украинских авторов тиражом 33,1 млн. экз.³⁶

О масштабах взаимодействия национальных культур на современном этапе можно судить также по растущему обмену республик поездками деятелей культуры, что чаще всего приобретает форму проведения декад, недель и дней культуры, гастролей театров и т. п. Какие масштабы и какова значимость такого обмена, можно судить на примере Белорусской ССР и Литовской ССР. В мероприятиях, посвященных литературе и искусству белорусского народа в Литовской ССР в марте 1974 г. участвовало свыше 700 деятелей культуры БССР. Они посетили все города и 37 районов Советской Литвы, дали 130 концертов. Привезенные ими художественные и документальные фильмы посмотрело более 160 тыс. трудящихся; демонстрировались также выставки изобразительного искусства и книжной продукции. В марте 1975 г. в Советской Белоруссии проводились ответные дни литературы и искусства Литовской ССР, приславшей делегацию из 700 деятелей культуры. За 10 дней их пребывания состоялось свыше 150 концертов, 30 творческих встреч, на которых присутствовало 446 тыс. человек. С литовскими фильмами познакомилось полмиллиона человек³⁷.

Показателен обмен народов произведениями национальной драматургии. Так, в репертуаре театров Украины сейчас представлено 320 пьес драматургов братских республик. В Белоруссии не менее двух третей спектаклей драматических и музыкальных театров ставятся по произведениям авторов из других республик. В настоящее время только пьесы ведущих литовских драматургов идут более чем в 40 театрах страны³⁸.

Всестороннее развитие национальных культур происходит в условиях сближения, во-первых, уровней культурного развития народов; во-вторых, уровней «потребления» культуры трудящимися массами; в-третьих,

³⁴ См. «Заря Востока», 1976 г., 4 декабря; «Труд», 1977 г., 22 марта; «Агитатор», 1977, № 8, с. 24; «Партийная жизнь», 1977, № 2, с. 61.

³⁵ «Правда», 1977 г., 5 июня.

³⁶ Материалы и расчеты по: Печать СССР в 1975 году, с. 102—103; Маланчук В. Развивается и крепнет священное чувство семьи единой. «Партийная жизнь», 1977, № 2, с. 63; «Преса Української РСР, 1918—1975». Харьков, 1976, с. 19, 119—120.

³⁷ См. Дорогами дружбы. Вильнюс, 1976.

³⁸ См. там же; «Советская культура», 1976 г., 10 сентября; «Партийная жизнь», 1977, № 2, с. 63.

интернационального содержания показателей в развитии национальных культур, особенно вновь созданных национальных ценностей. В-четвертых, возрастает социальная значимость заимствованных каждой национальной культурой лучших достижений других народов. В докладе о 50-летию Союза ССР Л. И. Брежнев говорил: «В разнообразии национальных форм советской социалистической культуры все заметнее становятся общие интернациональные черты. Национальное все больше оплодотворяется достижениями других братских народов»³⁹.

Важнейший итог созидательной деятельности трудящихся всех национальностей Страны Советов за 60 лет ее героической истории — построение общества развитого социализма. Одним из основных показателей его зрелости является утверждение наряду с классами и социальными группами, нациями и народностями, на их основе новой исторической общности — советского народа. «Мы исходили и исходим из того, — говорил Л. И. Брежнев в Отчете ЦК КПСС XXV съезду партии, — что у нас сложилась новая историческая общность — советский народ, в основе которой лежит нерушимый союз рабочего класса, крестьянства и интеллигенции при ведущей роли рабочего класса, дружба всех наций и народностей страны»⁴⁰.

Новая общность сложилась в результате действия закономерностей социализма и зримо воплощает в себе его преимущества перед капитализмом. Она выступает как исторически необходимый фактор прогресса советского общества по пути к коммунизму, оказывая в то же время существенное воздействие на развитие мирового социалистического сотрудничества, на прогресс человечества вообще.

Определяющую роль в этой общности играет социально-классовое единство. «Союз рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции при ведущей роли рабочего класса стал прочной, нерушимой основой сложившейся в нашей стране новой исторической общности — советского народа»⁴¹.

Интернациональное единство — один из существенных признаков новой исторической общности людей и в то же время — важнейший фактор ее прогресса в ходе коммунистического строительства. Это единство — результат осуществления ленинской национальной политики КПСС по обеспечению всестороннего расцвета и неуклонного сближения наций.

Определяющее воздействие на формирование признаков новой исторической общности, на ее сущность оказывают интересы и коммунистические идеалы советского рабочего класса. Признаки и черты советского народа представляют собою сплав лучших общезначимых достижений всех наций, народностей. В их числе: общность экономической жизни, социально-классовое единство, общность политической и духовной жизни, интернациональное единство, общность советского образа жизни. Важным признаком советского народа является также наличие у него языка межнационального общения, каковым все больше становится русский язык. Его роль в общении народов, в их национальном развитии, знакомстве с достижениями мировой культуры возрастает наряду с развитием и умножением общественных функций национальных языков народов СССР.

Укрепление и развитие советского народа не ведет к ослаблению социальной роли или, тем более, исчезновению составляющих его общностей — наоборот, вхождение этих общностей в состав советского народа

³⁹ Брежнев Л. И. Ленинизм курсом, т. 4. М., 1974, с. 59.

⁴⁰ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 81.

⁴¹ «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», с. 11.

означает для них приобретение нового источника для своего дальнейшего и всестороннего прогресса.

«Всемирная история, — констатировал ЦК КПСС в связи с празднованием 50-летия образования Союза ССР, — еще никогда не видела во взаимоотношениях десятков наций и народностей столь нерушимого единства интересов и целей, воли и действий, такого духовного родства, доверия и взаимной заботы, какие постоянно проявляются в нашем братском союзе»⁴². Нерушимое единство и дружба народов, социалистический интернационализм во всех сферах нашей жизни, в сознании и поведении советских людей — таковы яркие грани советского образа жизни, выступающие как величайшее завоевание социализма, неоспоримое свидетельство его преимуществ перед капитализмом.

Опираясь на успехи страны, зафиксированные в проекте новой Конституции СССР, и мобилизуя всю мощь Советского государства на их приумножение, наша ленинская партия уверенно ведет советский народ к коммунизму. При этом ее руководящая роль в жизни советского общества постоянно возрастает. «Вооруженная марксистско-ленинским учением, — говорится в проекте Конституции СССР, — Коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный, научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма»⁴³.

Главные задачи, которые решает Советское государство под руководством ленинской партии в процессе строительства коммунизма, в проекте Конституции СССР определены следующим образом: создание материально-технической базы коммунизма, совершенствование социалистических общественных отношений и их преобразование в коммунистические, воспитание человека коммунистического общества, повышение материального и культурного уровня жизни трудящихся, обеспечение безопасности страны, содействие укреплению мира и развитию международного сотрудничества. Само собою разумеется, что решение этих задач невозможно без одновременного совершенствования социалистических национальных отношений, без дальнейшего расцвета и сближения наций, народностей, без интернационалистского воспитания трудящихся. В укреплении дружбы и интернационального единства народов партия видит один из главных источников силы и могущества Советского многонационального государства, социально-политического единства советского народа, залог его новых успехов в упрочении зрелого социализма и строительстве коммунизма.

⁴² О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик, с. 13.

⁴³ См. «Правда», 1977 г., 4 июня.

С. А. ФЕДЮКИН

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Великая Октябрьская социалистическая революция поставила в порядок дня ряд важнейших теоретических и практических вопросов, разрешение которых имело огромное историческое значение не только для успешного завершения социального переворота в России, но и для всего мирового революционного движения. Одним из них являлся вопрос о расширении социального базиса революции, о вовлечении в борьбу за социализм непролетарских масс города и деревни, так называемых средних слоев населения.

Среди непролетарских масс России эпохи социалистической революции весьма важное место по своему значению и положению занимала интеллигенция. К моменту Октябрьской революции численность интеллигентов и служащих государственных учреждений достигала примерно 1,5 млн. человек. По данным на 1914 г., в составе интеллигенции было 280 тыс. учителей, 76 тыс. медицинских, 60 тыс. инженерно-технических работников, 10,2 тыс. преподавателей высшей школы и сотрудников научных учреждений. В высших учебных заведениях училось 127,4 тыс. студентов, а в средних специальных учебных заведениях — 54,3 тыс. В 1916 г. в стране было 60 тыс. почтово-телеграфных служащих (без почтальонов). Сотни тысяч служащих работали в государственном аппарате и других учреждениях. К весне 1917 г. военная интеллигенция (офицеры, генералы, военные чиновники) насчитывала 189,6 тыс. человек¹. Если из общей цифры в 1,5 млн. исключить младших служащих, а также лиц, профессии которых не могут быть отнесены к традиционно «интеллигентским», то окажется, что численность интеллигенции в России ко времени Октябрьской революции равнялась приблизительно миллиону человек. В общей массе населения она составляла менее одного процента.

Октябрьская революция всколыхнула все классы и слои общества. Интеллигенция, связанная своим происхождением с различными классами, представляла в смысле своего политического облика неоднородную картину, что и предопределило ее отношение к социалистической революции. Как восприняла интеллигенция Октябрьскую социалистическую революцию и установление диктатуры пролетариата? Буржуазные историки, как раньше, так и теперь, утверждают, будто вся поголовно российская интеллигенция категорически отвергла Октябрь и активно боролась против власти рабочего класса. Столь примитивная и явно тенденциозная оценка политической позиции интеллигенции не имеет ничего общего с исторической действительностью и является фальсификаторской, призванной создать впечатление о социалистической революции как о явлении, не нашедшем поддержки в «образованных слоях»

¹ Великая Октябрьская социалистическая революция. М., 1968, с. 145.

русского общества. Антинаучная сущность подобного рода взглядов была подвергнута доказательной критике во многих работах советских историков².

В советской научной литературе теме «Октябрь и интеллигенция» отведено значительное место³. В многочисленных трудах охарактеризованы политические позиции отдельных групп интеллигенции в Октябрьской революции, показаны судьбы старой интеллигенции в послереволюционное время, рассматриваются общие вопросы ленинской политики Коммунистической партии в отношении буржуазной интеллигенции, дается анализ взглядов В. И. Ленина на проблему использования буржуазных специалистов, освещаются конкретные результаты, достигнутые партией и Советским государством в привлечении старой интеллигенции на сторону социализма⁴ и т. д.

Вместе с тем приходится отметить, что ряд важных вопросов, имеющих прямое отношение к теме «Октябрь и интеллигенция», остается еще вне круга исследования. Так, в нашей литературе не нашло освещения непосредственное участие интеллигенции в Октябрьской революции. Нет также исследования, посвященного роли в революции интеллигентов-большевиков и тесно примыкавшей к ним передовой, демократической части интеллигенции. Еще не определена общая точка зрения относительно политического размежевания российской интеллигенции в период Октябрьской революции, о чем, в частности, свидетельствует выход в свет интересной, хотя и не во всем бесспорной, статьи Л. А. Пинегиной⁵.

² Воронцова Б. С. Критика буржуазных фальсификаций политики Коммунистической партии по привлечению старой интеллигенции к социалистическому строительству в первые годы Советской власти (1917—1920 гг.).— Критика фальсификаций исторического опыта КПСС. М., 1973; Кучмаева И. К. Критика антикоммунистических фальсификаций марксистско-ленинского отношения к интеллигенции.— «Вестник Московского университета. Теория научного коммунизма». 1972, № 5 и др.

³ Ерман Л. К. В. И. Ленин о роли интеллигенции в демократической и социалистической революции, в строительстве социализма и коммунизма. М., 1970; Красильников С. А. Об историко-партийном подходе к проблеме «Революция и сибирская интеллигенция».— Вопросы историографии и источниковедения истории партийных организаций Сибири. Новосибирск, 1975; Логвинова В. И. Октябрь и интеллигенция.— Харьковский политехнический институт. Научная конференция. Сб. материалов. Харьков, 1968; Мамаева К. И. Великая Октябрьская социалистическая революция и интеллигенция. Рига, 1967; Соскин В. Л. Ленин, революция, интеллигенция. Новосибирск, 1973; его же. Политические позиции сибирской интеллигенции в период Октябрьской социалистической революции.— «Известия Сибирского отделения АН СССР», 1967, № 11, сер. обществ. наук, вып. 3; Федюкин С. А. Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972; Хренов Н. И. Из истории борьбы Коммунистической партии за интеллигенцию в Октябрьской революции.— Сб. трудов Ульяновского политехнического ин-та, 1968, т. 6, вып. 1 и др.

⁴ Анисимов А. А. В. И. Ленин о привлечении буржуазных специалистов на сторону Советской власти.— «Вопросы научного коммунизма». Вып. 6. М., 1974; Белопашкин С. Деятельность петроградской партийной организации по привлечению технической интеллигенции на сторону пролетариата в первые месяцы Советской власти (октябрь 1917—июнь 1918 гг.).— Из истории формирования советской интеллигенции. Л., 1972; Брегер М. А. Из истории борьбы за привлечение интеллигенции на сторону Советской власти в 1918 году.— Вопросы истории Среднего Поволжья. Саратов, 1965; Волков В. С. Вовлечение буржуазной технической интеллигенции в социалистическое строительство. (Письма В. И. Ленина как источник изучения проблемы).— «Ученые записки» кафедр общественных наук вузов Ленинграда, 1970, вып. 10; Генкина Э. Б. О ленинских методах вовлечения интеллигенции в социалистическое строительство.— «Вопросы истории», 1965, № 4; Красникова А. В. Из истории разработки В. И. Лениным политики привлечения буржуазной интеллигенции на службу Советской власти.— «Вестник Ленинградского университета», 1970, № 8, вып. 2; Рождественская Ф. П. В. И. Ленин об отношении к буржуазной интеллигенции.— «Ученые записки» МОПИ, т. 302, М., 1971; Точеная В. П. В. И. Ленин об интеллигенции в переходный период от капитализма к социализму.— «Вестник Московского университета», сер. IX, 1970, № 2 и др.

⁵ Пинегина Л. А. К вопросу о политическом размежевании буржуазной интеллигенции в период Октябрьской революции (1917—1918). «Вестник Московского университета», истор., 1974, № 2.

Отсутствуют работы о зарождении союза рабочего класса и интеллигенции. Ждет своего исследователя история той части интеллигенции, которая оказалась в лагере врагов революции. В научной литературе не преодолены разногласия в оценке нейтралитета части интеллигенции, масштабов и хронологических рамок саботажа интеллигенции, и т. д.

Цель настоящей статьи — привлечь внимание историков к проблемам, касающимся главным образом политического размежевания интеллигенции в период Октябрьской революции, форм и методов работы партии с интеллигенцией.

* * *

Принято считать, что интеллигенция после Октября разделилась на три группы: приветствовавшая революцию и содействовавшая ее победе; занявшая нейтральную позицию; враждебно встретившая установление диктатуры пролетариата. В целом такая схема соответствует исторической действительности. Нужно только заметить, что подобное деление до некоторой степени условно.

Некоторые историки указывают, что высшая интеллигенция враждебно встретила революцию, средняя заняла политически нейтральную позицию, а низшая стала союзником рабочего класса⁶. Подобное непосредственное соотнесение иерархического положения отдельных групп интеллигенции с их политической позицией представляется слишком прямолинейным и однозначным. Оно не учитывает «индивидуализма» интеллигентов, на который указывал В. И. Ленин, сложности и противоречий мировоззрения отдельных личностей внутри какой-либо группы или слоя интеллигенции.

В определении позиции того или иного интеллигента в революции его социальное происхождение не всегда играло решающую роль. История российской интеллигенции того времени знает столь парадоксальные ситуации, что обычные представления здесь не всегда подходят. Нельзя считать, что если интеллигент вышел из среды рабочих или крестьян, то он обязательно должен будет отстаивать их интересы. И наоборот, если интеллигент вышел из дворянской или буржуазной семьи, то он непременно будет защитником интересов помещиков и капиталистов. Следует иметь в виду указание К. Маркса и Ф. Энгельса, писавших, что «в те периоды, когда классовая борьба приближается к развязке, процесс разложения внутри господствующего класса, внутри всего старого общества принимает такой бурный, такой резкий характер, что небольшая часть господствующего класса отрекается от него и примыкает к революционному классу, к тому классу, которому принадлежит будущее»⁷. Так произошло и с некоторой частью российской интеллигенции. Подобные

⁶ См., напр., Кабанов П. И. История культурной революции в СССР. (Краткий очерк). М., 1971, с. 89—90 и др. В последнее время появилась иная точка зрения на позицию отдельных групп интеллигенции в Октябрьской революции. Л. А. Пинегина в упомянутой статье попыталась пересмотреть вышеприведенную схему. Полагая, что «в трудах некоторых историков позиция буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции на шкале политических настроений без достаточного на то основания слишком сдвинута влево», она о средней интеллигенции пишет, что «главным в отношении ее к Советской власти были враждебность и недоверие», а потому «представляется неправильным отнесение среднего слоя к политически нейтральной массе... следует большинство ее отнести к враждебно настроенной по отношению к Советской власти интеллигенции». (Пинегина Л. А. Указ. соч., с. 3, 8, 12).

⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М., 1959, с. 43—44.

исключения, конечно, не подвергают сомнению правильность классового подхода к анализу социальных явлений.

Поэтому точнее будет полагать, что каждая из групп интеллигенции — высшая, средняя, низшая — не была единой в смысле своего политического облика, что в отношении к революции водораздел проходил не только между группами интеллигенции, но и внутри групп. С учетом этих особенностей и следует подходить к оценке политической позиции интеллигенции в социалистической революции.

Выдающуюся роль в подготовке и проведении Октябрьской революции сыграли интеллигенты-большевики. Это была не такая уж незначительная по численности, как обычно принято считать, группа. Большой интерес в этой связи представляют материалы перерегистрации членов партии, проведенной весной 1920 г. Она охватила 213,6 тыс. коммунистов, проживавших в 38 губерниях страны (некоторые данные приведены по 46 губерниям), а также в Москве и Петрограде. Материалы перерегистрации свидетельствуют, что из вступивших в большевистскую партию до 1917 г. 13,3% были интеллигентами⁸, 15,6% — служащими, а из вступивших в 1917 г. соответственно — 5,3% и 16,3%⁹. Интеллигентов, не говоря уже о служащих, перед Октябрем в партии было больше, чем крестьян. Если распространить приведенное выше процентное соотношение на численность партии в 1917 г. (что, разумеется, можно сделать с известной степенью условности), то можно полагать, что из 350 тыс. коммунистов, насчитывавшихся в партии к октябрю 1917 г.¹⁰, интеллигентов-большевиков было приблизительно 20,5 тыс., а служащих — около 56 тыс. На самом деле число интеллигентов в партии было значительно больше названной цифры, ибо многие из них, вступившие в партию до октября 1917 г., погибли на фронтах гражданской войны или умерли по тем или иным причинам. Кроме того, следует иметь в виду, что некоторая часть служащих по своему образовательному и служебному цензу должна быть отнесена к интеллигенции. С учетом этих поправок можно предположить, что к концу 1917 г. в большевистской партии состояло приблизительно 30—35 тыс. интеллигентов, или 10% от общего количественного состава партии. В составе же всей интеллигенции удельный вес интеллигентов-большевиков равнялся примерно 3%.

Революционеры-интеллигенты входили в руководящее ядро большевистской партии. Это была самая передовая часть интеллигенции, самоотверженно отдававшая силы, знания, жизнь делу освобождения трудящихся. Многие из интеллигентов-большевиков были профессиональными революционерами, в течение десятилетий под руководством В. И. Ленина готовившими рабочий класс к свержению власти помещиков и буржуазии. После свершения социалистической революции на их плечи легла гигантская работа, связанная с защитой революции и организацией социалистического строительства.

Большевистская интеллигенция вобрала в себя все то лучшее, передовое, что было в обществе дореволюционной России. Высокообразованные люди, талантливые организаторы, интеллигенты-большевики в своей государственной деятельности опирались на творческие силы

⁸ Пожалуй, впервые (и, кажется, единственный раз) в историко-партийной статистике во время этой перерегистрации были выделены графы «интеллигенция» и «канцелярские служащие». В дальнейшем обе эти категории объединялись в рубрику «служащие».

⁹ Подсчитано по кн.: Личный состав РКП в 1920 г., М., 1921, с. IX—XI.

¹⁰ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3, кн. 1. М., 1967, с. 244.

народа. Об этом хорошо сказал американский журналист-коммунист Альберт Вильямс Рис: «...В новом кабинете министров была группа выдающихся людей, которая превратила его в самый образованный и культурный кабинет, когда-либо в мировой истории управлявший государством. Но я считаю, что основная характеристика большевистской интеллигенции — это ее неиссякаемая вера в народ...»¹¹.

Интеллигенция, воспитанная большевистской партией, являлась примером для всей массы интеллигенции, она оказала немалое влияние на ее позиции и политическое поведение в условиях диктатуры пролетариата. Рука об руку с большевиками шла часть интеллигенции, стоявшая на демократических позициях, которая только в революции, совершаемой рабочим классом, видела единственный путь решения сложных социальных проблем, вставших перед страной. История того времени знает немало крупных ученых, инженеров, писателей, артистов, врачей и т. п., которые, поняв, что новый общественный строй несет прогрессивные перемены в судьбах Родины, поставили свои знания и опыт на службу рабоче-крестьянской власти. В декабре 1917 г. В. И. Ленин отмечал, что «образованные люди уже теперь выделяются, переходя на сторону народа, на сторону трудящихся, помогая ломать сопротивление слуг капитала»¹².

Одним из первых представителей демократической интеллигенции, вставших на сторону революции и горячо поддержавших ее, был замечательный русский ученый-материалист К. А. Тимирязев. Его статьи, письма, обращенные к интеллигенции, сыграли выдающуюся роль в привлечении деятелей науки, культуры, искусства на сторону революционного народа. «Принимать или не принимать? Такого вопроса для меня не было. Моя революция!»¹³ — говорил В. В. Маяковский. В статье «Интеллигенция и Революция», опубликованной 19 января 1918 г., А. А. Блок призывал интеллигенцию: «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию»¹⁴.

Выдающиеся русские ученые Н. Е. Жуковский, К. Э. Циолковский, Н. Ф. Гамалея, Д. Н. Прянишников, В. Н. Шевкуненко, Д. К. Заболотный, С. П. Федоров, В. М. Бехтерев и многие другие не прерывали свою научную деятельность. Как только в г. Козлове была установлена Советская власть, И. В. Мичурин пришел в уездный земельный комиссариат и заявил о своем желании работать для революции. «Я встретил Октябрьскую революцию как должное, — писал он, — исторически необходимое по своей справедливости и неизбежности, и немедленно обратился ко всем честным специалистам сельского хозяйства с призывом перейти на сторону Советской власти и безоговорочно идти по пути рабочего класса и его партии»¹⁵.

В числе организаторов и руководителей отпора первому крупному военному выступлению против революции — нападению войск генерала Краснова на Петроград — были генералы старой армии М. Д. Бонч-Бруевич, С. Г. Лукирский, Н. И. Раттель и другие, разработавшие по заданию В. И. Ленина оборонительные мероприятия. В значительной степени благодаря их опыту и знаниям удалось создать прочные заслоны на подступах к революционному Петрограду.

Здесь названы имена лишь некоторых выдающихся деятелей культуры, науки, искусства. Но вместе с ними новую власть безоговорочно при-

¹¹ Рис Альберт Вильямс. Правда о России. — «Неделя», 1967, № 15, с. 4.

¹² Ленин В. И. ПСС, т. 35, с. 198.

¹³ Маяковский Владимир. Полн. собр. соч. в 13-ти т. Т. I. М., 1955, с. 25.

¹⁴ Блок Александр. Собр. соч. в 12-ти т. Т. VIII. Л., 1936, с. 55.

¹⁵ Мичурин И. В. Соч., т. I. М., 1948, с. 609.

няли тысячи «рядовых» интеллигентов — врачей, учителей, агрономов, инженеров, техников и пр. А. В. Луначарский говорил, что «мы с благодарностью можем назвать десятки больших имен и указать на сотни, может быть, на тысячи скромных тружеников, которые сразу или более или менее скоро, но совершенно искренне пошли на работу обороны и созидания нового, социалистического отечества»¹⁶. Лучшие представители демократической интеллигенции не только приветствовали приход революции, но и вместе с рабочими, солдатами, крестьянами «делали» ее, принимали самое активное участие в установлении Советской власти на местах, в защите революции на полях гражданской войны.

Историческая действительность убедительно опровергает вымыслы буржуазных историков и публицистов о том, что российская интеллигенция целиком и полностью не приняла Октябрьскую революцию, не признала власти Советов и боролась против нее. Беспочвенность подобных утверждений отмечали и современники событий. Еще в начале 20-х годов известный партийный критик и публицист Вяч. Полонский, много занимавшийся историей интеллигенции в Октябрьской революции, писал, что «всякие разговоры об „интеллигенции“ вообще, которая будто бы вся целиком оказалась против революции, — ложны. С буржуазией пошла одна часть интеллигенции, с революцией — другая»¹⁷.

Переход определенной части интеллигенции на сторону революционного народа не был случайным. Неверно полагать, что в предреволюционное десятилетие вся русская интеллигенция стала «веховской», примкнула к лагерю реакции. Среди довольно значительной части ее были живы демократические традиции, традиции революционного народничества, звавшие интеллигенцию служить трудовому народу.

Социальные идеалы, которые выдвинул и за которые боролся рабочий класс под руководством большевистской партии, находили отклик и поддержку не только в массах пролетариата и крестьянства. Правоту и историческую справедливость этих идеалов признавали и им сочувствовали прогрессивно мыслящие представители демократической интеллигенции и даже буржуазии и дворянства. Несмотря на принадлежность или близость к правящим классам России, они видели страдания и беды трудового народа и хорошо понимали, что нужны решительные действия для того, чтобы вывести его на широкую дорогу экономического и культурного прогресса. Выход из тупика, в котором оказалась страна, указали большевики. Вот почему Октябрьская революция была воспринята демократической интеллигенцией как великая буря, расчищающая почву для возрождения России. А то, что именно большевики являются подлинными выразителями и защитниками интересов трудового народа, поняли многие истинные демократы. Так, уже в начале 1918 г. К. А. Тимирязев пришел к выводу, что «за тысячелетнее существование России в правящих кругах нельзя было найти столько честности, ума, знания, таланта и преданности своему народу, как в рядах большевиков»¹⁸.

Таким образом, в дни острейших классовых столкновений часть российской интеллигенции сумела подняться выше мировоззренческих идеалов старого общества, понять закономерность и историческую необходимость социалистической революции и примкнуть к революционному пролетариату. Побудительным фактором этого решения являлась острая неудовлетворенность политическим строем дореволюционной России, критический взгляд на российскую действительность, надежда на корен-

¹⁶ Луначарский А. В. Об интеллигенции. Сб. статей. М., 1923, с. 42.

¹⁷ Полонский Вяч. На литературные темы. М., 1968, с. 117.

¹⁸ Тимирязев К. А. Соч., т. IX. М., 1939, с. 387.

ные изменения общего порядка вещей в стране, где, по выражению А. А. Блока, «в сердцах царили сон и мгла».

Эта группа интеллигенции сыграла большую роль в закреплении завоеваний социалистической революции. В годы гражданской войны демократическая интеллигенция активно пополняла ряды большевистской партии. В 1920 г. 25% членов партии по своему социальному положению являлись интеллигентами и служащими¹⁹. К этому времени коммунистами были 6,5 тыс. техников и механиков, около 10 тыс. педагогов и других работников народного просвещения, 1,5 тыс. врачей и фельдшеров, 1 тыс. агрономов, землемеров, ученых лесоводов, 1,6 тыс. инженеров, литераторов, статистиков, юристов, 2 тыс. работников искусств, 1,7 тыс. военных специалистов (только в тыловых частях и учреждениях), 5,3 тыс. работников связи, 45 тыс. служащих государственного аппарата²⁰.

Однако справедливость требует признать, что лишь сравнительно незначительная масса интеллигенции искренне перешла на сторону революции. Большая группа интеллигенции не сумела разобраться в происходящих событиях и заняла нейтральную, выжидательную позицию, заявляя о своем невмешательстве в «политику» и призывая новую власть «не трогать ее чертежей». В нее входили представители всех слоев интеллигенции. Эти люди не понимали сущности Советской власти и значения революционных преобразований, открывавших безграничные перспективы для расцвета творческих возможностей народа и развития производительных сил страны. Н. К. Крупская так писала, например, о растерявшемся и сомневающемся учительстве: «В первые годы, конечно, это не вина учителя, а беда его,—учитель растерялся, не знал, что такое Советская власть, надо ли ему идти с нею, или надо ему с нею бороться и только постепенно, путем тяжелых размышлений, путем долгих страданий, пришел он к заключению, что он должен связать свое дело с делом рабочего класса»²¹. То же самое можно сказать и о других профессиональных группах интеллигенции.

В том, что часть буржуазной интеллигенции заняла нейтральную позицию по отношению к Советской власти, объявила себя стоящей «вне политики», ничего неожиданного не было. «Вы очень наивны, если думаете,—говорил В. И. Ленин своим оппонентам,—что в день победы пролетариата — интеллигенция, средний класс, мелкая буржуазия станут коммунистическими»²². В группу интеллигентов, занявших нейтральную позицию по отношению к Советской власти, многих привели страх перед революционным народом, перед призраком эксцессов и разрушения культуры и культурных ценностей, непонимание сущности социалистической революции. Этой боязни разрушительной силы революции не избежал даже великий пролетарский писатель А. М. Горький, правда, вскоре понявший свое заблуждение. Но в интеллигентской массе были слышны подогреваемые буржуазной и меньшевистски-эсеровской прессой громкие стенания и вопли о разрушении культурных ценностей. И неудивительно, что растерявшийся и оглушенный водоворотом революции, выбитый из колен привычных представлений о «поступательном прогрессе» интеллигент предпочел выждать ход событий, подчиниться победившей власти, отнюдь не приемля ее. Вместе с тем многие интеллигенты сознавали, что их труд необходим народу, и продолжали работать на предприятиях и в учреждениях.

¹⁹ Личный состав РКП в 1920 г. М., 1921, с. 28—29.

²⁰ Там же.

²¹ «Народное просвещение», 1925, № 2, с. 113.

²² Ленин В. И. ПСС, т. 41, с. 258.

Именно потому, что «нейтралы» трудились в народном хозяйстве и культуре, делали полезное для революции дело, их нельзя характеризовать как врагов Советской власти. Эта группа интеллигенции сыграла в целом положительную роль в поддержании хозяйственной и культурной жизни страны на минимальном уровне.

Значительная часть интеллигенции не только не приняла социалистическую революцию или заняла по отношению к ней нейтральную позицию, но и встала на путь саботажа мероприятий Советской власти. Наиболее распространенными были дезертирство со службы, забастовки, игнорирование распоряжений органов Советской власти, бойкот людей, сотрудничавших с советскими государственными и хозяйственными организациями и т. п. «Сторонники буржуазии, особенно из высших служащих, из банковых чиновников и т. п., — указывал В. И. Ленин, — саботируют работу, организуют стачки, чтобы подорвать правительство в его мерах, направленных к осуществлению социалистических преобразований»²³.

В буржуазной прессе того времени часто можно было встретить утверждение, что саботаж и забастовки были ответной реакцией на насильственные меры, принимаемые Советской властью по отношению к определенным кругам населения, в том числе и к интеллигенции, — аресты, увольнение с работы, выселение из квартир и особняков и т. п., — что большевики «натравливали» рабочих на интеллигенцию. Но дело обстояло как раз наоборот. Это реакционеры из среды интеллигенции, используя печать, настраивали обывательские массы против представителей революционных властей, подстрекали к антисоветским выступлениям. Новая власть с самых первых дней звала интеллигенцию к совместной созидательной работе. И лишь когда определенно выявилась антисоветская позиция некоторых кругов интеллигенции, когда на призывы к сотрудничеству они ответили саботажем, забастовками, прямыми контрреволюционными действиями, Советская власть оказалась вынужденной прибегнуть к репрессивным мерам.

По этому поводу В. И. Ленин писал: «Саботаж был начат интеллигенцией и чиновничеством, которые в массе буржуазны и мелкобуржуазны... Озлобление рабочих и крестьян за саботаж интеллигенции неизбежно, и винить если можно кого, то только буржуазию и ее вольных и невольных пособников». «Если бы мы, — продолжал В. И. Ленин, — „натравливали“ на „интеллигенцию“, нас следовало бы за это повесить. Но мы не только не натравливали народ на нее, а проповедовали от имени партии и от имени власти необходимость предоставления интеллигенции лучших условий работы»²⁴.

Саботаж интеллигенции не был явлением повсеместным. Его ареной были главным образом столичные центры — Москва, Петроград, некоторые губернские города. Печать тех дней, а также воспоминания современников свидетельствуют, что во многих районах страны, в том числе и в крупных промышленных, а также в сельской местности саботаж интеллигенции, за небольшим исключением, не имел места. Видный деятель партии А. А. Андреев, в начале 1918 г. работавший на Урале, отмечал, что «за некоторым исключением весь инженерно-технический персонал, служащие остались на своих местах, приняли участие в организации нового управления заводами Урала»²⁵. Подобных фактов можно привести немало.

²³ Ленин В. И. ПСС, т. 35, с. 156.

²⁴ Ленин В. И. ПСС, т. 38, с. 220.

²⁵ Андреев А. А. О незабываемом. Очерки революционера-большевика. М., 1972, с. 122.

В саботаж оказались вовлеченными лишь определенные группы интеллигенции, главным образом служащие государственных учреждений, а также учителя, врачи. Вместе с тем следует подчеркнуть, что саботировали далеко не все учителя, врачи и служащие. Многие энергично протестовали против подобных форм борьбы с революционной властью, публично заявляли о своем несогласии с политической линией лидеров контрреволюционной интеллигенции и, конечно, не покидали своих служебных постов.

Таким образом, саботаж не был явлением повсеместным и всеобщим. Между тем тенденция называть всех интеллигентов саботажниками проявилась уже в выступлениях некоторых публицистов первых лет Советской власти. Подобная несправедливость, естественно, вызывала протест со стороны добросовестно служивших Советской власти интеллигентов. Так, З. Глезеров, врач из Ветлуги, писал: «Нас, участковых врачей глухих углов, смешали в одну кучу с той верхушкой московских, ленинградских врачей, которые в октябрьские дни сделали свое черное дело, от которых мы, участковые врачи (а нас ведь сотни и тысячи), резко отмежевались... Участковые врачи в октябрьские дни и после с большим вниманием и энергией исполняли свою тяжелую работу, месяцами не получая жалованья»²⁶. К сожалению, приходится заметить, что и в современной научной литературе не изжита еще эта точка зрения. Например, о «всеобщем фактическом саботаже интеллигенции» пишет Л. А. Пинегина²⁷. По мнению А. В. Красникова, саботаж интеллигенции был «буквально всеобъемлющим»²⁸. Подобные утверждения, противоречащие истине, можно найти и у некоторых других авторов.

Касаясь хронологических рамок саботажа интеллигенции, некоторые исследователи полагают, что, начавшись в первые дни революции, этот саботаж продолжался год, а то и два-три года. Так, Л. А. Пинегина пишет о годе всеобщего саботажа интеллигенции²⁹. В. И. Талагаева и А. К. Петров отмечают, что лишь «к началу 1920 года саботаж контрреволюционной части интеллигенции в основном был сломлен»³⁰. Наш взгляд, нет достаточно веских оснований полагать, что он был столь длительным; факты свидетельствуют, что активный, систематический саботаж был преодолен к весне 1918 г. В феврале прекратилась забастовка врачей, в марте — учителей. Восстановилась относительно нормальная деятельность городского транспорта, коммунального хозяйства, учреждений, предприятий. В протоколе пленума ЦК РКП(б) от 31 марта 1918 г. записано: «Было констатировано, что период завоевания власти кончился, идет основное строительство. Необходимо привлечь к работе знающих, опытных, деловых людей. Саботаж интеллигентских кругов сломлен...»³¹. Этот же факт отмечал в марте 1918 г. и В. И. Ленин, указывая, что «в настоящее время мы наблюдаем чрезвычайно широкий, можно сказать, массовый поворот настроения и политического поведения в лагере бывших саботажников, т. е. капиталистов и буржуазной интеллигенции. Мы имеем теперь перед собою во всех областях хозяйственной и политической жизни предложение услуг со стороны громадного числа буржуазной интеллигенции и деятелей капиталистического хозяйства, — предложение ими услуг Советской власти»³².

²⁶ «Правда», 1924 г., 12 июля.

²⁷ Пинегина Л. А. Указ. соч., с. 10.

²⁸ Красникова А. В. Указ. соч., с. 35.

²⁹ Пинегина Л. А. Указ. соч., с. 10.

³⁰ Талагаева В. И., Петров А. К. Из опыта Владимирской партийной организации по вовлечению старых специалистов в социалистическое строительство (1917—1927 годы). — Культурная революция в СССР и духовное развитие советского общества. Свердловск, 1974, с. 406.

³¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 1, л. 4 об.

³² Ленин В. И. ПСС, т. 36, с. 137.

Вместе с тем часть интеллигенции не только не ограничилась относительно кратковременным саботажем, но заявила себя идейным, активным врагом социалистической революции. Это были в массе своей представители старой России, чуждые новым веяниям, отрицавшие революцию как исторический рубеж, за которым начиналась новая жизнь страны.

Наиболее значительную долю этой группы интеллигенции составляли кадровое офицерство, белоподкладочное студенчество, реакционная профессура, некоторые писатели и журналисты, крупные адвокаты, инженеры, служащие. Были среди них представители и других слоев интеллигенции — врачи, агрономы, учителя и пр. По своим политическим взглядам и симпатиям эта группа была неоднородной. Одни интеллигенты были ярко выраженными монархистами, не оставлявшими надежды восстановить власть «законного государя», другие состояли в буржуазных партиях, боровшихся с большевиками и рабочим классом во имя «подлинной демократии», т. е. буржуазной республики. Среди оголтелых контрреволюционеров были и интеллигенты, называвшие себя революционерами и социалистами. Например, когда-то видный участник народного движения Н. В. Чайковский возглавил в Архангельске белогвардейское правительство. Но всех этих людей, различных по своим политическим убеждениям, объединяло одно — ненависть к большевикам, к Советской власти.

Контрреволюционная интеллигенция не стеснялась в выборе средств для борьбы с Советской властью. Участие в белогвардейских армиях, сотрудничество с интервентами, организация заговоров и восстаний, клеветнические выступления в буржуазной печати внутри страны и иностранной прессе — все признавалось приемлемым для «добропорядочного» интеллигента в борьбе с рабочими и крестьянами.

Почему же эта интеллигенция, называвшая себя «народной», так громко прокламировавшая свою любовь к рабочему и крестьянину, заняла враждебную Советской власти позицию, пошла на саботаж и контрреволюцию? Причин этого несколько. Некоторые были выходцами из эксплуататорских классов — буржуазии и дворянства, связаны с ними, так сказать, «кровным родством». Другие занимали в общем привилегированное положение, получали большие оклады, гонорары, тантёмы и ни в коем случае не хотели поступиться этими благами. Далее, буржуазная интеллигенция, мнившая себя «солью» нации, считавшая себя носительницей культуры народа, его совестью и на этом основании претендовавшая на руководящую роль в обществе, неприятно была поражена тем фактом, что у ключевых постов управления в государстве оказалась не она и не буржуазия, интересы которой она защищала, а «меньшая братия» — рабочие и крестьяне.

Следует учитывать, что многие интеллигенты были членами контрреволюционных партий, как буржуазных, так и мелкобуржуазных — кадетов, меньшевиков, эсеров и т. п., а если и не состояли в них формально, то, во всяком случае, сочувственно относились к их программам. Значительную роль в определении позиции этой интеллигенции играл и такой фактор, как организация отдельных ее групп в массовые союзы: «Всероссийский союз инженеров», «Всероссийский учительский союз», ассоциации врачей, студентов и т. д. В речи на I Всероссийском съезде работников просвещения 1 августа 1919 г. В. И. Ленин указывал, что всегда в первое время прошлое держит в своей власти силу и влияние на массовые организации. Руководство в них было, как правило, меньшевистско-эсеровским или кадетским и своим авторитетом, прямым давлением понуждало членов союзов

устраивать забастовки, митинги протеста против революционной власти. Дух корпоративности, солидарности был силен в таких организациях, и многие примыкали к антисоветски настроенному руководству в силу «товарищества».

Наконец, на известную часть интеллигенции отрицательное воздействие оказывали анархические призывы «Пролеткульта» «выбросить за борт» буржуазную культуру, а также прожектерские планы иных деятелей просвещения, культуры, искусства, по которым следовало разрушить старую школу, театр, низвести университеты до уровня лишь пропагандистов науки и т. п. Например, многие педагоги увидели серьезную опасность делу просвещения в предложениях отдельных работников Наркомпроса в первые месяцы существования Советской власти ликвидировать в школах учебные классы, отменить уроки, домашние задания, отказаться от программ и учебников, ввести выборы учителей учениками и т. п.

Подобные перегибы (они имели место также в литературе и в искусстве) А. В. Луначарский назвал «бурным течением, преисполненным революционного энтузиазма, верой в себя и несколько, скажем, юношеским легкомыслием». Он справедливо отмечал, что этими перегибами пользовались в своих антисоветских целях реакционеры. «Оппозиционное, контрреволюционное учительство было даже радо остроте лозунгов и непримиримости пересоздателей. Это давало ему возможность либо своими руками помогать разрушению, и потом говорить: „Вот до чего довели большевики!“; либо отсиживаться на старых позициях...»³³.

Таким образом, говорить о какой-то единой, однозначной позиции интеллигенции в отношении социалистической революции уже в первый период ее развития нет никаких оснований. Одна ее часть — интеллигенты-большевики, а также те, кто сочувствовал социальным целям большевиков — шла во главе революционных масс. Другая часть интеллигенции заняла прямо противоположную политическую позицию и играла активную роль в стане контрреволюции. Ни та, ни другая группы не составляли большинства интеллигенции. Самой значительной по численности была третья группа интеллигенции, занимавшая позицию невмешательства в «политику», «нейтралитета» — неустойчивого, беспринципного, недолговечного. Именно эта группа являлась главным объектом воздействия как со стороны рабочего класса и большевиков, так и со стороны буржуазии и ее партии. Собственно говоря, от того, какая сторона — рабочий класс, большевики или буржуазия — сумеет «перетянуть» на свою сторону эту колеблющуюся массу интеллигенции, зависело решение проблемы интеллигенции в целом.

Задачи дальнейшего развития революции, укрепления диктатуры пролетариата предопределили и характер политики Коммунистической партии в отношении буржуазной интеллигенции. Молодое Советское государство испытывало отчаянную нужду в высококвалифицированных кадрах. Оно не могло ждать, пока будут созданы кадры интеллигенции из рабочих и крестьян. Для этого оно не располагало ни временем, ни средствами, ни достаточным количеством учебных заведений. Социалистическая революция выдвинула перед большевиками и Советским государством необычную задачу — поставить старую интеллигенцию на службу новому общественному строю. Причем речь шла об использовании буржуазных специалистов не на каком-то отдельном участке. «Вопрос о буржуазных специалистах стоит в армии, в промышленности, в кооперативах, — *поит везде*»³⁴. — подчеркивал В. И. Ленин.

³³ Народный комиссариат по просвещению. 1917 — октябрь — 1920 (Краткий отчет). М., 1920, с. 4—5.

³⁴ Ленин В. И. ПСС, т. 38, с. 165.

Курс партии на привлечение буржуазных специалистов к строительству социализма был четко сформулирован в партийной программе, принятой VIII съездом РКП(б). В ней было записано, что «задача развития производительных сил требует немедленного, широкого и всестороннего использования оставленных нам в наследство капитализмом специалистов науки и техники, несмотря на то, что они в большинстве случаев неизбежно пропитаны буржуазными мирозерцанием и навыками...»³⁵. При этом речь шла не о временном и лишь сугубо утилитарном использовании опыта и знаний старой интеллигенции, а о том, что эту интеллигенцию нужно «переделать, переварить, перевоспитать»...³⁶, чтобы превратить в конечном счете старую интеллигенцию в союзника рабочего класса в его борьбе за социализм.

Политическая линия победившего рабочего класса и его партии в отношении интеллигенции определялась ленинским учением о диктатуре пролетариата, о союзниках его в революции и социалистическом строительстве. «Диктатура пролетариата,— писал В. И. Ленин,— есть особая форма классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д.), или большинством их, союза против капитала, союза в целях полного свержения капитала, полного подавления сопротивления буржуазии и попыток реставрации с ее стороны, союза в целях окончательного создания и упрочения социализма. Это — особого вида союз, складывающийся в особой обстановке, именно в обстановке бешеной гражданской войны, это союз твердых сторонников социализма с колеблющимися его союзниками, иногда с „нейтральными“ (тогда из соглашения о борьбе союз становится соглашением о нейтралитете), союз между неодинаковыми экономически, политически, социально, духовно классами»³⁷.

А. М. Горький вспоминает, как однажды В. И. Ленин говорил ему: «Союз рабочих с интеллигенцией, да? Это — неплохо, нет. Скажите интеллигенции, пусть она идет к нам»³⁸.

Сближение основной массы интеллигенции с рабочим классом, вовлечение ее в активную борьбу за переустройство общества на социалистических началах — сложный, трудный и противоречивый процесс, не имевший прецедента во всей предшествующей истории. Проблема привлечения интеллигенции для победы и укрепления нового общественного строя во всей своей полноте встает только перед социалистической революцией. В этом вопросе существует глубокое принципиальное различие между пролетарской революцией и революцией буржуазной, обусловленное характером развития новой экономики, новых общественных отношений в недрах старого общества.

В решении проблемы интеллигенции партия, Советское государство руководствовались принципами, разработанными В. И. Лениным. Обоснование необходимости привлечения буржуазной интеллигенции к социалистическому строительству и обороне страны дано В. И. Лениным в таких трудах, как «Удержат ли большевики государственную власть?», «Очередные задачи Советской власти», «Доклад об очередных задачах Советской власти на заседании ВЦИК 29 апреля 1918 года», «Ценные признания Питирима Сорокина», «Успехи и трудности Советской власти» и ряде других. К этой политически острой проблеме В. И. Ленин

³⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1970, с. 52.

³⁶ Ленин В. И. ПСС, т. 41, с. 101.

³⁷ Ленин В. И. ПСС, т. 38, с. 377.

³⁸ Живой Ленин. Воспоминания писателей о В. И. Ленине. М., 1965, с. 332.

обращался также в выступлениях на VIII съезде партии, VIII Всероссийской конференции РКП(б), VIII Всероссийском съезде Советов, IX, X, XI съездах партии. Важным источником для понимания ленинских взглядов на интеллигенцию является эпистолярное наследие В. И. Ленина послеоктябрьского периода. Так, только в деловых письмах (1917—1922 гг.) в той или иной связи упоминаются имена около 170 ученых, инженеров, деятелей культуры³⁹.

Глубоко анализируя и обобщая опыт пролетариата и его партии, В. И. Ленин пришел к выводу, что использование буржуазных специалистов является одной из форм классовой борьбы⁴⁰. Она, разумеется, резко отличалась от таких форм, как гражданская война и т. п. Своеобразие ее заключалось в том, что рабочий класс привлекал к сотрудничеству часть тех сил, с которыми ему в тот период приходилось бороться, подчас вооруженным путем. Это была борьба не с интеллигенцией как таковой, а борьба за интеллигенцию. В. И. Ленин поставил задачей оказывать на интеллигенцию «систематическое» руководящее воздействие [тоже — борьба, но особого рода, преодоление известного, правда совсем иного сопротивления]...⁴¹ Вместе с тем эта форма классовой борьбы предполагала в качестве объекта воздействия не только интеллигенцию. Необходимо было добиваться изменения отношения к интеллигенции со стороны значительной части рабочего класса, трудящихся масс, а также единства действия и взглядов внутри самой партии, преодолеть левосектантские настроения среди части коммунистов. Таким образом, эта форма классовой борьбы являлась многосторонней, сложной.

В. И. Ленин полагал, что привлечение буржуазной интеллигенции к социалистическому строительству возможно лишь при соблюдении некоторых важных принципов. Так, непременным условием этого привлечения В. И. Ленин считал установление строгого контроля рабочего класса за деятельностью интеллигенции. Без такого контроля, без «здорового недоверия» к интеллигенции дело революции пострадало бы самым серьезным образом. Услугами буржуазных интеллигентов, учил он, необходимо воспользоваться «при полном соблюдении верховенства, руководства и контроля Советской власти»⁴². Следует особо подчеркнуть важность этой ленинской мысли. Коммунистическая партия, рабочий класс призывали интеллигенцию к активному сотрудничеству не с целью разделить с нею власть. К политическому руководству обществом рабочий класс был подготовлен всем предшествующим опытом классовой борьбы и своего «верховенства» уступать кому-либо не собирался. Что же касается практического осуществления своей диктатуры, «техники управления», умения на научных основах организовать экономическую и культурную жизнь страны, то в этом смысле опыта у победившего пролетариата было мало, и ему нужно было его приобретать.

Не менее важным условием привлечения буржуазной интеллигенции В. И. Ленин считал систематическую, упорную учебу рабочих и крестьян у этой интеллигенции, у специалистов науки, техники, культуры, военного дела. Можно привести множество примеров того, как В. И. Ленин весьма резко критиковал бюрократическое самомнение, самую мысль о том, что рабочему классу учиться у побежденной буржуазии нечему. «Наша задача, — указывал он, — путем опыта привлекать в широких размерах специалистов, заменять их, подготавливая новый командный состав, новый круг специалистов, которые должны научиться чрезвычайно трудному, новому и сложному делу управления»⁴³.

³⁹ Волков В. С. Указ. соч., с. 104—105.

⁴⁰ См. Ленин В. И. ПСС, т. 39, с. 264.

⁴¹ Ленинский сборник III, с. 494.

⁴² Ленин В. И. ПСС, т. 36, с. 137.

⁴³ Ленин В. И. ПСС, т. 39, с. 431.

Проблема использования буржуазной интеллигенции могла быть успешно решена лишь при условии развертывания широкой разъяснительной работы среди трудящихся. Естественно, что рабочие, совершившие революцию и свергнувшие власть капиталистов, недружелюбно, а подчас и враждебно относились к специалисту, который вчера еще был директором или управляющим, отстаивал интересы эксплуататоров. Нужно было терпеливо разъяснять рабочим, говорил В. И. Ленин, что «капитализм оставил нам громадное наследство, оставил нам своих крупнейших специалистов, которыми мы должны непременно воспользоваться и воспользоваться в широком размере, пустив всех их в ход»⁴⁴.

Сложность заключалась в том, что убеждать в этом приходилось не только полуграмотных рабочих и неграмотных крестьян, не только левых эсеров и анархистов, но также некоторых коммунистов, отвергавших использование буржуазной интеллигенции из «принципиальных» соображений. Когда Н. Бухарин, Н. Осинский и другие «левые» коммунисты утверждали, что учиться у организаторов производства нечему, то В. И. Ленин замечал по этому поводу, что «от марксизма тут не осталось ничего»⁴⁵.

«Левые», спекулируя на недоверии части рабочей массы к интеллигенции, встречали в штыки мероприятия Коммунистической партии по привлечению специалистов к организации хозяйства, строительству новой культуры. Точку зрения «левых» коммунистов на интеллигенцию разделял и Г. Зиновьев, потребовавший на совещании Петроградского комитета партии с активом (после убийства М. С. Урицкого), «разреши́ть всем рабочим справляться с интеллигентами по-своему (прямо на улице)»⁴⁶. Разумеется, такое требование было категорически отвергнуто участниками совещания.

Следует заметить, что нигилистическое отношение к интеллигенции было явлением довольно распространенным и продолжительным. С «левацкими» взглядами на интеллигенцию, на использование буржуазных специалистов выступали различного рода оппозиции — военная на VIII съезде партии (В. Смирнов, Ем. Ярославский, К. Ворошилов, Ф. Голощекин и др.), «рабочая оппозиция» (А. Шляпников, С. Медведев, А. Коллонтай и др.), группа «демократического централизма» (Т. Сапронов, Н. Осинский и др.). Так называемым «спеце́дством» была заражена и часть рабочего класса; рецидивы его проявлялись вплоть до начала 30-х годов.

«Левацкие» перегибы, тенденции сектантского отчуждения от интеллигенции рабочего класса и крестьянства имели место и в литературе, искусстве. Полагая, что вся старая интеллигенция и по классовой природе и по миропониманию буржуазна и таковой останется до конца (точка зрения Троцкого), некоторые «левые» выражали мнение, что интеллигенцию следует исключить из общественной жизни страны. Особенно непримиримо настроенными в отношении интеллигенции были как раз не рабочие, а интеллигенты, из тех, о которых в письме ЦК РКП(б) «О Пролеткультах» было сказано, что они, под видом пролетарской культуры навязывали передовым рабочим свои собственные полубуржуазные и антимарксистские взгляды. В роли защитника такого рода «классовой чистоты» нового общества оказался, например, В. Э. Мейерхольд, заявивший, что «между интеллигенцией и рабочим классом необходим самый резкий раскол»⁴⁷. И не такими уж неожиданными и курьезными

⁴⁴ Ленин В. И. ПСС, т. 37, с. 400—401.

⁴⁵ Ленин В. И. ПСС, т. 36, с. 311.

⁴⁶ Стасова Е. Д. Страницы жизни и борьбы. М., 1957, с. 100—101.

⁴⁷ «Вестник работников искусств», 1921, № 4—6, с. 69.

на фоне «левацких» заявлений выглядели требования изгнать из обихода самое понятие «интеллигенция»⁴⁸.

Но имела место и другая крайность, а именно — стремление всю интеллигенцию заставить поступать и мыслить «по-коммунистически». Некоторые советские публицисты, а также партийные работники полагали, что коль скоро интеллигенция живет в стране, борющейся за социализм, то по образу мыслей своих она должна быть непременно коммунистической и никакой иной. Они не допускали возможности, что для значительной части этого общественного слоя потребуется более или менее продолжительный переходный период, в течение которого она начнет покидать буржуазные идеологические позиции, но еще не созрел для того, чтобы прочно утвердиться в принципах социалистического мировоззрения. По этому поводу А. Б. Луначарский писал: «Не нужно, думается мне... требовать от них (т. е. от интеллигентов, сотрудничающих с Советской властью.— С. Ф.) четкости, коммунистичности, или, хотя бы, марксистского мышления. Не нужно ставить им чрезмерные политические требования... Было бы безрассудно сказать: „Иди с нами, или против нас“ (по поводу запросов теории и выдержанности в дисциплине этих элементов и их пролетарской этике и т. д.). Нет: „Кто против буржуазии, тот с нами“, — вот лозунг, который должен быть поставлен в основу...»⁴⁹. Это была правильная в тех исторических условиях постановка вопроса; формула А. В. Луначарского соответствовала общим принципам политики партии в отношении интеллигенции.

Коммунистическая партия, В. И. Ленин вели упорную, последовательную и принципиальную борьбу с «левацкими» взглядами на положение и роль интеллигенции в послереволюционном обществе.

Вопросы борьбы с искривлениями ленинской линии в отношении интеллигенции рассматривались рядом партийных съездов и конференций. Требование беспощадно бороться с мниморадикальным мнением, что рабочий класс может обойтись без буржуазных специалистов, было сформулировано в партийной программе, принятой VIII съездом РКП(б), а также в резолюциях других съездов партии.

Коммунистическая партия и Советское государство по отношению к буржуазной интеллигенции проводили политику, основывавшуюся на тщательном учете положения и поведения этого социального слоя в условиях диктатуры пролетариата. Партия никогда не рассматривала интеллигенцию, как единую безликую массу, дифференцированно подходила к ее отдельным группам. Убедительным тому свидетельством является ее политика в отношении «нейтралов». С самыми непримиримыми, контрреволюционными элементами велась беспощадная борьба. Но если определенная часть интеллигенции начинала колебаться и от враждебности поворачивала к нейтралитету и к сотрудничеству с Советской властью, то здесь, как требовал В. И. Ленин, «нашим лозунгом должно быть *соглашение*, установление добрососедских отношений»⁵⁰. Задача заключалась не в том, чтобы на второй день революции сделать ее сторонниками тех, кто придерживался иных убеждений. Цель партии состояла в том, чтобы использовать интеллигенцию, называвшую себя нейтральной, для укрепления нового общества. Больше того, В. И. Ленин рассматривал нейтральность как необходимую ступеньку на пути интеллигенции к признанию идей социализма. Схему перехода мелко-

⁴⁸ Например, Н. Майорский в статье «Стратегия культурного фронта» писал, что «лучше вовсе упразднить это противное слово» («Октябрь мысли», 1924, № 1, с. 11).

⁴⁹ Луначарский А. В. Интернационал и интеллигенция. — «Работник просвещения», 1921, № 7, с. 10.

⁵⁰ Ленин В. И. ПСС, т. 37, с. 219.

буржуазных слоев на позиции Советской власти В. И. Ленин определил так: «...От враждебности большевизму сначала к нейтральности, потом к поддержке его»⁵¹.

В условиях ожесточенной классовой борьбы интеллигент, причислявший себя к нейтральным, при малейшем успехе контрреволюции был способен перейти в лагерь врагов Советской власти. И тем не менее приходилось этот неустойчивый, колеблющийся, половинчатый нейтралитет признавать и использовать для укрепления Советской власти. А если бы эта власть признала нейтралитет интеллигенции абсолютным злом и повела бы с ним борьбу в том смысле, что «нейтрал» — это враг, настоящий или потенциальный, то, по выражению В. И. Ленина, «себя подрезали бы».

Для Советского государства в то время было предпочтительнее, чтобы определенная часть интеллигенции оставалась на позициях нейтралитета, нежели приняла бы участие в активной борьбе против диктатуры пролетариата. В противном случае выиграл бы лагерь врагов революции. Нейтрализация интеллигенции позволяла партии и государству отвоевывать у буржуазии ее резервы, облегчала борьбу за укрепление диктатуры пролетариата, углубляла дифференциацию интеллигенции, давала возможность последовательно превращать крупные слои работников умственного труда в своих союзников. При подготовке доклада о диктатуре пролетариата для II конгресса Коминтерна В. И. Ленин в качестве одной из рекомендаций братским коммунистическим партиям указал на необходимость нейтрализации буржуазной интеллигенции с тем, чтобы не дать ее колеблющимся слоям уйти в лагерь контрреволюции⁵².

Признавая нейтралитет интеллигенции в первые годы Советской власти явлением объективно полезным, Коммунистическая партия вместе с тем разъясняла, что позиции нейтралитета должны быть в дальнейшем оставлены, что жить в советском обществе и не проникнуться его интересами и идеалами невозможно. С вступлением нашей страны в период развернутого строительства социализма были созданы объективные условия и возможности для полного и окончательного искоренения настроений нейтральности интеллигенции. Таким образом, нейтралитет определенной части интеллигенции на протяжении первого послереволюционного десятилетия являлся необходимой ступенью для перехода ее на позиции активного сотрудничества с Советской властью в интересах строительства нового общества.

Такова была общая линия Коммунистической партии и Советского государства в отношении старой интеллигенции. Но мало наметить правильную линию. Необходимо было выработать методы ее осуществления, приложить громадные усилия для того, чтобы претворить ее в жизнь. Буржуазными историками и публицистами много написано о том, сколь безжалостно и беспощадно рабочие во главе с большевиками «расправлялись» с интеллигенцией и по сути дела «уничтожили» ее. Если же объективно, без предвзятости проанализировать мероприятия Советской власти по отношению к интеллигенции в первые послереволюционные годы, то нельзя не прийти к выводу: никогда ни в одной стране буржуазия, свергавшая в результате революции власть феодалов, не была столь гуманной и терпимой, каким был рабочий класс, свергавший власть буржуазии.

Октябрьская революция и особенно борьба с внутренней и внешней контрреволюцией потребовали огромных жертв со стороны рабочих и

⁵¹ Ленин В. И. ПСС, т. 37, с. 193.

⁵² См. Ленин В. И. ПСС, т. 41, с. 450.

крестьян. И тем не менее Советское государство не карало своих классовых противников лишь за прошлую принадлежность к эксплуататорам. Не мстило оно и интеллигенции ни за то, что она служила буржуазии и дворянству, ни за то, что значительная часть ее не приняла социалистическую революцию и даже употребила во зло миролюбие новой власти. Это вынуждены признать даже идейные враги пролетарской диктатуры.

Отсюда не следует, что пролетарское государство было «всепрощающим» по отношению к своим врагам. Если в первые месяцы своего существования Советская власть в отношении политических противников обходилась без суровых репрессий, то дальнейшее обострение классовой борьбы (а в этом была повинна и определенная часть интеллигенции) заставило ее проводить более жесткую карательную политику, вплоть до террора, в том числе и против контрреволюционно настроенной интеллигенции. Но даже в самое трудное время гражданской войны Советская власть привлекала к ответственности людей интеллектуального труда с особой осторожностью. А. В. Луначарский писал: «...Владимиром Ильичом были даны директивы, — и, вероятно, не только мне, — всюду, где только можно взять интеллигентский персонал без боя, сделать это путем мягкости, некоторых уступок и разъяснения подлинной нашей политики и т. п.»⁵³

Решительно пресекая саботаж и контрреволюцию, партия и Советская власть в то же время призывали интеллигенцию сотрудничать с пролетариатом, предоставляя специалистам возможность трудиться в соответствии с их знаниями и опытом, подчас невзирая на их убеждения. А. В. Луначарский вспоминал, как В. И. Ленин ему говорил: «Крупного ученого, большого специалиста в той или иной области надобно щадить до самой последней крайности, если даже он реакционер»⁵⁴. В то же время государство пролетарской диктатуры сурово карало тех, кто пытался бороться против него с оружием в руках. «Было бы комедией пытаться „убеждать“ и вообще „психологически влиять“ на них, — говорил В. И. Ленин. — Но так же, — если не более, — нелепо и смешно было бы настаивать на одной только тактике подавления и террора по отношению к мелкобуржуазной демократии, когда ход вещей заставляет ее поворачивать к нам»⁵⁵.

Поэтому особое внимание было обращено на мирные способы вовлечения буржуазной интеллигенции в строительство социализма. Одним из них была высокая оплата труда интеллигенции, создание для нее хороших материальных условий. Не следует, однако, переоценивать значение этого способа применительно к первым послереволюционным годам. Относительно удовлетворительные материальные условия Советское государство смогло обеспечить тогда лишь небольшой группе высококвалифицированных специалистов, ученых. Основная масса интеллигенции, особенно такие ее группы, как учителя, медицинские работники, низший технический персонал и т. п., материально жили хуже, чем до революции. Это и не удивительно, ибо страна была разорена и не имела возможности обеспечить всех необходимыми средствами существования.

Главным методом обеспечения сотрудничества интеллигенции был метод убеждения, перевоспитания интеллигенции, преодоления ее неведения в социализм. Рабочий класс постоянно и в полной мере использовал такие могучие средства воздействия на массы, как революционный энту-

⁵³ «Нева», 1965, № 11, с. 181.

⁵⁴ Луначарский А. В. Интеллигенция и ее место в социалистическом строительстве. — «Революция и культура», 1927, № 1, с. 29.

⁵⁵ Ленин В. И. ПСС, т. 37, с. 194.

зизм, дисциплина, организованность, убежденность в правоте своего дела, а главное — силу и правдивость своей идеологии, величие целей, во имя достижения которых он поднялся на борьбу. В. И. Ленин указывал, что использование пролетариатом буржуазных интеллигентов требует не только насилия, но и создания такой обстановки, при которой они поймут невозможность возврата к старому обществу и необходимость работать вместе с коммунистами, с пролетариями. «Поскольку они видят,— писал В. И. Ленин об интеллигентах,— что рабочий класс выдвигает организованные передовые слои, которые не только ценят культуру, но и помогают проводить ее в массах, они меняют свое отношение к нам»⁵⁶. Убеждаясь, что именно коммунисты, передовые рабочие являются подлинными патриотами, защитниками и выразителями интересов народа, что «большевики — люди дела», интеллигенция постепенно переходила ко все более активному сотрудничеству с рабочим классом.

Каковы были практические результаты ленинской политики Коммунистической партии в отношении интеллигенции в первые послереволюционные годы? В условиях гражданской войны и разрухи рабочий класс сумел получить в лице интеллигенции если еще не идейного союзника, то уже хорошего помощника для поддержания экономической жизни страны на минимальном уровне, для развертывания строительства новой культуры, наконец, для организации защиты завоеваний революции. Десятки тысяч специалистов трудились в промышленности, сотни тысяч учителей работали в системе народного образования, 75 тысяч бывших офицеров и генералов стали командирами Красной Армии, а десятки тысяч беспартийных интеллигентов сражались на фронтах против белогвардейцев и интервентов, сотни тысяч служащих работали в государственном аппарате. Это была главным образом та интеллигенция, которая вначале саботировала или объявила себя нейтральной. Уже по прошествии нескольких месяцев после Октября те кого не ослепила люта́я ненависть к власти рабочих и крестьян, кто сохранил способность здраво оценивать происходящее, смогли увидеть, что революция не собирается развенчивать лучшие идеалы национальной культуры, что большевики — настоящие патриоты, а увидев, пошли на сотрудничество с Советской властью.

События революции и гражданской войны привели значительную часть интеллигенции к разочарованию в силах и творческих возможностях буржуазии, в ее идеалах и моральных принципах. Они показали ей, что буржуазии чужды интересы народа, родины. Задачей коммунистов являлось поддержать в среде интеллигенции настроения, враждебные буржуазии. С другой стороны, было ясно, что интеллигенции во многом были чужды цели и формы борьбы рабочего класса, его партии, принципы социалистической идеологии. Следовательно, нужно было широко и умело вести в среде интеллигенции пропаганду марксистских идей, добиваться того, чтобы все новые группы интеллигенции идейно порывали с буржуазией, помогать им, не задерживаясь длительное время на промежуточном рубеже нейтрализма, переходить на путь сознательного и последовательного восприятия новой идеологии. Эта задача и была основной в политике Коммунистической партии по отношению к интеллигенции.

Процесс перехода интеллигенции на сторону социализма еще более усилился в период мирного строительства. Та часть ее, которая во время революции и гражданской войны стояла на позициях непризнания Советской власти или нейтралитета, постепенно убеждалась, что рабочий

⁵⁶ Ленин В. И. ПСС, т. 38, с. 167.

класс в состоянии выступить в роли организатора и строителя хозяйства и культуры. Честно помогая ему в развитии производства, культуры, интеллигенция втягивалась в общественную жизнь страны, становилась сознательным участником строительства социализма.

Самим ходом вещей, практикой успешного социалистического строительства изживались политические колебания среди старой интеллигенции. Но не вся она перешла на сторону социализма. Этого и надо было ожидать. Одна группа интеллигенции осталась враждебной Советской власти, вредила ей, устраивала антинародные заговоры («Промпартия», например); другая, значительно большая по численности, нежели первая, с помощью рабочего класса и его партии отрешилась от идеологии вскормившей ее буржуазии и поставила свои знания и опыт на службу делу социализма, стала составной частью новой, социалистической интеллигенции.

Что же заставило сотни тысяч интеллигентов — людей образованных, занимавших известное положение в обществе, отказаться от столь привычных им норм, традиций, взглядов и вместе с рабочим классом, в союзе с ним, признав его руководящую роль, строить социализм? Главными факторами, побудившими все честные, прогрессивные силы старого общества сплотиться вокруг рабочего класса и его партии, являлись глубокий гуманизм и демократизм социалистических идеалов. Понимание того, что рабочий класс, большевики отстаивают не узкоклассовые и не узкопартийные интересы, а что они являются выразителями и защитниками насущных нужд всего народа, являлось для старой интеллигенции мощным побудительным стимулом, заставлявшим ее признать правоту борьбы рабочего класса и закономерность социалистической революции.

Не менее сильным мотивом, заставлявшим всех честных людей России признать благотворность Октября, являлась глубоко патриотическая деятельность Советской власти. Они понимали, что Россия прекратит свое существование, будет превращена в полуколонию империалистических государств, если не устоит Советская власть. Отсюда — стремление в той или иной форме помочь революционному народу в его борьбе с врагами, с грозными последствиями хозяйственного разорения. Именно этими благородными побуждениями руководствовался, например, знаменитый ученый, отец современной металлургии Д. К. Чернов, когда он в 1920 г. отверг самые блестящие предложения зарубежных промышленных магнатов и категорически отказался сесть на борт специально присланного за ним из Англии в Крым миноносца. Этими же мотивами руководствовалась группа видных генералов царской армии во главе с А. А. Брусиловым, когда она обратилась с воззванием ко всем бывшим офицерам с призывом добровольно идти в Красную Армию и служить там не за страх, а за совесть, «дабы своей честной службой, не жалея жизни, отстоять во что бы то ни стало дорогую нам Россию и не допустить ее расхищения»⁵⁷. Подобных примеров можно привести множество.

Далее, многих интеллигентов привлекали созидательные потенции социализма. Убеждаясь в том, что революция умеет не только разрушать, но и созидать, что новый общественный строй открывает беспредельные возможности для приложения в гуманных целях опыта и знаний людей науки, культуры, они изменяли свое отношение к Советской власти.

Особую роль в окончательном переходе интеллигенции на сторону Советской власти сыграла ленинская политика Коммунистической пар-

⁵⁷ «Правда», 1920 г., 30 мая.

тии. Начиная с первых указаний В. И. Ленина сразу же после Октябрьской революции о необходимости привлечения буржуазной интеллигенции к сотрудничеству и до того времени, когда эта интеллигенция стала советской не только по названию, но по существу, по своим внутренним убеждениям, политика партии по отношению к старой интеллигенции не претерпела сколько-нибудь серьезных изменений. Руководствуясь учением В. И. Ленина, Коммунистическая партия твердо проводила в жизнь линию на всемерное привлечение старой интеллигенции к строительству социализма, поощряя честно помогавших Советской власти, перевоспитывая в духе социалистической идеологии колеблющихся и сомневающихся, решительно пресекая контрреволюционные поползновения реакционной части интеллигенции.

Для многих интеллигентов процесс внутреннего перерождения, коренной ломки прежнего мировоззрения был процессом сложным и трудным. Он и не мог быть иным для людей, которые были воспитаны в буржуазной среде, усвоили ее мораль и традиции. И тот факт, что абсолютное большинство старой интеллигенции в нашей стране рано или поздно, но все же сумело преодолеть буржуазное мировоззрение и перейти на позиции социализма, являлся ярким свидетельством великой преобразующей силы идей социалистической революции, выдающейся победой Коммунистической партии. Первый в истории человеческого общества успешный массовый опыт отрыва интеллигенции от буржуазии и вовлечения ее в строительство социализма имеет всемирно-историческое значение.

К. Ф. ШАЦИЛЛО

ПРОЛЕТАРИАТ В ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Почти за четверть века до Февральской революции В. И. Ленин про-
рочески писал о времени, когда «русский рабочий, поднявшись во главе
всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет *рус-
ский пролетариат* (рядом с пролетариатом *всех стран* прямой
дорогой открытой политической борьбы к *победоносной коммуни-
стической революции*»¹. Прошли годы напряженной деятельности
Коммунистической партии, рабочий класс России приобрел бесценный
опыт революции 1905—1907 гг., прежде чем под его нажимом рухнула
трехсотлетняя «телега залитой кровью и грязью романовской монар-
хии»². Но эти скоротечные события, занявшие всего около недели, име-
ли глубокие социально-экономические корни.

Первую и вторую буржуазно-демократические революции в России
вызвали по существу одни и те же причины, хотя обстановка, в которой
они развернулись, была неодинаковой. В обострении классовой борьбы
в России накануне Февральской революции особую роль сыграла импе-
риалистическая война. Народное хозяйство России не выдержало ее тя-
гот. Кризис раньше всего проявился на транспорте, который не смог
справиться с перевозкой необходимых грузов. Стала ощущаться не-
хватка топлива для фабрик Центра и Петрограда, металлургические за-
воды Юга и Урала сократили выплавку металла. Не получая сырья, за-
воды свертывали свое производство. Разруха коснулась и сельского
хозяйства. За годы войны сократились посевные площади под продо-
вольственными культурами, уменьшилось поголовье рабочего скота.
Транспортные трудности препятствовали нормальному снабжению го-
родского населения. Катастрофически росли цены на продукты питания,
спекуляция которыми приобретала все больший размах. На страну
надвигался голод.

Февральская революция явилась результатом органического слияния
огромной организаторской работы большевистской партии и взрыва ра-
бочего движения, поддержанного крестьянством, одетым в солдатские
шинели. «Мы в своей стране, где пережили две революции,— писал ле-
том 1918 г. В. И. Ленин,— знаем и видим, что нельзя предсказать хода
революции, что нельзя ее вызвать. Можно только работать на пользу
революции. Если работаешь последовательно, если работаешь беззавет-
но, если эта работа связана с интересами угнетенных масс, составляю-
щих большинство, то революция приходит, а где, как, в какой момент,
по какому поводу, сказать нельзя»³. Именно так последовательно и
беззаветно работали руководимые В. И. Лениным большевики и в пред-
военные годы, и в годы мировой войны, твердо веря в неизбежность
новой буржуазно-демократической революции в России. В решающие

¹ Ленин В. И. ПСС, т. I, с. 312.

² Там же, т. 31, с. 13.

³ Ленин В. И. ПСС, т. 36, с. 458.

месяцы конца 1916 — начала 1917 г. они действовали в гуще рабочих масс, направляя все их помыслы к одному — к революции⁴.

Резкий спад числа стачек, происшедший в ноябре и декабре 1916 г., означал лишь временный отлив, за которым последует новая, еще более грозная волна рабочего движения. К осени 1916 г. в стране сложилась революционная ситуация. С ноября 1916 г. Бюро ЦК и ПК, обновившиеся после серии арестов⁵, ожидая приближения революционного взрыва, приступили к подготовке пролетариата для решительного штурма царизма. После обсуждения на ряде совместных заседаний было решено перейти от единичных политических и экономических выступлений и забастовок к массовым политическим демонстрациям, а от них — ко всеобщей стачке. Были установлены два этапа в осуществлении этой тактики — массовые выступления питерских рабочих в годовщину Кровавого воскресения — 9 января 1917 г., и всеобщая стачка, намечавшаяся на 1 мая 1917 г. В листовке ПК, выпущенной в январе 1917 г., большевики призывали: «Организуйтесь же, товарищи, укрепляйте свои партийные организации. Готовьтесь к всеобщей стачке»⁶.

Рабочие волнения в Петрограде начались буквально с первых же дней нового 1917 года. Уже 3 января начали забастовку около 1600 рабочих двух предприятий — заводов Лангензилен и Невского судостроительного, а в годовщину Кровавого воскресения бросили свои станки уже 137 тыс. рабочих 114 заводов и фабрик. Затем движение пошло на снижение: 11 января бастовало всего 700 человек, 12-го прошел митинг на Путиловском заводе, 13 января бастовало 4100 рабочих — и так почти каждый день⁷, что свидетельствовало о глубоком недовольстве пролетариата и о складывании в Петрограде обстановки, чреватой возможностью массового, стихийного взрыва.

Так же беспокойно было и в Москве. Еще до начала революции охранка отмечала: «С величайшим прискорбием приходится констатировать, что именно в Москве — этой недавно прочнейшей опоре трона — факт угрожающего падения престижа верховной власти находит себе полное подтверждение»⁸. Ожидая, что революция здесь может вспыхнуть со дня на день, власти разделили город на четыре сектора, в каждый из них выделили специальные воинские части. Разработанный и утвержденный план предусматривал, что в случае «обострения» обстановки в Москве, «командование переходит всецело в руки военных властей... Войскам действовать решительно, ни в коем случае не допускать залпов вверх и стрельбы холостыми патронами»⁹. Одновременно Министерство внутренних дел значительно увеличило штат полицейских, доведя его до 6 тыс. человек. Приготовления московских властей не были результатом неоправданного испуга. После кратковременного спада рабочего движения во второй столице российской империи уже с самого начала 1917 г. то тут, то там вспыхивали забастовки, ясно говорившие о все более и более возрастающем возбуждении рабочих. Об этом свидетельствовали и попытки демонстраций. 9 января в разных концах города забастовкой было охвачено 51 предприятие, где работало около 32 тыс. человек, а на Страстной и Театральной площадях произошли митинги. Через три дня в Москве вновь забастовало около 19 тыс. рабочих, несколько сотен студентов прошли по улицам с пением революцион-

⁴ Минц И. И. История Великого Октября. В 3-х томах. т. 1. М., 1967, с. 497—498.

⁵ История КПСС, т. II. М., 1966, с. 653.

⁶ Цит. по: История рабочих Ленинграда, т. 1. Л., 1972, с. 508.

⁷ Рабочее движение в годы войны. М., 1925, с. 323—325.

⁸ Цит. по: Ливчак Б. Ф. Крах планов «охраны» Москвы от революции. — «Вопросы истории», 1972, № 4, с. 119.

⁹ Там же, с. 118.

ных песен¹⁰. В тот же день демонстрации состоялись на Елоховской и Немецкой улицах, за Пресней, на Лубянской площади, у Красных ворот и в других местах¹¹.

Бурлила и провинция. В один день — 9 января 1917 г. — лишь в Баку забастовало 14 тыс. рабочих. На 17 января большевиками была назначена всеобщая стачка бакинцев. Накануне власти разгромили забастовочный центр и арестовали в Сабунчах 25 участников нелегального собрания. Но забастовка все же началась, на 57 предприятиях свыше 10 тыс. рабочих бросили свои станки. 19 и 20 января состоялись митинги, собравшие от 15 до 20 тыс. человек. Политическая стачка прекратилась только 31 января¹². И так было везде: бастовали в Ростове-на-Дону и Туле, Новочеркасске и Харькове, на Урале и в Донбассе, в Иваново-Вознесенске и далеком Черемхове¹³.

Январь дал рекордные показатели стачечного движения за все месяцы войны. Даже по официальным неполным сведениям фабричной и горной инспекции, в стране вспыхнуло 400 забастовок, в которых приняло участие свыше 270 тыс. человек. По подсчетам И. И. Минца, в январе произошло 454 забастовки, а число их участников достигало почти 355 тыс. человек. 258 стачек носили политический характер, причем в них участвовало 218 тыс. рабочих¹⁴. На первом месте в январском движении шли металлисты. На их долю пришлось 178 стачек и около 149 тыс. стачечников. 137 стачек (121 тыс. забастовщиков) произошли по политическим мотивам. На втором месте были текстильщики. Они провели 93 стачки (20 — политических), в которых участвовало почти 80 тыс. рабочих (17,3 тыс. человек бастовало по политическим мотивам). Отличительным для январских стачек был их широкий размах: по сравнению с предыдущим максимальным подъемом рабочего движения (октябрь 1916 г.) число губерний, охваченных борьбой, удвоилось: в 26 из них произошли рабочие выступления. В авангарде по-прежнему стояла Петроградская губерния, за ней шли Московская, Бакинская, Владимирская, Харьковская, Костромская. Эти шесть губерний дали 389 стачек (89%) и 312,5 тыс. участников (90%)¹⁵.

Расширение рамок движения и вовлечение в борьбу рабочих провинции привели к тому, что удельный вес Петрограда в общероссийском движении сократился с 77% бастовавших (октябрь 1916 г.) до 39%. При сохранении авангардной роли петроградского пролетариата возрастала активность рабочих других районов. Это было бесспорным свидетельством нарастания революционного кризиса в масштабе всей страны.

В феврале рабочее движение продолжало стремительно нарастать. По неполным данным, в 15 губерниях до 20 февраля произошло 158 стачек, в которых участвовало 203 тыс. рабочих, причем в подавляющем своем большинстве это были выступления на политической почве¹⁶ (103 стачки с почти 137 тыс. участниками).

Обстановка в стране накалилась до такой степени, что даже «приру-

¹⁰ Рабочее движение в годы войны. М., 1925, с. 319.

¹¹ История Москвы. Краткий очерк. М., 1974, с. 194—195.

¹² Стурга Г. Моя работа в подполье. — В сб. Двадцать пять лет бакинской организации большевиков. Баку, 1924, с. 119—120; Петросян А. А. Борьба большевиков Закавказья против ВПК (1915—1917). Ереван, 1964, с. 32.

¹³ Рабочее движение в годы войны, с. 321; Лаврычев В. Я. Рабочее движение в Иваново-Вознесенске в годы первой мировой войны. М., 1957, с. 145; Мухин А. А. Рабочие Восточной Сибири на путях к Октябрю. Иркутск, 1966, с. 203.

¹⁴ Минец И. И. Указ. соч., с. 470.

¹⁵ Там же, с. 471.

¹⁶ Минец И. И. Указ. соч., с. 474.

ченная» буржуазией рабочая группа ЦВПК, всю войну проповедовавшая гражданский мир, поняла, что терпению пролетариата пришел конец. Стремясь направить пролетарский гнев в либеральное русло, группа распространила по заводам и фабрикам Петрограда письмо, в котором всячески приукрашивала деятельность Думы. Гвоздевы утверждали, что Прогрессивный блок порвал с правительством, и призывали рабочих выйти 14 февраля на демонстрацию к Таврическому дворцу в поддержку открывающейся в этот день Думы¹⁷.

Большевики резко выступили против этой капитулянтской затеи. Петербургский комитет в своей листовке напомнил, что «хождение народа к дворцам царей и правящих классов дорого стоило тем легковым, которые надеялись что-либо получить от обитателей этих дворцов»¹⁸. ПК предлагал рабочим другое — 10 февраля в день суда над большевистской фракцией устроить однодневную стачку протеста. Однако организовать ее не удалось. Меншевистская «инициативная группа» долго колебалась, но в последний момент все же отказалась выступить совместно с большевиками, нанеся удар единству действий петроградских рабочих¹⁹.

Что касается плана гвоздевых, то он позорно провалился. В день открытия Думы у Таврического дворца, где она заседала, собралась реденькая толпа. Основные массы петроградских рабочих были не здесь. Около 90 тыс. чел. — каждый четвертый питерский пролетарий — заполнили Сампсониевский, Петергофский и Невский проспекты, Садовую улицу, Выборгскую сторону и Нарвский район. Над толпами реяли красные флаги с лозунгами, свидетельствовавшими о высокой политической зрелости петроградского пролетариата: «Долой войну!», «Долой правительство!», «Да здравствует вторая российская революция!». О Думе никто и не вспоминал, она была обречена, по словам ее председателя, «на роль чуть ли не пассивного зрителя»²⁰.

Движение протеста охватило и пролетариев Москвы, где 13—14 февраля произошли забастовки и демонстрации рабочих заводов Бромлея, Доброва и Набольтца, Михельсона, фабрики Цинделя, Сокольнических трамвайных мастерских и некоторых других предприятий²¹.

Не успело улегться возбуждение петроградского пролетариата после стачки и демонстрации 14 февраля, как вновь забастовали рабочие Путиловского гиганта. 17 февраля рабочие лафетно-штамповочной мастерской прекратили работу и потребовали увеличить заработную плату. Администрация предложила лишь 20-процентную прибавку, а когда рабочие не согласились на это, закрыла 21 февраля мастерскую. Тогда забастовал весь завод. На следующий день было объявлено о полном закрытии всего предприятия. Без работы осталось около 30 тыс. рабочих. Обстановка в городе крайне накалилась.

В феврале 1917 г. в свержении самодержавия участвовал большой круг социальных сил. Далеко не все эти силы были так организованы, как гегемон революции — пролетариат. Естественно, что и «стихийные взрывы» в буржуазно-демократической революции неизбежно должны были иметь место. «Таким могучим взрывом и явились февральские события. Но в их стремительном развитии сказалась сила не только раз-

¹⁷ История Москвы. Краткий очерк, с. 196.

¹⁸ Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны 1914—1917. Л., 1939, с. 196.

¹⁹ История КПСС, т. 2, с. 657.

²⁰ Родзянко М. В. Крушение империи. Л., 1927, с. 223.

²¹ История Москвы. Краткий очерк, с. 196.

буженной стихии, но и неуклонно возраставших элементов сознательности и организованности»²².

События развивались так: 23 февраля (8 марта н. ст.), в Международный женский день, сотни рабочих вышли на улицу. «Хлеба!», «Долой войну!», «Верните наших мужей!» — написали демонстрантки на красных полотнищах. С окраин к центру города двинулись колонны людей. Почти у каждой продовольственной лавки к ним присоединялись вереницы очередей. Командующий Петроградским военным округом генерал Хабалов приказал не допускать демонстрантов в центр, но люди прорвались сквозь казачьи полицейские заставы. К вечеру на Невском, в районе Садовой, Казанского собора и Знаменской площади состоялись многочисленные демонстрации. Всего в этот день бастовало более 128 тыс. человек — каждый третий рабочий Петрограда. Организующими центрами движения питерского пролетариата с первых же дней революции стали «нелегальные большевистские, левые интернационалистские партийные ячейки (межрайонцы, левые эсеры, меньшевики-интернационалисты), легальные органы рабочего самоуправления — больничные кассы, кооперативы, инициативные группы профсоюзов»²³.

На следующий день, 24 февраля, к забастовщикам присоединилось еще около 86 тыс. человек. Более 214 тыс. рабочих с 224 предприятий вышли на улицу²⁴. Никакие попытки властей «усиленной выпечкой хлеба» остановить революцию уже не помогали. «Долой царя!», «Долой войну!» — требовали демонстранты.

Полиция вновь пыталась не допустить демонстрантов к центру города, но вновь безуспешно. С двух часов дня 24 февраля по распоряжению командующего военным округом в действие вступила специальная инструкция о «районах охраны города Петрограда». Все теперь в немалой степени зависело от того, как поведут себя войска. Большевики учли опыт «генеральной репетиции» 1905 г. и понимали, что революции без завоевания на свою сторону армии не победить. Это тем более было необходимо сделать, что в столице и ее пригородах к началу революции дислоцировались весьма многочисленные вооруженные силы. В их число входило 16 гвардейских, 6 армейских и 2 пулеметных полка, насчитывавшие в общей сложности 184 тыс. солдат. Кроме того, еще 56,8 тыс. человек состояло в инженерно-технических и 8,4 тыс. в кавалерийских и казачьих полках. Надо было не просто нейтрализовать эту грозную силу, но и попытаться склонить ее выступить в лагере революции. Объективные условия для этого были весьма благоприятны: армия устала от войны, массовые мобилизации изменили социальный состав столичного гарнизона: даже в отборных гвардейских частях увеличился удельный вес рабочих и крестьян-бедняков. В отдельных армейских полках и особенно инженерных частях рабочие и ремесленники составляли не менее половины солдат, хотя в целом в Петроградском гарнизоне среди солдат было не менее 90% выходцев из крестьян²⁵.

Такое соотношение классовых сил внутри столичного гарнизона предопределило значительное влияние в солдатских массах мелкобуржуазных партий и особенно эсеров. Борясь за армию, питерские большевики Н. Ф. Агаджанова, М. Н. Выдрин, Ф. З. Евсеев, Е. Н. Егорова, В. Н. Каюров, Н. И. Подвойский, Н. Ф. Свешников, А. К. Скороходов, А. П. Тайми, И. И. Худяков, солдаты-большевики Г. В. Елин, А. С. Енукидзе, А. И. Жилин, К. А. Механошин, С. И. Петриковский, А. Д. Са-

²² История КПСС, т. II, с. 654.

²³ История рабочих Ленинграда, т. I, с. 513.

²⁴ Там же, с. 515.

²⁵ Лейбиров И. П. Свержение царизма. Л., 1967, с. 76.

довский и сотни других ленинцев делали все возможное, чтобы привлечь армию и флот на сторону революции. Руководил этой важнейшей работой, без которой был невозможен успех восстания, Петербургский комитет.

Утром 25 февраля на специальном заседании представители Русского бюро ЦК РСДРП и ПК выдвинули лозунг всероссийской всеобщей стачки и утвердили текст листовки с призывом к свержению самодержавия²⁶. Партия большевиков превратила лозунг восстания в практическую директиву партийным организациям.

Забастовка петроградских рабочих стала всеобщей. В ней приняли участие около 305 тыс. человек. «Жить стало невозможно. Нечего есть. Не во что одеться. Нечем топить... Нет хлеба. Надвинулся голод. Впереди может быть только хуже... Поднимайтесь все! — призывали большевики в своих листовках. — Все под красные знамена революции! Долой царскую монархию! Да здравствует 8-часовой рабочий день! Вся помещичья земля народу! Долой войну!»²⁷.

Под этими лозунгами и прошли демонстрации. Рабочим вновь удалось прорваться с окраины в центр города. Почти на каждой площади шли бесконечные митинги. Но кое-где дело пошло и дальше. Рабочие завода Розенкранца захватили несколько ящиков с винтовками и патронами, моментально раздали их и тут же начали обучение солдатскому искусству. У Гостиного двора демонстранты стреляли в разгонявших их кавалеристов, а в отряд конных жандармов швырнули гранату. Началось братание с войсками. У Казанского собора казаки отбили арестованных городскими рабочими, на Знаменской площади дали несколько залпов по конным жандармам, разгонявшим митинг и зарубили пристава, заставлявшего полицейских стрелять в народ.

Для координации действий между различными районами была выделена специальная группа рабочих-большевиков: А. К. Скороходов — в Петроградский, И. Д. Чугурин — в Выборгский, С. И. Афанасьев — в Нарвский и Московский, Д. А. Павлов — в Василеостровский район. ПК РСДРП наметил 27 февраля приступить к строительству баррикад, захватить электростанции и телеграф, призывал широко применять тактику братания рабочих с солдатами²⁸.

Дружественное отношение войска к демонстрантам было особенно важным показателем успеха революционных сил. В крестьянской стране, какой была Россия, революция могла победить только в том случае, если за гегемоном революции — пролетариатом — поднялось бы многомиллионное крестьянство. Царская армия в подавляющей своей массе была армией крестьянской. Сочувствие солдата рабочему свидетельствовало о том, что крестьянство было готово поддержать выступление пролетариата.

Давая обзор февральских событий, московская либеральная газета «Русское слово» вынуждена была признать следующее: «25 февраля движение приняло более организованный характер. В нем приняли участие организованные группы рабочих»²⁹. Чем дальше развивались революционные события, тем сильнее сказывался элемент организации, отлетел элемент стихийности на задний план.

«Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией»³⁰ (из приказа

²⁶ История КПСС, т. 2, с. 664.

²⁷ Петроградский пролетариат и большевистская организация..., с. 200—201.

²⁸ История рабочих Ленинграда, т. I, с. 521.

²⁹ «Русское слово» (№ 48), 1917 г., 2 марта.

³⁰ Падение царского режима, т. I, Л., 1924, с. 190.

царя). Но это были уже не «беспорядки», а революция. «Когда на флагах надпись: „Долой самодержавие!“, никакой хлеб не успокоит», — заявил Хабалов³¹.

26 февраля 1917 г. стало предпоследним днем самодержавия. Чувствуя нависшую над ним смертельную опасность, царизм пошел в последнюю атаку на революционный народ. В ночь на 26 февраля по всему городу шли массовые аресты революционеров-подпольщиков и рабочих активистов. Арестованными оказались работники Русского бюро ЦК А. И. Елизарова, Е. Д. Стасова, члены ПК РСДРП А. К. Скороходов, А. Н. Винокуров, Э. К. Эйзеншмидт. Бюро ЦК, опасаясь дальнейших провалов, временно передало функции ПК Выборгскому районному комитету партии, который находился в самой гуще борьбы столичного пролетариата³².

Нанеся удары по революционным организациям, царизм решил расправиться и с массовым движением. В этот день царские войска в последний раз стреляли в народ. Командование еще с вечера расставило жандармов, полицейских и спешно вызванные верные части так, чтобы не допустить рабочих к центру. Солдатам повторили знаменитый треповский приказ: «Патронов не жалеть!»

Но демонстранты опять прорвались на Невский — к Казанскому собору и к Николаевскому вокзалу, а также на Садовую. Опять начались митинги. На Знаменской площади собралась огромная толпа. Напротив нее — солдаты учебной команды Волынского полка, которых заставили стрелять в толпу. То же повторилось на Невском, на Садовой. На мостовых осталось более 50 трупов — не считая раненых и тех, кого унесли товарищи. Возвращаясь вечером в казармы, солдаты угрюмо роптали: «Неужто нам быть палачами невинных людей?»³³. У многих из солдат в карманах была изданная большевиками листовка «Братья солдаты»³⁴, в которой их призывали в союзе с рабочими закончить войну и свергнуть монархию.

Упорная борьба пролетарского авангарда за армию начала приносить свои первые плоды. Солдаты и казаки, которым давно уже надоела бессмысленная кровопролитная война, все яснее понимали свою связь с восставшим народом, единство своих интересов с интересами рабочих. В тот же день, 26 февраля, часть войск перешла на сторону народа. Так постановили на своем собрании матросы 2-го Балтийского флотского экипажа, а 4-я рота запасного батальона лейб-гвардии Павловского полка, узнав, что учебная команда павловцев участвует в расстрелах, разобрала винтовки и патроны и вышла на улицу «стрелять городских». Это был первый случай в Февральской революции перехода войск на сторону народа.

27 февраля всеобщая стачка превратилась в вооруженное восстание. Началось оно в учебной команде Волынского полка, расстреливавшей накануне демонстрантов у Знаменской площади. Утром солдаты построились с оружием на плацу, затем двинулись к своим соседям-преображенцам, литовцам, саперам и вместе с ними с революционными песнями пошли на Выборгскую сторону, чтобы присоединиться к восставшим рабочим. Переход войск на сторону революционного народа учащался. Если к вечеру 26 февраля из подчинения своим командирам вышло 1500 солдат, то за один день 27 февраля число их возросло до 66,7 тыс. Это была решающая победа революции. К 28 фев

³¹ История СССР, т. VI. М., 1968, с. 641.

³² «История КПСС, т. 2, с. 667; История рабочих Ленинграда, т. I, с. 522.

³³ «Правда», 1917 г., 11 апреля.

³⁴ Петроградский пролетариат и большевистская организация..., с. 201.

раля на сторону народа перешло 127 тыс., а днем 1 марта — 170 тыс. солдат, матросов и казаков³⁵⁻³⁶. Царизм остался без армии, что окончательно решило его судьбу.

Восставшие захватили все петроградские вокзалы, в этих районах шли непрерывные митинги. Фактически под контролем народа оказалась вся связь столицы империи с провинцией.

Верных царизму карателей прислать было нельзя, а войска Петроградского гарнизона оказались в союзе с восставшими. На Выборгской стороне рабочие именно вместе с подоспевшими солдатами взяли после недолгого боя Арсенал и Главное артиллерийское управление, захватили и раздали более 40 тыс. винтовок, 30 тыс. револьверов, ящики с патронами. Соединившийся с армией вооруженный пролетариат стал непобедимой силой.

В то время, как рабочие сражались на улицах, в Таврическом дворце, где обычно заседала Государственная дума, происходили события иного рода. В два часа дня здесь собралась пестрая компания эсеро-меньшевистских деятелей. Среди них оказались члены рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета, меньшевистские депутаты Государственной думы (все большевики-депутаты были, как известно, в это время в ссылке), литераторы из народнических и меньшевистских изданий. Победа народа была уже совершенно очевидной, на заводах рабочие начинали выбирать депутатов в Советы, и меньшевистские лидеры поспешили образовать Временный исполнительный комитет Совета рабочих депутатов, в который вошли меньшевики Н. С. Чхеидзе, М. И. Скобелев, К. А. Гвоздев, Б. О. Богданов, А. Гриневич, кооперативные деятели Капелинский и Франкорусский³⁷.

Но решающие события развивались вне стен Таврического дворца — на площадях и улицах Петрограда. Именно здесь решались судьбы революции, решался вопрос останется ли в России самодержавие, превратится ли она в конституционную монархию или в демократическую республику.

Вечером 27 февраля большевики распространили в виде листовки ЦК РСДРП Манифест «Ко всем гражданам России», в котором провозгласили требование демократической республики, 8-часового рабочего дня, конфискации помещичьих земель и немедленного прекращения грабительской войны. Вслед за большевиками активизировались межрайонцы, анархисты и эсеры-интернационалисты. Захватив типографию «Русской воли», межрайонцы совместно с большевиками и анархистами отпечатали листовку к рабочим и солдатам. Тогда же межрайонцы и эсеры-интернационалисты в совместной листовке призвали солдат поддержать «борьбу против войны, против самовластия преступных правителей» и «не обгагрять братской кровью своих рук»³⁸.

Одновременно с Манифестом ЦК РСДРП вечером 27 февраля большевиками была выпущена специальная листовка с призывом начать выборы в Петроградский Совет. «Товарищи, настал желанный час. Народ берет власть в свои руки, революция началась, не теряйте ни минуты времени, создавайте сегодня же Временное революционное правительство»³⁹.

К концу дня 27 февраля рабочие и солдаты стали хозяевами столицы. В их руках оказались все ключевые позиции: мосты, телефон, телеграф, вокзалы, военные склады и арсеналы. На все важные в стратеги-

³⁵⁻³⁶ История рабочих Ленинграда, т. I, с. 529.

³⁷ История КПСС, т. II, с. 674.

³⁸ История рабочих Ленинграда, т. I, с. 530.

³⁹ Петроградский пролетариат и большевистская организация..., с. 217.

ческом отношении пункты были вместо старых чиновников назначены комиссары восставшего народа. Новые коменданты вокзалов Петрограда получили распоряжение держать связь с начальниками всех ближайших к Петрограду станций и почтово-телеграфных отделений с тем, чтобы не допустить прибытия в столицу карателей⁴⁰. Железнодорожники с энтузиазмом включились в революционное движение, безоговорочно встав на сторону восставших. Все попытки ген. Хабалова вызвать в столицу верные царю войска, не имели успеха. В ночь на 28 февраля Хабалов с горсткой войск заперся в здании Адмиралтейства. Но уже к утру от этой кучки последних защитников самодержавия не осталось и следа. «Войска постепенно так и разошлись...», — признавался позднее Хабалов. — Просто разошлись — постепенно оставив орудия»⁴¹.

«Петербургские рабочие победили царскую монархию, — писал В. И. Ленин. — В героической борьбе против полиции и царских войск, начав безоружными восстание против пулеметов, рабочие привлекли на свою сторону большую часть солдат Петербургского гарнизона»⁴². Однако победа досталась пролетариату нелегко. В дни февральских боев в столице пострадало 1382 человека, из них было убито 177⁴³. «Своей кровью, — писал В. И. Ленин, — русские рабочие купили свободу нашей стране»⁴⁴.

«Всякий сознательный рабочий понимает, — писал В. И. Ленин, — что Петербург без Москвы — все равно, что одна рука без другой»⁴⁵. Революция не могла бы победить, если бы питерский пролетариат не получил поддержки других городов и, прежде всего, второй русской столицы — Москвы, в которой на 1063 предприятиях было занято 288 тыс. рабочих, т. е. почти 14% рабочего класса фабрично-заводской промышленности России⁴⁶. Москва была также важнейшим железнодорожным узлом страны, в котором пересекались одиннадцать магистралей. Немаловажное значение имел и моральный авторитет московских пролетариев, завоеванный ими еще в ходе первой русской революции. Все это и определяло значение Москвы для победы Февральской революции. Закаленный в горниле Декабрьского вооруженного восстания 1905 г., пролетариат Москвы и в годы войны шел в авангарде революционной борьбы. Репрессии царской охранки и полиции вырывали из рядов рабочего класса передовых борцов, но не могли обезглавить движение. Едва царизму удалось справиться с волнением в Москве в середине февраля, как через неделю оно вспыхнуло вновь. В Международный женский день — 23 февраля рабочие заводов Михельсона и Бромлея объявили забастовку и вышли на улицу. Многолюдная колонна рабочих Замоскворечья двинулась к центру города, но была разогнана конной и пешей полицией. На несколько дней наступило затишье, и царским властям показалось, что в Москве «все спокойно». Однако на «всякий случай» царь ночью 27 февраля разрешил командующему войсками Московского военного округа «объявить Москву в осадном положении в ту минуту, когда в этом окажется надобность»⁴⁷, а затем приступить к выполнению заранее разработанного плана подавления

⁴⁰ Пушкарёва И. М. Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях. М., 1975, с. 332.

⁴¹ Падение царского режима, т. 1, с. 206.

⁴² Ленин В. И. ПСС, т. 31, с. 67.

⁴³ История рабочих Ленинграда, т. 1, с. 533.

⁴⁴ Ленин В. И. ПСС, т. 31, с. 60.

⁴⁵ Там же, т. 21, с. 434.

⁴⁶ История Москвы, т. VI, кн. I. М., 1957, с. 17.

⁴⁷ Милиц И. И. Указ. соч., т. 1, с. 625.

восстания, для чего только на первое время выделялась 21 рота солдат, 4 казачьих сотни и 8 артиллерийских орудий. Общая численность войск Московского гарнизона достигала 100 тыс. штыков и сабель, которые царизм, в случае надобности, намеревался использовать для борьбы с восставшим народом.

Однако спокойствие Москвы было кажущимся. Хотя городские власти предприняли все меры, чтобы предупредить распространение точной информации о происходящих в Петрограде событиях, слухи о начавшемся в столице восстании мгновенно разлетались по заводам и фабрикам. В ночь с 27 на 28 февраля московские большевики отпечатали листовку, в которой, рассказав о начавшейся в Петрограде революции, призывали рабочих: «Товарищи, бросайте работу! Солдаты! Помните, что сейчас решается судьба народа! Все на улицы! Все под красные знамена революции!.. Да здравствует революция! Да здравствует демократическая республика!», — такими призывами заканчивалось это обращение⁴⁸. В тот же вечер, 27 февраля, в помещении Московской городской думы был создан руководящий центр — Временный революционный комитет рабочих и других демократических организаций, в составе которого образовалось «Бюро социалистических партий», объединявшее представителей большевиков, меньшевиков и эсеров. Утром 28 февраля Временный революционный комитет обратился к московскому пролетариату с призывом поддержать своих питерских товарищей и начать всеобщую забастовку. Специальное обращение было адресовано и к солдатам Московского гарнизона⁴⁹.

28 февраля стало первым днем революции в Москве. Условия для нее были настолько подготовлены всем ходом предыдущих событий и упорной организационной работой московских большевиков, что просто невозможно назвать предприятие, которое первым начало забастовку. Короткие митинги с призывом поддержать петроградских товарищей быстро переходили в демонстрации. С Пресни, из Замоскворечья, с других рабочих окраин к центру города двинулись многочисленные колонны демонстрантов под красными флагами. Над морем голов развевались кумачевые лозунги: «Долой самодержавие!», «Долой войну!».

К середине дня рабочие колонны подошли к Садовым улицам и Бульварному кольцу, где в разных местах царские власти заранее установили военные заставы. Но, в отличие от Петрограда, солдаты Московского гарнизона с первого же дня отказались стрелять в рабочих. Лишь в одном месте — на Яузском мосту — произошел кровавый инцидент. Рабочих «Гужона», «Динамо» и других предприятий Симоновского района встретила здесь цепь городских, выстроенная перед ротой солдат. К стоявшему впереди помощнику пристава подошел 19-летний формовщик завода «Гужон» Илларион Астахов. «Дай нам дорогу!» — потребовал он. В ответ прозвучал выстрел, и рабочий замертво упал на мостовую. Тут же один из солдат ударил убийцу в висок. Разгневанные рабочие швырнули царского палача в Яузу и двинулись дальше. Схватки с полицией произошли и на Каменном мосту⁵⁰.

К полудню весь центр Москвы — Тверскую и Мясницкую улицы, Театральную, Воскресенскую, Лубянскую и Красную площадь — заполнил народ. Высокое крыльцо Городской думы превратили в трибуну. Одного взволнованного оратора сменял другой. Именно отсюда раз-

⁴⁸ Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве. Документы и материалы. М., 1957, с. 10.

⁴⁹ Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М., 1971, с. 15, 18.

⁵⁰ История Москвы. Краткий очерк, с. 198.

дался большевистский призыв идти в казармы, чтобы присоединить к восстанию запертых там офицерами солдат. Толпы народа с пением революционных песен двинулись к ближайшим Спасским казармам, проникли в них и вывели две роты к Городской думе. К вечеру 28 февраля среди рабочих курток, студенческих тужурок и темных пальто все чаще и чаще мелькали серые солдатские шинели. Армия стала переходить на сторону народа.

В конце дня восставшие начали захватывать некоторые правительственные учреждения: солдаты автомобильной роты заняли радиостанцию, в руки народа перешел Арсенал. Пытаясь предупредить «эксцессы», командующий Московского военного округа стал действовать по старому рецепту и обратился к испытанному средству. Рано утром 1 марта на стенах домов и тумбах для афиш заперстрел его приказ: «По высочайшему е. и. в-ва повелению объявляю город Москву с 1-го сего марта состоящим на осадном положении. Запрещаются всякого рода сходбища и собрания и всякого рода уличные демонстрации». На улицы Москвы разрешено было выходить только с 7 часов утра до 8 часов вечера⁵¹. Но было поздно. Уже никакой, даже самый грозный приказ царя не мог помочь умиравшему режиму.

1 марта события развивались со стремительной быстротой. Как и накануне, рано утром со всех окраин к Городской думе двинулись колонны демонстрантов. Почти нигде они не встретили серьезных препятствий. Только у Большого каменного моста солдаты учебной команды 194-го пехотного запасного полка по приказанию офицера дали по толпе нестройный залп. Большинство солдат демонстративно выстрелили в воздух, а вскоре и присоединились к демонстрантам. Начался открытый и массовый переход войск на сторону восставших, в результате чего революция в Москве произошла почти бескровно: за все дни Московского восстания было убито всего 8 человек — 2 рабочих, студент и 5 солдат, участвовавших в демонстрации⁵².

Особенно важным для успеха восстания в Москве был переход на сторону народа 1-й запасной артиллерийской бригады, насчитывавшей около 30 тыс. солдат⁵³. Восставшие артиллеристы отрядили к Городской думе 180 всадников и 6 орудий. Встретивший их на Воскресенской площади один из руководителей московских большевиков — В. П. Ногин — распорядился одну часть выделить на помощь рабочим для разоружения полицейских и жандармов, а остальных — возвратиться в казармы и вывести всех солдат на улицы Москвы⁵⁴.

Вскоре вокруг штаба восстания, разместившегося в здании Городской думы, и в других важных стратегических пунктах города появились пушки, артиллерийские расчеты которых были украшены большими красными бантами.

Революция ширилась. К середине дня 1 марта власти потеряли почти всякий контроль над городом. Народ разгромил и поджег мрачное двухэтажное здание охраны в Большом Гнезниковском переулке. Во дворе его пылал колоссальный костер из судебных дел и служебных бумаг самого ненавистного народу учреждения царизма.

1 марта в 12 часов дня открылось первое организационное собрание Московского совета рабочих депутатов. Проявляла некоторую инициативу и часть либеральной русской буржуазии, группировавшейся вокруг Городского управления, Городского и Земского союзов, Военно-

⁵¹ Бурджалов Э. Н. Указ. соч., с. 23.

⁵² Милиц И. И. Указ. соч., с. 645.

⁵³ Бурджалов Э. Н. Указ. соч., с. 27.

⁵⁴ Милиц И. И. Указ. соч., с. 639, 640.

промышленного комитета и других буржуазных организаций. 1 марта был создан Временный исполнительный комитет московских общественных организаций, в который вошли наряду с многочисленными представителями буржуазии и представители эсеро-меньшевистского Совета рабочих депутатов. Хотя рабочие и солдаты демонстрировали свою солидарность с Советом, его соглашательское мелкобуржуазное большинство признало Комитет общественных организаций единственным органом местной власти⁵⁵.

Большие отряды рабочих, студентов, ремесленников двинулись к многочисленным московским тюрьмам. Администрация их быстро капитулировала. Из каторжной Бутырки народ освободил политических заключенных, видных работников большевистской партии — Ф. Дзержинского, Я. Рудзутака, Б. Бреслава, Ю. Фигатнера, Я. Грунта, Е. Маленкова и др. Из Сокольнической тюрьмы вышли недавно осужденные члены Московского комитета РСДРП Н. Шевков, И. Попов, К. Островитянов, Ф. Титов, М. Семеновских⁵⁶. Все они, не сняв арестантских курток, шли к восставшим и включались в борьбу. За первую неделю революции в тюрьму было отправлено 1840 царских опричников. 2 марта весь город прочно находился в руках восставших.

В начале марта по всей необъятной Российской империи началось триумфальное шествие народной революции. Петроград и Москва не оказались изолированными от всей страны, подобно тому, как это случилось с Парижем в 1871 г. Вся страна, а не отдельные ее районы, переживала уже не один год революционный кризис. Ненависть к самодержавию созрела в самых глухих уголках империи. Почти везде события развивались одинаково: местные власти стремились как можно дольше задержать сообщение о петроградских событиях и поддержке их Москвой, но рано или поздно, через легальную прессу или нелегальные прокламации большевиков правда доходила до народа. Реакция на нее была всюду одинакова: рабочие оставляли цеха и, увлекая за собой студентов и ремесленников, гимназистов и чиновников, начинали демонстрации. После непродолжительного нейтралитета армия переходила на сторону народа. Особенно важной для победы Февральской революции была реакция на нее рабочих Центрального промышленного района, где сосредоточивалось около половины всего российского пролетариата. В 13 губерниях, составлявших этот район, было свыше 1 млн. фабрично-заводских рабочих. В основе своей это были текстильщики (53%) и металлисты (19%). Женщины и подростки составляли здесь большинство рабочих (56%)⁵⁷. Миллионный отряд пролетариата Центра дружно поддержал столицы. 1 марта забастовали два основных предприятия Подольска — завод «Зингер» и снарядный завод Земгора. Остановились заводы Серпухова, восстал текстильный центр Орехово-Зуево⁵⁸. По призыву комитета РСДРП в Твери прекратили работы Русско-балтийский вагонный завод и текстильная фабрика Переволоцкой мануфактуры. На улицы вышли рабочие фабрик Берга и Морозова. Забурлил пролетарский Нижний Новгород. Из Канавино с красными знаменами и пением революционных песен к зданию Городской думы двинулись огромные толпы сормовских рабочих.

2 марта рабочее движение охватило новые города. Началась стачка в Иваново-Вознесенске. Как только весть о Февральской революции дошла до Урала, большевики Екатеринбургa вышли из подполья и при-

⁵⁵ История Москвы. Краткий очерк, с. 199.

⁵⁶ Бурджалов Э. Н. Указ. соч., с. 31, 32.

⁵⁷ Трухан Г. А. Октябрь в Центральной России. М., 1967, с. 15—17.

⁵⁸ Бурджалов Э. Н. Указ. соч., с. 167, 168, 178, 180, 196, 221, 232, 241, 247.

звали рабочих к выступлению. В городе произошла массовая демонстрация рабочих. Забастовали рабочие и других уральских городов. В тот же день волнения охватили крупнейшие города Украины — Киев, Одессу, а также Донбасс.

За сутки революционная волна успела докатиться до самых отдаленных окраин империи. 3 марта начал всеобщую забастовку 100-тысячный интернациональный отряд бакинского пролетариата. На улицах Ташкента и Ашхабада запестрели красные флаги и кумачовые лозунги. По всей Транссибирской магистрали рабочие и солдаты выбирали новые органы власти — Советы рабочих и солдатских депутатов. Так было в Иркутске и Красноярске, Ново-Николаевске и Томске, Чите и Владивостоке.

Начиная свои революционные действия, рабочие и солдаты этих отдаленных от центра России городов еще не знали, что 2 марта 1917 г. Николай II отрекся от престола. Долгая, упорная кровавая борьба народов России со своими угнетателями принесла первые плоды. Пролетариат России завоевал для ее народов республику, завоевал политическую свободу. «Россия *сейчас*, — писал в апреле 1917 г. В. И. Ленин, — самая свободная страна в мире из всех воюющих стран»⁵⁹.

Теперь предстояла борьба иного характера. Большевики, руководствуясь ленинским учением о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую и о возможности победы социализма первоначально в одной, отдельно взятой стране, стали готовить пролетариат России к социалистической революции, к борьбе за установление диктатуры пролетариата и уничтожение эксплуатации человека человеком.

* * *

Новые исторические условия, приобретенный большевистской партией и пролетариатом России опыт революционной борьбы наложили заметный отпечаток и на характер рабочего движения в феврале 1917 г. Пролетариат окончательно и бесповоротно освободился от царистских иллюзий. Даже самые темные и отсталые слои его не возлагали теперь никаких надежд на царские милости. Примечательно, что если первая русская революция началась с шествия к Зимнему дворцу, то вторая — с лозунга «Долой царскую монархию!»

Характерным было и другое. После всеобщей стачки на юге России летом 1903 г. рабочее движение после начала русско-японской войны пошло на спад и к концу 1904 г. находилось на сравнительно невысоком уровне до первых дней января 1905 г. Февралю же 1917 г. в течение по меньшей мере двух лет предшествовал неуклонный подъем рабочего движения, перемежавшийся лишь сравнительно кратковременными спадами. Уже за несколько дней до начала революции в стране практически не оставалось ни одного сколько-нибудь крупного промышленного района, не охваченного выступлениями рабочих.

Движению рабочего класса в Февральские дни была свойственна сплоченность и солидарность. Это нашло свое проявление в единстве лозунгов, под которыми ширилось рабочее движение. Не было ни одного митинга, ни одной демонстрации, на которых бы не раздавался подлинно общенациональный клич «Долой самодержавие!» Другим проявлением сплоченности рабочих было то, что выступление питерского пролетариата почти немедленно нашло всероссийский отклик и горячую поддержку.

⁵⁹ Ленин В. И. ПСС, т. 31, с. 114.

Рабочее движение этого периода нашло поддержку в крестьянстве. Правда, в отличие от первой русской революции, собственно аграрное движение не оказало в начале 1917 г. сильного влияния на борьбу рабочего класса с самодержавием. Но поддержка крестьянством рабочего движения в Февральские дни была чрезвычайно эффективной. Если в первой русской революции только в отдельных воинских частях и гарнизонах вспыхивали единичные бунты, то в Феврале армия, на девять десятых состоявшая из крестьян, единодушно поддержала рабочий класс и начала массовый переход на сторону народа. Союз пролетариата и крестьянства наглядно проявился также в совместных действиях рабочего и солдата на улицах Петрограда, Москвы и других городов.

В дни Февральской революции рабочее движение нарастало необычайно быстро. Опыт первой революции, так много давшей для понимания соотношения сознательности и стихийности, привел Ленина к выводу, изложенному им осенью 1907 г.: «Долгий период подготовки сил пролетариата, воспитания и организации его предшествовал тем выступлениям сотен тысяч рабочих, которые нанесли смертельные удары старому самодержавию в России. Долгая, невиданная работа руководства всеми проявлениями классовой борьбы пролетариата, работа созидания прочной, выдержанной партии предшествовала взрыву действительно массовой борьбы и обеспечила условия превращения этого взрыва в революцию»⁶⁰.

Многие годы руководимая Лениным партия большевиков работала, уверенная в неизбежности в России буржуазно-демократической революции. Выдающееся значение этой деятельности партии хорошо видно в Февральские дни 1917 г. Если в революционном 1905 году пролетариат прошел путь от мирного шествия к царю до вооруженного восстания и Советов, то вторую революцию рабочий класс начал непосредственно с восстания и образования Советов.

Победив в Февральской революции, рабочий класс России совершил подвиг, имевший колоссальное значение для судьбы страны. Россия быстро превратилась в самую свободную из всех воюющих держав страны. Положение рабочего класса и условия его политической борьбы изменились кардинальным образом. Большевицкая партия вышла из подполья и начала широкую организаторскую работу по сплочению рабочего класса на борьбу с капиталом и просвещению более отсталых слоев пролетариата. С поразительной быстротой в стране стали возникать Советы, профессиональные союзы и другие организации рабочего класса.

Победа пролетариата в Февральской революции имела значение в развитии международного революционного движения. Под ее влиянием в 1917 г. усилился процесс поляризации сил в партиях II Интернационала. Февральская революция стала наглядным примером возможности успешных революционных действий даже в условиях мировой войны, и левое крыло всех партий, входивших во II Интернационал, активизировало борьбу за руководство социал-демократическим движением. И хотя в большинстве партий центристам временно удалось перехватить инициативу у революционных элементов⁶¹, процесс дифференциации среди социал-демократических партий после февральских событий в России ускорился, а после Октябрьской социалистической революции

⁶⁰ Ленин В. И. ПСС, т. 16, с. 124.

⁶¹ История Второго Интернационала, т. II. М., 1966, с. 492.

привел к образованию революционных пролетарских партий нового типа, объединившихся в III Коммунистический Интернационал.

Деятельность большевистской партии в годы мировой войны и в феврале 1917 г. показала образец политики, направленной на подготовку масс к революции. Мировое революционное движение обогатилось ценнейшим опытом борьбы за гегемонию пролетариата, использованным впоследствии рабочими самых различных стран. Февраль вдохнул в измученные мировой бойней народы надежду на близкий мир, на окончание кровавого кошмара, порожденного империализмом. Лозунги, впервые в мире провозглашенные русским пролетариатом: «Мир без аннексий и контрибуций!», «Мир без тайных договоров!» — зазвучали на самых различных языках Европы.

Под влиянием Февраля глухое недовольство в Германии переросло в открытую и острую форму. Буквально через несколько недель после победы революции в России кайзеровскую Германию стали сотрясать мощные удары немецкого рабочего класса. В конце марта забастовало около 30 тыс. судостроителей Кили и около 16 тыс. металлистов Магдебурга⁶². В апреле началась забастовка в Берлине, охватившая свыше 250 тыс. человек. Пролетариат столицы поддерживали рабочие Лейпцига, Хемница, Пирна, Галля, Данцига, Магдебурга. Всего в этом месяце в забастовках участвовало свыше 400 тыс. человек⁶³. «Русские рабочие подали вам замечательный пример, — писали спартаковцы в листовке, распространявшейся среди забастовщиков Лейпцига. — Следуйте их примеру. Выйдите из прусско-германского мрака к сияющей свободе народа!.. Откажитесь работать — и кровопролитие прекратится!»⁶⁴. Первые сообщения о русской революции, появившейся в австрийской печати 15—17 марта (н. ст.) 1917 г., вызвали подъем среди рабочих Вены, Праги, Брно, Львова, Триеста. «Спасение человечества возможно лишь на пути дальнейшего развития русской революции», — эти слова, появившиеся на страницах одной из газет, издававшихся в Австро-Венгрии, выражали мнение многих народов «лоскутной империи»⁶⁵. Обострилось революционное движение и в Болгарии. Пролетариат России подал сигнал к революции, говорилось в декларации парламентской фракции «тесняков», оглашенной В. Коларовым. Болгарские рабочие, продолжал он, посылают «через окопы братские поздравления своим славным учителям». А орган «тесняков» «Работнически вестник» писал, что русский пролетариат «завоевал первое место среди международного пролетариата» и что это место «он, без сомнения, будет занимать с достоинством»⁶⁶.

Не менее сильное воздействие оказала победа рабочего класса России и на революционное движение в странах Антанты. «Пример России привлекал многих и поэтому причинял нам серьезную тревогу», — признавался премьер-министр Англии Д. Ллойд-Джордж. «Инфекция проникла в живое тело нации. Российская революция приободрила группу вечно недовольных в рядах рабочего класса»⁶⁷. В 1917 г. в Англии

⁶² Эггерт З. К. Борьба партий и классов в Германии в годы первой мировой войны (август 1914 — октябрь 1917 г.). М., 1957, с. 397.

⁶³ Головачев Ф. Ф. Рабочее движение и социал-демократия в Германии в годы первой мировой войны (август 1914 — октябрь 1918 гг.). М., 1960, с. 205—218.

⁶⁴ Норден Альберт. Между Берлином и Москвой. К истории германо-советских отношений. М., 1956, с. 65, 68.

⁶⁵ Рубинштейн Е. И. Крушение австро-венгерской монархии. М., 1963, с. 170.

⁶⁶ История Болгарии, т. I. М., 1954, с. 518.

⁶⁷ Ллойд-Джордж Д. Военные мемуары, т. IV. М., 1935, с. 140.

произошло 730 стачек, бастовало 872 тыс. рабочих — в три раза больше, чем в 1916 г.⁶⁸

Под прямым влиянием Февральской революции рабочее движение во Франции сделало стремительный скачок: в 1917 г. число забастовщиков возросло в 7 раз по сравнению с предыдущим годом (с 41 тыс. до 294 тыс. человек)⁶⁹.

Февральская революция способствовала усилению рабочего движения во всех странах мира. Вслед за Романовыми наступил бесславный конец для Гогенцоллернов в Германии, Габсбургов в Австро-Венгрии.

«Рабочие всего мира с восторгом и надеждой смотрят на революционных рабочих и солдат России, как на передовой отряд всемирной освободительной армии рабочего класса»⁷⁰, — эти слова Ленина точно определили место пролетариата России в мировом революционном движении во время империалистической войны.

Годы мировой войны и Февральской революции были очень тяжелыми, но и очень важным этапом в истории пролетариата России. На него обрушились основные тяготы и беды, принесенные империалистической бойней. Сотни тысяч сынов рабочего класса вынуждены были проливать кровь за чуждые им интересы. Миллионы рабочих, их детей и жен война обрекла на голод, холод, болезнь и смерть от каторжного труда и недоедания. Чем дольше шла война, чем больше царизм посягал на права пролетариата, чем сильнее наживалась буржуазия на поте и крови рабочих, тем внимательнее прислушивались рабочие к большевикам.

Война лишь в незначительной степени повлияла на социальный состав пролетариата, в который влились мелкобуржуазные слои города и деревни, но вместе с тем она в значительной степени усилила влияние пролетариата на всю общественную жизнь страны. Несмотря на мобилизации военных лет, основной костяк рабочего класса был сохранен, ибо без него немислим цикл капиталистического производства. Этот костяк — потомственный пролетариат крупных заводов и фабрик — был цитаделью большевизма. Под руководством большевиков пролетариат выполнил свою историческую миссию и навсегда прекратил спор о том, кто может быть гегемоном в освободительном движении в России. Царскую монархию сокрушил пролетариат. Союзником его был крестьянин и солдат. Либерал к свержению монархии не имел никакого отношения. «Революция 27 февраля совершилась не нами и против нашей воли, — когда мы готовили другую, дворцовую революцию»⁷¹, — признавал один из столпов русского либерализма — П. Н. Милюков.

Совершив Февральскую революцию, рабочий класс России доказал правоту революционных русских социал-демократов — большевиков. На следующем этапе своей истории пролетариат возглавил социалистическую революцию, начал и успешно продолжил борьбу за социализм, за построение в России такого общества, о котором уже века мечтали лучшие умы человечества.

⁶⁸ Черменский Е. Д. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. М., 1959, с. 250.

⁶⁹ Мировая война (в цифрах). М.-Л., 1934, с. 88.

⁷⁰ Ленин В. И. ПСС, т. 31, с. 187.

⁷¹ Цит. по: Черменский Е. Д. Указ. соч., с. 124.

Г. М. ДЕРЕНКОВСКИЙ, С. В. ТЮТЮКИН

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ОПЫТА ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ ОКТЯБРЯ

Проблема революционного «наследства», революционных традиций, использования опыта предшествующих поколений революционеров — это не новая и вместе с тем всегда актуальная проблема. Ведь каждая революция стоит, образно говоря, на плечах у своих предшественниц, творчески использует и развивает их опыт, так или иначе учитывает ошибки. Революционные традиции связывают между собой и последовательный ряд революций в одной и той же стране, например, четыре французские революции XVIII—XIX вв. или три русские революции XX в., и однотипные в социальном плане революции, происходящие в разных странах, и отделенные иногда друг от друга значительным промежутком времени. Так, XIX век прошел под знаком реализации идейно-политического наследия Великой французской революции, а Великий Октябрь — это главное событие XX в.¹ — стал прообразом последующих народно-демократических и социалистических революций, идейным знаменем мощного антиимпериалистического движения, развертывающегося ныне во всех уголках земного шара².

В преддверии 60-летия Великого Октября уместно напомнить, что эта историческая победа рабочего класса и беднейшего крестьянства нашей страны над буржуазией была бы невозможна без такой «генеральной репетиции», как первая русская революция, до основания потрясшей вековые устои романовской империи³. При этом в 1905—1907 гг. были не только «отрепетированы» такие основополагающие для каждой революции моменты, как расстановка классовых сил и их возможные комбинации в ходе политической борьбы, но и проверены на практике программные, организационные, стратегические и тактические установки различных партий, а также те формы и методы революционного действия, которые родились в огне революционных битв против царского самодержавия⁴.

¹ См. Постановление ЦК КПСС «О 60-лети Великой Октябрьской социалистической революции». — «Коммунист», 1977, № 2, с. 3.

² См. Зародов К. И. Три революции в России и наше время. М., 1975.

³ См. Ленин В. И. ПСС, т. 38, с. 306; т. 41, с. 9—10.

⁴ Различные стороны большой и сложной проблемы преемственной связи между тремя российскими революциями рассмотрены в ряде работ советских историков, среди которых следует выделить следующие: В. И. Ленин и история классов и политических партий в России. М., 1970; Ленинское учение о союзе рабочего класса с крестьянством. М., 1969; Гегемония пролетариата в трех русских революциях. М., 1975; Борьба большевиков за армию в трех революциях. М., 1968; Военно-боевая работа партий большевиков 1903—1917. М., 1973; Персов М. С. Обобщение и использование исторического опыта в работах Ленина. Саратов, 1970; Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. В 2-х т. Т. 1, изд. 2. М., 1974; Революция 1905—1907 годов в России и ее всемирно-историческое значение. М., 1976; Рабочий класс — ведущая сила Октябрьской социалистической революции. М., 1976.

Гегемония пролетариата в революционном процессе и руководящая роль партии большевиков, союз пролетариата и крестьянства, появление Советов как зародышей новой, подлинно народной власти, тактика «левого блока», первый опыт завоевания на сторону революции армии — вот тот актив, который вписала в практику освободительного движения в России первая русская революция. Все эти достижения были с успехом использованы рабочим классом и его ленинской партией в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Этот опыт был гениально обобщен В. И. Лениным, творчески применившим марксизм к условиям новой исторической эпохи перехода от капитализма к социализму и обогатившим марксистскую теорию революции целым рядом важнейших положений с учетом тех новых форм и методов борьбы, которые родились в 1905—1907 гг. в революционной России.

Хотелось бы сразу же подчеркнуть, что когда мы говорим о революционных традициях, то речь идет отнюдь не о механическом повторении опыта революции 1905—1907 гг. в ходе подготовки и проведения социалистической революции 1917 г. — в этом случае вряд ли нужна была бы и специальная статья на подобную тему, — а о развитии и частичном видоизменении этого опыта применительно к новой исторической ситуации и новым задачам, вставшим перед рабочим классом России в 1917 г. Казалось бы, 12 лет, отделяющие первую русскую революцию от свержения самодержавия в феврале и ликвидации власти буржуазии в октябре 1917 г., — срок совсем небольшой. Однако новый, значительно более высокий по сравнению с 1905 г. уровень экономического развития страны, еще большее обострение всех социальных и политических антагонизмов, расколовших трудящиеся и эксплуататорские классы России, новая ступень в развитии общенационального кризиса, без которого невозможна ни одна революция, наконец, значительный рост социальной зрелости всех классов российского общества и прежде всего пролетариата, — все это создало накануне Октября принципиально новую ситуацию, позволившую по-новому поставить и решить целый ряд проблем революционной практики.

Огромное положительное значение имел и тот факт, что Октябрю предшествовала победоносная Февральская революция и период активного политического развития масс в условиях «очищенного» от самодержавия буржуазного строя (март — октябрь 1917 г.), период наиболее интенсивного вызревания объективных и субъективных предпосылок социалистической революции в России. На качественно новый уровень поднялась за эти 12 лет и партия большевиков, накопившая богатейший опыт революционной борьбы и сумевшая мобилизовать на социалистическую революцию широчайшие слои трудящихся, значительная часть которых лишь пробудилась к сознательной политической жизни в годы первой русской революции. Все это вместе взятое и позволило в 1917 г. большевикам, сохранив все лучшее, что родилось в огне революционных боев 1905—1907 гг., критически осмыслить этот опыт, преодолеть его слабые стороны и двинуть революционный процесс неизмеримо дальше, чем это удалось сделать в 1905 г.

Поднятая нами тема настолько обширна и многообразна, что в данной статье мы вынуждены ограничиться лишь комплексом вопросов, связанных с использованием в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции опыта вооруженной борьбы пролетариата, накопленного в ходе первой русской революции (проблема вооруженного восстания, вопросы военно-боевой работы, роль партийных кадров — участников революции 1905—1907 гг. в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции).

Сразу же оговоримся, что если в 1905—1907 гг. вооруженное восстание было единственным средством решения коренного вопроса всякой революции — вопроса о власти, то после победы Февральской революции в России возникла реальная возможность мирного развития и углубления революционного процесса и перехода всей полноты власти в руки Советов без гражданской войны. Однако оппортунистическая соглашательская политика меньшевистско-эсеровского руководства Советов, добровольно уступившего власть буржуазии и отказавшегося от сотрудничества с большевиками в интересах дальнейшего развития революции, фактически закрыла этот путь и позволила буржуазии установить в июле 1917 г. свою контрреволюционную диктатуру. Вот почему VI съезд партии вновь выдвинул временно снятый в марте 1917 г. лозунг вооруженного восстания и взял курс на его практическую подготовку. Была сорвана меньшевиками и эсерами и вторая кратковременная возможность мирного перехода власти к Советам, возникшая после разгрома контрреволюционного корниловского мятежа в начале сентября 1917 г. В итоге, как и в 1905—1907 гг., вооруженное восстание стало на практике единственной альтернативой антинародной политике Временного правительства, которое вело страну к национальной катастрофе⁵.

Это обстоятельство придает особый интерес поднятой в настоящей статье проблеме критического использования большевиками опыта первой русской революции, когда российский пролетариат в союзе с крестьянством впервые поднялся на вооруженную борьбу с самодержавием. Как подчеркивал Ленин, своей героической борьбой в декабрьские дни 1905 г. «пролетариат оставил народу одно из тех наследств, которые способны идейно-политически быть маяком для работы нескольких поколений»⁶. В противовес меньшевикам, устами Плеханова осудившим Декабрьское вооруженное восстание («не надо было браться за оружие»), большевики, не замалчивая слабостей и отдельных ошибок восставших рабочих и их руководителей, делали ударение на положительном опыте этих первых крупных вооруженных столкновений между силами революции и реакции. В ходе декабрьских боев 1905 г. пролетариат доказал, что он может противостоять превосходящим вооруженным силам контрреволюции, выработал под руководством большевиков новую тактику уличных боев, сумел организованно отступить, сохранив основные кадры революционных борцов. Не нужно специально доказывать, что декабрь 1905 г. явился огромной моральной победой пролетариата над царским самодержавием, жестоко расправившимся с участниками восстания.

Вместе с тем на опыте декабрьских боев 1905 г. большевики вскрыли основные причины неудачи первого вооруженного натиска революционного народа на самодержавие: сравнительную малочисленность боевых дружин и их недостаточное вооружение, оборонительную тактику, избранную повстанцами, изолированность отдельных очагов восстания, слабость революционной работы в войсках, отсутствие прочного союза пролетариата и крестьянства, разрозненность действий различных революционных сил.

Успех нового вооруженного восстания большевики связывали с преодолением этих недостатков⁷. Значительная работа в этом направлении

⁵ Подробнее об этом см. Минц И. И. История Великого Октября. В 3-х т. Т. 2—3. М., 1968—1973; Соколкин А. М. На путях к Октябрю. Проблема мирной и вооруженной борьбы за власть Советов. М., 1977.

⁶ Ленин В. И. ПСС, т. 19, с. 215.

⁷ См. Ленин В. И. ПСС, т. 12, с. 213—218; Проблемы гегемонии пролетариата в демократической революции (1905—февраль 1917 г.). М., 1975, с. 173—179; Сенчаков А. Т. Боевая роль революции. М., 1975, с. 167—183.

была проделана уже в 1906—1907 гг., но особенно широкий размах она приобрела в период подготовки Октябрьского вооруженного восстания 1917 г.

Уже в 1905 г. большевики взяли на вооружение замечательную мысль Маркса о восстании как искусстве⁸. Осенью 1917 г. она получила дальнейшее развитие и конкретизацию в работах Ленина «Марксизм и восстание», «Кризис назрел», «Советы постороннего» и др. «Восстание,— писал Ленин,— чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это во-первых. Восстание должно опираться на *революционный подъём народа*. Это во-вторых. Восстание должно опираться на такой *переломный пункт* в ...нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее колебания в рядах врагов и в рядах *слабых половинчатых нерешительных друзей революции*. Это в-третьих»⁹. Ленин напомнил основные положения марксизма по вопросу о восстании: 1) никогда не играть с восстанием, а начиная его, идти до конца; 2) собрать большой перевес сил в решающем месте, в решающий момент; 3) начав восстание, действовать с величайшей решительностью и непременно, безусловно переходить в наступление; 4) стараться захватить неприятеля врасплох; 5) добиваться ежедневно и ежедневно хотя бы маленьких успехов, поддерживая во что бы то ни стало «моральный перевес»¹⁰.

Эти общие принципы были дополнены Лениным конкретным планом наступления вооруженных отрядов пролетариата и перешедших на сторону революции частей армии и флота на наиболее важные в стратегическом отношении правительственные объекты¹¹. При этом большевики подчеркивали особую важность правильного выбора момента начала восстания и места нанесения решающего удара, создания значительного перевеса сил революции над контрреволюционными войсками в главных очагах восстания и комбинированного натиска различных отрядов политической армии революции на врага.

Напомним, что в 1905 г. вооруженное выступление московского пролетариата было в значительной мере спровоцировано правительством и началось в тот момент, когда подготовка к нему была далека от своего завершения. Слабым местом Декабрьского восстания 1905 г. было и то, что наиболее сильный и организованный отряд российского пролетариата — рабочие Петербурга, истощенные предшествующей борьбой, не смогли подняться на восстание, что отрицательно сказалось на его исходе в Москве и других городах¹². Необходимо было преодолеть и другую слабость Декабрьских вооруженных восстаний 1905 г., состоявшую в том, что восставшие рабочие ни в Москве, ни в других местах не имели перевеса сил над правительственными войсками. Правда, в ходе Московского восстания колебания значительной части гарнизона не позволили царским властям быстро подавить сопротивление восставших, но с прибытием подкреплений их поражение было фактически предрешено¹³. Не

⁸ См. Третий съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959, с. 105—106; Крупская Н. К. Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1957, с. 92.

⁹ Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 242—243.

¹⁰ См. Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 383.

¹¹ См. там же.

¹² История рабочих Ленинграда, т. I. Л., 1972, с. 301—302; Бондаревская Т. П. Петербургский комитет РСДРП в революции 1905—1907 гг. Л., 1975, с. 139—152.

¹³ В начале восстания в Москве правительство имело лишь 2300 надежных солдат, которым противостояло примерно 2 тыс. вооруженных дружинников (см. Яковлев Н. Н. Вооруженные восстания в декабре 1905 года. М., 1957, с. 178). В дальнейшем общее число дружинников возросло до 8 тыс., однако большинство их не имело оружия.

удалось осуществить в 1905 г. и соединения в ходе восстания различных потоков революционного движения — революционных выступлений рабочих, солдат и крестьян. Достаточно сказать, что восстание Ростовского полка в Москве началось и было подавлено еще до выступления рабочих, а крестьяне не смогли должным образом помочь в этот момент восставшему пролетариату¹⁴.

Между тем еще летом 1905 г. в связи с восстанием на броненосце «Потемкин» Ленин подчеркивал необходимость не только перехода восставших моряков к решительным наступательным действиям, но и обращал особое внимание на обеспечение совместных выступлений рабочих, матросов и крестьян против самодержавия. Инструктируя М. И. Васильева-Южина, который был направлен ЦК РСДРП для связи с потемкинцами, Ленин говорил: «...Убедите матросов действовать решительно и быстро. Добейтесь, чтобы немедленно был сделан десант. В крайнем случае не останавливайтесь перед бомбардировкой правительственных учреждений. Город нужно захватить в наши руки. Затем немедленно вооружите рабочих, самым решительным образом агитируйте среди крестьян... Необходимо сделать все, чтобы захватить в наши руки остальной флот...»¹⁵.

Когда в июле 1906 г. вспыхнуло восстание матросов и солдат в Свеаборге, Кронштадте и в районе Ревеля, Ленин предложил Петербургскому комитету РСДРП начать в столице всеобщую политическую забастовку, чтобы поддержать и расширить вооруженное выступление революционных частей армии и флота. Однако ни в 1905, ни в 1906 г. реализовать на практике эти ленинские идеи по различным причинам не удалось. Тем более остро встали эти все вопросы перед руководящими партийными органами, занимавшимися подготовкой вооруженного восстания в Петрограде в октябре 1917 г.

Накануне Октября Ленин подчеркивал, что главный удар по контрреволюции должен быть нанесен в столице страны — Петрограде, где находилось Временное правительство¹⁶. При этом намечалось взять Петроград комбинированной атакой рабочих, моряков Балтийского флота и революционно настроенных войск Северного и Западного фронтов. «...Одновременное, — ставил задачу Ленин, — возможно более внезапное и быстрое наступление на Питер, непременно и извне, и изнутри... Комбинировать наши три главные силы: флот, рабочих и войсковые части так, чтобы непременно были заняты и ценой *каких угодно потерь* были удержаны: а) телефон, б) телеграф, в) железнодорожные станции, г) мосты в первую голову»¹⁷.

В результате огромной организационно-технической работы большевиков в Петрограде и его районе был создан такой перевес революционных сил над войсками, верными Временному правительству, о котором даже не могли мечтать московские большевики в декабре 1905 г.: 30 тыс. контрреволюционных войск противостояли 300 тыс. революционных солдат, матросов и красногвардейцев¹⁸. Работа большевиков привела к тому, что в октябре 1917 г. войска, расположенные в Петрограде, фактически вышли из подчинения Временному правительству. Значительный

¹⁴ Подробно о Декабрьском вооруженном восстании в Москве см. Деренковский Г. М. Декабрьское вооруженное восстание 1905 г. в Москве. — «Вопросы истории», 1975, № 2. Революция 1905—1907 гг. в России. М., 1975, с. 244—261.

¹⁵ Васильев-Южин М. И. В огне первой революции. М., 1955, с. 47—48.

¹⁶ См. Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 384, 390.

¹⁷ Там же, с. 383.

¹⁸ Военные организации российского пролетариата и опыт его вооруженной борьбы. 1903—1917. М., 1974, с. 288.

перевес революционных сил над верными правительству войсками был создан и в Москве¹⁹.

Очень удачно был выбран и момент восстания. Налицо был и революционный подъем народа, большинство которого в решающих пунктах революции было на стороне большевиков, и тот переломный момент в развитии революционных событий, когда массы рвались в бой, а правительственный лагерь метался из стороны в сторону, будучи бессилён найти выход из тупика. В отличие от декабря 1905 г. революция на этот раз опередила контрреволюцию и нанесла ей внезапно удар, сорвав планы Временного правительства по удушению революционных сил. Все это вместе взятое и позволило большевикам, которые блестяще провели всю подготовительную работу к восстанию и создали четко организованную и тщательно продуманную систему руководства боевыми силами революции, быстро и сравнительно бескровно²⁰ осуществить под руководством ЦК партии во главе с Лениным Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде.

В этой связи хотелось бы коснуться вопроса о месте стачки в вооруженных восстаниях 1905 г. и в ходе Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде и других городах страны в 1917 г. Как известно, в годы первой русской революции массовая политическая стачка рассматривалась большевиками как пролог и неотъемлемая составная часть начавшегося вооруженного восстания, как неперемное условие вовлечения в него широких масс рабочих и их союзников из непролетарских слоев трудящегося населения страны²¹. Массовые политические стачки были призваны пробудить и активизировать массы, сплотить их под революционными лозунгами, подвести к осознанию необходимости и неизбежности вооруженного восстания. В период высшего подъема революции в октябре — декабре 1905 г. Политические стачки не раз перерастали в восстание и сопутствовали ему. Они ослабляли силы царизма и буржуазии, лишали правительство возможности маневрировать своими воинскими контингентами и в то же время обеспечивали восстание кадрами революционных бойцов и массой сочувствующих. Жизнь полностью подтвердила вывод III съезда партии о сочетании стачки и восстания как наиболее эффективном методе борьбы пролетариата с самодержавием²². И в декабре 1905 г., и в феврале 1917 г. восстание вырастало из стачки и черпало в ней свою силу.

Иначе сложилась обстановка в Октябрьские дни 1917 г. Надо сказать, что в процессе созревания общенационального кризиса в стране осенью 1917 г. массовая стачка играла немаловажную роль в сплочении широких пролетарских масс под лозунгами большевистской партии. Достаточно напомнить о забастовке более 100 тыс. уральских рабочих 1 сентября 1917 г., всероссийской стачке железнодорожников, начавшей-

¹⁹ См. Грунт А. Я. Москва. 1917-й. Революция и контрреволюция. М., 1977, с. 295—297.

²⁰ В дни Октябрьского восстания в Петрограде погибло всего 6 человек и около 50 было ранено (см. История Коммунистической партии Советского Союза. В 6-ти т. Т. III, кн. 1. М., 1967, с. 328). Во время Февральской революции, которую буржуазные историки всерьез расхваливают как образец мирного демократического переворота, на улицах Петрограда было убито и ранено 1882 человека.

²¹ О роли массовой политической стачки в подготовке и проведении вооруженных восстаний в 1905 г. см. подробнее: Иванова Н. А. В. И. Ленин о революционной массовой стачке в России. М., 1976, с. 112—128; Кириллов В. С. Большевики во главе массовых политических стачек в первой русской революции (1905—1907). М., 1976, с. 212—268; Проблемы гегемонии пролетариата в демократической революции (1905 — февраль 1917). М., 1975, с. 164—167, 183—185.

²² См. Ленин В. И. ПСС, т. 10, с. 112—113; Третий съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959, с. 451.

ся 24 сентября, и о 300-тысячной стачке текстильщиков Иваново-Кинешемского района под руководством М. В. Фрунзе, которая началась 21 октября. В канун Октября волна забастовочного движения, отражавшая недовольство рабочего класса антинародной политикой Временного правительства и поддержку им политической линии партии большевиков, прокатилась почти по всем городам страны. В сентябре — октябре 1917 г. бастовало свыше 2,3 млн. рабочих²³.

Однако совершенно очевидно, что на этапе перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую стачка уже утратила свою былую роль чуть ли не единственного средства раскачки и пробуждения масс, каким она была при царизме. Развитие массовой рабочей печати, широкое распространение таких форм организации пролетариата, как Советы, профсоюзы, фабзавкомы, относительная свобода в организации собраний, митингов, демонстраций и т. п. — все это способствовало организации и политическому просвещению масс ничуть не меньше, чем стачка. Вдобавок новая, более высокая ступень политической зрелости и организованности масс в условиях общенационального кризиса осени 1917 г. давали возможность партии приступить к практической реализации плана восстания без каких-либо предварительных этапов «раскачки» масс, что было невозможно в условиях царизма.

В Петрограде вооруженное восстание победило в октябре 1917 г. без объявления всеобщей стачки. В Москве к стачке прибегли уже в ходе восстания, и она ускорила его победу. Московская октябрьская стачка, как подчеркивает А. Я. Грунт, выполняла не роль переходного этапа к восстанию, как это было раньше, а явилась дополнительным, усиливающим элементом уже начавшегося восстания²⁴. Примерно та же картина наблюдалась и в Киеве, где восстание началось вечером 29 октября, а на следующий день по призыву Центрального бюро профсоюзов и Центрального совета фабзавкомов началась всеобщая забастовка, ускорившая победу восстания 31 октября 1917 г.²⁵

Утратили свое значение в 1917 г. и баррикадные бои, считавшиеся в XIX в. непременным атрибутом любого восстания. Практика революционных боев 1905 г. и прежде всего Декабрьское восстание в Москве показали, что баррикады органически связаны с оборонительной, а не с наступательной тактикой повстанцев и имеют в XX в. уже не столько военное, сколько морально-психологическое значение. Характерно при этом, что если в Москве в декабре 1905 г. строительство баррикад приняло действительно массовый характер, то во многих других районах страны, охваченных в это время восстанием (Донбасс, Прибалтика, Закавказье), баррикада как таковая уже не определяла тактику повстанцев в борьбе с царскими войсками и полицией. Да и сама революционная Москва в ходе восстания выдвинула, как известно, новую тактику — тактику партизанских действий революционных сил в условиях большого современного города, хотя в то время она и не получила еще своего всестороннего развития и сколько-нибудь широкого применения²⁶.

Вот почему в 1917 г. в условиях скоротечных наступательных операций боевых сил революции, включавших в себя и основной костяк войск,

²³ См. Соловьев А. М. На путях к Октябрю. Проблемы мирной и вооруженной борьбы за власть Советов, с. 204—207; Гапоненко Л. С. Рабочий класс России в 1917 году. М., 1970, с. 433—442.

²⁴ См. Грунт А. Я. Москва 1917-й. Революция и контрреволюция. М., 1977, с. 255—257, 320—323.

²⁵ См. Королевский С. М., Рубач М. А., Супруненко Н. И. Победа Советской власти на Украине. М., 1967, с. 278—282.

²⁶ См. Грунт А. Я. «Новая баррикадная тактика» и вооруженные восстания 1905 и 1917 годов. — «Вопросы истории», 1966, № 11.

баррикады практически почти не применялись²⁷. Зато широкое распространение получила тактика внезапного нападения отдельных отрядов Красной гвардии и революционных войск на важнейшие стратегические объекты, обстрел (в том числе и артиллерийский) и осада засевших там контрреволюционных сил, открытые уличные бои с использованием многих приемов тех самых «партизанских действий», которые родились в ходе первой русской революции и рекомендовались боевой организацией при МК РСДРП восставшим в исторические декабрьские дни 1905 г.²⁸

До сих пор мы говорили в основном о том, как большевики видоизменяли и совершенствовали в 1917 г. те приемы вооруженной борьбы, которые не дали надлежащего эффекта в 1905 г. или не могли быть осуществлены в то время из-за недостатка опыта борьбы и слабости материальной базы восстания. Однако можно с полной уверенностью сказать, что без этого — пусть даже не всегда удачного — опыта подготовки и проведения вооруженных восстаний в 1905—1907 гг. партия не сумела бы так хорошо подготовиться к победоносному октябрьскому штурму 1917 г., ибо деловой и самокритичный, конструктивный разбор ошибок и недостатков всегда рассматривался большевиками как залог быстрого их устранения в будущем.

Формирование и обучение боевых рабочих дружин, их вооружение, революционная работа в регулярных воинских частях в 1905—1907 гг. дали партии тот бесценный опыт, который помог при подготовке к Октябрьскому вооруженному восстанию. Конечно, и здесь произошли значительные изменения: рабочие боевые дружины уступили место приближавшейся по своей организации, обучению и вооружению к регулярным войскам Красной гвардии, исчезла необходимость в широко практиковавшихся в 1905—1907 гг. массовом изготовлении самодельного оружия и закупках его за границей, поскольку в условиях мировой войны и интенсивного революционизирования армий основным источником получения оружия для пролетариата стали в 1917 г. сами воинские части и армейские склады, а также военные заводы. При этом на вооружении красногвардейцев было уже не только огнестрельное оружие, но и артиллерия. Совместные действия с частями армии и флота помогали отрядам Красной гвардии, численность которой достигала к концу 1917 г. 200 тыс. человек²⁹, подтягиваться до уровня боевой подготовки и дисциплины регулярных воинских частей.

Следует подчеркнуть, что создание такой мощной по тем временам революционной силы, как Красная гвардия, стало возможно в 1917 г. в значительной мере благодаря Февральской победе рабочего класса над царизмом, давшей невиданный прежде простор для развития революционного творчества масс. И партия большевиков прекрасно использовала эти благоприятные объективные условия для формирования не только политической армии социалистической революции в широком смысле этого слова, но и для создания своего непосредственного военно-боевого аппарата и вооруженных сил революции.

Здесь мы подходим еще к одной чрезвычайно важной проблеме, связанной с использованием опыта первой русской революции, а именно — к проблеме завоевания на сторону народа армии и флота. Отличитель-

²⁷ Отдельные баррикады появились в Москве лишь 28 октября, но не получили широкого распространения (см. Грунт А. Я. Москва. 1917-й. Революция и контрреволюция, с. 325).

²⁸ В «Советах восставшим рабочим», опубликованном 11 декабря 1905 г. в «Известиях Московского Совета», дружинникам рекомендовалось не задерживаться возле баррикад, весьма уязвимых в случае артиллерийского огня правительственных войск, а постоянно маневрировать, действуя небольшими подвижными отрядами.

²⁹ См. Из истории трех русских революций. Л., 1976, с. 6.

ной чертой большинства революций XX века является активная роль, которую играют в них вооруженные силы. Этому способствуют и объективные процессы, происходящие в их социальной структуре под влиянием перехода к всеобщей воинской повинности и оснащения войск новым, более совершенным оружием (увеличение пролетарской прослойки, демократизация офицерского корпуса и т. п.), а также повышение политической активности военнослужащих и всевозрастающая активность революционных партий и организаций в распространении своего влияния в военной среде. Начало этой новой закономерности современного революционного процесса положили три русские революции.

Для того, чтобы конкретно представить себе, чем была русская армия в 1917 г., достаточно сказать, что она, по словам Ленина, вобрала в себя весь цвет народных сил³⁰ — 15 млн. человек, среди которых было не менее 2 млн. пролетариев, в том числе 700—800 тыс. фабрично-заводских рабочих³¹. И от поведения этой грозной силы, значение которой особенно возрастало в условиях мировой империалистической войны, когда фронт проходил осенью 1917 г. всего в 500 км от Петрограда, зависело очень многое: переход армии на сторону революции обеспечивал ее быстроту и сравнительно бескровную победу, тогда как союз армии с силами контрреволюции был чреват замедлением темпа развития революционного процесса и кровопролитной гражданской войной.

В 1905—1907 гг. был сделан первый важный шаг по завоеванию армии на сторону революционного народа. Восстание в июне 1905 г. на одном из наиболее крупных и совершенных в боевом отношении кораблей царского флота броненосце «Потемкин», команда которого превышала 700 человек, матросские и солдатские выступления в Севастополе, Кронштадте, Киеве и Харькове осенью 1905 г., восстания в июле 1906 г. в Свеаборге и Кронштадте и т. д. свидетельствовали о том, что революция пробила первую брешь в вооруженной опоре царизма. Только за 1905—1906 гг. произошло свыше 100 вооруженных антиправительственных выступлений³². Однако основная часть армии и флота еще сохраняла в 1905—1907 гг. верность царской присяге, и это во многом предопределило поражение революции. Тем не менее тот факт, что в годы первой революции в войсках вели работу 64 социал-демократические организации, а в самих вооруженных силах было создано в 1905 г. 27 военных партийных организаций, в 1906 г. — 48 и в 1907 г. — 50³³, имел огромное значение для последующей революционной борьбы в России.

Обстановка нового революционного кризиса, созревание которого было ускорено первой мировой войной, непрерывные поражения царских войск, революционная работа партии большевиков среди солдат и матросов — все это привело к тому, что в период Февральской революции 1917 г. самодержавие фактически уже не имело верных ему войск. Дальнейшее развитие этого процесса весной, летом и осенью 1917 г. позволило партии большевиков завоевать в Октябрьские дни на сторону пролетарской революции значительную часть фронтовых частей и тыловых гарнизонов.

Сразу же после свержения царизма по опыту первой русской революции была создана военная организация при Петербургском комитете партии, преобразованная в апреле в Военную организацию при ЦК

³⁰ См. Ленин В. И. ПСС, т. 40, с. 8.

³¹ См. Протасов Л. Г. Классовый состав русской армии. — «История СССР», 1977, № 1, с. 47.

³² См. Петров В. А. Очерки по истории революционного движения в русской армии в 1905 г. М. — Л., 1964, с. 383.

³³ См. Военные организации российского пролетариата и опыт его вооруженной борьбы, с. 85, 141.

РСДРП(б). Ее активными деятелями были ветераны революционного движения, участники первой русской революции Н. И. Подвойский, В. И. Невский, М. С. Кедров, Е. Ф. Розмирович, Н. В. Крыленко. В Московской большевистской военной организации, которая играла роль второго организационного центра военной работы во всероссийском масштабе, работали видные участники революции 1905—1907 гг. — Е. М. Ярославский, О. А. Варенцова, А. С. Бубнов и другие опытные партийцы.

Вслед за обеими столицами большевистские военные организации возникли в 1917 г. в Кронштадте, Ревеле, Гельсингфорсе, Риге, Выборге, Харькове, Киеве, Луганске, Екатеринославле, Ростове-на-Дону, Твери, Самаре, Саратове, Красноярске, Екатеринбурге и других городах. В состав их входили активные участники первой русской революции С. И. Голнер, Ф. И. Голощекин, Н. Н. Яковлев, Б. З. Шумяцкий, В. М. Косарев, В. П. Антонов-Саратовский и другие³⁴. Обращает на себя внимание тот факт, что в большинстве своем военные организации возникли в 1917 г. в тех же самых местах, где были «военки» в 1905—1907 гг. Была продолжена в 1917 г. и берущая начало в 1905—1907 гг. традиция выпуска специальных газет для солдат и матросов. Но масштабы агитационно-пропагандистской и организационной работы партии в воинских частях стали в 1917 г. намного шире, что позволило к моменту Октябрьского вооруженного восстания увлечь за рабочим классом значительную часть армии и флота.

Кроме того, огромное значение имело то обстоятельство, что после свержения самодержавия партия могла опереться в своей военной работе на такие новые, лишь спорадически возникавшие в 1905 г. организации, как Советы солдатских депутатов, сливавшиеся, как правило, с Советами рабочих депутатов. В лице Советов рабочий класс получил готовые формы новой революционной власти, и не случайно Ленин, сразу же оценивший в 1905 г. их значение, выдвинул в 1917 г. лозунг «Вся власть Советам!», вокруг которого спланивались в ходе подготовки к октябрьскому штурму все новые и новые слои трудящихся. Если в 1905 г. в стране возникло немногим более 50 Советов рабочих депутатов и буквально единичные Советы крестьянских, солдатских и матросских депутатов, то в 1917 г. этот процесс пошел настолько бурными темпами, что в марте насчитывалось уже 600 Советов³⁵, а в канун Октября их было уже около 1500³⁶.

Как подчеркивал Ленин, если бы народное творчество революционных классов не создало Советов, то пролетарская революция в России была бы делом безнадежным, поскольку со старым государственным аппаратом пролетариат несомненно не смог бы удержать власти, а новый аппарат создать сразу невозможно³⁷.

Трудно переоценить и значение того факта, что в ходе подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции наша партия имела возможность использовать замечательные кадры борцов, пришедших в революционное движение в 1905—1907 гг. Кадры партии — это тот драгоценный человеческий материал, который аккумулирует в себе теоретические знания, опыт политической борьбы, навыки работы с массами. Вряд ли нужно доказывать, что успех революции во многом зависит от того, в какой мере овладели революционеры различными методами легальной и нелегальной работы, насколько глубоко разбираются

³⁴ См. Военные организации российского пролетариата и опыт его вооруженной борьбы, с. 277—330; Борьба большевиков за армию в трех революциях, с. 126—143.

³⁵ См. Мияц И. И. История Великого Октября, т. 1. М., 1967, с. 913—914.

³⁶ См. Из истории трех русских революций. Л., 1976, с. 6.

³⁷ См. Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 305.

они в социальной психологии рабочего класса, крестьянства и других слоев трудящихся, насколько реально представляют себе сильные и слабые стороны классового врага. И с этой точки зрения огромное положительное значение имел тот факт, что во всех трех российских революциях во главе народа шло сложившееся еще в самом начале XX в., накануне и в период революционных боев 1905—1907 гг. ядро профессиональных революционеров-большевиков и передовых рабочих³⁸.

В самом деле, если считать, что наиболее активную роль в политической армии революции играли люди в возрасте от 20—25 лет до 50—55 лет, то совершенно очевидно, что большинство участников первой русской революции могло в той или иной форме участвовать и в двух последующих победоносных революциях 1917 г. Ведь тем, кто в 1905 г. только вступал в революционное движение, в 1917 г. было немногим более тридцати, а их отцам — немногим более пятидесяти. Это не значит, конечно, что за 12 лет, разделявшие московские баррикады 1905 г. и великий октябрьский штурм 1917 г., состав армии революционных борцов не претерпел никаких серьезных изменений: многих унесли царские тюрьмы и каторга, многие не вернулись с полей мировой империалистической войны; с другой стороны, выросло новое, так называемое «правдивское» поколение революционеров-большевиков. Однако совершенно четко вырисовывается следующая закономерность: чем выше уровень того или иного руководящего партийного органа, тем выше партийный стаж его участников, тем больше среди них удельный вес тех, кто прошел через огни и бури революционных боев 1905—1907 гг.

Политический штаб Октября — Центральный комитет РСДРП(б), избранный на VI съезде партии и насчитывавший в своем составе 21 члена и 10 кандидатов в члены ЦК, на 100% состоял из руководящих партийных деятелей, вступивших в социал-демократическое движение не позже 1907 г. Из 15 членов первого Советского правительства — Совета Народных Комиссаров, образованного на II Всероссийском съезде Советов 26 октября (8 ноября) 1917 г., лишь один (П. А. Дыбенко) не был участником первой русской революции.

Если попытаться персонифицировать эти общие статистические данные, то получится очень интересная и впечатляющая картина. Личное участие в революции 1905—1907 гг. явилось важной вехой в политической биографии вождя нашей партии и российского пролетариата В. И. Ленина, осуществлявшего в годы первой русской революции не только общее политическое руководство партией большевиков, но и принимавшего непосредственное участие в практической революционной работе. Достаточно сказать, что в 1905—1907 гг. Ленин руководил несколькими крупными большевистскими газетами, в том числе первой многотиражной легальной газетой «Новая жизнь», близко наблюдал деятельность Петербургского Совета рабочих депутатов и принимал участие в его работе, детально знакомился с постановкой военно-боевой работы партии, обобщал ее опыт, давал ценные советы и указания³⁹. Ленин-вождь рос вместе с революцией, и накопленный им в 1905—1907 гг. опыт политического руководства массовой борьбой сыграл немалую положительную роль в период подготовки Октября.

Председатель ВЦИК Я. М. Свердлов, которого Ленин называл круп-

³⁸ См. исследование М. С. Волина в книге «Революция 1905—1907 годов в России и ее всемирно-историческое значение» (с. 171—182).

³⁹ См. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 2. М., 1971, с. 195—320; Бондаревская Т. П. Петербургский комитет РСДРП в революции 1905—1907 гг. Л., 1975.

нейшим талантом в области партийно-организационной работы⁴⁰, в годы первой русской революции много сделал для сплочения большевиков Урала. Член Комиссариата по военным и морским делам Н. В. Крыленко начал заниматься военной работой в 1906 г. в качестве активного члена Военной организации при Петербургском комитете РСДРП. А. С. Бубнов, который в 1917 г. был членом Петроградского ВРК и одним из руководителей Октябрьского вооруженного восстания, получил боевое крещение в 1905 г. в крупном пролетарском центре страны — Иваново-Вознесенске, где он входил в состав местного комитета большевиков.

Участниками первой русской революции являлись, по подсчетам М. С. Волина, $\frac{1}{3}$ делегатов Апрельской конференции и $\frac{2}{3}$ делегатов VI съезда партии большевиков. Из 62 большевиков — членов ВЦИК, избранного на II Всероссийском съезде Советов, 78% тоже участвовали в революции 1905—1907 гг. Интересные данные приводит в своем исследовании о деятельности Петербургского комитета РСДРП в годы первой русской революции ленинградский историк Т. П. Бондаревская: из 508 активных участников подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде — членов ПК и райкомов партии, организаторов и командиров Красной гвардии, руководителей Советов и фабзавкомов, биографии которых приведены в сборнике «Герои Октября»⁴¹, 184, т. е. более трети, вступили в партию до или во время первой русской революции⁴². В Петроградском ВРК из 53 большевиков 75% прошли школу революционных боев 1905—1907 гг. Преобладали ее участники и во всех трех составах Центрального Совета фабзавкомов Петрограда⁴³.

Г. А. Цыпкин, проанализировавший 2 тыс. личных дел московских красногвардейцев 1917 г. (всего в Москве их было около 6 тыс.), установил, что из 1104 членов РСДРП(б), входивших в отряды московской Красной гвардии, 138 человек вступили в ряды партии большевиков до начала и во время первой русской революции, а 75 красногвардейцев были дружинниками в 1905 г.⁴⁴

Назовем здесь только некоторых из них. А. С. Ведерников — участник боев на Пресне в декабре 1905 г., член Московского военно-технического бюро и организатор боевых дружин Бутырского района в 1906 г. В 1917 г. он был одним из организаторов Красной гвардии и членом Центрального ВРК. П. К. Штериберг — большевик с 1905 г., видный ученый-астроном, член Московского военно-технического бюро в 1906 г. много сделал для подготовки московского пролетариата к новому вооруженному восстанию на втором этапе революции в 1906—1907 гг. В мае 1917 г. стал одним из руководителей Центрального штаба Красной гвардии, а затем членом ВРК и активным работником его штаба, сосредоточившего в своих руках военно-оперативное руководство восстанием⁴⁵. А. С. Борщевский, участвовавший в декабрьских боях 1905 г. на улицах Москвы, стал в 1917 г. членом ВРК Городского района. Другой участник баррикадных боев в декабре 1905 г., а затем член Московского военно-технического бюро в 1906—1907 гг. — В. П. Файдыш — был в 1917 г. начальником штаба Красной гвардии Замоскворецкого района. Р. С. Землячка, В. Г. Шум-

⁴⁰ См. «Коммунист», 1977, № 6, с. 7.

⁴¹ См. Герои Октября. В 2 т. Л., 1967.

⁴² См. Бондаревская Т. П. Указ. соч., с. 289.

⁴³ См. Орехова Е. Д. О составе Петроградского военно-революционного комитета. — «История СССР», 1971, № 2, с. 129.

⁴⁴ См. Цыпкин Г. А. Красная гвардия в борьбе за власть Советов. М., 1976, с. 104—109.

⁴⁵ См. Герои Октября. М., 1967, с. 180. П. К. Штериберг передал, в частности, штабу материалы картографической съемки стратегических пунктов Москвы, проведенной им в 1906—1907 гг. на случай вооруженного восстания.

кин, рабочий-столяр с Прохоровской мануфактуры Н. Т. Меркулов, И. Г. Батышев и многие другие герои революции 1905—1907 гг. становятся героями Октября 1917 г.

Все эти и многие другие факты красноречиво говорят о том, что кадры партии периода первой русской революции стали ядром ленинской гвардии, которая повела народ на штурм буржуазного строя в исторические дни 1917 г.

Все сказанное выше, естественно, не исчерпывает поставленной в данной статье проблемы, которая нуждается в дальнейшем изучении. Но совершенно очевидно, что какие бы изменения ни произошли в 1917 г. в условиях и методах революционной борьбы по сравнению с 1905—1907 гг., положительный опыт первой русской революции стал той основой, базой, на которой строилась вся деятельность партии большевиков в период подготовки Октября. Бесспорно, в 1917 г. после победы Февральской революции значительно изменилась расстановка классовых сил в стране: было свергнуто ненавистное народу царское самодержавие; буржуазия, лавировавшая прежде между тактикой оппозиции к самодержавному строю и безусловным отрицанием народной революции, стала неприкрыто контрреволюционной силой; пролетариат, сохраняя и укрепляя свои позиции класса-гегемона, взял под руководством ленинской партии курс на перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, которую ему предстояло совершить в союзе с крестьянской беднотой. Однако и в этой новой обстановке сохраняли свое значение те формы и методы революционной борьбы, которые родились в 1905—1907 гг., но получили свое полное и всестороннее развитие именно в 1917 г.

Прежде всего речь идет о самой партии рабочего класса, которая была вождем народа в период всех трех российских революций. Как уже отмечалось выше, она сохранила к 1917 г. основное ядро своих кадров, прошедших школу первой русской революции. На протяжении 1917 г. партия большевиков выросла с 24 тыс. членов накануне Февраля до 400 тыс. перед Октябрем. Большое значение имел опыт партийного строительства, накопленный ею в годы борьбы с царизмом⁴⁶. Достаточно сказать, что к 1917 г. большевики уже имели вполне сложившуюся стройную систему партийных организаций, которая сыграла крупную роль в проведении массовых революционных выступлений пролетариата в 1905—1907 гг. и в последующий период. Большое значение для налаживания работы большевистских партийных организаций в 1917 г. имел, в частности, опыт их легального или полуполигального существования в «дни свобод» осенью 1905 г., а также в период деятельности I и II Государственных дум в 1906—1907 гг., когда партийные организации перестраивали свою работу и структуру на основе более последовательного проведения в жизнь принципа демократического централизма. Широко использовался нашей партией в 1917 г. и опыт 1905—1907 гг. в области организации легальной печати, массовой агитационно-пропагандистской работы, работы в вооруженных силах и среди крестьянства.

Особо следует сказать о значении Советов рабочих, солдатских, крестьянских депутатов — этого мощного рычага воздействия пролетариата и большевистской партии на все слои трудящегося населения России, в котором Ленин увидел в 1917 г. и государственную форму диктатуры пролетариата. Как подчеркивал Ленин, в 1917 г. «рабочие своим классовым инстинктом поняли, что в революционное время им нужна

⁴⁶ См. Шапко В. Вопросы партийного строительства в условиях революции. — В кн.: Революция 1905—1907 годов в России и ее всемирно-историческое значение. М., 1976, с. 183—192.

совсем иная, не только обычная организация, они правильно встали на путь, указанный опытом нашей революции 1905 года и Парижской коммуны 1871 года, они создали *Совет рабочих депутатов*, они стали развивать, расширять, укреплять его привлечением *солдатских* депутатов и, несомненно, депутатов от сельских *наемных* рабочих, а затем (в той или иной форме) от всей крестьянской бедноты»⁴⁷.

Если первая русская революция началась с мирного шествия к царю, то Февраль 1917 г. — со всеобщей политической стачки и восстания, причем вторая буржуазно-демократическая революция в России сразу же выдвинула на историческую сцену сотни Советов, выражавших подлинную волю народа. В этом факте блестяще отразились и преемственность революционного опыта, и его развитие, обусловленное ростом сознательности и организованности рабочего класса и его союзников.

Дальнейшее развитие получили в 1917 г. и такие важные пролетарские организации, как профсоюзы. Словно нагоняя упущенное за время царизма, когда профсоюзы делали в России лишь свои первые шаги, после свержения царизма рабочий класс развернул широкое профессиональное строительство. Если к началу 1907 г. в стране было около 245 тыс. членов профсоюзов, а накануне Февраля — во много раз меньше, то только за первые 4 месяца после свержения самодержавия их количество возросло до 1,5 млн. При этом дело не ограничивалось одним количественным ростом. Под руководством большевиков была преодолена узкопрофессиональная дробность первых профсоюзов 1905—1907 гг. На каждом заводе были созданы фабрично-заводские комитеты (фабзавкомы), объединявшие рабочих независимо от их принадлежности к тому или иному профсоюзу. Профсоюзы и фабзавкомы сыграли большую роль в установлении Советской власти и социалистическом строительстве⁴⁸.

Мы не рассматриваем здесь специально вопрос о преемственности форм революционной борьбы и организации в деревне. Однако многочисленные факты свидетельствуют о том, что после Февральской революции 1917 г. там в еще более широких масштабах, чем в 1905—1907 гг., развернулись все основные формы первой и второй социальных войн (борьба всего крестьянства против помещиков и борьба внутри самого крестьянства, между деревенской беднотой и кулачеством), причем последняя приобрела гораздо более широкий размах по сравнению с периодом первой русской революции.

Значительное развитие получила в 1917 г. и национально-освободительная борьба трудящихся масс народов России. Как и в 1905—1907 гг., национальной буржуазии не удалось направить это движение по узконационалистическому руслу, посеять рознь между трудящимися различных национальностей и вызвать недоверие к русскому пролетариату. Национально-освободительное движение стало важной составной частью пролетарской революции, которая принесла народам бывшей Российской империи не только национальное, но и социальное и политическое освобождение.

В области тактики революционного движения рабочий класс, оттачиваясь от опыта первой русской революции, когда в широких масштабах были испробованы самые различные сочетания легальных и нелегальных, мирных и вооруженных, парламентских и внепарламентских форм борьбы, в 1917 г. значительно расширил арсенал своих методов классовой борьбы, частично видоизменил их и дополнил новыми. Как свидетельствует материал, приведенный в настоящей статье, пролетариат

⁴⁷ Ленин В. И. ПСС, т. 31, с. 38.

⁴⁸ См. Минц И. И. Великая Октябрьская социалистическая революция и прогресс человечества. М., 1967, с. 30.

и его партия широко использовали в 1917 г., в частности, и опыт вооруженной борьбы против самодержавия в годы первой русской революции. Полностью сохранило свою силу важнейшее марксистское положение о вооруженном восстании как искусстве, о необходимости завоевания на сторону революции армии и флота как важнейшей предпосылки победы рабочего класса, а также создания вооруженных отрядов из самих рабочих. Вместе с тем партия большевиков, учитывая изменившуюся обстановку, не пошла по пути механического копирования своей тактики прошлых лет, а творчески разрабатывала важнейшие марксистские положения о вооруженной борьбе с буржуазией и сумела обеспечить их практическую реализацию.

В наши дни опыт российских революций остается на вооружении братских коммунистических и рабочих партий, ведущих борьбу за социальное и политическое освобождение трудящихся. Эстафета революции, переданная героями Красной Пресни героям Октября, продолжает свое победоносное шествие по всему миру. Все новые и новые поколения революционных борцов вступают в великое движение современности за демократию и социализм, внимательно изучая опыт Великого Октября, опыт партии Ленина.

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

Ф. С. МАНИЕВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДИНАМИКИ ЧИСЛЕННОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНА (1965—1975 гг.)

За годы восьмой и девятой пятилеток советский народ под руководством Коммунистической партии сделал новый крупный шаг в создании материально-технической базы коммунизма, дальнейшем повышении материального и культурного уровня народа.

В «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 гг.», принятых XXV съездом КПСС, подчеркивалось, что за прошедший период «значительно возросла экономическая мощь страны, повысилась эффективность общественного производства. Развивались социалистические производственные отношения. Совершенствовалась социальная структура советского общества. Продолжался процесс постепенного преодоления существенных различий между умственным и физическим трудом, между городом и деревней. Построенное в СССР развитое социалистическое общество продемонстрировало огромные возможности и преимущества плановой системы хозяйства...»¹.

Современный научно-технический прогресс во всех отраслях народного хозяйства, специализация и концентрация сельскохозяйственного производства, агропромышленная интеграция оказывают большое влияние на социальное развитие сельского населения. Бурный рост производительных сил в 60-х — начале 70-х годов и дальнейшее совершенствование производственных отношений ускорили темпы перераспределения населения между городом и деревней, повлияли на поло-возрастной состав, демографию и отраслевую структуру занятости жителей села. Актуальность изучения проблемы народонаселения, необходимость ее дальнейшей разработки подчеркнута в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду КПСС².

Вопросы изменения численности сельского населения в последние годы все чаще привлекают внимание советских ученых³. В этой связи представляет интерес изучение

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 159.

² Материалы XXV съезда КПСС, с. 73.

³ Переведенцев В. П. Миграция населения и трудовые проблемы Сибири. Новосибирск, 1966; Миграция сельского населения. М., 1970; Сенявский С. Л. Изменения в социальной структуре советского общества. 1938—1970 гг. М., 1973; Островский В. Б. Социальная структура сельского населения в условиях развитого социалистического общества. В кн. Основные проблемы социально-экономического развития деревни в условиях создания развитого социалистического общества и строительства коммунизма. М., 1973; Соскиев А. Б. Некоторые вопросы современной структуры трудовых ресурсов сельского хозяйства. В кн. Основные проблемы социально-экономического развития деревни в условиях создания развитого социалистического общества и строительства коммунизма. М., 1973; Миграционная подвижность населения СССР. М., 1974; Данилов В. П. Социальная структура советской деревни. В кн. Социально-экономические проблемы истории развитого социализма в СССР. М., 1976; Воспроизводство населения и трудовых ресурсов. М., 1976.

динамики численности сельского населения Азербайджана. Вопрос этот еще слабо исследован. В данном сообщении сделана попытка осветить некоторые аспекты этой темы.

В рассматриваемый период в целом по стране продолжался процесс абсолютного и относительного сокращения сельского населения, который оказывал существенное влияние на социальную структуру как деревни, так и города. Удельный вес жителей села в стране сократился с 52% в 1959 г. до 39% в 1975 г.⁴ В 1959—1964 гг. миграция сельского населения в города по своим размерам практически была равна его естественному приросту, а в 1965—1975 гг. превысила его. В связи с этим до 1965 г. численность сельского населения с некоторыми колебаниями держалась на уровне 1969 г., составляя в среднем за год 109 млн. человек, а начиная с 1965 г. процесс сокращения количества жителей на селе ускорился и к началу 1976 г. привел к уменьшению их численности на 10 млн. человек по сравнению с 1964 г.

Наблюдается тенденция увеличения оттока сельского населения в города: если в 1968—1969 гг. среднегодовая численность сельских мигрантов в города составляла 2,2 млн. человек, то в 1973—1974 гг. — 3,5 млн.⁵ Удельный вес сельского населения за исследуемый период сокращался во всех союзных республиках. В ряде республик (РСФСР, Украине, Белоруссии, Прибалтийских республиках) сокращение доли сельских жителей сочеталось с уменьшением их абсолютной численности. В другой группе — Закавказье, Средняя Азия, Казахстан и Молдавия — оно сопровождалось их абсолютным ростом. При сокращении сельского населения страны в среднем на 5,6% численность жителей села в РСФСР уменьшилась за исследуемый период на 15,4%, в Белоруссии — на 11,7%, на Украине — на 8%, в Литве — на 12,8%. А в республиках Закавказья, Молдавии, Казахстана и особенно в Средней Азии численность сельских жителей продолжала возрастать. В Среднеазиатских республиках прирост составил более 26,7%⁶, что объясняется высокой рождаемостью. Так, при коэффициенте рождаемости в СССР 17,6 в Таджикистане он составил 35,6, в Узбекской ССР — 33,6, в Киргизии — 30,6, в Азербайджане — 25,4⁷.

Другим фактором, обусловившим эти процессы, является различная миграционная подвижность населения союзных республик. Материалы Всесоюзной переписи населения 1970 г. показали, что самый высокий процент миграционной подвижности был у русских (6,7%), литовцев (6%), эстонцев (5,8%), белорусов (5,4%), латышей (5,1%), в то время как у киргизов (2,5%), таджиков (2,2%), армян (1,9%), грузин (1,7%), узбеков и туркмен (по 1,4%), азербайджанцев (1,3%) был низким⁸.

Советские социологи, историки и экономисты, изучающие процессы миграции, подчеркивают первостепенную роль экономического фактора в перераспределении населения между городом и деревней⁹ (развитие экономики городов, превращение сельскохозяйственного труда в разновидность труда индустриального, рост производительности труда, аграрной сферы производства и т. д.).

Кроме того, значительную роль играют факторы социального, идеологического и даже биологического характера. Нередко сельские жители уезжают в города с целью улучшить материальное положение, выбрать профессию, более отвечающую их способностям и интересам. Многие (главным образом молодежь) привлекают и лучшие куль-

⁴ СССР в цифрах в 1975 году. М., 1976, с. 7.

⁵ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., т. 7. М., 1974, с. 8; «Вестник статистики», 1975, № 2, с. 89; № 9, с. 83.

⁶ См. Народное хозяйство СССР в 1965 г. М., 1966, с. 15—25; Народное хозяйство СССР в 1974 г. М., 1975, с. 11.

⁷ Население СССР 1973. М., 1975, с. 70, 72, 73, 76, 80—81.

⁸ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., т. 7. М., 1974, с. 4.

⁹ Миграция сельского населения. М., 1970, с. 56; Переведенцев В. П. Указ. соч., с. 118, 120; Кустафьев С., Папенков В., Трудова М. Г. Миграция сельского населения (в Центрально-промышленном районе). М., 1971, с. 64; Основные проблемы рационального использования трудовых ресурсов СССР. М., 1971, с. 327; Территориальное перераспределение трудовых ресурсов СССР. М., 1975, с. 60; Воспроизводство населения и трудовых ресурсов. М., 1976, с. 131; Сенявский С. Л. Указ. соч., с. 153—156; Островский В. Б. Указ. соч., с. 134.

турно-бытовые условия жизни в городах, которые, как отмечал В. И. Ленин, «представляют из себя центры экономической, политической и духовной жизни народа и являются главными двигателями прогресса»¹⁰.

За рассматриваемые десять лет Азербайджанская ССР, выполняя решения XXIII и XXIV съездов КПСС, добилась крупных успехов во всех отраслях экономического строительства. Важным этапом в развитии хозяйства Азербайджана явилась девятая пятилетка, основные показатели которой были выполнены республикой досрочно¹¹.

За годы девятой пятилетки промышленное производство республики увеличилось на 50% против 43—46%, предусмотренных Директивами XXIV съезда КПСС. Среднегодовые темпы роста промышленного производства по сравнению с восьмой пятилеткой возросли на 29% и были выше, чем за предшествующие двадцать лет. Производительность труда в промышленности повысилась на 34% против 31,1% по пятилетнему плану. Особенно быстрыми темпами развивались отрасли, определяющие технический прогресс в народном хозяйстве, — машиностроение и металлообработка, химическая и нефтехимическая и другие, а также отрасли, производящие товары народного потребления.

Успешно были выполнены Азербайджанской ССР задачи девятой пятилетки в области сельского хозяйства. Общий объем валовой продукции сельского хозяйства уже в 1974 г. достиг уровня, установленного Директивами XXIV съезда КПСС на последний год пятилетки, а среднегодовой объем по сравнению с восьмой пятилеткой увеличился на 34% против 30% по расчетам пятилетнего плана. С большим превышением были выполнены пятилетние планы продажи государству всех видов сельскохозяйственной продукции¹².

Сельское хозяйство сохраняет еще большое значение в структуре и развитии экономики Азербайджана: здесь доля работников сельского хозяйства заметно превышает среднесоюзную. Так, в СССР промышленность и строительство в 1972 г. сосредоточивали 37% всех работающих, а сельское хозяйство — 26%; в Азербайджанской ССР соответственно — 26% и 35,5%¹³.

За 1959—1975 гг. в республике происходил процесс сокращения удельного веса сельского населения, хотя он шел более низкими темпами, чем по СССР в целом (с 52 до 49%). При этом численность сельского населения Азербайджана за 1965—1975 гг. увеличилась более чем на 20%¹⁴.

Сокращение удельного веса сельского населения в республике, как и по стране в целом, сопровождалось в эти годы уменьшением численности колхозного крестьянства и ростом численности и удельного веса рабочих на селе. Если к началу 1966 г. в колхозах республики насчитывалось членов колхозов и их детей 1,5 млн., что составляло 63,5% всего сельского населения, то в 1975 г. численность колхозников и их детей составила 1,4 млн., а удельный вес этой группы во всем сельском населении снизился до 52,9%¹⁵. В то же время численность сельскохозяйственного рабочего класса увеличилась со 136 тыс. в 1965 г. до 186,1 тыс. в 1974 г., а доля его в сельском населении республики увеличилась с 5,1% до 6,6%¹⁶. Параллельно с сокращением удельного веса колхозного крестьянства в составе сельского населения произошло на 7,6% уменьшение среднегодовой численности населения, занятого в колхозном производстве (см. табл.). А среднегодовая численность работников, занятых во всех отраслях хозяйства совхозов, увеличилась на 59,5% (с 131,7 тыс. в 1965 г. до 270,2 тыс. в 1974 г.)¹⁷.

¹⁰ Ленин В. И. ПСС, т. 23, с. 341.

¹¹ Материалы XXIX съезда Коммунистической партии Азербайджана. Баку, 1976, с. 17, 143—144.

¹² Там же, с. 34—37, 147—148.

¹³ Народное хозяйство СССР в 1972 г. М., 1973, с. 150; Народное хозяйство Азербайджанской ССР в 1973 г. Баку, 1974, с. 209.

¹⁴ Народное хозяйство Азербайджанской ССР в 1974 г. Баку, 1975, с. 15.

¹⁵ ЦСУ АзССР. Годовые отчеты колхозов Азербайджана за 1965—1974 гг.

¹⁶ Народное хозяйство Азербайджанской ССР в 1973 г., с. 149; Народное хозяйство Азербайджанской ССР в 1974 г., с. 149.

¹⁷ Народное хозяйство Азербайджанской ССР в 1974 г., с. 143.

Колхозное крестьянство в 1965—1974 гг. являлось, как и в предшествующие годы, источником пополнения рабочего класса, как промышленного, так и его аграрного отрядов. За 1965—1974 гг. более 4 тыс. колхозников перешли на постоянную работу в другие отрасли народного хозяйства¹⁸. Значительная часть колхозного крестьянства пополнила ряды сельскохозяйственных рабочих в связи с переводом 219 колхозов в 1965—1974 гг. в совхозы¹⁹.

В Азербайджане, как и по стране в целом, росла численность членов колхозов, которые трудились в промышленности и в других отраслях, но проживали в колхозах. В республике эта группа колхозного крестьянства увеличилась на 61,4% (с 42,9 тыс. в 1965 г. до 70,3 тыс. в 1974 г.)²⁰.

В то же время на 60% увеличился прием в члены колхозов Азербайджана. Всего за 1965—1974 гг. было принято в колхозы 8,8 тыс. человек²¹.

Динамика среднегодовой численности населения, занятого в колхозном производстве Азербайджана в 1965—1974 гг. *

Годы	1965	1968	1969	1970	1971	1972	1973	1974
Численность населения, занятого в колхозном производстве (в тыс. человек)	320	296	268	274	276	283	282	292

* Составлена по материалам: Народное хозяйство Азербайджанской ССР в 1970 г. Баку, 1972, с. 141; Народное хозяйство Азербайджанской ССР в 1974 г. Баку, 1975, с. 143.

При изучении изменений в численности сельского населения важно определить роль миграции в этом процессе, поло-возрастную структуру мигрантов. Для Азербайджанской ССР в изучаемый период характерно преобладание внутриреспубликанской миграции над межреспубликанской (удельный вес внутриреспубликанской миграции увеличился с 50,6% в 1965 до 56% в 1974 г.)²². Более половины всех миграционных потоков в республике за 1959—1972 гг. составило движение между городами (54%), на поток из сел в города приходилось 17%²³.

Азербайджанская ССР относится к группе республик, в которых отток населения из села перекрывается высоким уровнем рождаемости в сельской местности. В 1967 г. численность мигрантов из села в город составила 25% родившихся в сельской местности, а в 1974 г. — 44,7%²⁴.

Данные Всесоюзной переписи населения 1970 г. дали возможность определить внутреннюю структуру миграционных процессов в Азербайджане. Наибольшая часть — 33% мигрировавших из сельской местности республики — влилась в такие индустриально развитые города, как Баку, Сумгаит и Кировабад; 17,2% — в Мингечаур, Али-Байрамлы, Шеки, Евлах, Степанакерт, Нахичевань и 25% — в другие города; 58,5% общего числа мигрантов составили мужчины, 41,5% — женщины²⁵.

Перепись 1970 г. показала также, что основную массу мигрантов Азербайджана составляли люди трудоспособного возраста — 74,2%, дети и подростки — 22,5% и лица пенсионного возраста — 3,5%. В числе мигрировавших из сельских местностей рес-

¹⁸ ЦСУ АзССР. Годовые отчеты колхозов Азербайджана за 1965—1974 гг.

¹⁹ Текущий архив Отдела бухгалтерского учета колхозов ЦСУ АзербССР.

²⁰ ЦСУ АзССР. Годовые отчеты колхозов Азербайджана за 1965—1974 гг.

²¹ Там же.

²² Рассчитано по: «Вестник статистики», 1975, с. 80—81; Численность, состав, естественное и механическое движение населения Азербайджанской ССР. Баку, 1967, с. 355—356.

²³ Топпилин А. В. Территориальное перераспределение трудовых ресурсов в СССР. М., 1975, с. 41.

²⁴ Рассчитано по: Народное хозяйство Азербайджанской ССР в 1974 г., с. 12; «Вестник статистики», 1968, № 10, с. 90—93; 1975, № 9, с. 81—83.

²⁵ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., т. 7. М., 1974, с. 170.

публики в города 74,2% составляли лица трудоспособного возраста, из них 68,6% — мужчины и 41,4% — женщины²⁶.

Преобладание среди мигрантов из села лиц трудоспособного возраста, основную массу которых составляет молодежь и квалифицированные кадры, способные освоить технику, становится фактором, тормозящим механизацию сельскохозяйственного производства республики. Так, например, в 1965 г. в печати республики отмечалось, что сельскому хозяйству Азербайджанской ССР не хватало 7 тыс. механизаторов²⁷.

В 1965—1974 гг. ежегодная подготовка механизаторских кадров для села была увеличена с 2,9 тыс. до 12,3 тыс. За весь этот период было подготовлено 60,8 тыс. механизаторов. Однако их численность на селе увеличилась лишь на 13 тыс. человек (с 31,1 тыс. в 1965 г. до 44,1 тыс. в 1974 г.). Только 21,4% от общего числа подготовленных механизаторов стали работать на селе²⁸. Значительная часть механизаторов ушла в города — на стройки, транспорт, в промышленность и в другие отрасли народного хозяйства. В результате создается такое положение, когда машинно-тракторный парк в сельском хозяйстве республики из года в год увеличивается, а обеспеченность его специалистами остается низкой. К концу 1975 г. в среднем по республике на каждые 100 тракторов приходилось примерно 96 механизаторов, а в хозяйствах Госкомитета по виноградарству и виноделию — лишь 61 механизатор.

Особенно большая нехватка механизаторских кадров ощущалась в 1975 г. в Сабирабадском районе — 525 трактористов-механизаторов, в Дивичинском районе — 249, в Физулинском — 436, в Казахском — 511, в Нахичеванской АССР — 545 механизаторов²⁹.

Сельское хозяйство республики ощущает нехватку не только механизаторских кадров, но и специалистов. Так, например, из 13 тыс. имеющихся в республике специалистов с высшим образованием в сельском хозяйстве работают лишь 7,6 тыс., а непосредственно в колхозно-совхозном производстве — только 5,9 тыс. человек. Причем более 3,8 тыс. агрономов, зоотехников и ветврачей работают на промышленных предприятиях, в торговле и в других отраслях народного хозяйства³⁰.

С другой стороны, слабый отток неквалифицированного сельского населения в города, высокий уровень рождаемости в сельской местности приводят к тому, что на селе образуется значительный резерв трудовых ресурсов. А в городах, где быстрыми темпами развивается промышленность, строительство, транспорт, вводятся в строй новые предприятия, ощущается недостаток в рабочей силе. Потребность городов в трудовых ресурсах в республике удовлетворяется за счет мигрантов из других, главным образом восточных районов страны, которые являются трудонедостаточными. Накопление избыточных трудовых ресурсов на селе приводит к общему снижению трудовой занятости сельского населения. В 1970 г. на одного колхозника республики приходилось 186 рабочих дней в году³¹. Здесь также надо иметь в виду, что большая часть трудоспособных жителей сел республики занята в личном хозяйстве.

С целью вовлечения в общественное производство трудоспособного населения республики, занятого в личном хозяйстве, в феврале 1965 г. был разработан ряд мероприятий на 1966—1970 гг. К 1970 г. численность трудоспособного сельского населения, не занятого в общественном производстве, сократилась на 49,1%³² по сравнению с 1963 г. Партийная организация республики принимает меры по дальнейшему вовлечению этой части населения в общественное производство³³.

²⁶ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., т. 7, с. 180.

²⁷ «Бакинский рабочий», 1965 г., 16 января.

²⁸ Рассчитано по: Сельское хозяйство СССР. М., 1971, с. 466; «Народное хозяйство Азербайджанской ССР в 1974 г.», с. 222.

²⁹ «Бакинский рабочий», 1975 г., 2 ноября.

³⁰ Там же.

³¹ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., т. 5, с. 28—29; ЦСУ АзССР. Годовые отчеты колхозов Азербайджана за 1970 г.

³² Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., т. 2. М., 1972, с. 43; т. 5. М., 1973, с. 28. Подсчеты автора. Азерб. филиал ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 389, ед. хр. 89, лл. 243—245, 281.

³³ См. «Вышка», 1976, 20 октября.

В сельской местности республики, несмотря на некоторое сокращение, уровень рождаемости оставался одним из самых высоких в СССР. В результате этого состав населения в целом здесь значительно «моложе», чем в республиках с низким уровнем рождаемости. Этот фактор способствовал также формированию благоприятной структуры трудоспособного населения по полу. В 1959 г. на селе проживало 922 тыс. мужчин, или 48,1% всего сельского населения, и немногим более 1 млн. женщин, что составляло 51,9% жителей села. В 1970 г. в сельской местности республики проживало 1,2 млн. мужчин, или 48,1%, и 1,3 млн. женщин, также составлявших 51,9% всего сельского населения ³⁴.

Увеличение численности сельского населения происходило за счет роста числа жителей в возрасте до 19 лет (на 59%) и 30—59 лет (на 41%). В то время как число жителей в возрасте 20—29 лет сократилось на 48,2%.

Основные тенденции изменений в поло-возрастной структуре сельского населения в основном одинаковы для мужского и женского населения. Однако, если численность мужчин в возрасте до 19 лет увеличилась на 59%, то рост числа женщин в этом возрасте был большим и составил 63%, а в возрасте 30—59 лет рост числа женщин составил 36%, в то время как число мужчин этого возраста увеличилось на 47% ³⁵.

При этом в численном росте жителей указанных возрастов по полу имелись особенности: так, количество мужчин в возрасте 30—34 лет увеличилось на 30%, 35—39 лет — на 158%, 40—44 лет на 192%, у женщин соответственно — на 51%, 94%, 86%.

При общем уменьшении численности сельских жителей республики в возрасте 20—29 лет на 48,2% число мужчин в этом возрасте уменьшилось на 51,4%, а женщин — на 45,3%.

Уменьшение сельского населения в возрасте 20—29 лет, характерно не только для Азербайджанской ССР, но и для всего Советского Союза. При этом надо отметить, что сокращение сельской молодежи в возрасте 20—29 лет в этой республике так же, как и в РСФСР, Украине, Белоруссии, Армении, протекало особенно быстрыми темпами ³⁶. Но в отличие от РСФСР, Белоруссии, Украины, «вымывание молодежи» из села в город в Азербайджане происходило при росте численности сельских жителей трудоспособного возраста. Если численность трудоспособного населения за 1959—1970 гг. в сельской местности РСФСР сократилась на 21,1%, в Белоруссии — на 19,1%, на Украине — на 16,1%, то в Азербайджане она увеличилась за этот период на 3,4%. При этом удельный вес мужчин и женщин в этом возрасте оставался почти без изменений (доля мужчин увеличилась с 48,2% 1959 г. до 48,3% 1970 г., а доля женщин уменьшилась с 51,8% до 51,7%) ³⁷.

Изменения, происшедшие в численности и в поло-возрастном составе сельского населения, повлияли на демографическую структуру сел Азербайджана. С середины 60-х годов в республике начался процесс падения рождаемости как в городе, так и в сельской местности. Естественный прирост на тысячу человек в республике снизился с 30,2 в 1963 г. до 19,0 в 1973 г., оставаясь при этом намного выше среднесоюзного показателя (8,9 в 1973 г.) ³⁸. Несмотря на падение уровня рождаемости в сельских местностях республики (с 43,8 в 1965 г. до 28,0 в 1974 г.) ³⁹, он оставался выше среднего показателя в Советском Союзе и способствовал расширенному воспроизводству сельского населения Азербайджана.

Известный интерес в определении тенденции естественного движения сельского населения представляют ответы, полученные при обследовании в 1968 г. сельских жителей Азербайджана в возрасте 15—54 лет ⁴⁰. Оказалось, что вступившие в брак

³⁴ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., т. 2, с. 42—43.

³⁵ Там же.

³⁶ Трудовые ресурсы и научно-техническая революция. М., 1974, с. 182.

³⁷ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., т. 2, с. 18—19, 22, 25—26, 42—43.

³⁸ Население СССР 1973 г. М., 1975, с. 69, 76.

³⁹ Народное хозяйство Азербайджанской ССР в 1974 г., с. 12.

⁴⁰ «Советское здравоохранение», 1974, № 3.

в 1950—1959 гг., желают иметь 5,3 детей в среднем на одну женщину; вступившие в брак в 1960—1967 гг. — 4,4 детей⁴¹. Мнение мужей по этому вопросу лишь незначительно расходилось с мнением жен. В среднем на одного колхозника, вступившего в брак в 1950—1959 гг., желаемое число детей составляло 5,5 и в 1960—1967 гг. — 4,5 детей⁴².

При этом обнаруживается связь между процессом повышения образовательного уровня сельских жителей и уровнем рождаемости в сельской местности. По данным обследования 1968 г., на одну женщину с образованием до 7 классов приходилось в среднем 6,5 детей, с образованием 8—10 классов — 5,8 и со средним специальным и высшим образованием — 4,7 детей⁴³. По мнению Р. И. Сифмана, дальнейшее повышение образованности станет одним из факторов снижения рождаемости⁴⁴.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что, несмотря на ряд особенностей, связанных со спецификой развития Азербайджанской ССР, динамика численности ее сельского населения в рассмотренный период характеризуется теми же основными прогрессивными тенденциями, что и общесоюзная. Наиболее важными среди них являются такие, как сокращение удельного веса сельского населения, рост рядов рабочего класса на селе, сокращение числа колхозников. Появление этих тенденций — результат огромных достижений всего советского народа, происшедших за годы Советской власти, высокого уровня развития народного хозяйства на этапе развитого социализма, необычайно быстрого роста промышленности, транспорта, механизации сельскохозяйственного труда, роста его энерговооруженности, специализации и централизации сельскохозяйственного производства, агропромышленной интеграции. Они являются результатом огромных социальных, политических и культурных достижений народов СССР за 60 лет существования нашего государства.

⁴¹ Сифман Р. И. Факторы рождаемости. М., 1974, с. 84.

⁴² Сифман Р. И. Указ. соч., с. 85.

⁴³ Ахмедов А. А. Указ. соч., с. 46.

⁴⁴ Сифман Р. И. Указ. соч., с. 85.

М. П. ПОЛЬСКИЙ

ПРОБЛЕМА ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕОКТЯБРЬСКИЕ ГОДЫ

Накануне Великого Октября, в сентябре 1917 г., В. И. Ленин, характеризуя положение в России, писал: «Катастрофа невиданных размеров и голод прозят неминуемо»¹. Победа Октября, говорится в Постановлении ЦК КПСС, посвященном 60-летию Октябрьской революции, спасла нашу Родину от надвигавшейся катастрофы, к которой ее толкала преступная политика правящих эксплуататорских классов — помещиков и буржуазии². Следствием такой политики, участия России в мировой войне был унаследованный Советской Республикой продовольственный кризис. В годы гражданской войны и интервенции враги Советской власти, наряду с военным натиском, стремились использовать голод, как одно из средств для подрыва диктатуры пролетариата³. Поэтому «вопрос продовольственный, — указывал В. И. Ленин, — равнялся вопросу о судьбе всей социалистической революции в России»⁴.

¹ Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 155.

² О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 г., М., 1977, с. 4.

³ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3, кн. вторая, М., 1968, с. 88.

⁴ Ленин В. И. ПСС, т. 39, с. 167.

Одним из существенных факторов в решении продовольственного вопроса после победы Октября, в годы интервенции и гражданской войны явилась организация общественного питания. И в этом заключается важный аспект рассматриваемой проблемы. Здесь необходимо подчеркнуть неразрывную связь мер по развитию общественного питания и продовольственной политики Коммунистической партии и Советского государства.

Исследование интересующей нас темы имеет и самостоятельное значение. Организацию общественного питания В. И. Ленин ставил в ряд тех программных задач партии в экономической области, от решения которых зависело укрепление и развитие Советской власти. Социально-политическое значение общественного питания заключается в том, что оно, как отмечал Владимир Ильич, служит подлинному освобождению женщины, обеспечению ее равноправия с мужчиной, переустройству быта на коммунистических началах. Общественные столовые В. И. Ленин охарактеризовал в 1919 г. как «ростки коммунизма»⁵.

Важность исследования названной проблемы определяется и большим вниманием В. И. Ленина к ее теоретической разработке, его непосредственным участием в ее практическом решении. Вместе с тем изучение указанных сторон деятельности В. И. Ленина — необходимое условие для более глубокого раскрытия политики Коммунистической партии и Советского государства в области общественного питания.

В последнее время вопросы общественного питания в конкретно-историческом плане получили некоторое освещение в монографиях, книгах, брошюрах, диссертациях⁶. В книге Л. К. Баевой о социальной политике Октябрьской революции указывается: «Введение классовой пайки и организация общественного питания в городах и крупных промышленных центрах весной и летом 1918 г. послужили решающим средством в борьбе за спасение основной производительной силы — рабочего класса... от голодной смерти»⁷. В работе Ю. С. Папкова подчеркивается: «Одновременно с централизацией и упорядочением индивидуального метода распределительной системы Советская власть решала проблему снабжения посредством организации общественного питания, на что нацеливал В. И. Ленин сразу же после победы Октябрьской революции...»⁸.

В новейшем обобщающем исследовании — «История социалистической экономики» — отмечается, что общественное питание в годы гражданской войны заняло важное место в снабжении населения, приводится ряд данных, характеризующих развитие сети столовых и питательных пунктов. В работе подчеркивается, что понадобилась гигантская работа Коммунистической партии и Советского государства, В. И. Ленина, чтобы в трудных условиях интервенции, блокады и гражданской войны решить продовольственную проблему⁹. Однако роль В. И. Ленина в практическом решении проблемы общественного питания не нашла отражения.

Таким образом, в исторической литературе нет пока специальных работ, посвященных деятельности вождя партии и государства в указанной области; далеко не воссоздана еще история становления и развития общественного питания в первые годы Советской власти.

⁵ Там же, т. 39, с. 25.

⁶ Гимпельсон Е. Г. Советский рабочий класс. 1918—1920 гг. М., 1974; Поляков Ю. А. 1921-й: победа над голодом. М., 1975; Каневский Е., Марголин Л. У истоков советской торговли. М., 1971; 2-е изд. М., 1975; Давыдов С. И. Продовольственная политика Коммунистической партии и Советского государства в период Октябрьской революции и гражданской войны (1917—1920 гг.). Автореф. докт. дис. М., 1974. Отметим, что не только проблема общественного питания, но и в целом тема «организации снабжения продовольствием Красной Армии, рабочих центров и всего населения Республики», как констатировал С. И. Давыдов, «почти не тронута исследователями» (Указ. соч., с. 19—20).

⁷ Баева Л. К. Социальная политика Октябрьской революции. М., 1977, с. 86.

⁸ Папков Ю. С. В. И. Ленин о сущности политики «военного коммунизма». М., 1975, с. 36.

⁹ См. История социалистической экономики СССР. Т. 1. Советская экономика в 1917—1920 гг. М., 1976, с. 369, 388—390.

Все более глубокое исследование советской исторической наукой начального этапа социалистического строительства в нашей стране позволяет расширить представление о процессах и явлениях тех лет, рассмотреть их в конкретно-исторической связи с освещением пути, пройденного Страной Советов за шесть десятилетий. Такое исследование связано с разработкой определенных проблем, в частности, нашедших отражение в названной нами литературе. Ее изучение приводит к выводу, что обращение к тематике, включающей в себя, например, политику «военного коммунизма», характеристику материального положения рабочего класса, социальную политику партии и государства в первые годы Советской власти выявляет связь этих проблем с вопросом об общественном питании, вызывает необходимость его разработки.

В предлагаемой статье делается попытка раскрыть роль В. И. Ленина в теоретической разработке проблемы общественного питания, в ее практическом решении в период с 1917 по 1921 г., включающий в себя и переход к нэпу. Характеристика начального этапа организации и развития общественного питания, обобщение итогов этого процесса должны послужить раскрытию его ленинской оценки.

* * *

Развивая идеи К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленин теоретически обосновал роль общественного питания в процессе строительства нового общества, определил конкретные задачи, которые оно призвано решать, пути и средства их выполнения. В ходе строительства социализма и коммунизма люди все больше в коллективной форме удовлетворяют свои потребности в пище, воспитании детей, духовных благах и т. п. Другими словами, по сравнению с капитализмом в социалистическом обществе происходит значительное возрастание общественно-организованного потребления. И эта закономерность нашла выражение в гениальном предвидении К. Маркса: доля общественного продукта, писал он, которая *«предназначается для совместного удовлетворения потребностей»*, как-то: школы, учреждения здравоохранения и так далее... сразу же значительно возрастет по сравнению с тем, какова она в современном обществе, будет все более возрастать по мере развития нового общества»¹⁰.

Еще до революции В. И. Ленин изучал состояние массового питания в России и за рубежом. Так, в 1916 г. он анализировал издававшиеся в Берлине труды Центрального союза попечения о благосостоянии трудящихся «Народное питание. Общественное питание»¹¹. Глубокая и развернутая характеристика предприятий питания, созданных крупным капитализмом, была дана В. И. Лениным немногим более полутора лет спустя после победы Октября — в июне 1919 г. в работе «Великий почин». Столовые, ясли, детские сады при капиталистическом строе оставались, «во-первых, редкостью, во-вторых, — что особенно важно, — либо *торгашескими* предприятиями, со всеми худшими сторонами спекуляции, наживы, обмана, подделки, либо „акробатством буржуазной благотворительности“, которую лучшие рабочие по справедливости ненавидели и презирали». Владимир Ильич призывает заботиться о том, чтобы хлеб доставался рабочему и крестьянину *«не торгашескими сделками, не капиталистическими...»*¹²

В. И. Ленин подчеркивает торгашеский характер капиталистических предприятий питания, преследующих наживу; это цель, которой они служат, что абсолютно несовместимо с целями и задачами общественного питания в условиях социализма. Ибо последние прежде всего коренным образом отличаются от условий старого строя, в которых буржуазное «акробатство» продиктовано «грязной корыстью капиталистов, заинтересованных в том, чтобы управлять грабя и грабить управляя»¹³. И только «мелкобуржуазная иллюзия могла мечтать об „исправлении“ капитализма влиянием

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 17.

¹¹ Ленин В. И. ПСС, т. 28, с. 732—733.

¹² Там же, т. 39, с. 23, 24.

¹³ Там же, т. 35, с. 198.

образцов добродетельных учреждений»¹⁴. При капитализме никакие социальные ухищрения господствующего класса не могли и не могут воспрепятствовать тому, чтобы у трудящихся неизбежно воспитывалось стремление «урвать хоть кусок хлеба каким угодно путем, какой угодно ценой, чтобы не голодать, чтобы не чувствовать себя и своих близких недоедающими»¹⁵.

В противоположность России, довольствовавшейся хлебом и скудными харчами — на заводах, фабриках, в артелях¹⁶ — была и другая Россия. Краткую, но чрезвычайно яркую, обобщающую классовую ее характеристику мы находим в рецензии В. И. Ленина на книгу А. Аверченко. В ней «с поразительным талантом изображены впечатления и настроения представителя старой, помещичьей и фабрикантской, богатой, объедавшейся и объедавшейся России». До настоящего пафоса, пишет Владимир Ильич, поднимается автор, «когда говорит о еде. Как ели богатые люди в старой России, как закусывали... в Петербурге». В рассказе Аверченко «Осколки разбитого вдребезги» два «старичка вспоминают старое... конечно, еду в „Медведе“, в „Вене“...»¹⁷.

И знаменательно, что эти рестораны, символизировавшие «обедавшуюся Россию», после Октября были национализированы и использовались, в частности, как одно из средств для преодоления продовольственного кризиса, для облегчения положения тех, кто уже строил новую Россию. Петроградские газеты того времени сообщали: «Открыта новая столовая на 2000 человек в бывш. ресторане „Медведь“; открыта столовая в бывш. ресторане „Вена“»¹⁸. Именно в Петрограде, в Народном доме, 1 ноября была устроена первая столовая открытого типа — прообраз будущих предприятий общественного питания. А инициативу в организации заводских общественных столовых взяли на себя путиловские рабочие¹⁹.

Через четыре месяца после Октября значение общественного питания для страны было впервые отмечено В. И. Лениным в черновом наброске Программы РКП(б). Определяя задачи, от решения которых зависело «укрепление и развитие Советской власти», он указывал, что для их решения в области экономической, в частности, необходимы «Неуклонные, систематические меры к (переходу к *Massenspeisung*)»²⁰ замене индивидуального хозяйничанья отдельных семей общим кормлением больших групп семей»²¹. Таким образом, В. И. Ленин рассматривал развитие общественного питания как одну из программных задач партии в руководстве экономикой²².

¹⁴ Там же, т. 36, с. 191.

В России накануне первой мировой войны «общественное питание носило благотворительный или полублаготворительный характер и применялось как форма вспомоществования отдельным группам населения: нищим, детям, старикам». Первым опытом так называемой «широкой общественной постановки питания в России явились организованные с 1915 г. городские столовые в Киеве, Харькове, Тамбове, Казани, Петрограде и Москве...». Однако этот опыт характеризуется уже тем, что столовые находились в ведении «участковых попечительств о бедных и санитарных попечительств». (Гринвальд Е. И. Организация общественного питания. — Вопросы безработицы. М., 1918, с. 144, 150.)

¹⁵ Там же, т. 35, с. 201.

¹⁶ См., напр., Угрюмов А. Питание трудящихся в дореволюционной России. — «Общественное питание», 1940, № 21—22, с. 23—24; Попова В. Вместе с заводом. — «Общественное питание», 1967, № 11, с. 25.

¹⁷ Ленин В. И. ПСС, т. 44, с. 248—249.

¹⁸ Каневский Е., Марголин Л. Указ. соч., с. 147.

¹⁹ Игнатов Е. Организация общественного питания — путь к новому быту. М. — Л., 1927, с. 40.

²⁰ Общественное питание.

²¹ Ленин В. И. ПСС, т. 36, с. 75.

²² Отметим здесь, что в научной литературе — книгах и брошюрах, периодической печати — авторы по-разному подходят к понятию «общественное питание». В научной, учебной литературе, профессиональной (отраслевой) печати авторы оперируют понятием «общественное питание» применительно лишь к соответствующим предприятиям нашей страны и социалистических государств. А когда речь заходит о предприятиях такого рода в капиталистическом мире, в этой литературе используется термин «массовое питание» (см., напр., Мстиславский П. С. Народное потребление при социализме. М., 1961, с. 153; Экономика торговли. М., 1975, с. 160; ж. «Общественное питание»,

Советскому общественному питанию положило начало подписанное В. И. Лениным на третий день после Октябрьского вооруженного восстания постановление правительства о расширении прав городских самоуправлений в продовольственном деле²³. И с первых же дней Советской власти, когда в Петрограде стали открываться заводские и городские столовые, сеть предприятий общественного питания неуклонно развирывалась и в других городах и губерниях в течение нескольких месяцев мирного социалистического строительства и в ходе гражданской войны²⁴. А в середине 1919 г. В. И. Ленин вновь обращается к вопросу об общественном питании — в работе «Великий почин» — произведении, имеющем непреходящее значение для изучения политики партии и государства в этой области. Почему же именно в указанное время и в данной работе Владимир Ильич считал необходимым уделять особое внимание названной проблеме?

Отвечая на поставленный вопрос, нужно указать на то, что еще в декабре 1917 г. в статье «Как организовать соревнование?» В. И. Ленин отмечал, что одна из самых главных задач теперь, если не самая главная, — развить как можно шире самостоятельную почин рабочих и всех вообще трудящихся и эксплуатируемых в деле творческой организационной работы. Он указывал далее, «на каких вопросах должно вернуться соревнование», в частности, в «какой коммуне, в каком квартале большого города, на какой фабрике, в какой деревне нет голодных... в какой больше сделано для правильного снабжения бутылкой молока каждого ребенка из бедных семей?»²⁵. Эта статья, по словам Н. К. Крупской, показывает, о чем тогда особенно думал В. И. Ленин; его заботили вопросы о том, как наилучшим образом организовать повседневную экономическую жизнь, вовлечь в работу массы²⁶. А спустя примерно три месяца Владимир Ильич работает над «Очередными задачами Советской власти»; в четырех вариантах плана статьи параграф (пункт) о силе примера, организации соревнования включает в себя и общественное питание (Massenspeisung)²⁷.

1957—1977 и др.). С другой стороны, в печати часто пишут и об «общественном питании» на Западе. (См., напр., Кто и как ест, «Известия», 9 апреля 1976 и др.) Принципиальной разницы между этими определениями в понятийном смысле, на наш взгляд, нет. В работах В. И. Ленина говорится и об «общественном питании», и о «массовом питании» в нашей стране. (См., напр., Ленин В. И. ПСС, т. 39, с. 204; т. 43, с. 283 и др.)

За несколько минувших десятилетий масштабы общественно-организованных форм питания, прежде всего в промышленно развитых странах Запада, возросли. Но, разумеется, социально-экономическая природа капиталистических предприятий питания не изменилась, и ленинская их характеристика полностью применима к ним и сегодня. Понятно стремление не только научной, но и профессиональной (отраслевой) печати, которая не от случая к случаю, а постоянно пишет об общественном питании, к терминологическому единству. Именно учитывая характер общественно организованных форм питания на Западе, с одной стороны, и определяющие признаки этих форм у нас — с другой, становится ясным, почему в этой печати используются соответственно два понятия: «массовое питание» и «общественное питание». Такая практика представляется нам оправданной.

²³ См. Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957, с. 26.

²⁴ См., напр., Пахнев П. П. История общественного питания в РСФСР; Булочников И. Г. Общественное питание и наш союз (профсоюз.— М. П.).— «Работник общественного питания». М., 1923. № 6—7; Хавин А. Постановка общественного питания в Харькове.— «Продовольственное дело», Харьков, 1919, № 8 и др. Между тем Ю. С. Папков в своей работе (Указ. соч., с. 36), говоря об организации общественного питания, пишет, что «решение этого вопроса Советская власть начала (разрядка наша.— М. П.) с организации общественного питания детей. 14 сентября 1918 г. СНК принял постановление „Об усилении детского питания...“. Но разве за несколько месяцев, прошедших между подписанием декрета СНК от 27 октября (9 ноября) 1917 г. о расширении прав городских самоуправлений, на который ссылается в работе и сам автор, и декретом СНК от 14 сентября 1918 г., возникновение и развитие общественного питания не было как раз началом «решения этого вопроса»? И именно на основе первого декрета?

²⁵ Ленин В. И. ПСС, т. 35, с. 204.

²⁶ См. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. т. 1. М., 1968, с. 511.

²⁷ Ленин В. И. ПСС, т. 36, с. 543—552.

Именно в это время В. И. Ленин выдвигает в качестве одной из программных задач партии развитие общественного питания.

Если в 1917 г. В. И. Ленин говорил о бутылке молока для ребенка, то в течение 1918 г.—первой половине 1919 г. он подписывает три правительственных постановления о детском питании, значение которых, в частности, состояло и в том, что в них была выражена идея общественного питания.

К середине 1919 г. развитие общественного питания в Советской Республике достигло значительных масштабов и прежде всего в Петрограде (к юнцу июня — началу июля практически все население города пользовалось общественным питанием) и Москве (в июне было около миллиона обедающих, что составляло две трети городских жителей)²⁸. Здесь важно отметить, что с первых дней после Октябрьской революции, как писал А. Д. Цюрупа, «Владимир Ильич пристально наблюдал за состоянием продовольственного положения в стране, в особенности столиц и других промышленных центров»²⁹. Широкое развитие общественного питания и, в первую очередь, петроградский опыт были положительно оценены В. И. Лениным³⁰.

Таким образом, общественное питание все эти полтора года было предметом большой заботы со стороны В. И. Ленина. Масштабы развития общественного питания, накопленный в данной области опыт требовали анализа, оценки, обобщения. Это имело важное практическое значение в условиях разрухи, интервенции и гражданской войны. Партийным и советским органам, продработникам, каждой рабочей и крестьянской организации нужно было хорошо знать, как правильно использовать это средство борьбы с голодом. Отметим, что отдел общественного питания был образован в Наркомпрод лишь в 1919 г. и до этого времени организация столовых и питательных пунктов в губерниях зависела в решающей степени от местной инициативы.

В дни, когда на долю партии, рабочего класса, всех трудящихся выпали тяжелейшие испытания, когда контрреволюция вновь сжимала кольцо вокруг Советской России, В. И. Ленин глубоко и всесторонне обосновал одну из задач работы в тылу — дальнейшее развертывание общественного питания.

Работа «Великий почин» была написана по поводу коммунистических субботников. В ней на примере этих «ростков коммунизма», в том числе общественных столовых, В. И. Ленин дал анализ важнейших вопросов социалистического строительства.

Таковы, на наш взгляд, причины, обусловившие рассмотрение проблемы общественного питания в 1919 г. в «Великом почине». В плане нашего исследования нужно отметить то, как Владимир Ильич рассматривал роль печати в развитии общественного питания³¹. Буржуазия, отмечает он, великолепно умеет рекламировать то, что ей нужно; «образцовые», в глазах капиталистов, предприятия на страницах их газет расхваливаются, представляя предметом национальной гордости. «Наша пресса не заботится, или почти совсем не заботится о том, чтобы описывать наилучшие столовые... чтобы ежедневными настояниями добиваться превращения некоторых из них в образцовые, чтобы рекламировать их, описывать подробно, какая экономия человеческого труда, какие удобства для потребителей, какое сбережение продукта, какое освобождение женщины из-под домашнего рабства, какое улучшение санитарных условий до-

²⁸ Польский М. П. К истории организации продовольственного снабжения населения в первые годы Советской власти. Общественное питание в 1917—1920 годы.— «История СССР», 1974, № 6, с. 153, 156.

²⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 158, оп. 1, д. 113, л. 6.

³⁰ См. Ленин В. И. ПСС, т. 39, с. 204.

³¹ Интересно отметить следующее обстоятельство, связанное с двумя вариантами плана ленинской работы «Очередные задачи Советской власти»: в одном из них вслед за параграфом (пунктом) о прессе по отношению к экономике следует параграф об общественном питании, в другом — обратная последовательность (Ленин В. И. ПСС, т. 36, с. 544—546). В окончательном тексте статьи В. И. Ленин подчеркивает необходимость в противопоставление лживой буржуазной печати взяться за создание такой прессы, которая уделяла бы внимание вопросам «повседневной экономики... помогала серьезно изучать их» (Ленин В. И. ПСС, т. 36, с. 191).

стигается при образцовой коммунистической работе, может быть достигнуто, может быть распространено на все общество, на всех трудящихся»³².

Развивая положения К. Маркса и Ф. Энгельса об экономии трудовых и материальных ресурсов общества при общественном приготовлении пищи и обслуживании в условиях нового строя, В. И. Ленин определил основные задачи, которые призвано решать общественное питание при социализме. Образцовая коммунистическая работа в общественных столовых, на что он обращает особое внимание,— это необходимое условие повышения производительности труда и то общее, что роднит их с коммунистическими субботниками. «Образцовое производство, ...образцовые столовые, ...— все это должно составить десятеро больше, чем теперь, предмет внимания и заботы как нашей прессы, так и каждой рабочей и крестьянской организации. Все это — ростки коммунизма, и уход за этими ростками наша общая и первейшая обязанность»³³.

Вслед за характеристикой предприятий питания при капитализме (наряду с яслями, детскими садами) В. И. Ленин пишет: «Нет сомнения, что у нас стало гораздо больше этих учреждений и что они *начинают* менять свой характер»³⁴. Казалось бы, можно прийти к заключению: предприятия питания при социализме по сравнению с капиталистическими имеют характерное, но не принципиальное отличие; если же отличие принципиально, то почему же через полтора года после Октября эти учреждения только начинают менять свой характер?

Отвечая на этот вопрос, приведем следующий пример. В период двоевластия в 1917 г., благодаря предпринятым действиям районных Советов Петрограда, в городе стали открываться питательные пункты, столовые. Высокую активность проявили рабочие, беря в свои руки руководство столовыми. Для революционных солдат основным источником продовольственного обеспечения были именно питательные пункты и столовые³⁵. Можно ли, оценивая это явление по сравнению со временем до образования Советов, сказать, что предприятия питания начали менять свой характер? Это очевидно. А до рождения нового — социалистического строя оставалось еще несколько месяцев...

Рассматривая ленинскую фразу в контексте произведения, нельзя не учитывать, что оценка роли общественных столовых связана и с тем, что, когда «новое только что родилось, старое всегда остается, в течение некоторого времени, сильнее его...»³⁶. Поэтому летом 1919 г. В. И. Ленин с полным основанием подчеркивал, что названные учреждения «начинают менять свой характер». Переходя непосредственно к вопросу о столовых, яслях, детских садах, В. И. Ленин предваряет это следующим высказыванием: «Но чем чище очистили мы почву от хлама старых, буржуазных, законов и учреждений, тем яснее стало для нас, что это только очистка земли для постройки, но еще не самая постройка»³⁷. Однако, когда Владимир Ильич говорит, что «у нас стало гораздо больше этих учреждений», он имеет в виду тоже столовые в том числе, но в новом качестве — это «ростки коммунизма», «простые, скромные, будничные, но живые ростки подлинного коммунизма»³⁸. Прежде такие учреждения были «образцовыми», указывает В. И. Ленин, в глазах капиталистов³⁹. После Октября стали создаваться подлинно образцовые учреждения — самими трудящимися и для трудящихся. Не ясно ли, что на очищенной земле при социализме строятся новые общественные столовые, принципиально отличные от капиталистических. Они, как и ясли, детские сады, не новы лишь как средство, созданное крупным капитализмом, способное уменьшить и уничтожить неравенство женщины с мужчиной, но остающееся при капитализме торгашеским или благотворительным учреждением⁴⁰.

³² Ленин В. И. ПСС, т. 39, с. 25.

³³ Там же.

³⁴ Там же, с. 24.

³⁵ См., напр.: Районные Советы Петрограда. Т. I, М.-Л., 1964, с. 75—76; т. III, М.-Л., 1966, с. 191.

³⁶ Ленин В. И. ПСС, т. 39, с. 20.

³⁷ Там же, с. 23.

³⁸ Там же, с. 23.

³⁹ Там же, с. 25.

⁴⁰ См. там же, с. 24.

Общественное питание — одно из средств в решении небывалой, непосильной для буржуазии социально-политической задачи — «на деле... освободить женщину... уничтожить ее неравенство с мужчиной по ее роли в общественном производстве и в общественной жизни»⁴¹. К этой мысли В. И. Ленин возвращается неоднократно. Обосновывая ее, он констатировал, что через полтора года после победы Октября женщина продолжала еще оставаться «домашней рабыней, несмотря на все освободительные законы, ибо ее давит, душит, отупляет, принижает мелкое домашнее хозяйство, приковывая ее к кухне и к детской...». Поэтому настоящее «освобождение женщины, настоящий коммунизм начнется там и тогда, где и когда начнется массовая борьба (руководимая владеющим государственной властью пролетариатом) против этого мелкого домашнего хозяйства, или, вернее, *массовая перестройка* его в крупное социалистическое хозяйство»⁴². Важное теоретическое и практическое значение имеет этот ленинский вывод о роли, в частности, общественного питания, условий и масштабов его развития.

Перестройка мелкого домашнего хозяйства предполагает, как не раз указывал В. И. Ленин, и самое активное участие в этой работе самих женщин, ибо орада «работниц и крестьянок имеется во много раз больше, чем нам известно, *организаторских талантов*, людей, обладающих умением наладить практическое дело с участием большого числа работников и еще большего числа потребителей...»⁴³. Но именно при массовой перестройке этого хозяйства, что особо подчеркнул В. И. Ленин, и поддержке пролетарской государственной власти общественное питание должно стать составной частью крупного социалистического хозяйства; общественные столовые в таком случае, как и другие «ростки коммунизма, не зачахнут, а разрастутся и разовьются в полный коммунизм»⁴⁴.

Мы рассмотрели выводы и обобщения, касающиеся поставленной проблемы, которые явились результатом ленинского научного анализа опыта первых лет Советской власти.

Интересны сведения о некоторых рекомендациях В. И. Ленина применительно к периоду развития общественного питания, начавшемуся после гражданской войны. Они содержатся в сборнике материалов Первого Всесоюзного совещания по общественному питанию. Нужно лишь заметить, что для общественного питания переход к нэпу явился резко выраженным рубежом. Причин для дальнейшего роста сети столовых, питательных пунктов и других предприятий, происходившего в годы военной интервенции и гражданской войны, уже не существовало, когда страна приступила к мирному экономическому строительству. Бесплатное питание в столовых было отменено. Сказывались недостаточность материально-технической базы, нехватка специалистов общественного питания. Наконец, стало возможным приобретать продукты на рынке. Совокупность этих обстоятельств явилась причиной значительного свертывания общественного питания в стране. Новый этап его развития был ознаменован прежде всего учреждением Советом Труда и Оборона паевого товарищества «Народное питание» (Нарпит) в 1923 г.⁴⁵

На Первом Всесоюзном совещании по общественному питанию практически обсуждался вопрос о том, что «дело народного питания может стать отраслью народного хозяйства, особой самостоятельной отраслью промышленности». В своем выступлении А. Д. Цюрупа, в частности, сказал: «Нарпит вместе с рабочей кооперацией приступили к этому делу...» По этому поводу он рассказал о разговоре с В. И. Лениным члена коллегии Наркомпрода А. Б. Халатова, в котором

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, т. 39, с. 24.

⁴³ Там же, с. 24—25.

⁴⁴ Там же, с. 26.

⁴⁵ Уставом товарищества было определено, что «Нарпит... организуется в целях предоставления городскому и промышленному населению улучшенного и удешевленного питания на основах безубыточности и самокупаемости, путем создания сети доступных столовых, ресторанов, чайных и т. п. предприятий...» (Гоголь Б. И. Указ. соч., с. 11).

Владимир Ильич «оценил значимость и весомость этого дела», заметив, что «с этим делом торопиться не следует, надо тщательно продумывать каждый шаг». И далее: «Владимир Ильич вполне основательно, со всей провицательностью с первых слов схватив существо дела, сказал: не спешите, сначала посмотрите и продумайте хорошенько, что и как вам делать»⁴⁶.

Эти высказывания В. И. Ленина, как нам представляется, важны для изучения истории периода развития общественного питания, связанного с переходом к нэпу, служат еще одним примером исключительной ленинской прозорливости. Следует учесть, например, что в первые годы нэпа количество столовых, ресторанов и т. п. предприятий во владении частного капитала значительно превосходило численность сети общественного питания, рост которой осуществлялся в условиях острейшей конкуренции с первыми. Но и позднее, во время начала индустриализации, когда нужно было наилучшим образом организовать работу Нарпита, связанную с обслуживанием рабочих важнейших отраслей промышленности, ленинские высказывания сохраняли свою актуальность: это, в частности, подтверждает уже сам факт цитированного выступления А. Д. Цюрупы — виднейшего организатора и руководителя продовольственного дела.

Разработанные В. И. Лениным теоретические положения и практические установки, связанные с общественным питанием, нашли свое выражение в решениях VIII и IX съездов РКП(б), а также в правительственных постановлениях, резолюциях съездов Советов.

В принятой VIII съездом РКП(б) Программе партии указывалось: в экономической области практической цели — немедленно и во что бы то ни стало увеличить количество необходимых для населения продуктов — должно быть подчинено все остальное. Вместе с тем, ставя конкретные задачи пролетарской диктатуры применительно к России, партия одной из политических задач считала следующую: «не опракиваясь формальным равноправием женщин, партия стремится освободить их от материальных тягот устарелого домашнего хозяйства» путем замены его, в частности, общественными столовыми. В качестве ближайшей ставилась задача постановки общественного питания на научно-гигиенических началах⁴⁷.

Следовательно, партия и государство, определяя задачи продовольственной политики, в том числе и в области общественного питания, в условиях военной интервенции и гражданской войны, решая эти задачи, одновременно разрабатывали и осуществляли меры социально-политического характера, связанные с социалистическим преобразованием общества.

Определяя конкретную роль общественного питания в условиях борьбы с голодом, VII Всероссийский съезд Советов, состоявшийся в 1919 г., указал, что замена индивидуальных форм питания общественными отвечает целям «увеличения продовольственных ресурсов Республики», «более правильного использования их»⁴⁸. XI съезд РКП(б), проходивший в марте 1920 г., рассматривал общественное питание в ряду «очередных задач текущего момента», вместе с «борьбой с производственной и продовольственной разрухой» и др. В этой связи съезд подчеркнул, что одной из главных задач «партийной работы в настоящее время» является «работа коммунистов... в общественных столовых»⁴⁹. Коммунистическая партия Украины, как подчеркивалось в одном из документов 1919 г., считала необходимым «в смысле охраны здоровья трудящихся... организовать общественное питание... При проведении... этих мер сами рабочие должны проявлять максимум самостоятельности...»⁵⁰ В 1920 г. VIII Всероссийский съезд Советов обязал местные Советы «поощрять и содейство-

⁴⁶ Речи и доклады на Первом Всесоюзном совещании по общественному питанию (февраль 1927 года). М., 1927, с. 5—6.

⁴⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Т. II, с. 43—59.

⁴⁸ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам, т. I. М., 1957, с. 145—146.

⁴⁹ «КПСС в резолюциях...», т. II, с. 172, 178.

⁵⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 369, л. 54.

вать инициативе рабочих и их самостоятельности в деле реформы быта на коммунистических началах» (организация общественных столовых) ⁵¹.

Особое внимание было уделено организации питания детей. Постановление «Об усилении детского питания», принятое СНК 14 сентября 1918 г., предусматривало срочные меры для обеспечения горячей пищей всех детей от 5 до 16 лет ⁵². 6 февраля 1919 г. В. И. Ленин подписал декрет об учреждении «Совета защиты детей», в задачу которого входило налаживание продовольственного снабжения детей ⁵³. Декрет от 17 мая 1919 г. «О бесплатном детском питании» распространялся на всех детей до 14-летнего возраста в крупных городах и промышленных центрах независимо от классового происхождения их родителей ⁵⁴. 12 июня этот декрет был распространен на всех детей, не достигших 16 лет, в указанных местностях ⁵⁵. В подписанном В. И. Лениным 24 сентября 1919 г. разъяснении к декрету предлагалось обратить особое внимание на развитие общественного (коммунального) питания детей ⁵⁶.

В конце 1920 г. Наркомпрод имел все основания считать, что в организации детского питания удалось достичь «значительных результатов». «Москва и Петроград, которые по справедливости могут быть названы пионерами в этом отношении, почти полностью осуществили у себя коммунальное детское питание». В целом по Советской Республике к октябрю 1920 г. бесплатным общественным питанием пользовалось свыше 7600 тыс. детей. Это потребовало огромной затраты денежных средств: в 1920 г. для указанной цели было отпущено 11 800 млн. руб. и, как указывалось в отчете Наркомпрода в том же году, «испрашивается дополнительно еще 3 028 448 200 руб.» ⁵⁷. «Миллионы детей, — говорил М. И. Калинин в 1919 г., — мы кормим за счет государства при всем нашем безденежье» ⁵⁸.

О том, какое значение придавал В. И. Ленин детскому общественному питанию, свидетельствует написанный им в мае 1921 г. «Наказ от ЦО местным советским учреждениям», в котором, в частности, обращалось внимание на местный опыт «относительно организации школьного и детского питания, столовых, общественного питания вообще и т. д.» ⁵⁹.

О состоянии общественного питания на местах, его роли в продовольственном обеспечении населения в определенной степени свидетельствуют данные обследования городского населения в марте — апреле 1919 г., которое заслуживает внимания уже потому, что «по широте программы и по количеству захваченных объектов» не имело тогда «себе равных не только в русской, но и в мировой статистике» ⁶⁰. Данные собраны в итоге обследования «138 поселений с 25 072 хозяйствами и 111 423 душами обоого пола...» Из учреждений общественного питания были обследованы не только открытые заведения этого рода — столовые для взрослых и детей, но и закрытые (больницы, приюты, казармы и инструкторские курсы Красной Армии и др.) ⁶¹. При этом губернии группировались в крупные районы, из которых три (Северный и Приозерный; Западный; Центральный промышленный) образовали потребляющую полосу, а два (Центральный земледельческий; Приволжско-Прикамский) — производящую. Особо были выделены столицы и Астраханская губерния, стлчавшаяся от омежных

⁵¹ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам, т. I, с. 196.

⁵² СУ, 1918, ст. 732.

⁵³ См. Королев Ф. Ф. Очерки по истории советской школы и педагогики. 1917—1920. М., 1958, с. 208.

⁵⁴ СУ, 1919, ст. 238.

⁵⁵ СУ, 1919, ст. 296.

⁵⁶ СУ, 1919, ст. 463.

⁵⁷ Три года борьбы с голодом. Краткий отчет о деятельности Народного комиссариата по продовольствию за 1919/20 год. М., 1920, с. 84—85.

⁵⁸ «Красный архив», 1938, № 1, с. 117.

⁵⁹ Ленин В. И. ПСС, т. 43, с. 283.

⁶⁰ Лосицкий А. Е. Обследование питания городского населения в 1919 году. — Состояние питания городского населения СССР. 1919—1924 гг. (По данным периодических обследований питания населения, проводимых Отделом статистики потребления ЦСУ). Труды ЦСУ, т. XXX, вып. I. М., 1926, с. 3.

⁶¹ Там же.

районов⁶². Распределение обследования населения по формам питания было таким: семьи, члены которых питаются дома, и семьи, члены которых полностью или отчасти столуются вне дома или получают готовую пищу на дом. Результаты обследования показаны в таблице 1.

Как явствует из данных этой таблицы, в потребляющей полосе общественным питанием пользовалось значительно большее число людей, чем в производящей: рабочие — 33% против 10%, служащие — 37% против 13%. Семейных рабочих, прибегающих к услугам общественного питания, немного меньше, чем всех служащих — 23% против 26%. И вдвое больше одиночек, чем семейных, питались вне дома — 48% по сравнению с 24%.

Таблица 1

Численность населения, пользовавшегося общественным питанием в 1919 г. (по данным обследования) *

Члены семей (хозяйств) и одиночки	Число членов семей (хозяйств) и одиночек		То же в процентах	
	питавшихся дома	пользовавшихся общественным питанием	питавшихся дома	пользовавшихся общественным питанием
Одиночки	1197	1091	52	48
Семейные	83 814	26 698	76	24
В числе семейных:				
рабочие, имеющие работу	37 216	10 976	77	23
служащие, имеющие работу	32 639	11 686	74	26
прочие (кроме безработных)	12 507	3664	77	23
Рабочие:				
потребляющей полосы	17 451	8854	67	33
производящей полосы	18 640	2055	90	10
Служащие:				
потребляющей полосы	15 670	9166	63	37
производящей полосы	16 040	2458	87	13

* См. Лосицкий А. Е. Указ. соч., с. 6. Сравнение числа всех обследованных лиц, получаемого из таблицы (112 800), с числом, указанным в тексте источника и ранее приведенном нами (111 423), обнаруживает расхождение в 1377 чел., что составляет несколько более 1% по отношению ко всем обследованным. При условии пропорционального соотношения этой погрешности с числом одиночек и семейных она оказывается несущественной.

На основе данных, полученных в марте — апреле, а также второго обследования, проведенного в июне⁶³, выяснилось, что в потребляющей полосе и особенно в столицах «смешанная форма» питания семьи (когда часть семьи пользовалась общественным питанием) «была довольно сильно развита и представляла очень значительное (разрядка моя.— М. П.) меньшинство». В результате обследования было установлено, что «соотношение форм питания непрерывно изменяется и потому указанный вопрос необходимо пересматривать от времени до времени»⁶⁴. Чтобы конкретизировать выражение «очень значительное меньшинство» и получить представление об изменяющемся соотношении форм питания, важно хотя бы кратко рассмотреть итоги некоторых других обследований в 1918—1921 гг. (см. табл. 2).

⁶² Там же, с. 4. В состав крупных районов вошли: города и рабочие поселки Северного и Приозерного районов, а также Вологодской, Северо-Двинской, Новгородской, Череповецкой, Олонецкой и Петроградской губерний; Западного района — Витебской, Минской, Могилевской; Центрального промышленного района — Владимирской, Костромской, Ивановской, Калужской, Московской, Смоленской, Тверской, Ярославской; Центрального земледельческого района — Воронежской, Курской, Орловской, Рязанской, Тамбовской, Тульской; Приволжско-Прикамского района — Рязанской, Нижегородской, Пензенской, Самарской, Симбирской губерний.

⁶³ Была обследована 991 семья (4204 чел.) в столицах, Смоленске, Туле, Иваново-Вознесенске и Самаре (там же, с. 6—7).

⁶⁴ Лосицкий А. Е. Указ. соч., с. 20.

Как видно из данных таблицы 2, в 1919/20 сельскохозяйственном году меньшинство обследованных семей, пользовавшихся общественным питанием, составляло треть от их общего числа (33,5%—34%), а затем в течение года возросло почти до половины (40,9%—45,1%). Следовательно, соотношения форм питания — домашнего и в предприятиях общественного питания — изменялись так, что доля последнего все увеличивалась в рассматриваемое время.

Для объяснения этого явления необходимо принять во внимание данные о питательной ценности потреблявшихся продуктов в различных городах⁶⁵. Изучив их, авторы статей об обследовании населения указывают, что в первые годы после революции, особенно в 1918—1919 гг. питание рабочих и служащих было крайне недостаточным и в большинстве городов едва могло быть охарактеризовано как «поддерживающее»⁶⁶. А в 1919 г. горожане «Северной России — жители Петрограда, Новго-

Таблица 2

Семьи, пользовавшиеся общественным питанием в 1918—1921 гг. (в %, по результатам выборочных обследований) *

1918/19 сельскохозяйственный год		1919/20 сельскохозяйственный год		1920/21 сельскохозяйственный год	
март—апрель	июль	декабрь	май	октябрь	апрель
30,8	20,9	33,5	34,0	40,9	45,1

* См. Нифонтов В. П. Состояние питания с 1918/19 по 1923/24 с.-х. год.—Состояние питания городского населения СССР. 1919—1924 гг. Труды ЦСУ, т. XXX, вып. 1. М., 1926, с. 33.

рода, отчасти Калуги и Москвы могли в массе своей производить работу за счет собственного исхудания»⁶⁷. Понятно поэтому, что именно в таких условиях общественное питание должно было играть исключительную роль. И действительно, что касается, в частности, названных городов, то в Петрограде в 1919 г., как отмечалось, практически все население пользовалось общественным питанием, а в Новгороде столовые отпускали не только обеды, но и ужины.

Рассмотренные итоги обследований существенны для оценки значения общественного питания. Важно, что их сопоставление с данными других источников и прежде всего материалов Наркомпрода не обнаруживает принципиальных расхождений⁶⁸.

В 1920 г. Наркомпрод отмечал, что роль очагов в развитии общественного питания играют обе столицы, осуществившие почти год тому назад «фактически всеобщее коммунальное питание». За столицами «следует Иваново-Вознесенск, Костромская и другие губернии с наиболее развитой индустрией и организованностью пролетарских масс»⁶⁹.

Организация общественного питания в течение всего рассматриваемого периода, как и продовольственное снабжение в целом осуществлялись в условиях, при которых «недостаток продовольствия резко» сказывался на «всей жизни страны»⁷⁰. Когда в декабре 1919 г. В. И. Ленин выступил перед пресненскими рабочими, то, в частности, отметил тяжелое время, переживаемое трудящимися страны «в смысле тех бедствий, которые обрушились на промышленных и особенно на городских рабочих. Вы знаете..., как сильно голодает и холодает наш рабочий класс»⁷¹. И именно с конца 1919 г. вопросами рабочего снабжения ведала специально созданная Совнаркомом Центральная комиссия по рабочему снабжению. При энергичной поддержке

⁶⁵ См. Лосицкий А. Е. Указ. соч., с. 11—12.

⁶⁶ См., напр., Нифонтов В. П. Указ. соч., с. 53. Имеется в виду, что пищевой рацион взрослого мужчины до 2400 калорий в день оценивается как «поддерживающее» питание, от 2400 до 2900 — обеспечивающий лишь легкую работу и т. д.

⁶⁷ Лосицкий А. Е. Указ. соч., с. 12.

⁶⁸ Польский М. П. Указ. соч.

⁶⁹ Три года борьбы с голодом..., с. 80.

⁷⁰ Семашко Н. А. Незабываемый образ. М., 1975, с. 7.

⁷¹ Ленин В. И. ПСС, т. 40, с. 28.

В. И. Ленина комиссии удалось заметно улучшить продовольственное положение промышленных и транспортных рабочих республики ⁷².

Комиссия развернула большую работу, связанную с проведением в жизнь подписанного В. И. Лениным декрета СНК от 17 января 1920 г. «О мерах к улучшению положения рабочих и служащих в советских учреждениях» ⁷³. По оценке Наркомпрода декрет имел «особое значение в развитии коммунального питания» как фактора «реального улучшения положения трудящихся обеих столиц»; это был также «способ натурализации заработной платы, осуществленный для 800 000 рабочих и служащих» в условиях «военного коммунизма». Вначале декрет распространялся на обе столицы, а затем — на Иваново-Вознесенскую губернию ⁷⁴.

Таблица 3

Общественное питание в продовольственном снабжении населения (в млн.) в 1920 г.*

Число лиц на продовольственном снабжении в первые годы Советской власти	Число лиц на содержании государства в 1920 г.	Число лиц, пользовавшихся общественным питанием во второй половине 1920 г. (неполные данные)	В том числе детей	Число столовых, питательных пунктов во второй половине 1920 г.
до 35	38	около 11	7,6	свыше 0,01

* Таблица составлена по: Ленин В. И. ПСС, т. 44, с. 315; Гиндин Я. Воспоминания о Владимире Ильиче. М., 1973, с. 10—11; «История СССР», 1974, № 6, с. 160.

Во второй половине 1920 г., по неполным данным, в Советской Республике пользовалось общественным питанием около 11 млн. человек. Если сравнить этот показатель со свидетельством члена Малого Совнаркома Я. И. Гиндина о том, что «на продовольственном снабжении государства уже в первые годы после Октября состояло до 35 миллионов потребителей» ⁷⁵, то одно только это сопоставление убедительно показывает, каково было значение общественного питания и какими стали его масштабы. А в 1920 г., как говорил В. И. Ленин, «...мы считали... на содержания государства 38 млн. человек...» ⁷⁶. Приведем сравнительные данные, характеризующие роль общественного питания в продовольственном снабжении населения (см. табл. 3).

Укажем также, что в Советской Республике в 1920—1921 гг. городское население, по нашим подсчетам, составляло приблизительно 20 млн. человек, а все население в 1921 г. — 137 млн. человек ⁷⁷.

Деятельность продовольственных органов в центре и на местах, осуществлявших политику партии и государства в области общественного питания, заслужила в 1919 г. высокую оценку В. И. Ленина, касавшуюся развития сети столовых: «Мы создаем образцовые учреждения, столовые, ясли...»; эти учреждения «возникают всюду, где только есть малейшая к тому возможность...» ⁷⁸. Представляется, что именно такая оценка может быть отнесена ко всему начальному периоду развития общественного питания.

Конкретно-историческое изучение рассматриваемой проблемы служит раскрытию обобщающей характеристики тех исключительных усилий, которые делали партия и правительство под руководством В. И. Ленина в борьбе с голодом, продовольственным кризисом в 1917—1921 гг.: «Все возможное и кое-что невозможное,— писал В. И. Ленин,— Соввласть делала, делает и будет делать для помощи голодающим» ⁷⁹.

⁷² Гиндин Я. Воспоминания о Владимире Ильиче. М., 1973, с. 30.

⁷³ СУ, 1920, ст. 21; ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 4, д. 242, лл. 1—17.

⁷⁴ Три года борьбы с голодом..., с. 80.

⁷⁵ Гиндин Я. Указ. соч., с. 10—11.

⁷⁶ Ленин В. И. ПСС, т. 44, с. 315.

⁷⁷ См., напр.: Население СССР. Справочник. М., 1974, с. 7, 50. Ю. А. Поляков пишет: «Все население страны в 1921 году составляло около 137 миллионов человек... В деревнях тогда жило почти 116 миллионов человек» (Указ. соч., с. 19—20).

⁷⁸ Ленин В. И. ПСС, т. 39, с. 202.

⁷⁹ Там же, т. 54, с. 181.

Авторитетная характеристика значения общественного питания в борьбе с голодом принадлежит А. Б. Халатову, бывшему председателем комиссии по рабочему снабжению и членом коллегии Наркомпрода, ведавшим отделом по распределению продовольствия. Период, отмечал он, «совпадающий с эпохой военного коммунизма, последовал в деле коммунального питания... главным образом экономно в ограниченных тогда запасах продуктов, сырья, топлива и всех жизненных припасов»; «общий коллективный котел... значительно притуллял голод, смягчал продовольственный кризис»⁸⁰.

И, вместе с тем это означало также, что общественное питание приобретало существенное значение в борьбе рабочих и трудящихся крестьян против их врагов. В этой связи интересен такой пример, в котором проявился ленинский подход при решении конкретного вопроса в области общественного питания. Осенью 1920 г. член коллегии Наркомтруда и член Малого Совнаркома Н. А. Милютин прибыл в Москву из Орловской губернии и в беседе с В. И. Лениным подробно обрисовал положение дел там, сообщив, в частности, что в некоторых районах губернии голодают значительные слои крестьян и что им приняты некоторые меры для помощи детям бедноты. В. И. Ленин обратился в Наркомпрод для того, чтобы были приняты меры по организации столовых в районах губернии, испытывавших продовольственные трудности.

Эти столовые «сыграли зимой огромную роль, твердо закрепив наше положение в Орловской губернии. Были случаи, когда под столовые крестьяне демонстративно отводили церкви, где раньше попы агитировали против сдачи государству продовольственных излишков. Кулак остался изолированным. Крестьяне стали открыто указывать нам на кулацкие ямы с хлебом и картошкой...»⁸¹

В это же время из Иваново-Вознесенской губернии в связи с продовольственным кризисом губкомом РКП(б) срочно был командирован в Москву для информации о положении дел к В. И. Ленину председатель губисполкома Г. К. Королев. В ответ на расспросы Владимира Ильича, он, в частности, сообщил, что «продовольственное положение ужасное: в столовых подают суп из очистков картофеля...», детям, как и взрослым, «живется плохо». В результате, как писала иваново-вознесенская газета «Рабочий край», «в постановлении Совета Обороны на нашу губернию был увеличен наряд на 5 тысяч пудов жиров»⁸².

Когда В. И. Ленин рассматривал различные хозяйственные вопросы, связанные с устройством быта трудящихся, он, как правило, интересовался и состоянием общественного питания. В написанном им летом 1921 г. письме А. А. Коростелеву по поводу работы комиссии содействия хозяйственным органам при Наркомате рабоче-крестьянской инспекции Владимир Ильич рекомендует с целью «улучшить постановку дела... взять для этого еще несколько учреждений: столовку, баню, прачечную, общежитие и т. п.»⁸³

Заботясь о развитии общественного питания в республике, В. И. Ленин уделял непосредственное внимание практическому решению социально-политической задачи обеспечения действительного равноправия женщины путем освобождения ее от тягот домашнего хозяйства. 23 сентября 1919 г. Владимир Ильич приехал на IV Московскую общегородскую беспартийную конференцию работниц. Призывая их в своей речи к участию в работе по «улучшению массового питания, развитию... столовых», В. И. Ленин указывал, что «на женщин более всего и ложится эта работа» по устройству столовых и других учреждений, «которые освободили бы женщину от домашнего хозяй-

⁸⁰ Халатов А. Б. Общественное питание к десятилетию Октября. М., 1927, с. 2. Работникам общественного питания зачастую приходилось в то время «не только технически» осуществлять развертывание сети столовых и питательных пунктов; обстоятельства требовали «слиться с продорганами, принимая активное участие в заготовке, снабжении и распределении» (Халатов А. Б. К юбилею Союза рабочих народного питания. — «Рабочий народный питания». 1923, № 6—7, с. 6).

⁸¹ Милютин Н. А. По заданиям Ленина. М., 1975, с. 14—17.

⁸² В годы гражданской войны. Иваново-вознесенские большевики в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. Сб. док. и материалов. Иваново, 1957, с. 218—220.

⁸³ Ленин В. И. ПСС, т. 53, с. 67—68.

ства». Поэтому освобождение «женщин-работниц должно быть делом самих женщин-работниц»⁸⁴.

Таким образом, после победы Великой Октябрьской социалистической революции, ликвидировавшей эксплуатацию трудящихся со стороны помещиков и буржуазии, общественное питание явилось фактором, игравшем существенную роль как в области материального благосостояния масс, так и в социально-политической области, объективной закономерностью. Следовательно, опыт разработки и осуществления основанной на ленинских идеях политики Коммунистической партии и Советского государства в области общественного питания, как и продовольственной политики в целом в первые послеоктябрьские годы, имеет и международное значение. Как отмечал В. И. Ленин, «именно продовольственная политика особенно ясно показывает, что борьба социализма с капитализмом в ее последней форме происходит именно здесь...»⁸⁵ Указанный опыт свидетельствует, что, взяв власть в свои руки и исходя из конкретных условий социалистического строительства в стране, бывшие эксплуатируемые классы, в частности, не могут не рассматривать в качестве одной из важнейших задач освобождение женщины от тягот домашнего хозяйства, приобщение ее к общественно полезному труду, активному участию в строительстве новой жизни. Развитие общественного питания является существенно необходимым условием достижения этой цели.

* * *

Рассмотрение интересующей нас темы дает возможность расширить представление об истории начального этапа социалистического строительства в СССР, об опыте решения одной из его задач Коммунистической партией и Советским государством.

Проблема общественного питания в целом и в первые годы Октябрьской революции, в частности, была, как мы видели, предметом постоянного ленинского внимания. «Обращаясь к идейному наследию В. И. Ленина, — подчеркивал товарищ Л. И. Брежнев, — партия видит свою важнейшую задачу в том, чтобы на основе ленинских мыслей, ленинской методологии находить решение актуальных проблем коммунистического строительства»⁸⁶. Именно такой подход имеет определяющее значение и в исследовании рассматриваемой проблемы на всех этапах истории социалистического и коммунистического строительства в нашей стране.

⁸⁴ Ленин В. И. ПСС, т. 39, с. 202.

⁸⁵ Ленин В. И. ПСС, т. 39, с. 122.

⁸⁶ Брежнев Л. И. Ленинизм курсом. Речь и статьи, т. 3, М., 1972, с. 309.

М. Н. ПОТЕХИН

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ПЕТРОГРАДСКИХ РАБОЧИХ В КВАРТИРЫ БУРЖУАЗИИ (октябрь 1917—1919 гг.)

Великая Октябрьская социалистическая революция наряду с решением политических задач должна была одновременно решать и весьма острую жилищную проблему. Специальных исследований о переселении рабочих Петрограда в квартиры буржуазии нет. Данный аспект только затрагивается в ряде работ по истории рабочего класса столицы¹. Однако следует отметить, что в них имеются отдельные неточности и расхождения.

¹ Путилько А. А. Деятельность М. И. Калинина в Петрограде в первые годы Советской власти (1917—1919). Автореф. канд. дис. Л., 1954; Городское хозяйство. Л., 1957; Очерки истории Ленинграда, т. 4, Л., 1964, с. 485; Кулышев Ю. С., Носач В. И. Партийная организация и рабочие Петрограда в годы гражданской войны. Л., 1971; История рабочих Ленинграда, т. 2, Л., 1972, с. 95; Френкель З. Г. Петроград периода войны и революции. Пг., 1922 и др.

Изучение архивных фондов Исполнительного Комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, управы Петроградской городской думы, газет за 1917—1919 гг. позволяет в какой-то мере дополнить тему о переселении семей петроградских рабочих в квартиры буржуазии в первые годы Советской власти. Этой цели и служит данное сообщение.

Жилищные условия рабочего класса при капитализме и решение этой важнейшей социальной проблемы подробно рассмотрены в работе Ф. Энгельса «К жилищному вопросу». Критикуя мелкобуржуазные взгляды Прудона, Энгельс подчеркивал, что конец жилищной нужде пролетариата положит только уничтожение буржуазной эксплуатации, т. е. социальная революция².

В. И. Ленин в «Письмах из далека», работе «Удержат ли большевики государственную власть» и др. неоднократно возвращался к этому вопросу, заявляя, что пролетарское государство обязательно будет заниматься выселением буржуазии из ее квартир и вселением семей рабочих³.

Уже 30 октября 1917 г. только что созданный Комиссариат внутренних дел принял и опубликовал два постановления: «О жилищном моратории», по которому от квартирной платы освобождались все военнослужащие и их семьи и все другие граждане, доход которых не превышал 400 руб. в месяц⁴, «О правах городского самоуправления в деле регулирования жилищного вопроса», которое давало право городским самоуправлениям секвестровать все пустующие помещения, годные для жилья; устанавливать нормы жилплощади и вселять нуждающихся в занимаемые гражданами помещения; создавать домовые комитеты, жилищные инспекции и жилищные суды⁵.

Петроградской городской думе и Управе специальным декретом СНК от 19 декабря 1917 г. было разрешено устанавливать единовременный, дополнительный к государственному подоходному налогу, денежный сбор с недвижимых имуществ в размере до 10% оценочной стоимости имущества. В случае неуплаты его Петроградскому самоуправлению давалось право конфискации⁶.

Впервые вопрос о вселении рабочих в квартиры буржуазии был поставлен на заседании Петроградского Совета 29 января 1918 г., посвященном национализации домов. Городской голова М. И. Калинин высказался против немедленной национализации жилых домов и предложил более строго взыскивать оценочный сбор и подоходный налог с домовладельцев.

Петроградский Совет принял это предложение и рекомендовал Городской управе принять самые энергичные меры по взысканию денежных сборов с домовладельцев, а в случае неуплаты немедленно конфисковать жилые строения. Одновременно Совет постановил подготовить специальный декрет о переселении рабочих⁷.

² См. Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 18, с. 107.

³ См. Ленин В. И. ПСС, т. 31, с. 44, т. 33, с. 58, т. 34, с. 313.

⁴ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. М., 1917, № 1, ст. 13.

⁵ Там же, ст. 14.

⁶ Там же, 1917, № 11, ст. 162. Петроградская городская управа, образованная после роспуска эсэро-кадетской и выборов новой большевистской Городской думы в ноябре 1917 г. (см. Декреты Советской власти, т. 1, 1957, с. 91—92), ведала всем городским хозяйством Петрограда. Формально являясь исполнительным органом Городской думы, Городская управа, возглавляемая М. И. Калининым, выполняла решения и Петроградского Совета, принимаемые по вопросам коммунального хозяйства города. В январе 1918 г. Городская дума и Управа по решению Петроградского Совета стали его органами. В марте 1918 г., в связи с образованием Совета комиссаров Петроградской трудовой коммуны, Городская управа объединилась с Комиссариатом городского хозяйства, комиссаром которого был назначен городской голова М. И. Калинин. Только в сентябре 1918 г. декретом Совета комиссаров Союза Коммун Северной области Городская дума и Управа были распущены и все их функции перешли к отделам Исполкома Петроградского Совета. (См. «Северная коммуна», 1918 г., 20 сентября.)

⁷ «Известия», № 23, 1918 г., 30 января.

Конфискация и национализация жилых домов приняла массовый характер весной и летом 1918 г. Первое постановление о конфискации 29 домов датировано 31 января 1918 г. В феврале 1918 г. конфисковано 258 жилых домов, в марте — 400, в апреле — 339, в мае — более 500, в июле — 845 домов⁸.

20 августа 1918 г. был издан специальный декрет ВЦИК «Об отмене прав частной собственности на недвижимое имущество в городах», которое передавалось органам местной власти⁹.

1 марта 1918 г. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов заслушал и обсудил специальный доклад В. Володарского «О вселении рабочих и их семей в квартиры буржуазии»¹⁰. Принятый Советом декрет значительно ограничивал жилищные права буржуазии. Ей разрешалось иметь по одной комнате на взрослого человека и одну комнату для детей. Вся остальная площадь реквизировалась, и бывшие ее владельцы должны были немедленно заявить в местный Совет о наличии у них освободившихся помещений.

«Занимаются в первую очередь, — говорилось в декрете, — все пустующие квартиры, дома и особняки лиц господствующих классов, затем их квартиры»¹¹. Районные Советы брали на учет освободившиеся помещения и вселяли в них прежде всего семьи красноармейцев, находящихся на фронте, и безработных рабочих. От квартиплаты за площадь они освобождались.

В мае — июне 1918 г. с целью учета жилого фонда Петрограда проводилась перепись жилых строений. Было установлено, что имеется в наличии 8259 свободных квартир. Из них 56 квартир — по 11 и более комнат, 435 квартир — от 6 до 10 комнат, 3054 квартиры — от 3 до 5 комнат¹². Возникшие весной 1918 г. трудности с переселением семей рабочих в квартиры буржуазии объяснялись в определенной степени саботажем со стороны домовых комитетов, избранных еще до Октябрьской революции. Состоявшие в основном из буржуазных и мелкобуржуазных элементов, они искажали сведения о наличии свободной площади, составляли ложные справки богатым квартиросъемщикам, пытались запугать переселенцев. Когда в Петрограде на основании декрета СНК от 11 июня 1918 г. были созданы новые домовые комитеты бедноты, состоящие из рабочих, прислуги и низших служащих, вопросы переселения стали решаться значительно оперативнее¹³.

Летом и осенью 1918 г. Петроградский Совет принял ряд решений о заселении рабочими и их семьями ряда центральных гостиниц. Так, 5 августа 1918 г. рабочим Николаевской железной дороги была отдана гостиница «Северная»¹⁴. 8 августа другая гостиница (Невский проспект, дом 99) была предоставлена рабочим и служащим конного двора почтамта, и в нее вселились 120 семей¹⁵. В октябре 1918 г. Европейская гостиница поступила в распоряжение Комиссариата социального обеспечения для организации первой социалистической трудовой коммуны¹⁶.

В сентябре 1918 г. жилищный вопрос снова обсуждался на пленарном заседании Петроградского Совета. В принятом решении отмечалась необходимость ускорить выполнение декрета от 1 марта 1918 г.¹⁷

⁸ ЛГАОРСС ф. 3217, оп. 1, д. 56 (журналы заседаний Петроградской городской управы).

⁹ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, № 62, 1918 г., ст. 674.

¹⁰ «Известия», 1918 г., 2 марта.

¹¹ «Известия», 1918 г., 2 марта.

¹² «Известия общественного управления г. Петрограда», № 59, 1918 г., 17 августа.

¹³ Положение о домовых комитетах бедноты г. Петрограда и его пригородов было разработано Советом комиссаров Союза коммун Северной области и опубликовано в газете «Северная коммуна» 8 сентября 1918 г.

¹⁴ ЛГАОРСС, ф. 1000, оп. 2, д. 144, л. 43.

¹⁵ ЛГАОРСС, ф. 1000, оп. 2, д. 143, л. 2.

¹⁶ Там же, л. 84.

¹⁷ ЛГАОРСС, ф. 1000, оп. 1, д. 9, лл. 1—5.

Петроградский Совет создал межрайонный жилищный Совет из представителей районов города, Комиссариата городского хозяйства и других рабочих организаций. Был образован исполнительный орган жилищного Совета — Центральная исполнительная комиссия по жилищным делам¹⁸. Жилищному Совету и его комиссии были подчинены все учреждения Петрограда, ведавшие жилищным вопросом. При районных Советах были созданы районные жилищные отделы, которые под наблюдением Центральной исполнительной комиссии и осуществляли переселение рабочих в квартиры буржуазии. «Господствующим классом у нас стал рабочий класс. Власть находится в его руках. Дома и квартиры в них должны принадлежать рабочему классу. Только выйдя, наконец, из сырых подвалов, и темных клетушек и прочно обосновавшись в лучших домах города, пролетариат почувствует себя полным хозяином положения, господами, а не рабами жизни...», — писала газета «Северная коммуна»¹⁹.

В октябре 1918 г. жилищный Совет и Исполнительная комиссия в целях обеспечения скорейшего переселения рабочих приняла ряд важных решений: 11 октября — о запрещении вывоза мебели из освобожденных квартир за пределы города²⁰, 16 октября — о конфискации всех квартир с их мебелью и имуществом, владельцы которых отсутствуют в Петрограде более двух месяцев²¹; 28 октября было принято постановление о предоставлении бесплатных квартир семьям красноармейцев и матросов²².

Исполнительный комитет Петроградского Совета на своем заседании 2 ноября 1918 г. подвел первые итоги переселения рабочих в квартиры буржуазии. С докладом выступал председатель Исполнительной комиссии Жилсовета С. М. Корчагин, заявивший, что только за октябрь переселено во всех районах города 4000 семей рабочих и красноармейцев²³.

Поэтому в постановлении ИК Петроградского Совета, принятом на этом заседании, подчеркивалась необходимость ускоренного переселения рабочих семей в квартиры буржуазии, по возможности щадя квартиры трудовой интеллигенции²⁴.

В декабре 1918 г. состоялось решение Президиума Петроградского Совета, по которому переезд семей рабочих обеспечивался бесплатным транспортом или выдачей пособия в сумме 150—200 руб., бесплатным проездом в трамвае к месту работы из новых квартир. Квартиры давались только в домах, которые обеспечивались топливом, причем семьи красноармейцев и матросов освобождались от платы за отопление и освещение. Кроме того, все переезжающие снабжались мебелью за счет буржуазии, которую рабочие могли приобрести в собственность, выплачивая ее стоимость в рассрочку²⁵. Было предоставлено и много других льгот переезжающим семьям рабочих. К концу зимы 1918/19 г. ими было заселено только домов с центральным отоплением (которых в городе был незначительный процент):

в Александро-Невском районе	—11 домов	Нарвском и Петергофском	—13 домов
Московском	—10 »	Спасском	— 3 »
Петроградском	—19 »	Литейном	—31 »
Василеостровском	—11 »	Коломенском	—18 »
Выборгском	—20 »		

Всего 136 домов (в которых насчитывалось 10 тыс. квартир)²⁶.

В ноябре — декабре 1918 г. переселение рабочих семей в лучшие квартиры Петрограда происходило значительно организованней и быстрее, но массового характера оно все еще не приняло. Переселению рабочих в определенной мере мешала практика выда-

¹⁸ «Северная коммуна», 1918 г., 18 сентября.

¹⁹ «Северная коммуна», 1918 г., 22 сентября.

²⁰ ЛГАОРСС, ф. 1000, оп. 2, д. 291, л. 1.

²¹ ЛГАОРСС, ф. 1000, оп. 2, д. 136, л. 2.

²² «Северная коммуна», 1918 г., 29 октября.

²³ ЛГАОРСС, ф. 1000, оп. 2, д. 141, л. 8.

²⁴ ЛГАОРСС, ф. 1000, оп. 2, д. 141, л. 8.

²⁵ ЛГАОРСС, ф. 1000, оп. 4, д. 28, л. 49.

²⁶ ЛГАОРСС, ф. 1000, оп. 3, д. 187, л. 68.

чи охранных свидетельств на квартиры, которые раздавались различными учреждениями Петрограда. Петроградский Исполком отменил это положение в январе 1919 г., но это решение не выполнялось.

В августе 1919 г. на Петроградском Совете, когда обсуждался жилищный вопрос, комиссар городского хозяйства Л. М. Михайлов отметил в своем докладе, что бронирование квартир мешает осуществлению мероприятий по переселению рабочих. Только в Литейном районе к этому времени находилось под броней 1400 квартир, Московском — 1100, Рождественском — 1200, а в Петроградском — 5500 квартир. Всего по городу было забронировано свыше 15 000 квартир²⁷. Для снятия охранных свидетельств с квартир Петроградский Совет создал специальную комиссию из пяти рабочих-коммунистов во главе с ответственным организатором Лесновского РК партии Н. И. Кокко²⁸.

Л. М. Михайлов подчеркнул, что в течение 1918 г. и первой половине 1919 г. отремонтировано 500 жилых домов, предназначенных для заселения рабочими семьями. Они насчитывали 85 тыс. комнат. До зимы 1919 г. планировалось отремонтировать еще 500 домов. Кроме того, значительное число домов Петрограда, главным образом особняки, не нуждалось в ремонте и также заселялось рабочими.

О размахе деятельности Центральной исполнительской комиссии по жилищным делам²⁹, занимающейся переселением рабочих в квартиры буржуазии, свидетельствует смета, составленная на январь — март 1919 г. В ней предусматривалось ежедневное переселение в новые квартиры 75 семей, на что требовалось 1 350 000 руб. на три месяца (переселение производилось за счет государства, как мы уже говорили, на каждую семью выделялось по 200 руб.). Планировалось переселить за три месяца 6750 семей. На предоставление бесплатных квартир семьям красноармейцев и немущим запрашивалось 4 500 000 руб., по 75 руб. в месяц на семью. Кроме того, в смете предусматривалось на электрификацию 5000 квартир 3 млн. руб., отопление и освещение 20 тыс. квартир беднейшего населения — 12 млн. руб. А всего (на три месяца) — 24 082 532 руб.

Из приведенных фактов видно, как протекал процесс переселения рабочих в квартиры буржуазии, начавшийся во второй половине 1918 г. и принявший значительный размах в 1919 г. К сожалению, из-за отсутствия полных статистических данных трудно определить общую цифру переселения семей. Примерный расчет показывает, что в течение 1918—1919 гг. в Петрограде было переселено в лучшие квартиры, ранее занимаемые буржуазией и чиновничеством, не менее 65 тыс. рабочих семей.

В программе большевистской партии, принятой VIII съездом РКП(б), отмечалось, что Советская власть экспроприировала все дома капиталистических домовладельцев, произвела массовое вселение рабочих с окраин в буржуазные дома и приняла содержание этих зданий на счет государства. Партия ставила своей задачей дальнейшее улучшение жилищных условий трудящихся³⁰.

Переселение петроградских рабочих с окраин города, из подвалов в лучшие квартиры центральных районов Петрограда играло огромную роль в деле укрепления завоеваний социалистической революции.

²⁷ ЛГАОРСС, ф. 1000, оп. 3, д. 28, л. 49.

²⁸ ЛГАОРСС, ф. 1000, оп. 3, д. 28, л. 47.

²⁹ Аппарат комиссии насчитывал 310 человек. Кроме того, функционировали еще 16 районных комиссий — 608 человек (ЛГАОРСС, ф. 313, оп. 7, д. 116, лл. 92—94).

³⁰ См. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Политиздат, 1970, т. 2, с. 57.

Б. Н. ФЛОРЯ

ПРИВИЛЕГИРОВАННОЕ КУПЕЧЕСТВО И ГОРОДСКАЯ ОБЩИНА В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ

[Вторая половина XV — начало XVII в.]

Тема статьи стала предметом серьезного исследования благодаря пересмотру в ряде работ советских историков схемы истории формирования сословия горожан, созданной в трудах буржуазных историков середины — второй половины XIX в. Для последних было характерно механическое перенесение представлений о структуре сословия горожан, как она сложилась к XVII столетию, на весь предшествующий период русской истории. Поскольку в XVII в. в русских провинциальных городах существовала односословная посадская община, то предполагалось, что так же обстояло дело и ранее, а известные источникам XIV—XV вв. московские «гости-сурожане» приравнивались по своему положению к московским «гостям» XVII в. При таком подходе история формирования сословия горожан, по существу, лишалась каких-либо признаков развития. Иллюстрацией изложенных выше положений могут служить соответствующие разделы в прочитанном В. О. Ключевским в 1881 г. курсе лекций «История сословий в России»¹.

Одним из первых исследователей, приступивших к пересмотру сложившихся представлений был В. Е. Сыроечковский. Критикуя традиционные высказывания ученика В. О. Ключевского — М. А. Дьяконова, он поставил вопрос о существенных различиях между положением «гостей-сурожан» XIV—XV вв. и московских «гостей» XVII в., действовавших на различных этапах развития феодального общества². Эти положения В. Е. Сыроечковского получили полную поддержку в работах последующих исследователей, изучавших историю русского города XIV—XV вв., — Л. В. Черепнина и А. М. Сахарова³.

Для пересмотра традиционной схемы имел значение и проведенный В. Е. Сыроечковским сбор сведений о новгородских «гостях-сурожане» конца XV — первой половины XVI в., которых автор выделил как особую группу в составе новгородских горожан, аналогичную московским «гостям»⁴.

Следует также отметить большое значение для утверждения новых взглядов на историю формирования сословия горожан высказываний С. В. Бахрушина, который справедливо подчеркивал, что такие хорошо известные по источникам XVII в. организации московского купечества, как «гостинная» и «суконная» сотни были созданы лишь в последних десятилетиях XVI в., а их возникновение сопровождалось существенной перестройкой структуры московской городской общины⁵.

Собранные В. Е. Сыроечковским данные о новгородских «гостях» были значительно пополнены А. П. Пронштейном, который еще более определенно, чем его предшественник, показал наличие особой организации, объединявшей эту часть новгородского населения. Однако он не ставил своей целью выяснение вопроса, чем отличались эти «гости» от «гостей» последующего периода, и порой даже смешивал их с «гостями» конца

¹ См. Ключевский В. История сословий в России. М., 1913, лекции X, XI, XVII.

² Сыроечковский В. Е. Гости-сурожане. М.—Л., 1936, с. 31 и сл.

³ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, с. 412 и сл.; Сахаров А. М. Города Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1960, с. 166 и сл.

⁴ Сыроечковский В. Е. Гости-сурожане, с. 111 и сл.

⁵ См. История Москвы, т. I. М., 1952, с. 180—181.

XVI—XVII в. в духе традиционной точки зрения⁶. Сводка результатов, достигнутых советской исторической наукой в изучении интересующей нас темы, дана в работе Н. Е. Носова⁷.

В настоящее время очевидна несостоятельность прежней схемы и можно считать установленным, что московские купеческие организации XVII в. возникли на основе перестройки купеческих организаций предшествующего времени, которые в XV — первой половине XVI в. существовали не только в Москве, но и в других русских городах.

Однако до сих пор остается неясным, чем отличались по своему сословному положению «гости» второй половины XV — первой половины XVI в. от основной массы городского населения — «черных людей» и от своих преемников — «гостей» конца XVI — XVII в., каково было место «гостей» и их особой организации в рамках городской общины второй половины XV — первой половины XVI в., когда и как протекала перестройка структуры сословия горожан, которая завершилась исчезновением особых купеческих организаций в провинциальных городах и возникновением в Москве купеческих организаций нового типа, каковы были причины такой перестройки. Попытка дать ответ на эти вопросы составляет основное содержание данной статьи.

Первый общегосударственный правовой кодекс Русского единого государства — Судебник 1497 г. — не содержит упоминаний о каких-либо градациях в среде населения русских посадов. Такие сведения можем обнаружить лишь в ст. 26 («о бесчестии») Судебника 1550 г. В ней мы встречаемся с тремя понятиями, обозначающими разные слои городского населения: это — «большие гости», «торговые люди и посадские люди и все середние» и «черный городцкий человек молодчий» (размер штрафа за их «бесчестие» — 50, 5 и 1 руб. соответственно)⁸.

Упоминание в этом перечне «бесчестия» «больших гостей» позволяет ставить вопрос о существовании «меньших» и «средних» гостей и наказаний за их оскорбление, но об этом источник ничего не говорит: вероятно, по каким-то причинам законодатель не изложил все санкции за «бесчестие» для представителей разных групп горожан. Пропел восполняет Судебник 1589 г., где вслед за записью о «бесчестии» «большим гостям» читаем: «А середнему гостю безчестия дватцет рублей. А меньшему гостю безчестия двенадцать рублей»⁹.

Поскольку употребленная здесь терминология («средний гость», «меньший гость»), а также норма штрафа (12 рублей) в памятниках более позднего времени не имеют аналогий, есть все основания полагать, что данный текст передает нормы права, современные Судебнику 1550 г. В равной степени упоминание Судебника о «средних» и «молодших» посадских людях дает основание предполагать существование штрафа за «бесчестие» «лучшим людям».

Охарактеризованные выше постановления неоднократно использовались для показа значительной социальной дифференциации населения русского средневекового города: штраф за «бесчестие» «большого» гостя был в пятьдесят раз больше, чем штраф за «бесчестие» посадского «молодшего» человека. Не оспаривая обоснованности такого вывода, хотелось бы обратить внимание на другую сторону дела. При перечислении разных слоев городского населения законодатель пользуется лишь двумя терминами: «гость» и «посадский» (или городской) человек. Таким образом, обрисовываются как бы два основных слоя городского населения: «гости» и «посадские люди», которые, в свою очередь, распадаются на ряд прослоек: «меньшие», «средние» и «большие» гости, с одной стороны, «молодые», «средние» и «лучшие» посадские люди — с другой.

Ясно, что «гости» стояли на общественной лестнице выше, чем «посадские люди», но текст Судебника не позволяет выяснить, по каким критериям проводилось разграничение между двумя частями торгово-ремесленного населения города. Ответ на этот

⁶ Пронштейн А. П. Великий Новгород в XVI веке. Харьков, 1957, с. 127, 142—143, 145—148, 171—172.

⁷ Носов Н. Е. Русский город и русское купечество в XVI столетии (к постановке вопроса). — Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971.

⁸ Памятники русского права (далее — ПРП), вып. 4, М., 1956, с. 238.

⁹ Там же, с. 419.

вопрос, хотя и неполный, позволяют дать источники иного рода — податные описания русских городов.

Сотная муромского посада 1566 г. рисует картину, во многом сходную с тем, что дает Судебник. Описывая посадские дворы, писцы делят их по степени зажиточности на «лучшие», «средние» и «молодые», но все они описаны в одном разделе, под общим заголовком: «В Муроме посацкие черные тяглые»¹⁰. В то же время «в разных улицах дворы гостиные» описаны в другом разделе документа, отделенном от описания посада описанием «белых дворов»¹¹.

Как будто иначе обстоит дело в описании примерно того же времени казанского посада, где «гостинные дворы» не выделены в особый раздел. Однако, как отметил Н. Д. Чечулин¹², дворы казанских «гостей» описывались писцами по иной форме («двор такого-то», а не «во дворе такой-то»), и в итогах описания дворы «гостей» четко отделены от «посадских добрых и средних и молотчих ...дворов»¹³. При описании подгородных угодий писцы особо описывают луга казанских «гостей» и луга казанских «черных людей»¹⁴. В «Разметном списке» 1546 г. при перечислении дворов в Новгороде Великом составители документа также выделяют как особые группы «гостинные» и «черные дворы»¹⁵. В выписи из писцовых книг Пскова 1559 г. также особо отмечают «в Середнем городе дворы гостиные»¹⁶.

Таким образом, составители податных описей 40—60-х годов XVI в., как и составители Судебника 1550 г., исходят из наличия среди городского населения двух четко отделенных один от другого слоев: «гостей» и прочих горожан, определяемых общим терминном «черные люди».

Одна из причин такого обособления была четко определена составителями писцового описания Казани, отметившими, что «гостинные» дворы «с посацкими людьми не тянут ни во что и оброков никаких не давали»¹⁷. Из этого ясно, что «гости» вносили налог со своих дворов отдельно от «черных людей», но в чем он заключался описание не сообщает, так как данные о платежах с дворов в нем отсутствуют. Этот пробел позволяют восполнить данные других источников.

Так, в описании муромского посада 1566 г. отмечено, что с каждого из «гостинных» дворов в отличие от «черных» должно уплачиваться каждый год на Казенный двор по два «золотых»¹⁸. В выписи из Псковской писцовой книги 1559 г. на двор «гостей» Преподобовых также отмечено, что «гости» «дают с того двора... псковским дьякам по грамоте по два золотых угорских»¹⁹. Совпадение данных, относящихся к городам, расположенным на разных концах России, позволяет предполагать, что перед нами общерусская норма, по которой «гости» должны были со своих дворов платить особый налог золотыми монетами. По-видимому, этот денежный оброк для «гостей» был заменой налогов и отработочных повинностей, лежавших на «черных» дворах, что избавляло «гостей» от необходимости «тянуть» вместе с остальными горожанами.

«Гостинные» дворы облагались по иным нормам и при наложении на городское население чрезвычайных сборов. Так, сохранившаяся в составе упомянутого выше «Разметного списка» 1546 г. царская грамота о сборе «посохи» для похода на Казань определяла, что следует выставить «с гостинных дворов... с двора по человеку... а с черных дворов, с 5 дворов по человеку»²⁰.

¹⁰ Кучкин В. А. Материалы для истории русского города XVI в. (Выписи из писцовых книг г. Мурома 1566 г. и муромская сотная 1573/74 г.). — Археографический ежегодник за 1967 год. М., 1969, с. 299.

¹¹ Там же, с. 298.

¹² Чечулин Н. Д. Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889, с. 245.

¹³ Материалы по истории Татарской АССР. Л., 1932, с. 35.

¹⁴ Там же, с. 53.

¹⁵ Акты Археографической экспедиции (далее — ААЭ), т. I, СПб., 1836, № 205.

¹⁶ Дополнения к актам историческим (далее — ДАИ), т. I, СПб., 1846, с. 224.

¹⁷ Материалы по истории Татарской АССР, с. 13.

¹⁸ Кучкин В. А. Материалы для истории русского города, с. 298.

¹⁹ ДАИ, т. I, № 224.

²⁰ ААЭ, т. I, № 205, с. 184.

Полученные данные могут быть дополнены еще некоторыми наблюдениями. Так, обращение к писцовым описаниям уездов показывает, что в середине XVI в. из русских горожан лишь «гости» выступают в этих источниках как землевладельцы. В Новгородских пятинах в конце XV в. вотчины имелись только у наиболее богатых новгородских «гостей», как Иван Елизаров, Таракановы или Соларевы²¹. В Тверской книге 1548 г., составители которой были особенно внимательны к положению и службам землевладельцев, зафиксированы вотчины всего одной семьи тверских горожан — тверского «гостя» Ивана Клементьева Савина и его родственников²². В писцовой книге Коломенского уезда 1577/78 г. также отмечена лишь одна вотчина, принадлежавшая горожанам, — владение «гостей» Никифора и Ивана Юрьевых детей Петрова²³. Очевидно в первой половине — середине XVI в. уже действовала хорошо известная источникам XVII в. норма права, согласно которой из всех горожан только «гости» имели право приобретать землю, населенную крестьянами.

Одновременно изучение новгородских писцовых книг конца XV в. позволяет выявить в прилегающих к Новгороду погостах Деревской пятины поместья таких новгородских «гостей», как Ф. Л. Боровитинов²⁴, А. Курюков и его братья²⁵, В. Молков²⁶, И. Сырков²⁷, Н. Тараканов²⁸, М. С. Ямской²⁹. Практика выделения «гостям» поместий сохранялась и в последующее время. Например, поместье, принадлежавшее А. Курюкову и его братьям, к 40-м годам XVI в. частично перешло во владение «гостей» следующего поколения — В. А. и Б. С. Курюковых, получивших также и новые поместья³⁰. Такая практика имела место и в других районах Русского государства. Например, в Коломенской писцовой книге 1577/78 г. упоминается бывшее поместье московского «гостя» А. А. Хозникова³¹.

Наличие у них вотчин и поместий, населенных крестьянами, как это уже отмечалось в литературе, сближало «гостей» с господствующим классом Русского государства — дворянством — и отделяло их от остальной массы горожан. При этом следует иметь в виду и другую сторону дела. Поместья — земельные владения, предоставлявшиеся дворянству на условии несения военной службы. Очевидно, что наличие у «гостей» поместий — свидетельство того, что они также должны были нести какие-то особые «службы» в пользу феодального государства. Но об этих «службах» известно мало. Частично речь шла, по-видимому, об осуществлении каких-то обязанностей в собственном городе. Об одной из таких служб узнаем из летописного свидетельства о проведении денежной реформы в Новгороде в 1537 г., когда великий князь «велел... ведати, смотри-ти накрепко делщиков денежных и мастеров своему гостю московскому Богдану Семенову сыну Курюкова с товарищи»³². Возможно, за эту службу Б. С. Курюков и получил свое поместье в Деревской пятине.

Больше известно о тех «службах», которые «гости» выполняли по поручению правительства за границей. Уже в конце XV в. ездившим в Крым и Турцию «гостям» неоднократно давалась на продажу «рухлядь» из великокняжеской казны, а также поручения по закупке разных товаров³³. От первых десятилетий XVI в. сохранился ряд свидетельств о посылках за границу богатых купцов, прежде всего «гостей», со специальными поручениями, подчас вовсе не связанными с торговлей. В 1515 г. Василий III от-

²¹ Пронштейн А. П. Великий Новгород в XVI веке, с. 144—145.

²² Писцовые книги Московского государства (далее — ПКМГ), ч. 1, отд. II. СПб., 1877, с. 286.

²³ Там же, с. 381.

²⁴ Новгородские писцовые книги, т. II. СПб., 1862, стб. 116—117.

²⁵ Там же, стб. 347—348.

²⁶ Там же, т. I. СПб., 1859, стб. 729.

²⁷ Там же, т. II, стб. 118.

²⁸ Там же, т. I, стб. 781.

²⁹ Там же, стб. 707.

³⁰ См. фрагмент писцовой книги Деревской пятины начала 40-х годов XVI в. ЦГАДА, ф. 1209, кн. 17150, лл. 55 об.—57, 259 об.—261.

³¹ ПКМГ, ч. 1, отд. I. СПб., 1872, с. 354, 361.

³² ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 3. Л., 1929, с. 571.

³³ Сыроечковский В. Е. Гости-сурожане, с. 98.

правил с «милостыней» на Афон и в Константинополь «гостей» Копыла Спячего и Варавина³⁴. В конце 30-х годов с посольством Ф. Г. Адашева в Турцию были направлены с «милостыней» в афонские монастыри «гости» Ф. Красухин и И. Кубышка³⁵. Выполнение таких «служб», несомненно, ставило «гостей» в особые отношения с аппаратом государственной власти, что также выделяло их из всей остальной массы горожан. Наконец, есть основания говорить и о наличии у «гостей» особых привилегий в области торговли: в таможенной грамоте 1571 г. содержится упоминание о жалованной грамоте новгородским гостям «в проездех и о всяких государевых пошлинах»³⁶.

Вся совокупность приведенных свидетельств, думается, дает основания для вывода, что «гости» и «черные люди» — это две различные сословные группы в составе торгово-ремесленного населения русского города.

Эти две основные группы горожан не исчерпывали собой сословной структуры посадов. В описании Коломны 1577/78 г. — и в его тексте и в итогах — из общей массы посадских дворов особо выделяются не только дворы «гостей», но и дворы так называемых «суконников»³⁷. «Суконники» упоминаются наряду с «гостями», как особая группа населения Москвы в источниках XIV—XV вв. Разбор этих свидетельств позволил Л. В. Черепнину сделать вывод, что «суконники» — торговцы сукном, как и «гости», принадлежали к социальным верхам городского населения³⁸.

Два более поздних свидетельства (середины XVI в.) позволяют установить некоторые особенности сословного положения «суконников». Первое из них — грамота 1556 г. Троице-Сергиеву монастырю на перешедшей к нему двор «суконника» Л. Слизнева. По этой грамоте двор освобождался от обязанности «тянуть» с «суконниками» «в золотые»³⁹. Таким образом, в отличие от основной массы горожан «суконники», как и «гости», платили подати со своих дворов золотыми монетами. Вместе с тем положение «гостей» и «суконников» не было одинаковым. В царской грамоте 1546 г., определявшей нормы набора людей для участия в казанском походе, предписывалось «с гостинных дворов нарядити с двора по человеку, а с суконничных дворов с дву дворов по человеку»⁴⁰. Эти данные позволяют более точно характеризовать «суконников», как особую сословную группу, занимавшую на иерархической лестнице промежуточное положение между «гостями» и основной массой горожан.

В столице государства наряду с «суконниками» и «гостями» существовала еще особая группа «смолян». Как установил еще С. В. Бахрушин, неоднократные упоминания «смолян — московских жильцов» в источниках XVI в. относятся к смоленским горожанам, переселенным после присоединения в 1514 г. Смоленска в Москву. В приговоре Земского собора 1566 г. представители «смолян» выступают отдельно от представителей других групп населения столицы — «гостей» и «торговых людей москвичей»⁴¹. Летописное известие о том, что Василий III вывел из Смоленска «лучших людей»⁴², позволяет видеть и в «смолянах» особую группу привилегированного купечества. О правильности такого предположения свидетельствует тот факт, что «смоляне» в 70-х годах XVI в. имели свои «тарханные» грамоты, по которым они освобождались от уплаты таможенных пошлин⁴³. Об этом же говорят собранные С. В. Бахруши-

³⁴ Там же, с. 98—99.

³⁵ ПСРЛ, т. XIII, М., 1965, с. 126—127. Сборник Русского исторического общества, т. 59. СПб., 1887, с. 163, 183.

³⁶ ААЭ, т. I, № 282, с. 325; Пронштейн А. П. Великий Новгород в XVI веке, с. 149.

³⁷ ПКМГ, ч. I, отд. I, с. 310.

³⁸ Черепнин Л. В. Указ. соч., с. 418 и сл.

³⁹ Акты исторические (далее — АИ), т. I. СПб., 1841, № 164.

⁴⁰ ААЭ, т. I, № 205, с. 184.

⁴¹ Бахрушин С. В. Научные труды, т. I, с. 162—163; СГГ и Д, ч. I, М., 1813, № 192, с. 553—554. Аргументацию того, что «гости» приговора 1566 г. это — «гости» Москвы см. в моей статье: В. Floria. Skład społeczny soborów ziemskich w państwie Moskiewskim XVI wieku. — «Czasopismo prawnо — historyczne», 1974, № 1, S. 48—51.

⁴² Пековские летописи, вып. 2, М. — Л., 1955, с. 260.

⁴³ ААЭ, т. I, № 223, с. 213.

ным сведения о посылках «смолян» в 60-е годы XVI в. за границу для продажи царской «бологодети». Особенности сословного положения «смолян» источники выявить не позволяют.

Таким образом, устанавливается несколько типов сословной структуры городского населения в Русском государстве XVI в. Один из них представлен столицей страны, где из общей массы горожан выделялись три привилегированные сословные группы. Другой — Коломной, где привилегированный слой посада распадался на «сукольников» и «гостей». Поскольку такие же сословные группы в XIV—XV вв. существовали и в Москве, то второй тип, вероятно, можно считать характерным для городов Московского княжества с конца XIV в. Во всяком случае, в городах, лежащих за его пределами (Казань, Муром, Новгород, Псков), источники не знают «сукольников» как особой сословной группы. Наиболее распространенным следует признать такой тип сословной структуры, когда городское население распадалось лишь на две сословные группы — «гостей» и «черных людей». Это было свойственно для городов, расположенных в разных районах страны.

Наконец, в Русском государстве первой половины — середины XVI в. был и ряд городов — сравнительно крупных центров ремесла и торговли, где все население состояло из «черных людей», отличавшихся друг от друга лишь степенью своей зажиточности. Здесь можно назвать Торопец⁴⁴, Серпухов⁴⁵ и другие. Из этого, однако, нельзя заключить, что особые группы привилегированного купечества имелись лишь в немногих наиболее крупных городах страны. Приведенные данные показывают наличие таких особых групп, по крайней мере, в 7 городах (Москва, Коломна, Муром, Новгород, Псков, Тверь, Казань). К ним с известным основанием можно прибавить те «верховские города», откуда были «сведены» в Казань «гости» Казанской писцовой книги 1565/66 г. — Вологду, Рязань, Великие Луки⁴⁶, а также Дмитров⁴⁷. И это, конечно, не исчерпывающий список.

Численные соотношения между сословными группами и их размер заметно варьировали в различных центрах.

Для наиболее крупных городов типичны те соотношения, которые приводит для Новгорода «Разметный список» 1546 г. — 234 «гостиных» и 3968 «черных» дворов⁴⁸. Дворы высшего привилегированного слоя горожан составляли здесь примерно $\frac{1}{17}$ часть посадских дворов. Аналогичные соотношения были, по-видимому, и в Пскове, где верхний слой посада во втором десятилетии XVI в. составляли «гости сведенные москвичи з десяти городов 300 семей»⁴⁹.

Несколько иные соотношения видим в менее крупных центрах юго-востока государства. Так, в Казани, по писцовому описанию 1565/66 г., насчитывалось 20 «гостиных» и 600 «черных» дворов⁵⁰, а в Муроме того же времени на 645 «черных» дворов приходилось всего 8 «гостиных»⁵¹. В городах такого масштаба привилегированный слой составлял лишь несколько процентов дворов, а в абсолютных размерах это была совсем небольшая группа людей. Но малочисленная верхушка занимала, однако, важные позиции в хозяйственной жизни города. По подсчетам Н. Д. Чечулина, 16 казанским гостям принадлежало 60 лавок, т. е. 15% всех торговых заведений на казанском торгу⁵².

⁴⁴ Торопецкая писцовая книга 1540 года. — Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1964, с. 278—287.

⁴⁵ Симсон П. Ф. История Серпухова. М., 1880, с. 311—334.

⁴⁶ О происхождении казанских гостей см. Чечулин Н. Д. Указ. соч., с. 245.

⁴⁷ Во вкладной грамоте А. Ф. Долгово 1551 г. на двор в Дмитрове этот двор определен как «место гостиное белое». — Обзор грамот Коллегии экономии, вып. 3. М., 1912, с. 10.

⁴⁸ ААЭ, т. I, № 205.

⁴⁹ Псковские летописи, вып. 1. М.—Л., 1941, с. 97. Из описаний торгового дела в Новгороде и Пскове 80-х годов XVI в. видно, что количество лавок в обоих городах было примерно одинаковым. То же, видимо, можно сказать и о численности населения в них.

⁵⁰ Материалы по истории Татарской АССР, с. 35.

⁵¹ Кучкин В. А. Материалы для истории русского города, с. 298, 304.

⁵² Чечулин Н. Д. Указ. соч., с. 246.

Очень сложен вопрос о размерах отдельных сословных групп в составе самого крупного русского города — Москвы. В распоряжении исследователей имеются лишь весьма разноречивые свидетельства нарративных источников о размерах посада, а также данные приговора Земского собора 1566 г., на котором присутствовало 12 «гостей», 41 «москвичей торговых людей» и 22 «смоляннина»⁵³. Думать, что на собор была вызвана вся привилегированная городская верхушка столицы нет оснований, ибо в таком случае оказалось бы, что по своим размерам (75 чел.) она значительно уступала посадской верхушке Новгорода и Пскова (200—300 семей), что представляется маловероятным. Кроме того, остается неясным, какая часть населения обозначена здесь термином «торговые люди москвичи». Для более мелких городов Московского княжества показательны те соотношения, которые обнаруживаются при анализе ретроспективных указаний Коломенской писцовой книги 1577/78 г. До разорения посада татарами и морового поветрия на коломенском посаде насчитывалось, по-видимому, не менее 650 «черных», 5 «гостиных» и 13 «суконничьих» дворов⁵⁴.

Каждая из привилегированных сословных групп, по крайней мере, в наиболее крупных центрах, обладала своей особой организацией: в Новгороде Великом первой половины XVI в. наряду с территориальными объединениями «черных людей» — «концами» и «улицами» во главе с уличацкими и кончанскими старостами — существовала также особая организация «гостей» с «большим» или «купеческим» старостой⁵⁵. Аналогичные порядки были и в Пскове: псковские «купеческие» старосты неоднократно упоминаются в договорах Пскова с Ливонским орденом первой половины XVI в.⁵⁶ Косвенные данные о наличии особой организации у московских «гостей» выявлены В. Е. Сыроечковским⁵⁷. Что же касается самостоятельной организации московских «сукольников», то ее существование в середине XVI в. — бесспорный факт⁵⁸.

Следует теперь выяснить: объединялись ли эти организации в рамках единой городской общины и каков мог быть тип взаимоотношений между ними?

Из собранных А. П. Пронштейном данных ясно, что у «черных людей» Новгорода первой половины XVI в. отсутствовали какие-либо формы общегородской организации. Этот факт можно сопоставить с тем, что известно о сфере компетенции «купеческих старост». Так, сохранилась грамота от 3 марта 1556 г. с описанием процедуры «вынимания корчемного питья» на новгородском посаде, т. е. выявления нарушителей государственной питейной монополии. Обследование дворов производил «староста большой Алексей Сырков», а с ним «староста улитцкой да посадские люди»⁵⁹. Очевидно, что «большой староста» — главное лицо, осуществляющее борьбу с нарушителями, которыми могли быть лица разного сословного положения, а его власть (в сотрудничестве с уличацкими старостами) распространяется на всю посадскую общину. Известна также грамота, отправленная в декабре 1555 г. в Псков и адресованная представителю великокняжеской администрации в городе дьяку Ш. Билибину и псковским старостам Б. Ковыршу и С. Мизнову, о наборе среди горожан каменщиков и посылке их в Казань⁶⁰. Видимо, на старост возлагалась ответственность за выполнение этого распоряжения, а поскольку каменщики явно не принадлежали к числу псковских «гостей», то ясно, что и в этом случае власть старост распространялась на все посадское население Пскова. И, наконец, еще один документ — наказная память 1552 г. А. Берсеневу и

⁵³ СГГ и Д, ч. I, с. 553—554.

⁵⁴ ПКМГ, ч. I, отд. I, с. 310.

⁵⁵ Пронштейн А. П. Великий Новгород в XVI веке, с. 161—166, 171—172.

⁵⁶ См., напр., Русско-ливонские акты. СПб., 1868, с. 367, 375.

⁵⁷ Сыроечковский В. Е. Гости-сурожане, с. 38—39.

⁵⁸ Бахрушин С. В. (Научные труды, т. I, с. 49) указал на то, что царская грамота 1556 г. на перешедший к Троице-Сергиеву монастырю двор «суконого тягла» освобождала монастырь от обязанности «тянуть» «с суконичим старостою и с тяглецы» (АИ, т. I, № 164). В одной из грамот 50-х годов (ГБЛ, ОР, Тр. кн. 530, л. 29) фигурирует как топографический ориентир двор «старосты Федора Лукьянова суконичих дворов» в Китай-городе.

⁵⁹ ДАИ, т. I, с. 152.

⁶⁰ Там же, с. 136.

Х. Тютину о надзоре за нравственностью духовенства и населения Москвы⁶¹. А. Берсенева — здесь представитель великокняжеской администрации (городовой приказчик?). Другое лицо, ответственное за выполнение наказа, — Хозяин Юрьевич Тютин, богатый купец, который в середине 50-х годов стал казначеем великого князя. Почему же на него была возложена такая ответственность? Сопоставив документ с двумя предшествующими, думается, можно с полным основанием присоединиться к предположению В. Д. Назарова⁶², что Тютин был «старостой» московских «гостей»; власть которого распространялась на все посадское население Москвы. Такой порядок не был нововведением середины XVI в., так как аналогичная пара лиц, ответственных за порядок в столице — сын боярский Дмитрий Волинский и Алексей Хозников из рода известных московских «гостей» — фигурирует уже в летописном рассказе 1533 г.⁶³

Эти наблюдения следует сопоставить с описанием организации суда в Новгороде в 1518 г.: из «улиц» — организаций «черных людей» было выбрано 48 «лучших людей», которые должны были судить различные дела вместе с «тиунами» новгородского наместника, сменяясь «по 4 на всяком месяце». Одновременно купеческий староста был уполномочен «судити с наместники»⁶⁴.

Пост новгородского наместника занимали крупнейшие представители русской аристократии в ранге бояр, а тиуны назначались наместниками из числа своих людей, чаще всего — холопов, и их суд был судом низшего типа по сравнению с судом самого наместника. В суде низшей инстанции сидели представители «черных людей», а в суде высшей инстанции, решавшем более важные дела, — купеческий староста, как лицо, стоявшее во главе посадской общины. Такой порядок сохранялся и позднее: в царской грамоте 1555 г. упоминается об обязанности старосты «быти» в суде «у наших наместников»⁶⁵.

Представляется, что аналогичная структура суда существовала и в других городах, прежде всего в Москве. Такое предположение позволяет объяснить тот факт, что «в суде» у московского тиуна в середине XVI в. находим исключительно рядовых ремесленников⁶⁶.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что сословные группы торгово-ремесленного населения русского города при существенных различиях в их положении образовывали тем не менее одну городскую общину, управление которой находилось в руках купеческих старост.

К сожалению, отсутствие источников, созданных в среде самого торгово-ремесленного населения, не позволяет раскрыть, в каких конкретных формах это управление осуществлялось. Имеющиеся материалы характеризуют прежде всего важную роль старост в системе государственного управления городами. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что новгородские купеческие старосты в 50-х годах XVI в. получали от государства денежное жалованье — 50 руб. в год и поместье⁶⁷. Указания на наличие подобного порядка обнаруживаются и в псковских материалах. Составитель так называемого псковского свода 1547 г., говоря о «старостах московских», т. е. «старостах» переселенных в Псков московских гостей, отметил, что «и деревни им даша»⁶⁸. В Псковской писцовой книге 1585/86 г. отмечены «пожни» за рекой Псковой, «что были за большими старосты»⁶⁹. Наконец, в архиве Пятницкого с броду монастыря сохранилась расписка о выплате с монастырских имений в одной из псковских «губ» налога на уплату «старост больших жалованья»⁷⁰.

⁶¹ ЦГАДА, ф. 197, А. Ф. Малиновского, портф. 3, № 58.

⁶² Назаров В. Д. Из истории центральных государственных учреждений России середины XVI века. — «История СССР», № 3, 1976, с. 93—94.

⁶³ ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 3, с. 556.

⁶⁴ Там же, с. 540.

⁶⁵ ДАИ, т. I, с. 139.

⁶⁶ См. правые грамоты московских тиунов 1542 г. и 1547 г. — Акты юридические, СПб., 1838, с. 49, 55.

⁶⁷ ДАИ, т. I, с. 139.

⁶⁸ Псковские летописи, вып. I, с. 96.

⁶⁹ Сборник Московского архива Министерства юстиции, т. V. М., 1913, с. 4.

⁷⁰ ГБЛ, ОР, Муз. собр., № 10974/9.

Таким образом, деньги на жалование старостам взимались государством не обязательно из поступлений с городов.

В этих действиях нельзя не видеть явной тенденции правительственной политики ближе связать со своими интересами «верхушку» гостей и превратить находящиеся в ее руках органы городского самоуправления в свое послушное орудие.

Описанная здесь сословная структура городской общины и организация ее органов управления претерпели глубокие изменения после «сводов» второй половины XVI в.

Вопросу о «сводах» второй половины XVI в. уделил в своих работах значительное внимание С. В. Бахрушин. Мобилизовав богатый материал, он сумел показать, что «своды» второй половины XVI в. были явлением, глубоко затронувшим не только жизнь Москвы, но и многих других русских городов. К сожалению, исследователь частично обесценил свои важные наблюдения, объединив в одно целое все случаи «сводов», практиковавшиеся русским правительством на протяжении конца XV — начала XVII в.⁷¹ Между тем собранный им материал позволяет говорить, что на протяжении этого времени мы имеем дело с тремя различными видами «сводов».

Во-первых, это переселение в Москву на постоянное или на временное жительство из провинциальных городов отдельных особо искусных в том или ином ремесле мастеров⁷². Такая практика была, по-видимому, повседневным явлением на протяжении всего рассматриваемого периода. Так, сведения, собранные составителями писцового описания Новгорода начала 80-х годов XVI в. о владельцах запустевших дворов, показывают, что между 1564 и 1578 гг. почти не было такого года, когда кого-либо из новгородских ремесленников не переселяли бы в Москву.

Во-вторых, это осуществленные в конце XV — первой четверти XVI в. «своды» богатой городской верхушки из западных русских городов после их присоединения к Русскому государству. Переселенцы размещались в Москве и других городах центра страны, а им на смену переселялись богатые купцы с основной территории государства⁷³. Сугубо политическая цель этих переселений в настоящее время не вызывает сомнений у исследователей.

В-третьих, это — «своды» второй половины XVI в., которые, по крайней мере, в двух отношениях отличались от «сводов» более раннего периода. Все переселенцы из провинциальных городов направлялись исключительно в центр страны — Москву, и этому переселению не сопутствовало перемещение столичного населения в провинциальные посады.

К сожалению, о цели переселения провинциальных горожан в Москву имеется лишь одно определенное свидетельство в записках Дж. Горсея, английского купца и дипломата. Он указывает, что после набега татар в 1571 г. и пожара Москвы, в котором погибла значительная часть населения города, царь «выпустил указ об очистке, отстройке и заселении города Москвы», а затем «послал собрать зажиточных купцов, ремесленников и торговцев со всех городов и мест своего государства, чтобы отстроить и заселить столицу»⁷⁴. Из этого свидетельства следуют два вывода: 1) имел место лишь один «свод» горожан в Москву, но очень больших размеров, охвативший всю страну; 2) причиной «свода» было стремление правительства возместить ущерб, нанесенный столице.

⁷¹ См. его главы о Москве XVI в. в *Истории Москвы* (т. I, М., 1952) и особенно раздел о сводах в очерке «Москва, как ремесленный и торговый центр XVI века». — Бахрушин С. В. *Научные труды*, т. I, с. 161—165 и с. 134.

Подобная неточность допущена и Н. Е. Носовым, предпринявшим в последнее время попытку заново пересмотреть известный материал о «сводах» (см. Носов Н. Е. *Русский город и русское купечество в XVI столетии*, с. 163—167).

⁷² Бахрушин С. В. *Научные труды*, т. I, с. 165.

⁷³ Бернадский В. Н. *Новгород и Новгородская земля в XV веке*. М. — Л., 1961, с. 336 и сл.; Масленникова Н. Н. *Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству*. Л., 1955, с. 88—89, 102—103, 115—117; Зимин А. А. *Россия на пороге нового времени*. М., 1972, с. 167.

⁷⁴ Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории. М., 1974, с. 94, 96.

Сообщения Горсея следует сопоставить с теми сведениями о «сведенцах», которые содержатся в русских источниках. В документах 1571—1586 гг. упоминаются сведенцы следующих русских городов⁷⁵: на русском Севере это — двинские посады⁷⁶, Соль Камская, Устюг, Белоозеро⁷⁷; в западных областях России — Новгород, Псков, Торжок⁷⁸, а также Ржев, Великие Луки⁷⁹, Вязьма, Белая⁸⁰ и Смоленск⁸¹; в западной части Замосковского края — Тверь и Старица, на юг от Москвы — Коломна⁸² и Муром⁸³; в Поволжье — Балахна и Ярославль.

Кроме того, имеются точно не датированные и, возможно, также относящиеся к этому периоду упоминания «сведенцев» из Каргополя⁸⁴, Суздаля⁸⁵, Можайска⁸⁶.

Данная сводка материалов позволяет прийти к двум основным выводам.

Во-первых, «своды» в Москву были по-настоящему общерусским мероприятием: в столицу переселялись горожане из провинциальных посадов, расположенных во всех основных районах страны (нет сведений лишь о городах южной и юго-западной части государства).

Во-вторых, ясно, что все эти переселения произошли ранее середины 80-х годов XVI в., скорее всего, в правление Ивана IV. Обращение к наиболее ранним сообщениям о «сведенцах» позволяет внести в последний вывод уточнения.

Самое раннее из них — упоминание о «новоторжском сведенце» относится к 7079 г. Следовательно, вывод из Торжка имел место не позднее сентября 1571 г. Октябрем 1571 г. датируется время выезда «сведенных» на Москву новгородских гостей⁸⁷. К промежутку между сентябрем 1571 и августом 1572 г. относится документ с упоминанием «тверитина веденца московского»⁸⁸. Ноябрем 1573 г. датировано первое упоминание о «двинском переведенце»⁸⁹. Наконец, временем с сентября 1573 по август 1574 г. датированы описание муромского посада с его упоминаниями о «сведенцах» (см. выше), акт о передаче «московским жильцом» М. Зелениным Троице-Сергиеву монастырю двора в Запсковье⁹⁰ и, наконец, акты обмена дворами на Белоозере между Кирилло-Белозерским монастырем и «московским жильцом» Л. Ферапонтовым⁹¹. Таким образом, уже в первой половине 70-х годов в столицу были «сведены» горожане из самых разных районов России. Г. Штаден, покинувший Россию в середине 70-х годов, писал, что

⁷⁵ Ссылки на документы приводятся в дальнейшем лишь в тех случаях, когда соответствующий материал отсутствует в исследовании С. В. Бахрушина.

⁷⁶ Савич А. А. Соловецкая вотчина XVI—XVII вв. Пермь, 1927, с. 97; Сборник грамот Коллегии экономии, т. I, Пг., 1922, №№ 214, 219, 231, 284; Архив ЛОИИ, собр. Актов Археографической комиссии, № 342. Фигурирующий во всех этих документах термин «двинской сведенец» (или «переведенец») не позволяет дать конкретный перечень двинских посадов, подвергшихся «своду».

⁷⁷ Барашкова В. С. Из истории хозяйственной деятельности и быта посадского населения г. Белоозера в XVI веке. — «История СССР», 1975, № 2, с. 121—122.

⁷⁸ См. ЦГАДА, ф. 181, № 141, л. 85 об.: «Лета 7079 году дал в Осифов монастырь Иродион Павлов сын сведенец новоторжской, а живет на Москве, 60 рублей».

⁷⁹ ПКМГ, ч. I, отд. I, с. 157—158 (гость Василий Карл, луцкий сведенец).

⁸⁰ См. упоминание в приходе-расходной книге Чудова монастыря в записи от 28 февраля 1586 г. «бельского сведенца» С. Гончарова. — ЦГАДА, Собр. Мазурин, № 273, л. 153 об.

⁸¹ «Русская историческая библиотека» (далее — РИБ), т. 37, Пг., 1923, стб. 15.

⁸² «Веденцы» в описании Коломны 1577/78 г. — ПКМГ, ч. I, отд. I, с. 316—317.

⁸³ «Веденцы» в сотной муромского посада 1573/74 г. — Кучкин В. А. Материалы для истории русского города, с. 304, 305, 310.

⁸⁴ См. недатированную запись во вкладной книге Соловецкого монастыря конца XVI в.: «на Москве сведенец каргополец Павел Зиновьев дал вкладу 5 рублей» (Архив ЛОИИ, Колл. актовых книг, ф. 2, № 125, л. 148).

⁸⁵ Род «Тихона пятинна суздальского веденца» в Симодике Успенского собора XVI в. (ГИМ ОР, Усл. собр., № 64, л. 312 об.).

⁸⁶ ПКМГ, ч. I, отд. I, с. 628, 630—632.

⁸⁷ ПСРЛ, т. XXX, М., 1965, с. 159.

⁸⁸ Овсянников Н. Н. Тверь в XVII веке. Тверь, 1889, с. 78.

⁸⁹ Савич А. А. Соловецкая вотчина XVI—XVII вв., с. 97.

⁹⁰ ГБЛ, ОР, Тр. кн., № 532, л. 14.

⁹¹ Обзор грамот Коллегии экономии, вып. I, М., 1900, с. 25—26.

в Москве «живут только торговые люди, набранные из других городов»⁹². Совпадение этих свидетельств — серьезный аргумент в пользу достоверности сообщения Горсея.

Итак, можно констатировать, что очень важный шаг в политике русского правительства по отношению к городам был предпринят не как результат следования какой-либо заранее намеченной линии, а как чрезвычайная мера, вызванная критическим положением столицы после событий 1571 г. Эта чрезвычайная мера имела, однако, весьма значительные последствия. С. В. Бахрушин показал на обширном материале, что в 70—80-х годах XVI в. имел место «свод» в Москву прежде всего «наиболее состоятельных и предприимчивых групп купечества»⁹³. Между тем наиболее состоятельные группы купечества в русском городе XVI в. практически совпадали с привилегированными прослойками «гостей» и «суконников». Тем самым «своды» должны были наиболее остро затронуть именно эти слои. К каким результатам это приводило на практике, можно показать на нескольких примерах.

Так, в Муроме к 1573/74 г. из 8 «гостиных» дворов 6 стояли пустыми, а в двух оставшихся, как отмечено писцами, жили не сами гости, а их «люди» и «дворники»⁹⁴. В Коломне к 1577/78 г. дворы «суконников» в коломенском кремле были «по государеве грамоте» розданы под «осадные» дворы местным детям боярским. В момент описания посада писцы отметили здесь лишь два «гостиных» двора и один двор «суконичь»⁹⁵. В Новгороде в 1571 г. с Торговой стороны города было «сведено» в Москву 60 семей «гостей»⁹⁶, а в начале 80-х годов, описывая Торговую сторону, писцы насчитали здесь 59 дворов, которые некогда были «гостиными»⁹⁷. Ясно, что новгородские «гости» были выведены в Москву все поголовно.

Таким образом, верхний привилегированный слой горожан в провинциальных посадах после «свода» 70-х годов фактически перестал существовать: кое-где сохранились отдельные дворы, владельцы которых, естественно, не могли выполнять тех функций, которые ранее ложились на купеческие организации.

Одним из результатов такого положения было исчезновение института купеческих старост. В Новгороде во главе посадской общины становится новый орган — коллегия пятиконечных старост: выборных представителей пяти «концов» — территориальных объединений «черных людей». Уже в 1574 г. пятиконечным старостам были направлены распоряжения о сборе с новгородского посада кормов для молдавского воеводы Богдана⁹⁸. Если «купеческие старосты» все принадлежали к элите новгородского купечества, то среди пятиконечных старост встречаем, например, мясника⁹⁹. Быстро исчезли «купеческие старосты» и в Пскове. Об этом говорит формулировка относящегося к 1574 г. документа о выплате денег «за старост больших жалованье» (вместо: «старостам большим на жалованье») — явное свидетельство того, что, если сам сбор и сохранился, то средства расходовались уже по другому назначению. В описании псковского торгового посада середины 80-х годов также отмечено, что, если ранее пошлину за пользование «гостиными дворами» собирали «старосты большие» и они же выплачивали жалованье дворникам, то теперь этим ведают «люди» наместника¹⁰⁰.

Наряду с этим писцы, описывавшие в 1573/74 г. муромский посад, особо выделили имевшиеся в городе «гостиные» дворы, снова отметив, что с них идет на Казенный двор особый налог золотыми¹⁰¹. В описании Коломны 1577/78 г. дворы «гостей» и «суконников» также выделены в особую рубрику — отдельно от «черных» дворов¹⁰², а владельцы одного из них, братья Никифор и Иван Петровы, при описании их вотчины

⁹² Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Л., 1925, с. 67.

⁹³ Бахрушин С. В. Научные труды, т. I, с. 162.

⁹⁴ Кучкин В. А. Материалы для истории русского города, с. 308.

⁹⁵ ПКМГ, ч. I, отд. I, с. 310.

⁹⁶ ПСРЛ, т. XXX, с. 159.

⁹⁷ Майков В. В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911, с. 217—222.

⁹⁸ ЦГАДА, ф. 68, Сношения России с Молдавией и Валахией, 1574 г., № 2.

⁹⁹ См. РИБ, т. 32, Пг., 1915, № 324.

¹⁰⁰ Сб. МАМЮ, т. V, с. 14—15.

¹⁰¹ Кучкин В. А. Материалы для истории русского города, с. 308—309.

¹⁰² ПКМГ, ч. I, отд. I, с. 310, 313.

названы «коломенскими гостями»¹⁰³. Лица, описывавшие в начале 80-х годов новгородский посад, выделили и перечислили отдельно даже те дворы, которые ранее были «гостиными»¹⁰⁴. С юридической точки зрения посадские общины провинциальных городов продолжали оставаться многословными, хотя на практике число лиц, пользовавшихся особыми правами, стало совершенно незначительным. В таком положении многое зависело от того, примет ли правительство меры для пополнения верхних привилегированных слоев посада или избереет иное решение.

О курсе, выбранном правительством, дает известное представление описание новгородского посада середины 80-х годов XVI в. В нем видны следы усилий правительства замедлить разорение новгородского посада, положение которого в 80-х годах было почти катастрофическим. С этой целью в Новгород были не только переселены горожане из близких городов и погостов (Валдай, Тихвин, Боровичи)¹⁰⁵, но и возвращена группа жителей, ранее «выведенных» в Москву¹⁰⁶. Всего в имеющемся фрагменте писцовой книги насчитывается свыше 60 таких «приведенцев». Характерно, однако, что все эти переселенцы — ремесленники, среди них есть лишь два купца¹⁰⁷.

Таким образом, правительство не сочло нужным пополнить верхний привилегированный слой новгородского посада, вернув хотя бы часть выведенных из него «гостей». Одновременно, писцы покончили с сохранявшейся еще в начале 80-х годов юридической фикцией, внося в свой реестр бывшие дворы «гостиной сохи», как обыкновенные тяглые дворы, ничем не выделяя их из общего описания. Так, в середине 80-х годов при активном участии правительства исчезают даже признаки существования в провинциальных посадах особого привилегированного слоя городского населения. С этого времени посадская община окончательно приобретает характер той однословной организации тягловцев, которая хорошо известна по источникам более позднего времени.

Параллельно с этими переменами шел сложный процесс перестройки сословной структуры московского посада. К сожалению, лишь в самых общих чертах и отчасти предположительно можно проследить судьбу старых сословных групп населения Москвы и особых сословных групп в составе «сведенцев» в процессе возникновения тех новых сословных организаций, из которых затем складывался московский посад вплоть до начала XVIII в.

В составе населения Москвы конца XVI—XVII в., кроме «черных людей», исследователи давно уже зафиксировали три особые сословные группы. Их положение хорошо изучено по источникам XVII в.¹⁰⁸ Мы коснемся его лишь в той мере, чтобы выяснить отличия от положения привилегированных групп предшествующего периода и оценить происшедшие изменения.

Первая группа — «гости». От московских «гостей» предшествующего периода их отличают две важные черты. Во-первых, их очень мало: на Соборе 1598 г. об избрании Бориса Годунова «гостей» присутствовало 21¹⁰⁹, в середине XVII в. их было 13¹¹⁰. Во-вторых, никаких намеков на наличие у «гостей» особой организации нет в источниках конца XVI—XVII в. Что касается их сословного статуса, то сопоставление данных Судебника 1550 г. с «Соборным уложением» показывает, что «гости» конца XVI—XVII вв. приравнивались к «большим гостям» первой половины XVI в.: и тем, и другим штраф за «бесчестье» устанавливался в 50 руб.¹¹¹ Сохранили за собой «гости» конца XVI — начала XVII в., как известно, и другие привилегии «гостей» более раннего периода, в том числе такую важную, как право владеть землей с крестьянами. Но если ранее эти-

¹⁰³ ПКМГ, ч. I, отд. I, с. 381.

¹⁰⁴ Майков В. В. Указ. соч., с. 217—222.

¹⁰⁵ Греков Б. Д. Опись Торговой стороны в писцовой книге по Новгороду Великому XVI в. СПб., 1912, с. 42, 44, 46, 52, 70—71 и др.

¹⁰⁶ Там же, с. 36—37, 39, 57, 59 и др.

¹⁰⁷ Там же, с. 46.

¹⁰⁸ См. Очерки истории СССР. XVII век. М., 1955, с. 209—212.

¹⁰⁹ ААЭ, т. II. СПб., 1836, с. 45.

¹¹⁰ ДАИ, т. III, с. 159.

¹¹¹ Ср. ст. 26 Судебника 1550 г. и ст. 94 10 главы «Соборного уложения». — ПРП, вып. 6. М., 1957, с. 90.

ми правами обладал большой слой городского населения России, то теперь они предоставлены лишь узкой группе лиц.

Сведения о размерах этой группы позволяют с уверенностью утверждать, что в ее состав попали очень немногие из числа московских «гостей» и «гостей», переведенных в Москву из провинциальных городов (из одного Новгорода было взято 100 семей). Те, кому это не удалось, вошли, по-видимому, в состав новой, возникшей в эти годы организации — «гостиной сотни». (Это предположение позволяет объяснить название данной организации.) Как указал С. В. Бахрушин¹¹², она уже существовала в середине 80-х годов XVI в.¹¹³

Штраф за «бесчестье» «лучшим людям» «гостиной сотни» был определен такой же, как «середним гостям» Судебника 1589 г. — 20 руб., но в источниках члены этой организации называются не «гостями», а «торговыми людьми», вероятно, потому, что им не было предоставлено тех прав и привилегий, которыми пользовались «гости» более раннего времени, например, права владеть землей с крестьянами. Другая организация привилегированного московского купечества — «суконная сотня», видимо, возникла в результате слияния в одну группу московских «суконников» и «суконников» из других городов. Такое предположение удачно объясняло бы тот факт, что «гостиная» сотня по своим размерам была значительно больше «суконной»¹¹⁴; как видно из вышеизложенного, особая прослойка «суконников» существовала лишь в немногих городах. В состав этих двух организаций, очевидно, вошли и члены корпорации московских «смолян».

На иерархической лестнице торговые люди «суконной сотни» стояли ниже, чем торговые люди «гостиной сотни»¹¹⁵, но объем прав и привилегий членов обеих этих организаций был почти идентичным¹¹⁶. Они заключались в освобождении торговых людей от уплаты проезжих пошлин, а также от ряда повинностей, лежавших на дворах простых горожан (постой, поставка подвод на ямы и т. д.), и вообще от несения какого-либо «тягла» вместе с «черными людьми» Москвы («с черными сотнями никаких дел не делать и не тянуть ни в чем»). Кроме того, устанавливалась их исключительная подданность царю или его казначею.

Частично эти привилегии, несомненно, восходят к предшествующему периоду, когда «гостей» в Москве и в провинциальных городах освобождали от несения «тягла» вместе с «черными людьми». Теперь, однако, грань, отделявшая привилегированные группы от остального населения посада, была гораздо более резкой: ранее разные сословные группы все же объединялись в рамках единой городской общины, а в Москве конца XVI—XVII вв. такая единая организация не существовала. Тем самым московские привилегированные «сотни» оказались ничем не связанными с объединениями других слоев горожан, а особые, присущие только им, права и привилегии противопоставляли их не только московскому посаду, но и всему остальному городскому населению страны.

Как указал уже С. В. Бахрушин, переселенные в Москву провинциальные купцы сохраняли за собой дворы, лавки и «промыслы» в тех местах, откуда они происходили¹¹⁷. Поэтому для полного выяснения сословного статуса привилегированного московского купечества необходимо установить, распространялись ли предоставленные ему права и привилегии на имущество, находившееся за пределами столицы. Интересные данные для решения этого вопроса собрал Ю. А. Тихонов, который показал, что уже в конце XVI в. промыслы «сведенцев» на местах по решению правительства облагались

¹¹² История Москвы, т. I, с. 181.

¹¹³ См. документ с упоминанием «торгового человека гостиной сотни» от 1585/86 г. — Забелин И. Е. Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы, ч. 2. М., 1891, стр. 609.

¹¹⁴ При царе Федоре в «гостиной» сотне было 350 чел., в «суконной» — 250 чел. — ДАИ, т. III, с. 159.

¹¹⁵ По «Соборному уложению» штраф за «бесчестье» «лучшим людям» «гостиной сотни» составлял 20 руб., а «суконной» — 15 руб. (ПРП, вып. 6, с. 90).

¹¹⁶ См. грамоту «торговому человеку» гостиной сотни 1606 г. (ААЭ, т. II, № 49), жалованную грамоту суконной сотне 1620 г. (Забелин И. Е. Указ. соч., т. II, стр. 1105 и сл.) и жалованную грамоту «гостиной сотне» 1649 г. (ДАИ, т. III, № 44).

¹¹⁷ Бахрушин С. В. Научные труды, т. I, с. 161—165.

повышенными таможенными пошлинами как принадлежавшие «иногородцам». Такой линии правительство последовательно придерживалось и в дальнейшем. Даже в 30-х годах XVII в. попытки переведенного в Москву тотемского солепромышленника И. Харламова добиться того, чтобы с соли, добытой на его варницах, не взимались повышенные пошлины, остались безрезультатными¹¹⁸.

Эти наблюдения Ю. А. Тихонова следует сопоставить с постановлениями 34 ст. XIX главы «Соборного уложения», которые отражали, вероятно, более раннюю традицию. В этой статье провинциальным купцам, «написанным в гостиную и суконную сотню», которым «велено жити на Москве», предписывалось продать свои дворы и «промыслы» местным горожанам, в противном случае они будут нести с них тягло наравне с «черными людьми»¹¹⁹.

Таким образом, правительство сознательно ставило «сведенцев», не желавших расстаться со своим имуществом на местах, в неполноправное положение, побуждая их тем самым к ликвидации своей собственности в городах, откуда они происходили. Неудивительно, что в таких условиях, например, в Новгороде начала 80-х годов дворы «сведенных» гостей либо стояли заброшенными, либо в них селились новгородские ремесленники¹²⁰, а при описании новгородского торгового писцы зафиксировали лишь одну лавку, принадлежавшую сведенному «гостю» (Василию Ямскому), да и то пустую¹²¹.

Мотивы такой политики правительства станут понятны, когда мы обратимся к рассмотрению следующего важного отличия в положении привилегированного купечества Москвы по сравнению с его положением в предшествующий период. Как отмечалось выше, привилегированное купечество конца XV — первой половины XVI в. несло определенные «службы» в пользу государства. Но те службы, о которых нам известно, не были регулярными и вполне могли совмещаться с обычной торговой деятельностью (например, поездки за границу для продажи казенных товаров). Показательно, что для конца XV и первой половины XVI в. нет бесспорных свидетельств о «службе гостей» в органах финансового управления, занимавшихся сбором торговых пошлин. И это не случайно — в первой половине XVI в. сбор пошлин, как правило, отдавался на откуп¹²². В этих условиях привлечение «гостей» на службу в государственный финансовый аппарат не могло получить широкого распространения, а сама эта служба, вероятно, не затрагивала всех «гостей» в обязательном порядке. Привлечение «гостей» к этим службам составляло важную, но все же не главную черту их сословного статуса. С 80-х годов XVI в. положение изменилось.

Гости и торговые люди гостинной и суконной сотен конца XVI—XVII в. получали свои особые права и привилегии лишь на условии обязательной службы в финансовых органах государственного аппарата (продажа казенных товаров, сбор торговых пошлин и т. д.). Эта служба, как уже давно установлено исследователями, была тяжелой принудительной повинностью, которая падала на всех представителей привилегированных слоев, и требовала их частого отрыва от торговой деятельности на длительные сроки (иногда до года и выше), т. е. занимала в их жизни не меньшее место, чем основные занятия. К этому следует добавить, что лишь успешное выполнение службы гарантировало сохранение сословного и имущественного положения и продвижение вверх по иерархической лестнице: по свидетельству и «Соборного уложения» и Г. Котошихина,

¹¹⁸ Тихонов Ю. А. Таможенная политика Русского государства с середины XVI в. до 60-х годов XVII в. — «Исторические записки», кн. 53, М. — Л., 1955, с. 263.

¹¹⁹ ПРП, вып. 6, с. 313.

¹²⁰ Сыроечковский В. Е. Гости-сурожане, с. 114—116.

¹²¹ Лавочные книги Новгорода Великого. Под ред. С. В. Бахрушина. М., 1930, с. 17.

¹²² О широкой отдаче на откуп торговых пошлин в Новгороде и новгородских пригородах см. документы Новгородской «грамотной» книги 1554—1556 гг. (ДАИ, т. I, с. 70—71, 80—81, 132—133 и др.). О распространении такой практики говорят и тексты таможенных грамот — все документы этого типа, составленные между 1497 и 1560 гг. представляют собой акты, оформляющие отдачу пошлин на откуп. (Перечень этих грамот см. Николаева А. Т. Отражение в уставных таможенных грамотах Московского государства XVI—XVII вв. процесса образования всероссийского рынка. — «Исторические записки», кн. 31, 1950, с. 264).

лишь в этом случае торговые люди «гостиной» и «суконной сотен» «жаловались» «гостинным именем», а «недоборы» означали для допустившего их конфискацию имущества и наказание кнутом¹²³.

В результате из особой части сословия горожан, каким было привилегированное купечество конца XV — первой половины XVI в. в конце XVI—XVII в. оно превратилось в сословную группу с двойственными социальными функциями. С одной стороны, перед нами часть городского населения, занятая торгово-предпринимательской деятельностью, которая в силу этого (независимо от своих особых привилегий) имеет объективно общие интересы со всем сословием горожан. С другой — перед нами группа лиц, составляющих часть финансового аппарата феодального государства и заинтересованных в его успешном функционировании, т. е. в успехе эксплуатации сословия горожан со стороны феодального государства, что находится в прямом противоречии с объективными интересами этого сословия.

Политика правительства, способствовавшая правовому обособлению московского привилегированного купечества от всей остальной массы горожан и ослаблению его контактов с местными центрами, была направлена на то, чтобы именно этот, второй аспект стал главным и определяющим в социальном облике интересующей нас сословной группы.

Все это, несомненно, делало крайне сложными и противоречивыми взаимоотношения между привилегированным купечеством столицы и другими слоями сословия горожан. Эти отношения обострялись дополнительно еще одним обстоятельством. При всей суровости условий службы предпринимчивые купцы за время пребывания на таможенных умели составить большие состояния¹²⁴, но, безусловно, что другим, менее предпринимчивым, такой порядок нес разорение. Поскольку люди прикреплялись к «сотням» наследственно, то возникала ситуация, хорошо показанная в исследованиях П. П. Смирнова для 30-х годов XVII в.¹²⁵, когда значительную часть «гостиной» и «суконной» сотен составляли немущие люди, по своему достатку иногда уступавшие рядовым ремесленникам. Проявления этой тенденции можно заметить уже спустя два — три десятилетия после создания купеческих организаций нового типа. Все это приводило к нехватке необходимых кадров для нормального функционирования финансового аппарата феодальной монархии. Выход был найден в практике принудительного пополнения столичного купечества за счет наиболее состоятельной части населения провинциальных городов. Как указывал С. В. Бахрушин¹²⁶, первый такой набор горожан в состав «гостиной сотни» имел место уже в 1601/602 г., когда было «дано в гостиную сотню болши ста человек»¹²⁷, а к 1593 г. относятся первые свидетельства о принудительном зачислении богатых провинциальных купцов в состав «гостей»¹²⁸. Тем самым новый порядок отношений, ставивший купеческие верхи Москвы на службу феодальному государству, одновременно глубоко затрагивал провинциальные посады, откуда систематически «сводилась» состоятельная местная верхушка, чтобы служить целям, объективно враждебным интересам всего сословия горожан.

Проделанное исследование наглядно показывает, каким существенным изменениям подверглась структура сословия горожан во второй половине XVI в. и какую значительную роль играла в этом правительственная политика. Характеризуя меры по концентрации русского купечества в столице, Н. Е. Носов справедливо отмечал чисто феодальный характер методов, которыми эта мера проводилась, и правильно подчеркивал,

¹²³ См. ПРП, вып. 6, с. 281; Котошихина Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906, с. 139—140.

¹²⁴ Ряд таких примеров, относящихся к 20-м годам XVII в., см. Довнар-Запольский М. В. Торговля и промышленность Москвы в XVI—XVII вв. М., 1910, с. 37—38.

¹²⁵ Смирнов П. П. Окладной список гостей, гостиной и суконной сотен 1632 г. — «Чтения в историческом обществе Нестора летописца», кн. XXIII, вып. 1. Киев, 1912.

¹²⁶ История Москвы, т. I, с. 181.

¹²⁷ ДАИ, т. III, с. 158.

¹²⁸ См. грамоты о пожаловании «гостинным именем» новгородских купцов И. Сокова и Г. Минина с характерным выражением «велели ему быти в гостех». — ДАИ, т. I, № 147 и примеч., с. 11.

что ее главная цель заключалась в том, чтобы «максимально использовать купеческий капитал для удовлетворения нужд и потребностей казны, а через них обеспечить и подчинение складывающему в России самодержавно-крепостническому строю всего сословия русского купечества»¹²⁹.

О происшедшей в последней четверти XVI в. перестройке структуры сословия горожан можно было бы сказать то же самое с еще большим основанием. Установившийся в этот период тип взаимоотношений между феодальным государством и верхами сословия горожан оказался весьма устойчивым, а возникшие в ходе взаимодействия этих двух сил традиции в дальнейшем наложили свой отпечаток на развитие взаимоотношений между феодальным государством и возникающей русской буржуазией. Следует отметить, что сложившийся в последней трети XVI в. тип организации сословия горожан представляет собой явление, характерное именно для развития феодализма в России, не имеющие аналогий в истории других европейских стран.

Констатация того, что в XV — первой половине XVI в. существовал иной тип сословной организации городского населения, ставит исследователей перед проблемой, которую в несколько иной плоскости в последнее время пытался решить Н. Е. Носов. Можно ли с некоторыми поправками считать, что во второй половине XVI в. произошло лишь дальнейшее развитие тенденций, заложенных уже в предшествующий период, или мы имеем дело с иной линией развития, оборванной насильственным вмешательством феодального государства, или искомое решение лежит между обрисованными выше двумя крайностями. Для ответа на эти вопросы необходимо рассмотреть реконструированный выше тип сословной организации русских горожан конца XV — первой половины XVI в. в контексте общего развития европейского средневекового города.

¹²⁹ Носов Н. Е. Русский город и русское купечество в XVI столетии, с. 167.

А. П. ПРОНШТЕЙН

О ПРЕДМЕТЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ КАК НАУЧНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Одним из важнейших условий конституирования каждой научной дисциплины в самостоятельную отрасль знания является определение ее предмета, т. е. того среза (круга вопросов), на котором она сосредотачивает свое внимание. Значение этого, в частности для исторической науки, отмечалось неоднократно и справедливо указывалось при этом, что «многие наши ошибки, недоразумения и споры происходят от смешения разных предметов, основывающихся на стремлении изучить «объект как таковой»¹.

Нуждается в определении предмета своего исследования и источниковедение. Хотя оно как самостоятельная научная дисциплина существует уже многие десятилетия, до сих пор не выработано единого представления о ее предмете.

В дореволюционной исторической литературе вопрос о предмете источниковедения практически не ставился. Не сразу он был выдвинут и в советское время. В первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции советские историки не стремились к этому. Их удовлетворяло общее определение источниковедения как научной дисциплины, посвященной изучению исторических источников. А так как этим же занимались многие вспомогательные исторические дисциплины, то источниковедение рассматривалось как их совокупность². Историки 30-х годов тоже характеризовали источниковедение как «совокупность научно-вспомогательных дисциплин, относящихся к изучению и обработке исторических источников»³. При таком подходе тоже не возникало вопроса о самостоятельном предмете источниковедения.

Представление об источниковедении как комплексе вспомогательных дисциплин, не имеющем своего, особого предмета исследования, препятствовало его развитию, и историки стремились это преодолеть. В отличие от принятого ранее, С. Н. Валк в 1940 г. отделил источниковедение от других научных дисциплин, изучающих источники, и определил его как «общее учение о документе»⁴. В том же году впервые в нашей стране были опубликованы университетские курсы источниковедения истории СССР, авторы которых — М. Н. Тихомиров и С. А. Никитин — рассматривали источниковедение не как комплекс вспомогательных дисциплин, а как самостоятельную науку, ставящую своей задачей «дать обзор и критику важнейших письменных источников по истории СССР»⁵.

¹ См., напр., Громыко М. М. О «непосредственных» и «косвенных» исторических источниках. — «Известия Сибирского отделения АН СССР», сер. обществ. наук, 1968, № 6, вып. 2, с. 85.

² Большаков А. М. Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1924.

³ Альтман В. В. Источниковедение. БСЭ, т. 30, М., 1937, с. 96.

⁴ Валк С. Н. Рецензия на книгу А. А. Шилова «Руководство для публикации документов XIX и начала XX в. — «Архивное дело», 1940, № 3, с. 86—87.

⁵ Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР, т. I, М., 1940, с. 3. См. также Никитин С. А. Источниковедение истории СССР, т. II, М., 1940, с. 3.

Такое представление о предмете источниковедения было закреплено в программах данного курса для высших учебных заведений, разработанных кафедрами Московского историко-архивного института и Московского университета в 1950, 1954, 1957 и 1963 гг.

Уже сама постановка вопроса о предмете источниковедения являлась шагом вперед по сравнению с представлением об этой дисциплине, сложившимся в 20—30-е годы. Тогда же М. Н. Тихомиров указал на необходимость разработки тесно связанных с предметом этой науки вопросов метода изучения источников⁶. Подводя итоги развития советского источниковедения за 40-е — начало 50-х годов, Л. В. Черепнин выделил особое значение источниковедения как вспомогательной дисциплины, разрабатывающей «методы изучения и использования исторических источников»⁷, хотя он не считал разработку методов изучения источников единственной задачей источниковедения, его предметом.

Таким образом, начиная с 1940-х годов разработка предмета и тесно с ним связанного метода этой науки находились в центре внимания исследователей в области источниковедения. Некоторые итоги этой работы были подведены в конце 60-х годов В. В. Фарсобиным⁸ и С. О. Шмидтом⁹. Авторы охарактеризовали крупные достижения ученых в решении стоявших перед ними задач, но отметили вместе с тем наличие значительных расхождений во взглядах историков на многие важные вопросы, которые «остро нуждаются в дальнейшей разработке»¹⁰. Вслед за этими работами появилось значительное число исследований советских и зарубежных историков, высказавших новые существенные соображения о предмете и методе источниковедения¹¹.

В связи со всем изложенным автор ставит задачей подвести итоги работы, проделанной в этой области, и представить свои соображения, поставив в центре внимания вопрос о предмете источниковедения как научной дисциплины.

* * *

В статье, опубликованной в 1965 г., А. И. Гуковский обратил внимание на то, что в литературе по-разному определяется источниковедение: в одних случаях — как совокупность вспомогательных дисциплин, в других — как одна из них¹². Исследователь увидел здесь расхождение чисто терминологическое и пытался его устранить.

На первый взгляд кажется, что отмеченное А. И. Гуковским расхождение в определении источниковедения сохраняется и в новейшей литературе. Если ряд авторов говорит об источниковедении как о единой (вспомогательной, специальной и т. д.) науке, то В. В. Фарсобин, М. А. Варшавчик и некоторые польские историки называют его комплексом научных дисциплин¹³. Однако, в отличие от историков 20—30-х годов,

⁶ Тихомиров М. Н. Указ. соч., с. 4.

⁷ Черепнин Л. В. Источниковедение. БСЭ, изд. 2, т. 19. М., 1953, с. 44.

⁸ Фарсобин В. В. К определению предмета источниковедения (Исторнографические заметки). В сб. Источниковедение истории советского общества, вып. 2, М., 1968; его же. Отечественная исторнография о предмете и задачах источниковедения. Канд. дис. М., 1969.

⁹ Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения. В сб. Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969, с. 11—22.

¹⁰ Там же, с. 58.

¹¹ Иванов Г. М. Исторический источник и историческое познание. Томск, 1973; Логин В. Г. Военно-исторические источники, их классификация, принципы исследования. М., 1971; Медушевская О. М. Теоретические проблемы источниковедения. М., 1977; ее же. О понятиях «источниковедение» и «источниковедческая критика». — «Вопросы истории», 1974, № 4; Сб. О ленинской методологии в работе с историческими источниками. Киев, 1970; Уваров А. И. Гносеологический анализ теории в исторической науке. Калинин, 1973; Янин В. Л. К проблеме интеграции в изучении вещественных и письменных источников по истории русского средневековья. — «История СССР», 1973, № 3, и др.

¹² Гуковский А. И. О некоторых терминах вспомогательных исторических дисциплин. — «Вопросы истории», 1965, № 10, с. 4.

¹³ Фарсобин В. В. К определению предмета источниковедения, с. 395, 452; Варшавчик М. А. Источниковедение истории КПСС. М., 1973, с. 29, 50—51; Медушевская О. М. Вспомогательные исторические дисциплины и изучение новой и новейшей истории Польши. — «Вопросы истории», 1965, № 5, с. 192—193.

они видят в источниковедении систему научных дисциплин. Подобно тому, как современная историческая наука, являясь единой, представляет собой систему научных исторических дисциплин, имеющую, однако, свой предмет и метод исследования¹⁴, современное источниковедение, по справедливому мнению этих авторов, тоже является системой научных дисциплин, имеющей свой предмет и метод исследования.

Что же касается попытки самого А. И. Гуковского выйти из указанного им «терминологического затруднения», то нам она представляется мало убедительной. Автор предлагает разделить источниковедение на две самостоятельные дисциплины. Одну из них он считает возможным назвать «общее источниковедение» и отнести «к числу не вспомогательных дисциплин, занятых вопросами методики и техники научного исследования, а теоретических, трактующих вопросы методологии научного исследования». Другую он называет «источниковедением» и предлагает этот термин «закрепить за конкретным источниковедением отдельных разделов истории»¹⁵. Такое разделение, на наш взгляд, очень обедняет каждую из указанных частей этой науки. Оно не может быть обосновано и теоретически. Выделение в особую научную дисциплину описательного источниковедения основано на давно отвергнутом разделении наук на номотетические и идеографические¹⁶. Напротив, объединение их раскрывает широкие возможности для их развития. Как отмечается в работе болгарского философа Н. Стефанова, «научный метод раскрывает только наиболее общие требования, но конкретный анализ состоит не в простом дедуктивном применении этих требований. Творческое применение метода требует анализа самих конкретных фактов и явлений»¹⁷.

Таким образом, предложение А. И. Гуковского о разделении источниковедения на две самостоятельных научных дисциплины, каждая из которых будет иметь свой предмет и метод исследования, не может быть принято. Мы считаем, что на данном этапе развития источниковедение, являясь системой научных дисциплин, изучающих исторические источники, широко используя их данные и методы, остается при этом особой наукой, имеющей свой предмет и метод исследования. В основе всех новейших теоретических трудов и учебников для вузов по источниковедению также лежит представление об источниковедении как о одной науке¹⁸. Для современных исследователей вопрос состоит не в том, является ли источниковедение единой научной дисциплиной или следует его расчленить на самостоятельные отдельные части, а в том, как по возможности точно определить предмет этой отрасли исторической науки.

В отличие от историков 30-х — начала 40-х годов, современные исследователи единодушно считают, что нельзя ограничивать предмет и задачи источниковедения характеристикой информации, заключенной в отдельных источниках и их комплексах. Однако при позитивном решении этого вопроса они заметно расходятся во взглядах.

Ряд советских и зарубежных историков полагают, что задачей источниковедения является разработка методов изучения источников. Так, В. В. Фарсобиин пишет, что «источниковед, в отличие от историка, занимающегося изучением события, обосновывает методы выявления и изучения источников»¹⁹. О том, что предметом источниковедения является разработка методов выявления и изучения и использования письменных исторических источников говорится также в курсах источниковедения истории СССР XIX — начала XX в. и всеобщей истории²⁰. По мнению историка ГДР Б. Рюдигера, источниковедение, «основываясь на методологической базе диалектического и

¹⁴ См. СИЭ, т. 6, с. 587—588; Тихомиров М. Н. К пятилетию со дня смерти академика Б. Д. Грекова. — «История СССР», 1958, № 5, с. 54.

¹⁵ Гуковский А. И. Указ. соч., с. 5—6.

¹⁶ См. Букановский В. М. Принципы и основные черты классификации современного естествознания. Пермь, 1960, с. 34.

¹⁷ Стефанов Н. Теория и метод в общественных науках. М., 1967, с. 129.

¹⁸ Этому не препятствует имеющаяся в разных учебных пособиях по источниковедению различная структура данного курса. См. Пронштейн А. П. Об университетском курсе источниковедения истории СССР. — «Вопросы истории», 1976, № 1, с. 134—137.

¹⁹ Фарсобиин В. В. К определению предмета источниковедения, с. 396.

²⁰ Источниковедение истории СССР XIX — начала XX в. М., 1970, с. 4; Мнухин Р. С. Источниковедение нового и новейшего времени. М., 1970, с. 3.

исторического материализма», также разрабатывает «принципы и приемы добывания исторического знания»²¹. Задолго до этих авторов польские историки Ф. Броновский и В. Кшеминьская пришли к выводу, что в предмет источниковедения входит разработка «всей суммы вопросов критики источника, а выяснение того, что дает источник для освещения прошлого, является задачей уже исторического исследования»²². Эту же мысль высказал Б. Г. Литвак, отметивший, что «источниковедение только средство, а не цель»²³.

Сведение предмета источниковедения к методике исследования источников крайне ограничивало познавательные возможности этой научной дисциплины. При таком подходе вполне правомерно было говорить о том, что источниковедение вообще нельзя считать самостоятельной, хотя и вспомогательной дисциплиной. Именно к этому пришли Ф. Броновский и В. Кшеминьская²⁴.

Недостатки такого подхода становятся особенно заметными, если сопоставить его с преподаванием источниковедения в вузах. Центральное место в названных выше курсах источниковедения по истории СССР XIX — начала XX в. и новой и новейшей истории, а также во многих других пособиях для вузов по источниковедению занимает не раскрытие метода исследования, а характеристика источников, их групп и видов.

Стремление ограничить предмет источниковедения разработкой методов исследования источников сейчас уже не встречает поддержки у большинства ученых. «Нельзя рассматривать источниковедение, — пишет, например, М. А. Варшавчик, — лишь как теорию (методику) работы с источниками, исключая из него саму эту работу, источниковедческую практику, и тем самым отрывать теорию источниковедения от практики работы над источниками»²⁵. Ученый считает, что «предметом источниковедения являются закономерности возникновения исторических источников и отражения в них исторического процесса». Следовательно, источниковедение должно не только разрабатывать методику, принципы и приемы исследования исторических источников, т. е. решать теоретические и методические вопросы, но и вести практическую работу по изучению источников²⁶. Эта точка зрения развивается в работах С. О. Шмидта, В. И. Стрельского, новом учебнике по источниковедению истории СССР под редакцией И. Д. Ковальченко и в других современных пособиях по источниковедению²⁷. И нам она представляется верной. Открывая возможности для практического применения разрабатываемых им методов, источниковедение только в этом случае становится самостоятельной наукой.

Определение источниковедения как научной дисциплины, имеющей свой предмет и метод — теорию, методику и практику работы над историческими источниками является, однако, слишком общим и нуждается в более четкой характеристике. Как заметил В. И. Стрельский, «определить предмет каждой данной науки — это значит установить ту область действительности и законов ее развития, тот круг вопросов, которые она изучает, выяснить, чем она отличается от других наук»²⁸. В литературе уже отмечалось, что такую задачу можно решить лишь при условии известной зрелости

²¹ Rüdiger B. Über Platz und Aufgaben der Quellenkunde in der marxistisch-leninistischen Geschichtswissenschaft. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Berlin, 1973, № 6, S. 681.

²² Bronowski F., Krzemieńska B. Z Zagadnień Źródłoznawstwa w nauce radzieckiej «Studia źródłoznawcze Commentationes», IV. Warszawa — Poznań, 1959, с. 133.

²³ Литвак Б. Г. О путях развития источниковедения массовых источников. В сб. Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969, с. 102.

²⁴ Bronowski F., Krzemieńska B. Указ. соч., с. 133.

²⁵ Варшавчик М. А. Источниковедение истории КПСС, с. 31—32.

²⁶ Там же, с. 30—31.

²⁷ Шмидт С. О. Указ. соч., с. 14; Стрельский В. И. Теория и методика источниковедения истории СССР. Киев, 1968, с. 53; Источниковедение истории СССР. Под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1973.

²⁸ Стрельский В. И. Указ. соч., с. 16.

той или иной науки²⁹. На наш взгляд, современное источниковедение уже находится на этой стадии.

Один из наиболее важных вопросов, который встает при решении этой задачи, состоит в том, чтобы установить границу между источниковедением и теми историческими дисциплинами, которые по традиции именуются вспомогательными. Они возникли в разное время по мере необходимости решать какие-нибудь узкие вопросы работы над историческими источниками. Часть из них была призвана преодолеть трудности чтения текстов на каком-либо особом материале. Так, эпиграфика подверглась специальному изучению надписи на каменных плитах, металле, кости, дереве, глине, папирология — письма на папирусе, а нумизматика наряду с другими задачами — тексты на монетах. Другие вспомогательные исторические дисциплины сосредоточили свое внимание на изучении составных частей структуры (формы) письменных источников. Палеография, например, стала изучать материал и орудия письма, особенности почерков и украшений, сфрагистика — печати, сопровождающие документы, а геральдика — гербы, особые знаки отличия, получившие наиболее широкое развитие в средние века.

Особая группа вспомогательных исторических дисциплин разрабатывала приемы научной критики отдельных видов письменных источников. К ней относятся дипломатика, изучающая акты, текстология, сосредоточивающая свое внимание на истории текста литературных произведений, летописное источниковедение (летописеведение), берестология.

Наконец, возник ряд вспомогательных дисциплин, ставящих своей задачей разработку данных для исследования исторических источников. К числу их относятся историческая хронология, занимающаяся определением времени исторических событий; метрология, изучающая системы мер в их историческом развитии; историческая география, восстанавливающая географию исторического прошлого; тесно связанная с ней историческая топонимика, исследующая этимологическую структуру, значение и принадлежность к тому или иному языку отдельных географических названий; генеалогия, выясняющая происхождение и историю родов, фамилий и отдельных лиц. Такое определение задач вспомогательных дисциплин послужило основанием для С. М. Каштанова и А. А. Курносова называть их «вспомогательными главным образом по отношению к источниковедению»³⁰.

Постепенно приемы работы вспомогательных дисциплин с историческими источниками совершенствовались, а задачи, которые они решали, усложнялись. Если на первых порах они должны были лишь подготовить материал для решения источниковедческих и исторических вопросов, то теперь они стали решать их самостоятельно.

В недавно опубликованной работе В. Л. Янин показал, как буквально на наших глазах меняется содержание нумизматики. Долгое время она признавалась вспомогательной дисциплиной, которая «занимается изучением внешних данных монеты с целью определения ее времени, места изготовления и принадлежности. Она опирается на иконографический и эпиграфический методы, но, будучи наконец определена, переходит из рук решивших свою задачу нумизматов в руки специалистов в области других дисциплин»³¹. Постепенно нумизматика обогатилась новыми приемами исследования. Монеты начали рассматривать не изолированно, а в связи с местом их нахождения, применяя топографический метод; стали изучать их как произведение ремесла, а в связи с этим исследовать их производственную технологию; включили в круг изучения вопросы истории денежного счета, используя для этого метрологические методы; решение чисто нумизматических задач стали проводить, опираясь на «подробный и квалифицированный анализ письменных источников»³². Все это корен-

²⁹ Гулыга А. В. О предмете исторической науки. — «Вопросы истории», 1964, № 4, с. 20.

³⁰ Каштанов С. М., Курносов А. А. Некоторые вопросы теории источниковедения. — «Исторический архив», 1962, № 4, с. 175.

³¹ Янин В. Л. К проблеме интеграции в изучении вещественных и письменных источников по истории русского средневековья. — «История СССР», 1973, № 3, с. 68.

³² Там же, с. 68—73.

ным образом изменило задачи и предмет нумизматики, которые, по характеристике В. Л. Янина, «заключаются в исследовании истории денежного хозяйства и денежных систем на основании изучения главных источников этой проблемы — монет»³³.

По его мнению, старое, традиционное значение нумизматики как вспомогательной дисциплины при этом сохраняется, но «лишь в частных ее проявлениях», когда, например, преларированный и критически проверенный нумизматикой иконографический материал попадает в руки искусствоведа. В целом же, поскольку нумизматика самостоятельно решает указанные выше крупные исторические проблемы, она, по словам ученого, «становится специальным направлением исторического исследования»³⁴.

Подобные процессы отмечает В. Л. Янин и в сфрагистике. В течение почти 150 лет ее задачу ограничивали датировкой и определением места составления актов по сохранившимся на них печатам. Теперь же сфрагистика решает многие важные вопросы «по истории государственных учреждений соответствующих обществ, отражая конкретную историю почти не зафиксированных в других источниках государственных административных реформ». И это тоже отражает «перерастание вспомогательной дисциплины в направление исторического исследования»³⁵.

Процессы превращения вспомогательных исторических дисциплин в самостоятельные советские исследователи отмечали и раньше. Так, еще в 1961 г. М. Н. Тихомиров обратил внимание на новые задачи, которые стали решать палеография и нумизматика и заметил, что «правильнее их было бы назвать специальными историческими дисциплинами. Какие же это „вспомогательные дисциплины“ — палеография и нумизматика, — писал М. Н. Тихомиров, — когда на основании их определяется основа основ исторической науки: даются датировка и определение подлинности источников»³⁶.

В опубликованном в 1962 г. труде, посвященном текстологии, Д. С. Лихачев писал, что его «книга должна способствовать кристаллизации текстологии как самостоятельной, а не „вспомогательной“ науки». «И это, — замечает ученый, — соответствует общей линии научного развития. Разделение наук на добывающие материал и его обрабатывающие отходит в прошлое»³⁷. При таком определении задач вспомогательных исторических дисциплин встает вопрос, в каком отношении они находятся к источниковедению?

В. Л. Янин полагает, что став направлением исторического исследования, они теряют значение специальных дисциплин. «Материалы нумизматики, — пишет исследователь, — составляют такой же важный для историка источник, как летописи и акты, памятники археологии и предметы древнего художественного творчества. Они формируют направление исследования, т. е. круг важных исторических проблем, связанных с изучением денежного хозяйства и экономики в целом. Решение таких проблем невозможно без исследования нумизматических фактов»³⁸.

Этот вывод не вызывает никакого сомнения, когда речь идет об историческом исследовании. Между тем круг вопросов, которые может решить та или иная вспомогательная дисциплина, ограничен. Он определяется, во-первых, характером источника, который служит объектом ее исследования (акты, папирусы, печати, монеты, летописи и т. п.), и, во-вторых, методами, внутренне присущими каждой из них и зависящими от того типа, вида и группы источников, которыми занимается эта вспо-

³³ Там же, с. 74.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, с. 75—76.

³⁶ Тихомиров М. Н. Об охране и изучении письменных богатств нашей страны. — «Вопросы истории», 1961, № 4, с. 66—67.

³⁷ Лихачев Д. С. Текстология. М. — Л., 1962, с. 3. В 1967 г. автором этих строк было опубликовано учебное пособие, в котором раскрывались информативные возможности некоторых вспомогательных исторических дисциплин. См. Пронштейн А. П. Использование вспомогательных исторических дисциплин при работе над источниками. М., изд. 2, 1972. См. также Пронштейн О. П. О роли специальных (вспомогательных) исторических дисциплин в раскрытии информационного значения исторических фактов. — «Український історичний журнал», 1970, № 8, с. 21—28 (на укр. яз.).

³⁸ Янин В. Л. Указ. соч., с. 13.

могательная дисциплина. На современном этапе развития вспомогательных исторических дисциплин каждая из них, сохраняя значение направления исторического исследования, является, следовательно, отраслью источниковедения. Именно поэтому пишут о современной дипломатике как об актовом источниковедении, об изучении летописей как о летописном источниковедении (летописеведении), об изучении берестяных грамот как о берестологии, об изучении статистического материала как об источниковедении массовых источников³⁹ и т. д. Уточняя свой взгляд на текстологию, Д. С. Лихачев назвал ее «базой литературоведения и исторического источниковедения»⁴⁰, а С. Н. Азбелев, подчеркнув, что «текстологическое изучение — это, собственно, и есть основная часть внешней критики источников», делает вывод, что текстология является «одной из областей исторического источниковедения»⁴¹. Мы считаем, что отраслями единого источниковедения являются также источниковедение древнего мира, средних веков, нового и новейшего времени, истории СССР, военной истории России и т. п. дисциплины, вошедшие в практику преподавания в вузах нашей страны и за рубежом.

При решении этого вопроса, на наш взгляд, вполне уместна аналогия с исторической наукой в целом. Последняя ставит своей задачей изучение истории как «...единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса»⁴². Поэтому К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Мы знаем одну единственную науку, науку истории»⁴³. Однако эта самостоятельная отрасль научных знаний является вместе с тем системой ряда исторических дисциплин — истории древнего мира, средних веков и т. д., каждая из которых имеет свой круг вопросов, которые она изучает в рамках единой исторической науки⁴⁴.

Определение вспомогательных исторических дисциплин как специальных, призванных самостоятельно решать источниковедческие и исторические задачи на своем материале и своими методами, вызывает возражение у А. И. Гуковского. «Признак „специальные“, — пишет исследователь, — может играть свою определенную роль лишь в том случае, когда наряду с ним для обозначения других понятий такого же ряда употребляется противопоставляющий отличительный признак — „общий“ (не частный). Не оставляет места для неясностей выделение специальных лекционных курсов из соответствующих общих курсов. А частью какой общей дисциплины явится специальная дисциплина палеография? или нумизматика?»⁴⁵.

Как мы показали, такой общей наукой, отраслями которой являются вспомогательные (специальные) дисциплины, является источниковедение. По этой причине возражение А. И. Гуковского отпадает.

Если мы признаем вспомогательные исторические дисциплины отраслями источниковедения, то как следует определить отношение источниковедения к этим дисциплинам? Было время, когда источниковедение считали простой совокупностью вспомогательных дисциплин, не имеющей своего предмета и метода исследования. Потом, как мы видели, от этого отказались и стали именовать источниковедение самостоятельной исторической дисциплиной — одной из вспомогательных исторических дисциплин, наиболее широкой из них, главной из них, специальной исторической дисципли-

³⁹ Каштанов С. М. Предмет, задачи и методы дипломатики. — В сб. Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969, с. 139; Очерки истории исторической науки в СССР, т. 2, М., 1960, с. 659; Буганов В. И. Отечественная историография русского летописания. М., 1975, с. 3—6; Лихачев Д. С. Новая наука — берестология. — «Новый мир», 1966, № 2, с. 271—274; Литвак Б. Г. О путях развития источниковедения массовых источников, с. 102—114.

⁴⁰ Лихачев Д. С. Текстология, с. 4.

⁴¹ Азбелев С. Н. Текстология как вспомогательная историческая дисциплина. — «История СССР», 1966, № 4, с. 83—84.

⁴² Ленин В. И. ПСС, т. 26, с. 58.

⁴³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 16, примеч.

⁴⁴ См. СИЭ, т. 6, с. 587—588; Тихомиров М. Н. К пятилетию со дня смерти академика Б. Д. Грекова, с. 54.

⁴⁵ Гуковский А. И. Указ. соч., с. 62.

ной или специальной отрасли исторических знаний⁴⁶. При всех различиях в указанных определениях источниковедение не отождествляется ни с одной из вспомогательных дисциплин, как бы широки они ни были и как близко не стояли бы они к источниковедению. И это вполне естественно, ибо независимо от того, как мы назовем источниковедение, важно то, что у него свой предмет исследования, отличающийся от предмета исследования каждой из вспомогательных дисциплин. Если каждая из них подвергает специальному изучению особые типы или группы исторических источников или разрабатывает данные для исследования их, то объектом изучения источниковедения является не один источник и не их комплекс, а вся масса исторических источников во всей полноте заключенной в них информации, рассматриваемая как продукт общественного развития. Характеризуя задачи источниковедения, С. О. Шмидт указал, что «иногда задача исследования понимается в сравнительно узком, собственно источниковедческом плане. При подобном подходе исторический источник может интересовать историка не только и даже не столько как „посредник“, сохраняющий данные об историческом факте, а в первую очередь как собственно исторический факт, как специфический носитель определенной информации»⁴⁷.

Интересная по существу, эта характеристика однако требует некоторых уточнений. Источник всегда является «посредником» между историческим прошлым и ученым, изучающим это прошлое. Но данные, которые в нем содержатся, имеют значение для исследователя только потому, что сам источник непосредственно связан с этим прошлым, представляет собой «явление» общественной жизни. Поэтому прежде, чем начать работу с источником, историк должен выяснить его свойства как потенциального носителя информации, а на основе этого выявить и изучить все заключенные в нем сведения. Следовательно, задачи источниковедения, в отличие от задач вспомогательных исторических дисциплин, можно сформулировать следующим образом: 1) разработка марксистско-ленинской теории источника; 2) разработка методики изучения источников, т. е. принципов, приемов и правил выявления заключенной в них информации; 3) анализ возникновения источниковой базы и ее исторического развития как закономерного процесса смены одних типов, видов и групп источников другими в тесной связи с развитием общества, а на этой основе выявление всей заключенной в источниках информации о процессах общественной жизни и установление ее полноты и точности, а также надежности, т. е. репрезентативности, аутентичности и достоверности⁴⁸. Такие широкие задачи ни одна из вспомогательных исторических дисциплин перед собой не ставит. Каждую из них интересуют особенности того или иного типа, вида и группы источников, изучаемого данной дисциплиной, методика изучения определенного типа, вида или группы источников. Таким образом, предмет источниковедения и задачи, которые оно решает, отличаются от предмета и задач каждой из других вспомогательных источниковедческих дисциплин.

Если для определения предмета источниковедения необходимо было разграничить его с предметом изучения вспомогательных исторических дисциплин, то не менее важно установить водораздел между источниковедением и историческим исследованием вообще.

На протяжении многих лет, пока видели в источнике главным образом простой информатор о событиях, проблемы слияния источниковедения с историческим иссле-

⁴⁶ Черепнин Л. В. Источниковедение. БСЭ, изд. 2, т. 19. М., 1953, с. 44; Данилов В. П., Якубовская С. И. Источниковедение и изучение истории советского общества.— «Вопросы истории», 1961, № 5, с. 3; Вспомогательные исторические дисциплины.— СИЭ, т. 3, с. 837; Булыгин И. А., Пушкарев Л. Н. Источниковедение.— СИЭ, т. 6, с. 592; Каштанов С. М., Курносов А. А. Некоторые вопросы теории источниковедения, с. 176; Тихомиров М. Н. Об охране и изучении письменных богатств нашей страны, с. 66—67; Стрельский В. И. Теория и методика источниковедения истории СССР, с. 53; Варшавчик М. А. Источниковедение истории КПСС, с. 35.

⁴⁷ Шмидт С. О. Указ. соч., с. 26.

⁴⁸ Тартаковский А. Г. Некоторые проблемы доказательности в источниковедении.— «История СССР», 1973, № 6, с. 61—77.

дованием даже не возникало. Этот вопрос был поднят, когда утвердилось представление об источнике как о явлении общественной жизни. Уже в 1962 г. С. М. Каштанов и А. А. Курносов, утверждая, что история это «теория и методика осмысления исторических фактов в их взаимосвязи и взаимообусловленности», а источниковедение «может рассматриваться как теория и методика добывания исторических фактов», тем не менее пришли к выводу, что большой разницы тут нет, а потому заявили, что «источниковедение практически сливается с историческим исследованием»⁴⁹.

При обсуждении этой работы А. А. Новосельский решительно поддержал ее авторов и заявил, что исключать из источниковедения вопросы «синтеза и исторического построения» значит «неуместно сужать объем советского источниковедения»⁵⁰.

Через десять лет этот же вопрос поднял М. А. Варшавчик. Он заявил, что в задачи источниковедения входит не только аналитическая, но и синтетическая критика. Последняя представляет собой особый этап «исследовательской работы, на котором прослеживаются, устанавливаются связи между фактами, создается всестороннее фактическое знание об изучаемом предмете, необходимая совокупность фактов»⁵¹.

По мнению А. Г. Тартаковского, «конечная цель» источниковедения состоит в «добывании» исторических фактов. «Речь идет при этом, — подчеркивал он, — об установлении не одного или нескольких фактов, а их системы, о формировании эмпирико-фактической базы исследования на основе учета всей совокупности информации источников». Столь сложная «процедура установления фактов сливается с историческим построением»⁵².

Нам уже приходилось кратко высказывать свое мнение по этому сложному вопросу⁵³. Остановимся на нем более подробно.

Источниковедение ставит своей задачей познать источник как явление общественной жизни. А так как это явление в тех или иных случаях может представлять собой составную часть (факт) того исторического процесса, который изучает историк, то в этом случае источниковедческое исследование можно рассматривать как компонент исторического исследования. Но только как компонент, ибо задача исторического исследования — познать закономерный процесс, а для этого «необходимо брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения...»⁵⁴. Следовательно, задача исторического исследования в данном случае шире, чем задача источниковедения.

Однако у источниковедения имеются и другие задачи, которые тоже связаны с историческим исследованием, но уже иным путем. Получив представление об источнике как о явлении общественной жизни, как об историческом факте, и найдя ему соответствующее место в своем исследовании, историк вместе с тем рассматривает источник и как феномен, содержащий в себе сведения о многих других конкретных фактах, важных для данного или какого-нибудь другого исторического исследования. В этом случае, как справедливо пишет А. И. Уваров, «исследователь извлекает из памятника только интересующий его эмпирический материал, дополняет его в необходимой степени материалом из других источников и таким путем создает источниковедческую модель. Ее объем, глубина содержания с этой стороны определяется идеей, общим замыслом теории»⁵⁵. Создавая источниковедческую модель, т. е. выделяя из источника ту информацию, которая непосредственно связана с темой его исследования, историк оставляет за пределами внимания все остальные заключенные в

⁴⁹ Каштанов С. М., Курносов А. А. Некоторые вопросы теории источниковедения, с. 175—176.

⁵⁰ «Исторический архив», 1962, № 4, с. 195.

⁵¹ Варшавчик М. А. Источниковедение истории КПСС, с. 158.

⁵² Тартаковский А. Г. Указ. соч., с. 56—57.

⁵³ Пронштейн А. П. О задачах университетского курса источниковедения истории СССР. — «Известия СКНЦ», 1976, № 4.

⁵⁴ Ленин В. И. ПСС, т. 30, с. 351.

⁵⁵ Уваров А. И. Гносеологический анализ теории в исторической науке. Калинин, 1973, с. 136.

источнике сведения, которые нередко могут быть и очень значительными. Наоборот, источниковед должен выявить и проанализировать ее всю, от начала до конца. Именно так, и очень справедливо, определяет задачу источниковедения современный исследователь этой проблемы О. М. Медушевская. В отличие от исторического исследования, в задачу источниковедения, пишет она, входит «выявление всей содержащейся в источнике информации с последующей оценкой ее полноты, достоверности, специфичности и неповторимости, а следовательно, и научной ценности по сравнению с информацией, содержащейся в других источниках. Раскрытие всех возможностей источника, выявление многообразных аспектов имеющихся в нем сведений, пригодных для освещения многих исторических и социально-психологических и иных проблем,— такова здесь задача исследователя: он анализирует вопросы авторства, происхождения и историю создания источника, осуществляет текстологическую и смысловую интерпретацию, выясняя смысл, который вложил в содержание источника его составитель, раскрывает полноту свидетельств данного источника и оценивает достоверность его сообщений в том отрезке исторического времени, к которому он относится»⁵⁶.

Только учитывая эту двуединую задачу, которую решает источниковедение, а именно — оценку источника как факта действительности и как носителя информации о многих фактах — можно определить отношение этой научной дисциплины к исторической науке. На наш взгляд, в сложной системе исторических дисциплин, которую представляет собой современная историческая наука, источниковедение является ее составной частью, одной из ее отраслей.

Встает вопрос, столь ли необходимо предварительное изучение источника как продукта общественного развития еще до того, как берется из него та или иная информация?

В летописный период русской историографии этот вопрос вообще не ставился, так как все известия, содержащиеся в источниках, рассматривались с позиций провиденциализма, как проявление «божественной воли», а потому признавались достоверными⁵⁷. По существу оставляли его без внимания и представители рационализма XVIII в. В. Н. Татищев, правда, уже говорил о необходимости критики исторических источников, но при использовании их ограничивался тем, что просто отбрасывал как недостойные помещения в «светской летописи» сообщения, явно противоречащие здравому смыслу, всякие «баснословия», в том числе предзнаменования, предсказания волхвов и т. п.⁵⁸. Точно также и А. Л. Шлецер, обосновывая свою методiku критики источников, считал достаточным, не анализируя каждый источник в целом, а сравнивая их свидетельства, «отбросить глупые баясы, претящие здравому смыслу», и вносить в манускрипт истории только то, что ему соответствует⁵⁹. Ничего не изменила в этом вопросе и скептическая школа начала XIX в. Подчеркивая особо важное значение для установления исторической истины научной критики, она тоже сводила ее к «критике свидетельств»⁶⁰.

Впервые вопрос об изучении источника в целом как условия для использования содержащейся в нем информации поставили в России историки середины XIX в. С. М. Соловьев и Н. И. Костомаров не раз заявляли о необходимости учета не только фактического материала, содержащегося в источниках, но и тенденциозности, с которой он подавался⁶¹. В. О. Ключевский также требовал перед использованием источ-

⁵⁶ Медушевская О. М. Польский источниковедческий ежегодник.— «История СССР», 1972, № 2, с. 190; см. ее же. Теоретико-методологические проблемы источниковедения и современная буржуазная историография.— «Труды МГИАИ», т. 25. М., 1967, с. 108.

⁵⁷ Черепнин Л. В. Русская историография до XIX в. Курс лекций. М., 1957, с. 42.

⁵⁸ Татищев В. Н. История Российская, т. I. М.— Л., 1962, с. 81, 82, 93, 397 и др., т. 2, примеч. 19, 128, с. 220, 222 и др.

⁵⁹ Николаева А. Т. Русское источниковедение XVIII в. М., 1967. Докт. дис., с. 716—718.

⁶⁰ Каченовский М. Т. О баснословном времени в Российской истории.— «Ученые записки Московского ун-та», ч. I, 1833.

⁶¹ Костомаров Н. И. Лекции по русской истории. СПб., 1862, с. 21—22, 99.

ников «определения угла зрения» их авторов, выяснения связи источников с той исторической «почвой», «из которой они вытекали»⁶².

О необходимости выяснения личности автора источника «с его индивидуальными и партийными интересами» как важного предварительного условия изучения информации, заключенной в источниках, писал и другой крупный историк конца XIX — начала XX в. — С. Ф. Платонов⁶³. Но все эти ученые не владели методикой такой работы, а потому выводы, к которым они приходили, были очень ограниченными. «У летописцев, — писал, например, В. О. Ключевский, — есть, как известно, свой определенный взгляд на события... Но этот взгляд также не личный, а один и тот же у всех летописцев, так что при разборе летописей нет места для применения одного приема высшей исторической критики — угла зрения писателя. Есть один летописный угол зрения, который определить легко, но нет угла зрения киевского, суздальского, волынского или летописца XII, XIII или XIV вв.»⁶⁴.

Подобные результаты, к которым приводили историков второй половины XIX в. поиски «угла зрения» авторов источников, заставляли исследователей делать вывод о бесполезности такой работы вообще. Не случайно создатели классического руководства по методике работы над историческими источниками, написанного в конце XIX в., Ш. Ланглюа и Ш. Сеньобос, обобщая достижения научной мысли в этой области, писали, что «на практике весьма редко встречается потребность знать, что думал автор. Цель критики — выяснить, точно ли он передал факты»⁶⁵. Между тем уже в это время появились труды, в которых к указанной проблеме подходили с иных позиций. Выступивший в конце XIX в. А. А. Шахматов обосновал неправомерность использования летописных свидетельств без предварительного выяснения, где и когда они появились и почему были включены в текст в той или иной редакции. Это решалось им на основе изучения истории текста, а, раскрыв ее, ученый мог говорить не о взглядах, выраженных в летописи в целом, а о позиции каждого летописца, редактировавшего текст на том или ином этапе его создания, и о подборе материалов в соответствии с этими позициями⁶⁶. А. С. Лаппо-Данилевский исходил из того, что и другие источники, например акты, следует рассматривать не только как свидетельство о факте, но и как общественное явление, как часть исторического процесса, и только с этой точки зрения следует оценивать содержащуюся в них информацию⁶⁷.

Новый подход к изучению исторических источников нашел своих приверженцев среди ряда ученых начала XX в., но на всех их работах лежала печать буржуазной ограниченности: само явление общественной жизни трактовалось с идеалистических позиций (гегельянских, неокантианских и пр.), а при оценке расхождений во взглядах разных редакторов источников учитывались только личные или политические мотивы⁶⁸.

Неспособность буржуазной науки найти объективный критерий для оценки источника как явления общественной жизни обусловила нигилистическое отношение к разработке методов изучения источников. Это привело многих современных зарубежных источниковедов к выводу, что все данные, которые могут быть извлечены из источника путем научного анализа, имеют во много раз меньшее значение, чем понимание

⁶² Ключевский В. О. Отзыв об исследовании С. Ф. Платонова «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник». Соч., т. 7. М., 1959, с. 441—442. См. также наброски В. О. Ключевского к вводной лекции к курсу «Источники русской истории». Соч., т. 6. М., 1959, с. 474.

⁶³ Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести..., СПб., 1888, с. 434, 440.

⁶⁴ Ключевский В. О. Курс лекций по источниковедению. Соч., т. 6. М., 1959, с. 9.

⁶⁵ Ланглюа Ш., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. М., 1899, с. 174.

⁶⁶ Шахматов А. А. О начальном киевском летописном своде. «Чтения МОИДР», 1897, кн. 3; его же. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 416—422, 489—491, 507—509 и др.

⁶⁷ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории, вып. 2. СПб., 1913, с. 625.

⁶⁸ Подробно об этом см. Пронштейн А. П. Методика исторического источниковедения, изд. 2. Ростов н/Д, 1976, с. 6—8, 312—314, 365—372.

документа в целом. Но оно может быть достигнуто лишь интуитивно, путем «вживания» в него, «симпатии» к нему, доступной лишь человеку с тонким чутьем и т. п. Следовательно, информация, которую мог получить исследователь из источника, зависит не от объективной значимости сведений, которые имеются в источнике, а «от самого историка, его инициативы, умения использовать инструменты работы, его знания и прежде всего от того, каков он сам, его интеллект, восприимчивость к культуре»⁶⁹. Другие представители современной буржуазной историографии в этом отношении идут еще дальше. Отрицая закономерность исторического процесса и, следовательно, не видя связи информации, заключенной в источниках, с реально существовавшими явлениями общественной жизни, они заявляют, что историки могут создавать лишь умственные конструкции, отражающие отнюдь не прошлое, а современную им действительность. Из этого вытекало, что изучение истории по источникам не имеет смысла, а следовательно, у источниковедения нет и не может быть своего предмета исследования, отличающегося от предмета исторической науки вообще⁷⁰.

Только марксистско-ленинская историческая наука дала научно-обоснованный ответ на этот вопрос. Она исходит из того, что все исторические источники возникли в результате общественной деятельности людей. И, если они дают информацию о современных им событиях сквозь призму чьего-либо сознания, то его, как указывал К. Маркс, в свою очередь «надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между производительными силами и производственными отношениями»⁷¹. Именно это обстоятельство имел в виду Л. В. Черепнин, утверждая, что каждый памятник прошлого может отразить ту или иную сторону современной ему исторической действительности, если будут правильно поняты условия его возникновения и раскрыты классовые и политические позиции его создателей⁷².

Выясняя условия возникновения информации, необходимо прежде всего оценить возможности восприятия действительности автором источника, что достигается знанием его личности, конкретной обстановки, в которой он находился в момент наблюдения, и средств, которыми он располагал для воссоздания исторической действительности⁷³. Столь же важно проанализировать происхождение свидетельств, взятых из вторых рук, а также всякого рода обобщения, в которых историческая действительность нередко отражается даже глубже, чем непосредственно в ощущениях⁷⁴.

Во-вторых, следует изучить сугубо личные, религиозные, политические и классовые позиции авторов источника или его частей, так как они, по мнению историков-марксистов, оказывают решающее влияние на содержание и характер информации источников. В повествовательных источниках именно они в первую очередь определяют отбор (подробное освещение одних событий и умолчание о других) и то или иное (нередко даже заведомо ложное) изображение фактов, поступков отдельных людей и целых общественных групп⁷⁵.

⁶⁹ Magrou H. Y. De la connaissance historique, 2-me ed. Paris, 1959, pp. 107—108. См. также Сестан Э. История событий и история структур. Доклад на XIII Международном конгрессе исторических наук. Отд. отт. М., 1970, с. 7, 10 и др.

⁷⁰ Becker C. L. What are Historical Facts? «The Western Political Quarterly», vol. VIII, № 3, 1955; Callot E. Ambigüites et Antinomies de l'histoire. P., 1962, p. 50. Подробно об этом см. Барг М. А. Исторический факт: структура, форма, содержание. — «История СССР», 1976, № 6, с. 47—53; Гуревич А. Я. Что такое исторический факт? В сб. Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969, с. 61—82; Ковальченко И. Д., Сивачев Н. В. Структурализм и структурно-количественные методы в современной исторической науке. — «История СССР», 1976, № 5, с. 64—65.

⁷¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 7.

⁷² Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 1. М.—Л., 1948, с. 5.

⁷³ Подробно об этом см. Белявский И. Г., Пронштейн А. П. Некоторые психологические аспекты отражения действительности в исторических источниках. — «Известия СКНЦ», 1974, № 1, с. 14—20.

⁷⁴ Иванов П. И. Общая психология, изд. 3. Ташкент, 1967, с. 242.

⁷⁵ См., напр., Лурье Я. С. Критика источника и вероятность известия. В сб. Культура Древней Руси. М., 1966, с. 121—126.

Классовые и политические позиции составителей определяют не только возникновение закона в целом, но и характер отдельных статей, которые, на первый взгляд, не соответствуют направлению того или иного законодательного акта. Так, «Устав» Владимира Мономаха, помещенный в Русской Правде, содержит статьи, облегчавшие положение должников, закупов и холопов. Изучая их, С. М. Соловьев писал, что Мономах стремился приобрести тем самым «народную любовь, которою он так славен в нашей древней истории»⁷⁶. Но, выяснив обстановку, в которой эти статьи возникли, Б. Д. Греков тем самым обосновал их демагогический характер⁷⁷. Следовательно, понять значение «Устава» Владимира Мономаха можно лишь в том случае, если станет ясным его место в общественной жизни.

Очень плодотворным является развиваемый в трудах советских историков подход и к актам как продуктам общественного развития. Только на основе этого может быть правильно оценено все богатство заключенной в них информации. Вот, к примеру, как оценил Д. С. Лихачев достижения в этой области Л. В. Черепнина: «Своими исследованиями Л. В. Черепнин в сущности открыл способ „обогащения“ источниковедческого материала. „Отработанный“ в буржуазном источниковедении документ, благодаря новым способам изучения его в связи со всем собранием, в составе которого он сохранился, и в историческом „бытовании“ этого документа в последующее после его написания время, дает исследователю новый исторический материал, подобно тому, как „отработанная“ горная порода дает новые выходы под влиянием новых способов ее обработки»⁷⁸.

Только при таком подходе историк увидит тот «угол преломления», который образуется при освещении исторического прошлого автором источника, и сумеет определить научную ценность источника в целом и отдельных известий, содержащихся в нем⁷⁹. Как верно заметила О. М. Медушевская, «работа источниковеда идет по спирали от общего ознакомления с источником, его текстом, происхождением, авторством, историей создания к детальному анализу содержания и затем, на более высоком уровне, вновь к оценке содержания и значения источника в целом»⁸⁰.

Подведем итоги. Одним из важнейших условий существования науки как самостоятельной отрасли знания является наличие у нее предмета исследования. Свой предмет имеет и источниковедение.

В отличие от других отраслей знания, объектом изучения которых тоже является исторический источник, — вспомогательных исторических дисциплин и исторической науки в целом, предметом источниковедения является исторический источник, вся масса исторических источников во всей полноте заключенной в них информации, рассматриваемая как продукт общественного развития. Только в этом случае может быть понят и объективно оценен источник и как факт исторической действительности, и как носитель информации о тех исторических фактах, с которыми он непосредственно связан. Выяснив значение источника как явления общественной жизни, историк переходит к тщательному изучению всей заключенной в нем информации. А это, в свою очередь, может дать более глубокое представление о самом источнике как продукте общественного развития. В соответствии с предметом и вытекающими из него задачами на основе марксистско-ленинской методологии вырабатывается методика источниковедения, внутренне присущая этой специальной исторической дисциплине.

⁷⁶ Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. 1, т. 2, СПб., б. г. Изд. «Общ. польза», с. 315.

⁷⁷ См. Греков Б. Д. Крестьяне на Руси, кн. 1, с. 174, 234—239.

⁷⁸ Лихачев Д. С. Рецензия на книгу Л. В. Черепнина «Русские феодальные архивы XIV—XV вв. — Известия АН СССР, сер. истор. и филос.», т. 9, № 3, М., 1952, с. 302.

⁷⁹ Эти положения подробно обосновываются в нашей монографии — Методика исторического источниковедения, изд. 2. Ростов н/Д, 1976, гл. VIII—X.

⁸⁰ Медушевская О. М. Теоретико-методологические проблемы источниковедения и современная буржуазная историография, с. 84.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. И. ЧУГУНОВ

**ВОПРОСЫ ИСТОРИИ СССР В СЕРИИ «ИСТОРИЯ»,
ИЗДАВАЕМОЙ ВСЕСОЮЗНЫМ ОБЩЕСТВОМ «ЗНАНИЕ»
(1975—1976 гг.)**

Наука в нашей стране оценивается не только результатами исследований. «Наука играет немалую роль в формировании научного, т. е. марксистско-ленинского мировоззрения, она имеет важные идеологические аспекты»¹, — говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС на встрече с руководителями академий наук социалистических стран 17 февраля 1977 г. Советская историческая наука, исследуя закономерности жизни и деятельности общества вносит значительный вклад в идейное воспитание трудящихся, формирование у них коммунистического мировоззрения, в подготовку сознательных и активных строителей коммунизма.

В пропаганде исторических знаний среди широких трудящихся масс важное место занимает популярная литература, выпускаемая центральными и местными издательствами.

В научно-популярных монографиях и брошюрах в доступной для широкого читателя форме раскрываются наиболее существенные исторические события и факты, многие из которых этими же авторами уже проанализированы в различное время в научных исследованиях, рассчитанных на специалистов. Научно-популярные монографии и брошюры по истории рассчитаны прежде всего на пропагандистов, преподавателей, студентов. Такого рода литературой интересуются также широкий круг читателей.

Вместе с тем следует заметить, что авторы не ограничиваются только пересказом уже известных исторических фактов и событий, а привлекают и новые материалы, в том числе малоизвестные архивные документы. Изложение и в этих случаях ведется также с расчетом на массового читателя, но такие работы несомненно представляют и научный интерес.

Читателям хорошо известны популярно написанные очерки о важнейших событиях истории нашей страны, выходящие в «Политиздате» в сериях «Страницы истории Советской Родины», «Пламенные революционеры». Большую работу по пропаганде научных и в том числе исторических знаний проводит издательство «Наука». В его серии «Страницы истории нашей Родины» выходят интересные, живо написанные научно-популярные монографии, в которых поднимаются актуальные проблемы исторической науки. Немало научно-популярных работ издается в различных издательствах под специальными рубриками.

Большую работу по пропаганде исторических знаний проводит общество «Знание». Под рубрикой «Новое в жизни, науке, технике» оно публикует серии «История» и «История и политика КПСС».

¹ «Коммунист», 1977, № 4, с. 10.

Интересующая нас серия «История» издается с 1962 г. Ежемесячно в этой серии выходят небольшие работы, посвященные различным вопросам истории. Каждая книжка имеет порядковый номер. В течение 1975—1976 гг. в серии «История» было опубликовано 24 книжки. Тематика этих брошюр довольно разнообразна. Большинство работ связано с изучением истории нашей страны, отдельные брошюры посвящены истории других стран, развитию социалистического содружества, идеологии национально-освободительного движения, истории борьбы коммунистов против фашизма накануне второй мировой войны².

В серии вышли работы по истории внешней политики СССР, в которых рассматриваются проблемы сотрудничества Советского Союза с капиталистическими странами³, издания, содержащие критику буржуазной историографии, характеризующие роль исторической науки в современной идеологической борьбе⁴. В 1976 г. выпущены две работы, посвященные истории развитого социалистического общества в нашей стране⁵, а также брошюры, в которых освещается история Великой Отечественной войны⁶, социалистической индустриализации⁷, первой русской революции⁸. В этой же серии вышел брошюра И. А. Мироновой о восстании декабристов «Их дело не прошло» (М., 1975).

Значительное место в серии занимают работы, посвященные ленинской теме⁹.

Внешнеполитические сюжеты, затронутые в работах А. Е. Иоффе, М. М. Наринского и Е. И. Поповой, — это история взаимоотношений Советского Союза с США и Францией на протяжении всей истории существования нашего государства. Широкие хронологические рамки работ позволили авторам проследить основные этапы развития этих отношений.

Большой и сложный путь прошли СССР и Франция для достижения отношений согласия и взаимопонимания по важнейшим проблемам современности. Неоднозначно восприняла Франция Октябрьскую революцию: буржуазия — враждебно, трудящиеся — с дружеской поддержкой. Затем 1921 г., когда деловые круги Франции начали поиски контактов с Советской страной. При колебании и непоследовательности французской внешней политики в довоенное время все же экономические, научные и культурные контакты между нашими странами постепенно крепились и развивались. Огром-

² Кауфман А. С., Ким Г. Ф. Революционная демократия и национально-освободительные революции. М., 1976; Новопашин Ю. С. Развитие социалистического содружества: итоги и перспективы. М., 1975; Огонисьян Ю. С. Идеология национально-освободительного движения: исторические истоки, социальное содержание, тенденции развития. М., 1975; Подлесный П. Т. Американская революция: традиции и современность. М., 1976; Фирсов Ф. И. Коммунисты против фашизма и войны. М., 1975; Чапанов В. И. Знаменосец демократических и социалистических преобразований в ГДР. М., 1976.

³ Иоффе А. Е., Наринский М. М. Советско-французское сотрудничество: традиции и современность. М., 1975; Попова Е. И. СССР — США: история взаимоотношений и перспективы сотрудничества. М., 1976.

⁴ Игрицкий Ю. И., Романовский Н. В. Критика буржуазной историографии трех революций в России. М., 1975; Марушкин Б. И. Историческая наука и современная идеологическая борьба. М., 1975; Наумов В. П., Косаковский А. А. История гражданской войны и интервенции в СССР. Современная буржуазная историография. М., 1976; Ноткин Б. И. Социальная структура советского общества и мифы буржуазной историографии. М., 1976.

⁵ Касьяненко В. И. Историография развитого социализма в СССР. М., 1976; Кукушкин Ю. С. Советы в развитом социалистическом обществе. М., 1976.

⁶ Корзун Л. И. Управление народным хозяйством СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1976; Куликов В. Г. Всемирно-историческая победа советского народа в Великой Отечественной войне. М., 1975.

⁷ Хромов С. С. Социалистическая индустриализация. М., 1975.

⁸ Михайлов Ю. Опыт и уроки первой русской революции. М., 1975.

⁹ Берхин И. Б. Историческая битва за мир. М., 1976; Голиков Г. Н. Новые документы В. И. Ленина. М., 1976; Жукова Е. Д. Интернациональные связи ленинской «Искры» М., 1975; Ирошников М. П. В. И. Ленин — Председатель Совнаркома. М., 1975; Любшова В. А. Из истории архива Председателя Совнаркома В. И. Ленина. М., 1976.

ную положительную роль в развитии советско-французского сотрудничества сыграл боевой союз в годы второй мировой войны. Затем наступило временное охлаждение. Расширение торговых контактов с 1951 г., Женевское соглашение 1954 г. по Индокитаю способствовали нормализации отношений между СССР и Францией. Материалы, приведенные в указанных брошюрах, ярко показывают борьбу Советского Союза за упрочение разрядки, за мир и безопасность народов.

Критика буржуазной историографии, предпринятая в работах серии «История», ведется по нескольким направлениям. В работе Б. И. Марушкина делается попытка в общих чертах раскрыть развитие идеологической борьбы в исторической науке на современном этапе, определить новые направления этой борьбы. Автор приводит убедительные факты усилившегося в капиталистических странах внимания к исторической науке. Объясняется это активным влиянием исторической науки на сознание людей и ее возросшей ролью в выработке политических решений в быстро меняющихся социальных, политических и экономических условиях. В связи с этим Б. И. Марушкин аргументированно доказывает несостоятельность многочисленных антимарксистских, антиленинских, антикоммунистических и антисоветских теорий, изобретенных современными буржуазными идеологами.

Взгляды представителей различных направлений англо-американской буржуазной историографии по вопросам социальной структуры советского общества, анализируются в брошюре Б. И. Ноткина. Автор делает критический разбор концепций буржуазных советологов по вопросам социальной структуры рабочего класса, советского крестьянства, советской интеллигенции.

Под углом зрения изучения истории гражданской войны и интервенции рассматривают буржуазную историографию В. П. Наумов и А. А. Косаковский. Они анализируют взгляды буржуазных историков на причины и характер гражданской войны в СССР, разоблачают стремление преуменьшить масштабы антисоветской интервенции, недооценить роль Коммунистической партии в организации отпора внутренней и внешней контрреволюции.

Анализируя концепции буржуазных историков о содержании и сущности трех революций в России, Ю. И. Игрицкий и Н. В. Романовский акцентируют внимание на попытках этих исследователей преуменьшить роль объективных и субъективных предпосылок в революции, показывают разительное расхождение с фактами истории различных версий о трех русских революциях в работах буржуазных авторов. Авторы аргументированно опровергают заявления буржуазных историков об «оторванности» (в период первой русской революции) большевистской партии от народных масс, Февральской революции от Октябрьской. В брошюре раскрыта эволюция взглядов буржуазных историков на Октябрьскую революцию, касающаяся главным образом их оценки влияния социалистической революции на современный мир. Если в ранних работах говорилось о недолговечном, преходящем значении Октября в России, то современные советологи вынуждены признать революцию 1917 г. величайшим поворотным пунктом в истории, ее огромное влияние на все международные проблемы.

Изучение основных черт развитого социализма является одним из наиболее важных направлений советской исторической науки. Тем большее значение имеет подведение историографических итогов этой темы. В брошюре В. И. Касьяненко в популярной форме излагаются результаты анализа литературы, посвященной изучению основных направлений темы. Автор обращает внимание читателей на сущность, критерии зрелости и основные черты развитого социализма в СССР, затрагивает некоторые вопросы методологии исследования. А вот работа Ю. С. Кукушкина содержит конкретный анализ совершенствования форм и методов работы Советов в условиях развитого социализма. При этом автор опирается как на партийные документы, так и на материалы периодических изданий, другие источники.

Оценке исторического значения победы советского народа в Великой Отечественной войне, той роли, которую сыграло в победе совершенствование структуры и методов управления народным хозяйством в соответствии с требованиями военного времени посвящены брошюры В. Г. Куликова и Л. И. Корзуна.

Раскрывая источники победы Советского Союза в Великой Отечественной войне, В. Г. Куликов акцентирует внимание на показе превосходства социалистической системы над капиталистической в экономической, политической, идеологической и других сферах, проведенных Коммунистической партией мероприятий в довоенные годы по укреплению обороноспособности страны и в годы войны по отпору врага. Автор подчеркивает определяющую роль Коммунистической партии в подготовке и проведении важнейших операций, в решении актуальных вопросов строительства Вооруженных Сил, организации войск, их технического оснащения и боевого использования, в руководстве партизанским движением, в организации перестройки народного хозяйства на военный лад.

Л. И. Корзун характеризует организацию управления народным хозяйством СССР к началу Великой Отечественной войны, управление народным хозяйством СССР в годы войны, руководство перестройкой народного хозяйства на военный лад и восстановлением экономики в районах, освобожденных от оккупантов.

Социалистическая индустриализация — важнейшая составная часть ленинского плана построения социализма. С. С. Хромов, рассматривая ленинскую программу социалистической индустриализации страны, показывает способы борьбы за восстановление и дальнейшее развитие тяжелой индустрии; раскрывает ведущую роль и сущность электрификации в системе социалистической индустриализации.

В работе С. С. Хромова раскрывается сложная борьба партии с противниками ленинского плана социалистической индустриализации, полная несостоятельность их вымыслов о каком-то «искусственном» форсировании роста крупной индустрии, показываются основные источники накопления средств для восстановления и развития промышленного производства. Говоря о путях, способах и средствах социалистической индустриализации, автор обращает внимание на их тесную связь с политическими выводами партии с возможности построения социализма в одной стране.

В брошюре Ю. Михайлова рассматривается характер, особенности и движущие силы первой русской революции, анализируется стратегия и тактика партии большевиков, обобщается опыт ее деятельности в революционных условиях, освещаются уроки первой русской революции и ее международное значение. Автор подчеркивает закономерность революции 1905—1907 гг., характеризует ее народную сущность, руководящую роль партии в ее осуществлении, крепнувший в процессе классовых битв в ходе первой русской революции союз рабочих и крестьян. В брошюре анализируется стратегическая линия и тактика партии большевиков в первой русской революции.

Ряд брошюр, вышедших в 1975—1976 гг. в серии «История» еще раз продемонстрировал неисчерпаемость и многогранность ленинской темы.

Е. Д. Жуков убедительно раскрывает важное значение основанной В. И. Лениным «Искры», рассматривает интернациональные связи русских марксистов с социалистами других стран, помощь рабочих европейских государств в издании и транспортировке газеты. Останавливаясь на роли общерусской марксистской газеты в пропаганде принципов международной пролетарской солидарности, автор большое место отводит показу организаторской деятельности В. И. Ленина по обработке поступавшего материала и распространению «Искры» в России. В брошюре широко использована переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра».

В работе И. Б. Берхина рассматривается борьба В. И. Ленина за заключение Брестского мира, за его ратификацию, показывается историческое значение этого события.

С интересом читается брошюра М. П. Прошникова, в которой раскрывается многогранная деятельность вождя первого в истории рабоче-крестьянского правительства. В брошюре слитно рассматриваются две стороны деятельности В. И. Ленина по созданию и развитию социалистического государства — теоретическая и практическая.

Автор обращает внимание на глубокое изучение В. И. Лениным фундаментальных трудов К. Маркса и Ф. Энгельса по теории государства, на исследование им зарубежной практики государственного управления, деятельности Парижской коммуны, исторического опыта революций второй половины XIX и начала XX в. и разработку новых важнейших теоретических положений о сломе буржуазного государственного

аппарата, о создании диктатуры пролетариата в форме Советов. Главное в брошюре — показ разносторонней деятельности В. И. Ленина в различных областях управления (оборона страны, внешнеполитические связи, хозяйственные вопросы, просвещение и т. д.), анализ ленинского стиля руководства.

Среди работ, посвященных ленинской теме, выделяются брошюры Г. Н. Голикова и В. А. Любимовой. Охарактеризовав значение ленинского теоретического наследия и остановившись на общей оценке изданий сочинений В. И. Ленина, Г. Н. Голиков анализирует новые публикации ленинских работ, включенных в XXXVII и XXXVIII Ленинские сборники, дает их краткую источниковедческую характеристику, включающую историю создания отдельных работ, их внешнее описание, анализ содержания.

История возникновения Архива Председателя Совнаркома В. И. Ленина рассматривается в работе В. А. Любимовой. Автор обращает внимание на становление делопроизводства Совнаркома, создание Управления делами СНК и СТО, совершенствование работы, управления делами СНК. В работе затрагивается история образования «Архива В. И. Ленина», передачи его в Институт В. И. Ленина, рассматривается методика его научной обработки, его научное значение.

Среди брошюр, поднимающих вопросы истории нашей Родины, выделяется работа И. А. Мироновой. Автор обращается к процессу формирования дворянской революционной идеологии, анализирует программные документы декабристов, их роль и место в русском освободительном движении, раскрывает прогрессивный характер движения дворянских революционеров. В брошюре показаны объективные социально-экономические и политические противоречия русской действительности первой четверти XIX в., породившие движение декабристов.

Как видим в серии «История», выпускаемой обществом «Знание», выходят работы крупных специалистов, профессионально занимающихся исследованием затронутых в брошюрах сюжетов. Это обеспечивает высокий научный и идейно-теоретический уровень изданий. Вместе с тем нельзя не заметить того, что некоторые темы широки для рамок брошюр и это в ряде случаев сказывается на полноте изложения. Не всегда приводимые в книжках фактические данные выверяются автором и редакцией. Так, в брошюре А. Е. Иоффе и М. М. Наринского рассказывается о первом советском партизанском полку во Франции и упоминаются факты, не в полной мере отвечающие документальным источникам.

Несомненна актуальность тем, которые проанализированы в работах серии, вышедших в 1975—1976 гг. Это ленинская тема, критика буржуазной историографии, проблемы развитого социализма, история Великой Отечественной войны, внешнеполитические сюжеты. Ряд работ серии приурочен к юбилейным датам. Так, работа С. С. Хромова посвящена 50-летию XIV съезда партии, брошюра И. А. Мироновой — 150-летию восстания декабристов, книга Ф. И. Фирсова — 40-летию VII Конгресса Коминтерна, и т. д.

Можно пожелать, чтобы в этой серии нашли отражение и такие важные сюжеты, как, например, история советского рабочего класса и крестьянства, история формирования советского народа — новой исторической общности людей, экономическое развитие нашей страны, и другие более частные, но не менее актуальные проблемы истории нашей Родины.

В приветствии ЦК КПСС 7-му съезду общества «Знание», отметившего в 1977 году свое 30-летие, подчеркивается: «Сегодня для общества „Знание“ нет долга выше и почетнее, чем глубокое разъяснение идей съезда, разработанных партийной задачей ленинской внутренней и внешней политики, мобилизация советских людей на их выполнение»¹⁰.

¹⁰ «Правда», 1977 г., 26 мая.

РЕЦЕНЗИИ И ЗАМЕТКИ

ОСТАПЕНКО И. П. РАБОЧИЙ КЛАСС СССР В УПРАВЛЕНИИ ПРОИЗВОДСТВОМ 1956—1970 гг. М., «Наука», 1976, 483 с., тир. 2650 экз.

И. П. Остапенко в комплексе рассматривает вопросы многогранной деятельности советских рабочих по руководству промышленным производством, показывает, как совершенствовалось управление экономикой, изменялся количественный и качественный состав рабочего класса, возрастал уровень его общеобразовательной и технической подготовки, большое внимание уделяет участию рабочих в решении производственно-технических вопросов и общественном контроле.

В работе анализируются мероприятия партии и правительства по расширению участия рабочего класса в управлении обществом и производством. Отмечая возрастание роли рабочего класса в общественном производстве, автор подчеркивает, что главное воздействие на все стороны общественной жизни рабочий класс осуществляет через Коммунистическую партию, показывает возрастание роли рабочих в деятельности партийных, советских, комсомольских и профсоюзных организаций. Он приводит большое количество директивных документов партии, решений отдельных партийных организаций, освещающих организаторскую роль КПСС в развитии экономики страны.

Необходимо отметить важное значение постановки автором проблем борьбы рабочих за укрепление трудовой дисциплины, их участия в совершенствовании нормирования труда, технического творчества, в планировании производства и др.

Рецензируемая книга восполнит существенный пробел в изучении роли рабочего класса в осуществлении экономической реформы 1965 г. Укрепление централизованного начала в управлении промышленностью и новая экономическая система способствовали усилению демократизма и творческой инициативы трудящихся. В новых условиях значительно повысилась роль коллективных договоров, в которых более широкое отражение нашла инициатива рабочих в вопросах совершенствования организации труда и эффективности производства, заработной платы и использования фондов материального поощрения.

Анализируя рост влияния общественных организаций на промышленных предприятиях, автор справедливо выдвигает на первое место выборы и самые представительные органы рабочих — постоянно действующие производственные совещания, показывает, как обогащались формы и методы работы производственных совещаний на предприятиях, как они становились координирующими центрами организаций трудящихся.

Важное место в книге занимает исследование участия трудящихся масс в работе органов партийно-государственного и народного контроля. Автор рассматривает истоки организации органов контроля в нашей стране и их совершенствование в ходе социалистического и коммунистического строительства, показывает подлинно народный характер этой массовой организации рабочего класса. Так, в 1970 г. в стране действовало 1 055 170 групп и постов народного контроля, объединивших в своих рядах 7 649 365 человек — передовых рабочих, новаторов производства, ударников коммунистического труда.

В монографии широко освещается деятельность новаторов производства по ускорению технического прогресса. Приводится обширный статистический материал, дающий возможность наглядно представить вклад, внесенный рабочими-изобретателями и рационализаторами в дело совершенствования производства.

В книге обобщается опыт, накопленный рабочим классом по воспитанию достойной смены. Это и движение наставничества, и вечера посвящения в рабочие, и чествование рабочих династий, и многое другое. Анализируется также деятельность таких самостоятельных органов рабочих коллективов, как общественные отделы кадров, советы рабочей чести, товарищеские суды и т. д. Интересно, на наш взгляд, постановка в книге проблемы роли социалистического соревнования как действенного фактора укрепления трудовой дисциплины и создания постоянного рабочего коллектива.

Особый интерес вызывает раздел книги, в котором исторически прослеживается путь борьбы рабочих за улучшение качественных показателей от движения отличников середины 30-х годов до пятилетки эффективности и качества наших дней. И. П. Остапенко подчеркивает, что рабочие коллективы рассматривали повышение качества продукции как обязательное требование развития социалистической экономики, как наиболее действенный путь роста производительности труда.

Автор анализирует и изменения в облике рабочего класса. Так, например, удельный вес городских рабочих, имеющих неполное среднее, среднее и высшее образование, увеличился с 43,2% в 1959 г. до 64,2% в 1970 г. Это, несомненно, сказалось на активизации творческой деятельности рабочих. Только состав научно-технических обществ с 1955 по 1970 г. увеличился за счет рабочих-новаторов на 588,2 тыс. Численность рабочих — членов

НТО выросла за этот период более, чем в 18 раз, а их удельный вес увеличился с 8,3% до 12,4%. Увеличилась доля рабочих и их влияние в других творческих организациях. Если в общественные конструкторские бюро в начале 60-х годов входило не более 10—15% рабочих, то к 1970 г. — 20—25%. Таким образом, участие рабочих в организации деятельности общественных конструкторских бюро, бюро экономического анализа, общественных научно-исследовательских институтов и других творческих объединений в значительной мере определялось возрастающим уровнем общеобразовательной и технической подготовки рабочего класса. На наш взгляд, дальнейшее исследование указанных проблем потребует более глубокого анализа факторов взаимного влияния качества роста рабочего класса и повышения его общественной активности.

Большое значение для определения научной ценности исследования имеет тот материал, на котором решаются поставленные в работе задачи. Наряду с союзными материалами в книге широко используются данные по отдельным отраслям промышленности, регионам страны и крупным предприятиям.

Автор привлекает статистические материалы, периодическую печать, использует данные социологических исследований, проводившихся в стране в 50—60-е годы. Наряду с публикациями документов И. П.

Остапенко вводит в научный оборот широкие пласты неопубликованных документов из центральных архивов. Особый интерес вызывают документы республиканских, областных и городских комитетов партии, освещающих плодотворную деятельность партии и рабочего класса по управлению производством в различных районах нашей страны. Большое количество материалов, характеризующих творческую активность советских рабочих, извлечено из Центрального архива ВЦСПС и текущих архивов ЦК профсоюзов и других организаций. Следует, однако, отметить, что большой цифровой и фактический материал иногда размещается в работе не рационально, в ущерб анализу и обобщениям. Приходится также сожалеть, что в книге отсутствует историко-научный анализ, который приоткрыл бы исследовательскую лабораторию автора.

Оценивая рецензируемую книгу в целом, можно сказать, что историография рабочего класса пополнилась серьезным исследованием, значение которого не только в освещении важной и малонизученной стороны деятельности трудящихся СССР, но и в стимулировании историков к более интенсивному научному анализу роли советских рабочих в управлении общественным производством.

Е. К. Минибаяев

ДЕНИСОВ Ю. П. РАЗВИТИЕ КОЛХОЗНОЙ ДЕМОКРАТИИ (1946—1970 гг.). Изд-во Ростовского ун-та, 1975, 184 с., тир. 3500 экз.

Коммунистическая партия и Советское государство, руководствуясь ленинским кооперативным планом, постоянно уделяют пристальное внимание вопросам развития и совершенствования колхозной демократии. Теоретические и практические вопросы этой темы получали освещение в ряде научных работ, к сожалению, пока немногочисленных*. Автор рецензируемой книги первым среди историков в монографическом плане исследовал развитие колхозной демократии с момента окончания Великой Отечественной войны до начала 70-х годов. При этом он опирается на труды В. И. Ленина, важнейшие партийные документы, широко привлекает документы и материалы центральных и местных партийных и государственных архивов, протоколы колхозных собраний.

Вопросы развития колхозной демократии Ю. П. Денисов исследует в тесной связи с социально-экономическими процессами колхозного строительства. Он не ограничивается освещением деятельности органов внутриколхозного управления, а уделяет большое внимание участию колхозников в разработке новых уставов, их борьбе против нарушений демократических основ колхозного самоуправления, показывает роль партийных организаций в укреплении законности и правопорядка в колхозах, в повышении авторитета колхозного Устава.

* См. Павлов И. В. Правовые формы управления делами в колхозах. М., 1955; Визер Б. К. Развитие колхозной демократии в период крутого подъема сельского хозяйства (на материалах Молдавской ССР). Кишинев, 1963; Подгорных Л. А. Развитие Коммунистической партией ленинских принципов колхозной демократии в условиях строительства коммунизма. М., 1968 и др.

Говоря о развитии колхозной демократии на современном этапе, автор всесторонне анализирует принятый Третьим Всесоюзным съездом колхозников новый Примерный Устав, явившийся мощным средством дальнейшего совершенствования общественных отношений в деревне. В книге показывается, что в Уставе нашли отражение такие новые явления, как создание межколхозных и государственно-колхозных специализированных предприятий, организаций и объединений, право колхозников развивать подсобные предприятия и промыслы, распределение валовой продукции и доходов на принципиально новой основе, пенсионное обеспечение всех колхозников и др.

Автор сосредоточивает свое внимание также на проблеме колхозного планирования, раскрывает взаимосвязь централизованного планирования и самостоятельности, хозяйственной предприимчивости колхозов. Он выделяет и обосновывает три основных этапа в развитии и совершенствовании планирования колхозного производства с рубежами — 1955 и 1965 гг. (с. 124).

Особое внимание в книге уделено методологии решения вопроса о совершенствовании планирования, ибо это позволяет полнее раскрыть действие объективного экономического закона планомерного (пропорционального) развития, в полной мере распространяющегося на колхозное производство.

Ю. П. Денисов показывает историческую обусловленность централизованного планирования, его необходимость в первые послевоенные годы. Затем на значительном материале раскрывает динамику демократизации хозяйственной деятельности колхозов и развертывание инициативы тружеников сельского хозяйства по дальнейшему совершенствованию планирования колхозного производства. При этом уделяется внимание внедрению перспективного планирования в колхозах после сентябрьского (1953 г.) и мартовского (1965 г.) Пленумов ЦК КПСС (с. 80—83, 96). В книге исследуется влияние совершенствования планирования на развитие общественного хозяйства колхозов, их производственную деятельность. В тесной связи с анализом единства и многообразия процесса становления и развития научно-обоснованного планирования сельскохозяйственного производства в книге показана борьба против волюнтаризма в планировании, проявившегося в экономической и социальной жизни колхозов в конце 50-х—начале 60-х годов. Отмечается важная роль конкретных социальных исследований в получении информации для осуществления социального планирования в колхозах.

Миллионы сельских тружеников принимают активное участие в управлении общественным производством. По решению Третьего Всесоюзного съезда колхозников созданы и действуют 2417 Советов колхозников. В них избрано свыше 85 тыс. представителей советских сельскохозяйственных органов, научных учреждений, в том числе 64 тыс. рядовых тружеников. В рассматриваемой книге показан исторический процесс развития непосредственной и представительной демократии в колхозах. Здесь широко освещена работа делегатских собраний, собраний по бригадам и населенным пунктам и другие новые формы развития творческой инициативы и активности колхозных масс (с. 140—155). Приведен интересный материал о повышении роли общих собраний колхозников, собраний уполномоченных, советов бригад.

Р. Ф. Винокурова, Ф. И. Колодин

САМСОНОВ А. М. КРАХ ФАШИСТСКОЙ АГРЕССИИ. М., «Наука», 1975, 647 с., тир. 7500 экз.

Книга А. М. Самсонова — работа обобщающего, общен исторического плана. Она создана на основе обширной литературы, мемуаров, публикаций документов. В своих обобщениях и выводах автор опирается и на знание архивных материалов, без чего анализ ряда противоречиво освещенных в литературе вопросов не получил бы должного освещения. Написанный живо и интересно труд обращен к широкому кругу читателей. С позиций марксистско-ленинской методологии А. М. Самсонов вы-

делил узловые проблемы, коренные принципиальные вопросы истории второй мировой войны, оценив этот мировой конфликт в должной исторической перспективе, с точки зрения современной жизни, ее интересов и забот, ее политики.

В свете современности весьма интересны те разделы книги, в которых А. М. Самсонов излагает причины второй мировой войны. Автор убедительно показал, что развязыванию войны способствовал отказ западных держав в конце 30-х годов от политики сдерживания агрессора путем

создания в Европе системы коллективной безопасности на основе сотрудничества с СССР. Сближение с Германией, отказ от сотрудничества с Советским Союзом не отвечали наиболее глубоким требованиям развития международных событий, сущности гитлеровской политики и определяемой ею завоевательной программы, нацеленной и против Запада, и против Востока.

В оценке намерений третьего рейха Запад допустил минимум три крупнейших просчета. Он недооценил, что концепция межимпериалистического соперничества и передела колоний за счет западных держав в то время преобладала в германской политике, что попытка предоставить Гитлеру «свободу рук» на Востоке отнюдь не ослабляет его агрессивных тенденций относительно Запада, что, ориентируя националистское руководство на войну против Советского Союза, Англия и Франция подрывают собственные политические и военные позиции, лишая себя самого реального и мощного союзника.

Модификация западной политики в период от 1 сентября 1939 г. до весны 1941 г., как показывает А. М. Самсонов, состояла, по существу, в том, что Запад под влиянием событий войны вынужден был отказаться от ложной исходной политической «модели» и стал принимать ту единственно реальную структуру международной политики, которую Советский Союз предлагал с самого начала. Но этот поворот был исторически запоздалым. Ведь речь шла теперь о создании условий для победы в уже разгоревшейся тяжелой войне.

В рецензируемой книге убедительно показана сущность международного политического кризиса, непосредственно приведшего к войне. Автор убедительно показал, что политика английской и французской буржуазии определялась двумя главными тенденциями: антикоммунизмом и конкурентной империалистической борьбой. Эти два главных мотива политики, неразрывно связанные между собой, обусловили, с одной стороны, попустительство гитлеровской агрессии, наталкивание Германии на Советский Союз, а с другой — стремление ограничить те направления германской экспансии, которые угрожали мировым позициям западного, прежде всего британского империализма.

А. М. Самсонов подчеркивает, что схватка между империалистическими государствами в начальной фазе войны была закономерным продолжением их довоенной политики, сложившейся на почве обострения противоречий внутри капиталистической системы. Фашизм, развязывая войну, рассчитывал добиться господства внутри капиталистической системы путем военного разгрома конкурентов порою, одного за другим, по возможности избежав образования их единой коалиции. Только после этого нацисты собира-

лись приступить к выполнению главной задачи — агрессии против Советского Союза.

В книге показывается, что вынужденное объявление войны Англией и Францией Германии поставило последнюю перед вероятностью образования союза западных держав. Но этот союз не сложился вплоть до вступления в войну Советского Союза из-за целой суммы политических противоречий внутри мира капитализма. Более того, на начальной стадии войны французские и британские правящие круги продолжали совместно и в одиночку поиски соглашения с Гитлером.

В работе дан ясный и четкий анализ положения Советского Союза в предвоенные годы, раскрыты коренные проблемы социалистического строительства, показано, как, развиваясь в обстановке враждебного окружения, без помощи извне, наша страна построила новое общество и гарантировала высокую оборонную мощь. Анализируя состояние нашего военного потенциала, развитие видов вооруженных сил и родов войск Красной Армии, состояние подготовки кадров и военной науки, автор раскрыл главные направления целеустремленной деятельности партии по подготовке страны к отпору агрессору.

Характеризуя борьбу советского народа и его вооруженных сил против фашистской агрессии на первом, самом трудном ее этапе, А. М. Самсонов убедительно и ярко показывает как всю тяжесть обрушившихся на нашу страну испытаний, так и беспримерный в своем героизме подвиг советских воинов, всех советских людей. Советский народ, поднявшись на защиту своей социалистической Родины, на разгром гитлеровских агрессоров, отстаивал интересы всех трудящихся, всего прогрессивного человечества и поэтому пользовался поддержкой всех свободлюбивых народов. Автор анализирует процесс постепенного срыва советскими войсками исходного стратегического плана гитлеровского командования, перехода инициативы в руки Советского Верховного Главнокомандования, что предопределило перелом в ходе войны.

В рецензируемой книге подчеркивается значение создания антигитлеровской коалиции и, в частности, отмечается: «Создание антигитлеровской коалиции и ее дальнейшее укрепление сыграло большую роль в организации разгрома блока фашистских государств. Политика объединения усилий в достижении этой цели являлась главным курсом стран антигитлеровской коалиции. В условиях мировой войны формировался исторический опыт сотрудничества в международных делах государств с различным общественно-политическим строем и различной идеологией» (с. 188). И этот опыт, конечно, представляет непреходящую ценность для современности.

А. М. Самсонов подчеркивает решающую роль народных масс в войне, характеризует национально-освободительную борьбу народов против фашизма. Освободительное движение принимало в отдельных странах различные формы и размеры в зависимости от соотношения классовых сил, от социальных, национальных и других конкретных особенностей развития стран. Благодаря активной антифашистской борьбе народных масс оккупированных стран, война, которую международный империализм задумал как средство передела мира, стала усилиями народных масс превращаться в освободительную, справедливую войну. А это явилось убедительным свидетельством того, что общественное развитие достигло такого уровня, когда народные массы, для которых становится ясной сущность войны, могут вопреки интересам империалистов изменить ее характер, направить ее острее против наиболее реакционных в данный момент сил.

Раскрывая роль Советского Союза в победе, отмечая, что решающим событием второй мировой войны было вступление в нее нашей страны, автор анализирует весь ход невероятно упорной, гигантской борьбы СССР с агрессором на протяжении четырех лет. На обширном историческом материале, с учетом всех достижений советской историографии, А. М. Самсонов раскрывает содержание и значение основных событий второй мировой войны, ее кампаний, важнейших битв, стратегических операций, дает исторический и оперативно-стратегический анализ советского военного искусства. В результате возник-

кает широкая картина грандиозной эпопеи войны, и главным образом решающих событий на советско-германском фронте.

Раскрывая взаимодействие военных событий с революционными процессами, автор отмечает, что связь войны и революции, гениально открытая В. И. Лениным еще в годы первого мирового конфликта, подтверждалась в новых условиях целиком и полностью. Поражение Германии, Японии и их союзников прежде всего под ударами Советских Вооруженных Сил, отвечавшее интересам демократии, прогресса, открыло путь к народным революциям. В книге подчеркивается, что результаты и последствия войны определялись в первую очередь тем вкладом, который внесли в достижение победы Советский Союз, широкое демократическое движение Сопротивления, национально-освободительная борьба народов.

В заключительной части книги есть слова, которые, на наш взгляд, следует связать с оценкой рецензируемого труда: «Историческая правда только одна, она не допускает отступлений от объективной истины и ее искажения. Как увязать это утверждение с положением о том, что историк не стоит в стороне от политики и социальных условий, а его концепции формируются в значительной мере под их воздействием? Противоречия здесь нет, если историк стоит на позициях прогрессивных сил. Классовая оценка и анализ исторических явлений способствуют выявлению объективных закономерностей развития общества, его движению вперед» (с. 623).

Д. М. Проэктор

НАЗИПОВА К. А. НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ТАТАРИИ (1917—1921 гг.). М., «Наука», 1976, 311 с., тир. 1550 экз.

Исследуя процесс национализации промышленности в одном из районов нашей страны, автор показывает как общие его закономерности, так и местные особенности. В центре внимания автора находятся вопросы организации управления национализированной промышленностью.

Установление рабочего контроля над производством и распределением продуктов — первый практический шаг к национализации промышленности. На основе анализа ленинских работ, а также многочисленных документальных материалов автор показывает, что рабочий контроль над производством и распределением возник как требование, идущее снизу, как проявление революционного творчества рабочего класса. Придавая исключительное значение рабочему контролю, В. И. Ленин ставил его «... всегда рядом с дик-

татурой пролетариата, всегда вслед за ней...»¹. Движение за рабочий контроль переплеталось с борьбой рабочих за власть.

Выделяя четыре этапа в развитии рабочего контроля в дооктябрьский период, К. А. Назипова анализирует эволюцию рабочего контроля от стихийности на первом этапе и до высокой организованности, перераставшей зачастую в революционное управление производством на этапах, непосредственно предшествовавших Октябрьской революции. Принципиальное значение имеет исследование неудавшейся попытки татарской буржуазии отколоть рабочих татар от русского пролетариата, от совместной борьбы рабочих раз-

¹ Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 306.

ных национальностей под руководством большевиков.

После Октября рабочий контроль стал направляться сверху пролетарским государством. Автор подчеркивает, что в этих условиях главной задачей органов рабочего контроля стало обеспечение бесперебойной работы промышленности. Известно, что рабочий контроль был переходной мерой от капитализма к социализму. В. И. Ленин писал, что «...первым основным шагом, который обязателен для всякого социалистического, рабочего правительства, должен быть рабочий контроль»².

В книге показаны структура и методы работы контрольных комиссий, фабзавкомов, советов рабочего контроля, деятельность которых носила, несмотря на принятие Казанским советом рабочего контроля полуменьшевистской инструкции Всероссийского совета рабочего контроля, распорядительный характер. Анализ промышленной переписи 1918 г. дал возможность автору осветить важные стороны деятельности партийных организаций Татарии по руководству работой органов контроля (с. 91—98). В конце 1918 — начале 1919 г. контроль и рабочее управление были установлены на предприятиях, где концентрировалась основная масса рабочих Татарии (с. 100).

Введение рабочего контроля на предприятиях было в штыки встречено буржуазией, эсерами и меньшевиками, оказавшими ожесточенное сопротивление проведению в жизнь декрета о рабочем контроле. Предприниматели закрывали заводы, расстранивали сырье и материалы, вывозили ценности, увольняли рабочих, под разными предлогами не выплачивали заработную плату и т. д. Меньшевики и эсеры, доказывая, что рабочий контроль не должен затрагивать управление предприятиями, старались свести на нет его революционную суть.

В рецензируемой работе обращается внимание и на национализацию банков, ставших орудием рабочей власти, рычагом экономического переворота. В феврале 1918 г. были национализированы два банка в Казани, Елабужский коммерческий банк, Чистопольское отделение Русского для внешней торговли банка, а в марте завершена национализация всех остальных семи банков.

Непосредственно характеризуя процесс национализации промышленности Татарии, автор выделяет этапы, в общем совпадающие с общей периодизацией национализации промышленности в СССР. На первом этапе в Татарии было национализировано около 50 предприятий химической, пищевой, полиграфической и других отраслей промышленности. К. А. Назипова установила первоначальное отставание Татарии в темпах национализации от про-

мышленно развитых районов страны, что объяснялось, по ее мнению, более поздним созданием в крае совнархоза, подрывной деятельностью эсеров и меньшевиков. Только осенью 1918 г. Татария догнала и даже перегнала по темпам национализации другие районы страны (с. 147). Большой фактический материал, зачастую впервые вводимый в научный оборот, дал возможность автору в деталях реконструировать сложную картину национализации отдельно по каждой отрасли производства, обобщить эти данные.

В работе показаны тяжелые последствия оккупации Татарии Колчаковской армией для развития промышленности. Многие национализированные предприятия в период оккупации возвращались прежним владельцам, что несомненно повлияло на темпы национализации промышленности этого района.

Рабочий контроль, как указывается в книге, хотя и облегчил проведение национализации, но не решил вопросы, связанные с общим регулированием экономической жизни страны. Эти функции были возложены на ВСНХ и соответствующие местные учреждения. К. А. Назипова специально останавливается на вопросе создания местных органов управления: Комиссариата труда Казанской губернии, отделов городского хозяйства при совдепах, Казанского совета городского хозяйства при Казанской губернии, Совета народных комиссаров при Казанском губернском Совете рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и, наконец, Казанского губернского Совета народного хозяйства, ставшего высшим органом народного хозяйства Волжско-Камской области.

Автором подробно описаны создание отраслевых и функциональных отделов СНХ, их обязанности, численный состав, показана ведущая роль коммунистов в организации управления промышленностью, а также охарактеризованы трудности, обусловленные борьбой с буржуазией и эсеро-меньшевистскими элементами.

На примере конкретной истории алафужовских заводов и фабрик, Паратского завода, стекольных заводов Казанского района и других предприятий в книге анализируется вклад рабочих в создание новой системы управления. Приводимый автором материал лишний раз подтверждает правильность ленинского положения о том, что «организаторская работа подлинна и рядовому рабочему и крестьянину, обладающему грамотностью, знанием людей, практическим опытом»³.

В книге впервые публикуются цифровые материалы, характеризующие участие рабочих Казанской губернии в руководящих органах управления, названы десятки имен рабочих, входивших в состав первых коллегий. Привлекают внимание материалы о введении коллегиальности в

² Ленин В. И. ПСС, т. 37, с. 139.

³ Ленин В. И. ПСС, т. 35, с. 198.

управлении, о различных формах учебно-рабочих по овладению наукой управления, о привлечении старых специалистов и использовании их опыта, о внедрении «Положения об управлении национализированными предприятиями» (1918 г.) и т. д.

В монографии подчеркнута ведущая роль рабочего класса Татарии в подготовке кадров, в утверждении социалистической дисциплины, повышении производительности труда. Автор совершенно правомерно акцентирует внимание на этих вопросах, так как речь по существу идет о формировании новых социалистических производственных отношений.

В приложении автор дает полный список предприятий Татарии с указанием даты их национализации. В список включено 373 предприятия с подробными ссылками на источники сведений. Рецензируемая работа позволяет уточнить имеющиеся в литературе суждения о времени проведения и завершения национализации промышленности в Татарии.

Книга Назиповой К. А. не свободна, однако, от некоторых недостатков. Историко-географическая часть исследования сводится главным образом к перечислению изданных по теме работ. Остается неясным, какие проблемы исследованы в теоретическом и конкретно-историческом

плане, какие поставлены в указанных работах, по не решены до конца и, наконец, какие не затронуты вообще. Сожаление вызывает отсутствие характеристики состояния промышленности и рабочего класса Татарии от февраля до октября 1917 г., что позволило автору хотя бы схематично показать политику буржуазного Временного правительства по отношению к промышленности национальных окраин России, более развернуто охарактеризовать состояние промышленности Татарии непосредственно накануне Октября, на общем фоне экономической катастрофы.

Подробно анализируя процесс национализации промышленности Татарии, рассматривая его в тесной связи с явлениями, характерными для страны в целом, автор иногда увлекается излишне подробным описанием известных событий, (так, в третьей главе имеет место некоторая иллюстративность изложения в ущерб общению).

Но, несмотря на отмеченные недостатки, монография К. А. Назиповой вносит заметный вклад в разработку одной из важнейших проблем советской историко-графии.

Р. Г. Кузеев

И Н О Я Т О В Х. Ш. ПРОТИВ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ ПОБЕДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНЕ. Ташкент. Изд-во «Узбекистан», 1976, 375 с., тир. 3000 экз.

Рецензируемое исследование посвящено критике буржуазных и ревизионистских концепций истории победы Великого Октября в Средней Азии и Казахстане. Автор анализирует труды историков США, Англии, ФРГ, Канады, Франции, Турции и других стран. Вся реакционная буржуазная литература по истории Октябрьской революции на востоке нашей страны подразделяется Х. Ш. Иноятовым на три группы: работы непосредственных свидетелей событий (военных дипломатов и т. д.); наиболее враждебные по духу и бездоказательные по содержанию работы буржуазных националистов, белоэмигрантов и т. п.; работы буржуазных историков.

Центральное место в монографии занимает проблема формирования социально-экономических предпосылок социалистической революции в Средней Азии и Казахстане, показ объективных закономерностей ее победы. Привлеченный автором материал убедительно опровергает тезис буржуазных авторов о том, что революция была принесена в Среднюю Азию и Ка-

захстан «по телеграфу». Российский империализм не только переносил на почву колоний целый комплекс социально-экономических противоречий метрополии, но и обострял до предела противоречия, присущие восточному докапиталистическому обществу. Приводимый в книге конкретный материал позволяет проследить динамику нарастания этих противоречий, их постепенного стиягивания в единый узел, разрубить который смогла только Октябрьская революция.

Как известно, современные буржуазные историки много пишут о якобы несоответствии социальной структуры «восточных обществ» марксистской «схеме» классов и классовой борьбы. Материалы, приводимые в рецензируемой книге, свидетельствуют о том, что развитие капитализма усилило процесс классовой дифференциации на окраинах, придало ей черты, свойственные более высокой общественно-экономической формации: что в Средней Азии и Казахстане в конце XIX — начале XX в. не только до крайности обострились противоречия между местными эксплуатато-

рами и трудовым населением на почве феодальных отношений, но и сформировались национальные отряды пролетариата и буржуазии. А это, в свою очередь, послужило толчком к дальнейшему развитию революционного и национально-освободительного движения.

Автор раскрывает преемственность различных этапов национально-освободительного движения, эволюцию его характера под влиянием общего нарастания революционной обстановки в стране, изменение соотношения классовых сил внутри него. Апогеем национально-освободительной борьбы в Средней Азии и Казахстане в период до Февральской революции, как известно, явилось общенародное восстание летом 1916 г.

Вопреки утверждениям буржуазных историков о чисто националистическом характере восстания, автор показывает, что несмотря на стихийность, по своему объективному содержанию «оно явилось... одним из проявлений назревавшего в России революционного кризиса и в подавляющем большинстве районов носило прогрессивный, народно-освободительный характер, сливаясь с общей революционной борьбой русского народа против царского самодержавия, капитализма и кровавой империалистической войны» (с. 152). Х. Ш. Иноятлов вместе с тем обращает внимание и на высказывания буржуазных исследователей, признающих, что это восстание, подорвав колониальную систему царизма, ускорило тем самым его свержение.

Вывод автора о том, что и в последующий период национально-освободительное движение не только не прекратилось, но и усиливалось под воздействием революционной борьбы российского пролетариата, сливаясь с ней (с. 156—157), выглядит особенно убедительным благодаря тому, что он использовал в исследовании материалы, характеризующие влияние русской демократической культуры, революционных традиций на формирование мировоззрения лучших представителей народов Средней Азии и Казахстана. Х. Ш. Иноятлов показывает, что межнациональные связи народов России в эпоху империализма постоянно развивались. Тенденция к интернационализации общественной жизни, культуры отчетливо проявила себя и в восточных колониях Российской империи.

В рецензируемой книге рассматривается также процесс перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую на территории Средней Азии и Казахстана. Приводимые в монографии факты убедительно свидетельствуют о полной научной несостоятельности высказываний буржуазных историков о том, что в этот период трудящиеся коренных национальностей были лишь пассивными наблюдателями всего происшедшего. Под руководством большевиков

и при действенной помощи русского пролетариата они приняли активное участие в создании массовых демократических организаций трудящихся, профсоюзов, выступили против старого царского аппарата и т. д. Революционизирующее влияние на трудящихся местных национальностей оказали по возвращении на родину «тыловики» — представители местного населения, призванные на работу в прифронтовую полосу. Свою роль в революционной борьбе сыграли и вернувшиеся с фронта солдаты-мусульмане (татары и башкиры), которые владея языком коренного населения, оказывали им помощь при выборах в местные органы власти, при смещении старых властей, в разрешении всевозможных конфликтов, принимали участие в организации «Союза трудящихся мусульман» (с. 191). Автор прослеживает процесс классового размежевания внутри национально-освободительного движения, проявившийся, в частности, во время выборов в городские Думы в августе—сентябре 1917 г., когда «Союз трудящихся мусульман» впервые выступил со списками и требованиями, поддержанными большевиками.

В книге подчеркивается, что лишены всяких оснований утверждения буржуазных историков о том, что местные трудящиеся с полным безразличием встретили победу Советской власти в Средней Азии и Казахстане. Участие коренного населения в установлении Советской власти выразилось в самых различных формах борьбы: в организации сельских и волостных Советов, в отстранении от должности сельских старшин и волостных управителей (что имело место почти везде), в манифестациях в связи с установлением Советской власти, наконец, в создании нового государственного аппарата власти народной милиции и Красной гвардии.

Совсем по-иному восприняли трудящиеся образование так называемой «Кокандской автономии» — буржуазно-националистической республики, созданной в противовес Советской власти. Это вынуждены признать и буржуазные историки, стремящиеся, однако, обелить классово-эксплуататорскую сущность буржуазно-националистического правительства (Р. Пайпс, А. Парк) (с. 282—283). Так, они отмечают, что план автономистов о создании «армии ислама» на добровольческой основе полностью провалился. Автономисты вынуждены были призвать на помощь басмачей, русских белогвардейских и бывших пленных турецких офицеров. Материальную и военную поддержку «Кокандская автономия» получала от хана и эмира, открыто ставших на сторону врагов Советской власти, от сил внутренней контрреволюции, а также от английских империалистов. Х. Ш. Иноятлов приводит факты, свидетельствующие о том, что трудящиеся массы коренного населения оказали не только пассивное сопротивление автоно-

мистам, но и с оружием в руках выступили против них. Факты эти прямо направлены против утверждения буржуазных историков, что в ликвидации этого очага контрреволюции участвовали лишь русские рабочие и солдаты.

Значительное место уделено в книге процессу создания Советской автономии Туркестана. Автор убедительно показывает, что уже первая Советская автономия на территории Средней Азии и Казахстана носила общенародный, интернациональный характер. Ленинская национальная политика на востоке страны связывала в последовательную цепь процессы размежевания классовых сил в ходе национально-освободительного движения и становления советской национальной государственности, используя эти объективные тенденции исторического развития для создания реальных условий расцвета и сближения наций.

Рецензируемая работа не лишена неко-

торых недостатков. В частности, приводимый в книге материал можно было использовать и для более глубокой критики идейно-теоретических основ буржуазной историографии Великого Октября. В ряде случаев автор упустил возможность сделать общетеоретические обобщения о характере национально-освободительного движения на различных этапах революции. его движущих силах, о взаимодействиях центра и периферии в ходе развития общероссийского революционного процесса.

В целом, привлеченный автором фактический материал убедительно показал, что Октябрьская революция в Средней Азии и Казахстане — не наносное явление, не случайность, как это доказывают буржуазные авторы, она была обусловлена всем ходом политического и экономического развития этого региона, как составной части Российской империи.

В. П. Булдаков, И. В. Михайлов

ПОЛИКАРПОВ В. Д. ПРОЛОГ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ [октябрь 1917 — февраль 1918]. М., «Наука», 1976, 413 с., тир. 9000 экз.

Великий Октябрь и гражданская война сыграли столь значительную роль в судьбах нашей страны и во всемирной истории в целом, что обращение к этой теме было и всегда останется закономерным и актуальнейшим явлением в историографии советского общества. Интерес к событиям Великого Октября и гражданской войны определяется также сложностью процесса борьбы за утверждение и сохранение диктатуры пролетариата, Советской власти в России. Рецензируемая монография — убедительное свидетельство тому, что необычайная многоплановость темы, и при наличии колоссальной по объему литературы, обуславливает возможность для выявления недостаточно изученных ее аспектов, для выделения их в качестве самостоятельного объекта исследования.

Работу В. Д. Поликарпова отличает интересный подход к освещению многих сторон избранной проблемы.

Проблема периодизации гражданской войны в СССР ставилась в советской историографии многократно и решалась в разное время по-разному. В начале 1960-х годов интерес к ней особенно усилился, о чем говорит содержание вышедших в те годы историографических работ В. П. Наумова, С. Ф. Найды, И. Л. Шермана, автора рецензируемой книги и ряда других историков. Глубокое осмысление ценнейших указаний В. И. Ленина на этот счет

привело советских исследователей к единственно верной методологической посылке — рассматривать период с осени 1917 г. до весны 1918 г. как начальный этап гражданской войны, как пролог гражданской войны, которая охватила страну в 1918—1920 гг. Из этого положения и исходит автор.

В. Д. Поликарпов достаточно четко формулирует основные принципы подхода к избранной теме. Он пишет, в частности, что изучение гражданской войны может быть особенно плодотворным в том случае, если военные события будут рассматриваться в непрерывной связи с политической революцией; иными словами: если они будут восприниматься как органическая часть революционного процесса» (с. 399). Опираясь на труды В. И. Ленина, на конкретно-исторические факты, исследователь выступает против встречающейся еще в литературе практики своеобразной «изоляции» Октябрьской революции от гражданской войны (с. 9), против попыток «исключения» проблемы гражданской войны из истории первых месяцев пролетарской революции в России (с. 406).

Автор справедливо отмечает, что как раз начальный этап гражданской войны до сих пор не получил в литературе достаточно глубокого и всестороннего освещения, чему были свои причины, в том числе и связанные с состоянием источниковой базы. Но, на наш взгляд, главная труд-

ность создания действительно оригинальной работы по избранной теме определялась в значительной мере тем, что при неполноте представлений о данном периоде гражданской войны в целом, многие проблемы и события, в том числе и те из них, которые стали объектом наиболее пристального рассмотрения в рецензируемой монографии, неоднократно уже ставились и в той или иной степени освещались в исторической литературе. Очень важно поэтому было по-новому расставить акценты, выделив те стороны проблемы, которые действительно требовали специального изучения, что и сделал В. Д. Поликарпов.

Автор сознательно и в целом вполне оправданно отказался от описания всех фактов вооруженной борьбы периода триумфального шествия Советской власти и задаял целью «обрисовать начальный этап гражданской войны путем освещения деятельности тех центров, которые организовывали ее и руководили в общероссийском масштабе» (с. 7). Он scrupulously анализирует стратегию контрреволюции, разработанную Ставкой, подробнейшим образом освещает основные события, связанные с попытками реализации этой стратегии (деятельность Ставки, «поход» на Петроград, «Лужский кулак», алексеевско-корниловская контрреволюция на Юго-Востоке, каледнинщина на Дону и т. д.). Большое место в книге отводится рассмотрению истоков и предпосылок буржуазной контрреволюции и причин ее поражения.

Все содержание книги убедительно свидетельствует о том, что и на начальном этапе вооруженной борьбы против Советской власти очаги этой борьбы не были какими-то случайными и стихийными вспышками в локализованных районах, что «существовали всероссийские по своей роли центры контрреволюции, которые сразу же после победы Октября в столице начали вооруженную борьбу, имея целью перевернуть вопрос о центральной государственной власти, и только после нанесенных им советскими войсками ударов... вооруженное сопротивление эксплуататоров лишалось своих объединяющих центров, распадалось на блокированные советскими войсками «очаги», отскакивало на окраины...» (с. 397).

Автор в заключение подчеркивает, что выступление эксплуататорских классов с оружием в руках против власти Советов «нельзя расценивать только как их ответ на Октябрьскую революцию, лишившую их экономического и политического господства. В той же мере, в какой борьба пролетариата в гражданской войне была продолжением Октябрьской революции, точно так же и борьба его классового противника уходила корнями в контрреволюцию, самоопределение которой отсчитывается к гораздо более раннему времени» (с. 400). Логика классовой борьбы, инстинкт самосохранения делали исторически обусловленной «вторую» корниловщину, буржуа-

зия «не могла отказаться от попытки свалить Советскую власть наиболее сильно действующим средством. Во всем этом находит свое подтверждение ленинский вывод о неизбежности гражданской войны в России в 1917—1918 гг.» (с. 400—401). Этот очень важный вывод, вытекающий из анализа конкретного хода событий и одновременно дающий ключ к пониманию их природы и роли в последующей истории Советской России, представляется нам совершенно справедливым.

Проследив шаг за шагом историю выработки стратегических планов буржуазно-помещичьей контрреволюции и конкретные попытки их практического осуществления, показывая отношение к этим планам и действиям иностранных империалистов, автор, естественно, обращает самое серьезное внимание и на характеристику противоборствующей стороны. Он показывает, как ленинская политическая стратегия определяла стратегию военную, как слияние той и другой помогало определить направление главных ударов по центрам российской контрреволюции. Особенно интересны страницы, рассказывающие о борьбе Советского правительства со Ставкой и за Ставку, о роли предложений о мире в этой борьбе.

Характеризуя стратегию советского командования, В. Д. Поликарпов широко использует труды В. И. Ленина. Ленинские оценки являются основой и при подходе к общеконцептуальным проблемам истории гражданской войны в России. Само по себе это обстоятельство не содержит в себе ничего исключительного. Хорошо известно, что советские специалисты в области гражданской войны в СССР давно и самым серьезным образом изучают ленинское наследие, что ими написано немало специальных статей и книг о В. И. Ленине как историке революции и гражданской войны в России. Поэтому о степени использования ленинских материалов в рецензируемой монографии можно было бы и не говорить, если бы автор ее не продемонстрировал исключительную внимательность, какую-то особую бережность и scrupulousness добросовестности в отношении ленинского историографического наследия. Это позволило проанализировать во всей полноте ленинскую концепцию гражданской войны первого этапа, точно выделить наиболее важные ее положения, отметить некоторые не бросающиеся в глаза, но имеющие принципиальное значение нюансы ленинской мысли о начале гражданской войны, о закономерных ее предпосылках, о соотношении в период триумфального шествия Советской власти военных форм борьбы с другими видами классовых ожогов.

Основные положения, выдвинутые автором, не могут, на наш взгляд, вызвать каких-либо серьезных возражений. Они достаточно аргументированы. Круг источников, привлеченных В. Д. Поликарповым,

широк и многообразен. Среди них и публикация документов, отражающих различные стороны истории триумфального шествия Советской власти, и архивные материалы, и многочисленные мемуары, принадлежащие участникам обеих борющихся сторон, и периодическая печать. Использование воспоминаний и периодической печати помогли автору восполнить те серьезные пробелы, которые таит в себе документальная источниковая база (с. 14—16).

Особо хочется сказать об использовании буржуазно-белогвардейских газет и мемуаров. Критически их анализируя, автор смог показать несостоятельность и предвзятость положений и оценок, высказанных участниками контрреволюции, и в то же время он извлек из них необходимый фактический материал, без которого вряд ли возможно было решить одну из главных задач рецензируемой монографии, сформулированную автором как «выяснение внутреннего состояния, сил и замыслов лагеря контрреволюции» (с. 11).

Благодаря прекрасному знанию результатов исследований своих предшественников, а также скрупулезному анализу источников, В. Д. Поликарпов уточняет ряд фактических вопросов. Полемика, которую он при этом ведет с некоторыми из своих предшественников, всегда интересна и убедительна. Стоит, например, обратиться к страницам 208—210 и последующим, где уточняются отдельные положения, высказанные М. И. Калустиним и И. С. Лутовиным по поводу роли и основного ударного направления так называемого «Лужского кулака». В. Д. Поликарпов, опираясь на источники, доказательно раскрывает истоки выводов, с которыми не может согласиться и аргументированно отстаивает свою позицию по данному вопросу. Столь же развернуто и убедительно полемизирует он на страницах 267—275 по вопросу о характере деятельности Могилевского ВРК и по некоторым другим сторонам проблемы борьбы со Ставкой. Непредвзятость, ненадуманность, а искренняя заинтересованность в обнаружении истины является, на наш взгляд, отличительной чертой методики в исследовательской практике В. Д. Поликарпова.

Вообще, если очень кратко сформулировать основные характеристики рецензируемой книги, то их можно свести к двум положениям: высокий научно-идейный уровень и добросовестная аргументация.

Характеризуя эту интересную работу, хочется также высказать ряд пожеланий. Оставляя за автором право ограничения исследования лишь самыми важными фактами истории российской контрреволюции первых послеоктябрьских недель и месяцев (Ставка, Юго-Восточный центр, календарщина на Дону), все-таки хотелось бы видеть в книге авторский взгляд на роль

«дутовщины», зарождающейся «семеновщины» и т. п. выступлений в общероссийских стратегических планах контрреволюции. В монографии же такого рода события практически не упоминаются и остаются не ясным, были ли они связаны с общероссийскими замыслами контрреволюции.

Хотелось бы, далее, видеть в книге и более конкретную количественную характеристику общего соотношения классовых сил, вступивших в октябрьские и послеоктябрьские дни в жесточайшую схватку. Автор монографии полагал, возможно, что после выхода в свет монографии И. И. Минца, Л. М. Спирина и других исследований, где данная проблема освещается с наибольшей конкретной полнотой, не было необходимости в такого рода характеристике. На наш взгляд, она не помешала бы и в этой работе.

Есть в рецензируемой монографии и случаи недостаточно точных и полных формулировок. Например, не очень понятно, что имел в виду автор, называя наряду с идеологической формой борьбы теоретическую (с. 6). Разве последняя не является частью и проявлением идеологической борьбы? Справедливость, однако, требует сказать, что такого рода погрешности в рецензируемой книге носят случайный характер.

Монография В. Д. Поликарпова, как всякое строго научное исследование, адресована прежде всего специалистам в области истории революции и гражданской войны в СССР. Но она написана на такую значительную и актуальную тему и на таком свежем фактическом материале, что может и должна привлечь внимание любого читателя, интересующегося историей своего отечества. Думается, что и сам автор с достаточным основанием рассчитывал на такого рода интерес. Но при чтении данной книги неискушенный во всех перипетиях гражданской войны читатель встретится с некоторыми затруднениями из-за отсутствия хотя бы в подстрочных примечаниях, необходимых биографических сведений о лицах, фигурирующих в ней.

Сделанные замечания говорят о недостатках и погрешностях частного характера. Они несколько не снижают общего, очень хорошего впечатления от этой работы, не умаляют большой значимости осуществленного В. Д. Поликарповым исследования. Этот труд намного продвигает вперед изучение Октябрьской революции и гражданской войны в Советской России и заслуженно займет заметное место в марксистской историографии одной из важнейших тем отечественной и всемирной истории.

М. Е. Плотникова

СМИРНОВ А. С. БОЛЬШЕВИКИ И КРЕСТЬЯНСТВО В ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. М., Политиздат, 1976, 232 с., тир. 20 000 экз.

Борьбе партии большевиков за привлечение крестьянства на сторону социалистической революции, за укрепление союза пролетариата и беднейшего крестьянства, обеспечившего победу Великого Октября, посвящено немало специальных работ. Рецензируемая книга — итог многолетних научных изысканий автора¹. Он внимательно изучил советскую литературу и публикации источников, обратив особое внимание на последние исследования по истории местных партийных организаций, привлек новые источники не только из центральных, но и из местных партийных и государственных архивов, активно использовал периодические издания 1917 г.

А. С. Смирнов специально останавливается на деятельности в деревне местных городских партийных организаций, создании сельских большевистских ячеек, работе большевиков в землячествах, их участии в крестьянских съездах. Анализируя причины преобладающего влияния партии эсеров на крестьянство в первые месяцы после Февральской революции, автор характеризует аграрную программу эсеров и подчеркивает, что ничего социалистического в эсеровской программе «социализации земли» не было. В этой программе, отмечает А. С. Смирнов, крестьян привлекало обещание взять всю землю у помещиков и других крупных владельцев, передать ее без выкупа крестьянам, превратить землю в общенародное достояние, в распоряжение общины для уравнительного пользования крестьянами без применения наемного труда (с. 30—31). На наш взгляд, автору следовало бы изложить принципиально важные выводы В. И. Ленина о тактике большевиков в борьбе за крестьянство. В. И. Ленин писал: «Нельзя ограничиваться теоретическими разоблачениями мелкобуржуазных иллюзий „социализации земли“, „уравнительного землепользования“, „недопущения наемного труда“ и т. п.»², «...центр тяжести в пропаганде и агитации против эсеров надо переносить на то, что они изменили крестьянам»³.

Внимательное изучение крестьянских съездов в период двоевластия дало возможность автору конкретно раскрыть содержание ленинского положения о том, что «в них губерниях... крестьянские съезды установили власть на местах»⁴ и эта власть в отдельных губерниях «складывалась под диктатурой крестьянства»⁵. Изучение материалов крестьянских съездов, проходивших осенью 1917 г., позволило А. С. Смирнову конкретно проследить процесс их полемики. Оно проявилось в постановлениях многих съездов о немедленной передаче помещичьих имений и всей земли в ведение земельных комитетов, что означало разрыв крестьянских съездов с политикой Временного правительства (с. 181). К этому можно было бы добавить, что большевики поддерживали эти решения, стремясь на деле превратить низовые, волостные земельные комитеты в органы революционного захвата помещичьих земель и имений.

Характеризуя развитие крестьянского движения осенью 1917 г. и переход его в крестьянское восстание, автор выделяет движение в Тамбовской губернии, которое было первым и крупнейшим очагом крестьянского восстания (с. 218—219). Несмотря на то, что В. И. Ленин особо выделял это движение⁶, некоторые советские обобщающие работы не отмечают его значения, как одного из основных очагов восстания⁷. В заключение А. С. Смирнов показывает соединение борьбы пролетариата за социализм с борьбой крестьян за землю, сочетание крестьянской войны с пролетарской революцией, осуществленное под руководством партии большевиков в Октябрьской революции.

Е. А. Луцкий

¹ См. работы Смирнова А. С.: Агитация и пропаганда большевиков в деревне в период подготовки Октябрьской революции. М., 1957; Земляческие организации рабочих и солдат в 1917 г. — «Исторические записки», т. 60. 1957; Петроградский Совет крестьянских депутатов в 1917 г. — там же, т. 73. 1963; Об отношении большевиков к левым эсерам в период подготовки Октябрьской революции. — «Вопросы истории КПСС», 1966, № 2; Крестьянские съезды Пензенской губернии в 1917 году. — «История СССР», 1967, № 3; Большевики и крестьянские съезды в период двоевластия. — «Вопросы истории КПСС», 1970, № 10 и др.

² Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 113.

³ Там же, с. 114.

⁴ Ленин В. И. ПСС, т. 32, с. 174.

⁵ Ленин В. И. ПСС, т. 31, с. 378.

⁶ Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 400.

⁷ Советское крестьянство. Краткий очерк истории (1917—1920). Изд. 2, доп. М., 1973, с. 31—33.

ШИШКИН В. Ф. ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И ПРОЛЕТАРСКАЯ МОРАЛЬ. М., «Мысль», 1976, 262 с., тир. 14 000 экз.

Привлекая многочисленные источники личного происхождения (мемуары, письма солдат и матросов родным, в газеты, в различные организации), материалы периодических изданий, в том числе многочисленных газет и другие документы, В. Ф. Шишкин исследует наиболее значительные явления в нравственной жизни пролетариата, вызванные Октябрьской революцией. Созданные в результате Февральской революции массовые организации пролетариата — Советы рабочих и солдатских депутатов, профсоюзы, фабзавкомы, рабочая милиция и Красная гвардия — развернули повседневную, кропотливую работу по нравственному воспитанию рабочих. Характерной чертой воспитательной работы массовых пролетарских организаций после Февраля 1917 г. было непосредственное выведение принципов, норм и оценок поведения из интересов развития революции.

Процесс роста патриотического самосознания народа после свержения царизма, преодоление заблуждений «революционного оборончества» прослежены в монографии во всей сложности и противоречивости. Автор отмечает огромную работу большевистской партии, которая помогла массам не только избавиться от иллюзий «революционного оборончества», но и понять, что подлинный патриотизм связан с борьбой за переход к социалистической революции.

Анализируя ленинские работы того периода, В. Ф. Шишкин обращает внимание на роль морального фактора в подготовке Октябрьского вооруженного восстания. Он отмечает многие свидетельства неуклонного роста морального авторитета большевиков, понимавших и выражавших интересы трудящихся. Немаловажное значение имело падение престижа старой власти, ее деморализация. Убедительно выглядит вывод автора о том, что разносторонняя работа партии обеспечила моральный перевес революционных сил над лагерем контрреволюции, явнившийся одним из решающих факторов победы Октября (стр. 129).

Центральное место в монографии занимает исследование воздействия пролетарской революции на формирование коммунистической морали. Хотя рабочий класс в условиях капитализма выработал революционную мораль, но тем не менее только победа Великой Октябрьской социалистической революции, установившая диктатуру пролетариата и передавшая в руки трудящихся важнейшие средства производства, создала материальную основу и социально-политические предпосылки становления и развития коммунистической морали. Пролетариат из угнетенного превратился в правящий класс. В то же время революция сама по себе оказала непосредственное ускоряющее влияние на развитие нравственного сознания пролетариата.

Но процесс становления новой морали протекал в сложной обстановке. В связи с этим интересны постановка и исследование автором вопроса о противодействующих этому процессу факторах. Часть из них носила общий, закономерный характер и оказывала свое отрицательное влияние на нравственное развитие молодого советского общества продолжительное время, другие — частные были порождены своеобразными условиями первых послеоктябрьских месяцев. Победа Октябрьской революции, хотя и создала коренные условия формирования коммунистической нравственности, но ее принципы и нормы не могли сразу и полностью в силу объективных обстоятельств и живучести старого в сознании людей определять нравственное поведение трудящихся. Социалистическая революция вызвала к жизни лишь ее ростки. «Мы должны, — указывал В. И. Ленин, — тщательно изучать ростки нового, внимательнейшим образом относиться к ним, всячески помогать их росту и „ухаживать“ за этими слабыми ростками»*.

Социалистическая революция создала условия для развития творческой активности масс, особенно ярко проявившейся в формировании государственного аппарата. Необходимо было выработать новые моральные отношения между самими работниками, новые принципы работы с людьми. В. Ф. Шишкин подчеркивает, что огромное влияние на выработку стиля работы советского государственного аппарата оказали В. И. Ленин и его ближайшие соратники.

Важную воспитательную роль сыграли созданные тогда Красная Армия, советская милиция, продотряды. С первых дней своей организации воспитанием людей в духе принципов и норм коммунистической морали занимался советский суд.

В монографии показано, как большевистская партия, используя созданные революцией возможности, формировала такие важнейшие черты морального облика советского человека, как дисциплинированность, новое отношение к труду и народному достоянию, советский патриотизм и пролетарский интернационализм.

Касаясь отдельных недостатков работы, заметим, что не совсем оправдано наличие самостоятельной главы о ростках нового отношения к труду в преддверии Октября,

* Ленин В. И. ПСС, т. 39, стр. 20.

тем более, что в книге есть глава о становлении нового отношения к труду и народному достоянию после победы Октябрьской революции. Известно, что Февральская буржуазно-демократическая революция не изменила социально-экономической природы труда рабочих на капиталистических предприятиях, а следовательно, и отношения рабочих к труду. На наш взгляд, монография нуждалась в более глубоком историографическом анализе литературы. Имеющиеся краткий обзор во введении и отдельные замечания историографического характера в тексте не решают полностью этой задачи.

В заключение, положительно оценивая монографию Шишкина В. Ф., следует подчеркнуть ее значение для разработки истории Великой Октябрьской социалистической революции. Материал, приведенный в ней, свидетельствует о том, что «социалистическая революция перевернула старый уклад жизни, непосредственно вторглась в быт и привела в движение огромные массы народа, оказав свое прямое воздействие на нравственные воззрения людей, на их права, на поведение» (с. 4).

В. Л. Миловидов

КРУЗЕ Э. Э. ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА РОССИИ В 1900—1914 гг. Л., «Наука», 1976, 298 с., тир. 2450 экз.

Монография Э. Э. Крузе посвящена бесспорно актуальной теме — социально-экономическому положению российского пролетариата в эпоху империализма. В. И. Ленин, говоря о первостепенной важности изучения положения рабочего класса при капитализме, указывал, «что именно то позорное экономическое положение, в котором находится пролетариат, неудержимо толкает его вперед и заставляет бороться за свое конечное освобождение»¹.

Рецензируемая книга основана на солидной источниковой базе. Автор широко привлекает и умело использует делопроизводственную документацию государственных учреждений дореволюционной России, справочно-информационные издания, материалы периодических изданий и исторических публикаций. Опираясь на марксистско-ленинскую методологию, она критически использовала ведомственные статистические издания, промышленные переписи и т. п.

Автора монографии интересует широкий круг вопросов, характеризующих численность, состав рабочих, источники его пополнения, динамику роста, заработную плату, рабочее время и т. п. Обращает на себя внимание динамика численности некоторых категорий наемных рабочих, в частности строительных, сельскохозяйственных, чернорабочих и др., по которым не велся учет в дореволюционной ведомственной статистике. Приводимые автором сведения являются результатом кропотливого поиска, сложных расчетов, изысканий.

Э. Э. Крузе всесторонне анализирует вопрос о численности и размещении рабочего класса России в период империа-

лизма. При этом исследовательница исходит из ленинского положения о среднем уровне развития капитализма в России и созревании материальных предпосылок для победы социалистической революции в нашей стране. Благодаря проделанной работе значительно уточнены данные о численности сельскохозяйственного пролетариата и рабочей прислуги. В итоге автор указывает, что в 1913 г. в России насчитывалось 22,7 млн. наемных рабочих (с. 42), а не 17,8 млн, как указывает А. Г. Рашин². Но тут же автор справедливо замечает, что и эти данные не совсем точны, ибо в подсчет не включены большие группы наемных рабочих Сибири, Казахстана и Средней Азии, рабочие выехавшие на работу за границу, рабочие в лесном деле и лесопромышленности. Все эти группы рабочих составляли примерно 4,3 млн. чел. При подсчетах не полностью учтены многочисленные группы транспортных рабочих, обслуживавших перевозку грузов в Россию (грузчики, крючники, бурлаки, сплавщики, извозчики, перевозчики); отдельные группы рабочих городского коммунального хозяйства. Таким образом, автор приходит к совершенно обоснованному выводу, что общая численность рабочих России превышала и названную ею цифру, что свидетельствует о наличии в России большого отряда пролетариата. Э. Э. Крузе обращает внимание и на необходимость при определении численности рабочего класса иметь в виду и членов их семей, ведь рабочие с семьями составляли более 1/3 населения всей России (с. 288). В работе показан про-

² Рашин А. Г. Формирование рабочего класса России. Историко-экономические очерки. М., 1958, с. 171—172.

¹ Ленин В. И. ПСС, т. 2, с. 9.

песс концентрации и размещения промышленного пролетариата в ведущих промышленных районах страны.

В исследовании существенное место отводится анализу профессионального состава промышленных рабочих, на долю которых приходилось в 1913 г. до 54% всех наемных рабочих России (с. 288). Изучая отраслевой состав фабрично-заводских рабочих обрабатывающей промышленности России, автор отмечает, что по численности на первом месте находились текстильщики. Они составляли свыше 37% всего фабрично-заводского пролетариата дореволюционной России. Вслед за ними шли металлисты, составлявшие соответственно 18% (с. 97). Именно полуторамиллионный отряд текстильщиков и металлистов (более 55% фабрично-заводских рабочих России) был наиболее передовым и революционным. На наш взгляд, в работе необходимо было дать сводную обобщающую характеристику классификации промышленного пролетариата страны по основным подразделениям промышленного производства: отраслям тяжелой индустрии и легкой и пищевой промышленности.

Исключительное значение имеет и проблема социального состава пролетариата России. Автор показывает, что в начале XX в. свыше 90% фабрично-заводских рабочих европейской части страны являлись постоянными, т. е. кадровыми. Изучив многочисленные материалы об источниках пополнения рабочего класса, Э. Э. Крузе пришел к выводу, что все чаще источником пополнения рядов пролетариата становились семьи рабочих. При этом в Петербурге процент потомственного промышленного пролетариата был очень высок. Здесь к 1917 г. всего лишь 16,5% фабрично-заводских рабочих имели связь с деревней (с. 144). Это весьма важный показатель социального состава рабочих столицы империи. Иное положение было в Московском промышленном районе. На это указывал В. И. Ленин: «У московского пролетариата несравненно больше связей с деревней... это факт, много раз подтвержденный и неоспоримый»^{*}.

Отмечая неуклонный рост кадровых, потомственных пролетариев, Э. Э. Крузе показывает, что важным источником пополнения рабочего класса по-прежнему оставалось беднейшее крестьянство страны. Это в равной мере относится к Южному горнопромышленному району, Закавказью, Кавказу, Сибири и другим районам страны. При этом всюду наблюдается процесс пролетаризации крестьянских масс. Так, на примере Юга России, автор показывает, что до трех четвертей беднейших крестьян, из которых формировались кадры рабочих в период империализма, стали пролетариями.

Весьма сложным, требующим усилий многих исследователей, является вопрос об изменениях в национальном составе всего российского пролетариата в период империализма. Нет ответа на него и в рецензируемой работе. Отчасти это связано с отсутствием необходимых комплексов источников. Дореволюционная статистика обходила национальный состав, не включала этот показатель. Приходится привлекать многочисленные косвенные материалы, личные дела рабочих различных предприятий и т. п., что позволило начать изучение вопроса о национальном составе рабочих Украины, Азербайджана и некоторых других республик³.

В рецензируемой монографии исследована грамотность промышленных рабочих страны. Впервые в литературе приводятся сводные данные о динамике роста грамотности фабрично-заводских рабочих в период империализма. Материалы книги показывают, что если в начале XX в. грамотными были в среднем $\frac{2}{3}$ рабочих мужчин, то к 1918 — уже до $\frac{4}{5}$. За этот же период грамотность фабрично-заводских рабочих выросла от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ общего числа работников (с. 115). Автор правильно отмечает, что общий уровень грамотности и культуры, политической сознательности и активности у пролетариата был намного выше, чем у населения страны в целом. Несомненное воздействие на общий социально-политический и культурный уровень пролетариата оказала буржуазно-демократическая революция 1905—1907 гг. В книге приводятся данные о росте грамотности рабочего класса по отдельным районам России. Наиболее грамотными и политически развитыми были рабочие Петербурга. Здесь в 1914 г. насчитывалось 82% грамотных рабочих и 56% — рабочих (с. 118). Крайне низким был уровень грамотности рабочих национальных окраин страны.

Важнейшими показателями экономического положения пролетариата и степени его эксплуатации являются заработная плата и рабочее время. Анализ уровня заработной платы рабочих позволил Э. Э. Крузе сделать интересные выводы о норме, степени эксплуатации пролетариата в различных отраслях хозяйства России. Самым низким был заработок у малолетних, подростков и женщин. Осо-

³ Лавров П. А. Рабочее движение на Украине в период нового революционного подъема (1910—1914 гг.), Киев, 1966; Лось Ф. Е. Рабочий класс Украины 1907—1913 гг. Киев, 1962; Стригунов И. В. Численность и состав бакинского пролетариата в годы нового революционного подъема. — В кн. Большевицкая печать и рабочий класс России в годы революционного подъема 1910—1914 гг. М., 1965.

* Ленин В. И. ПСС., т. 34, с. 278.

бенно беспощадной эксплуатации, как отмечает исследовательница, эта категория рабочих подвергалась на текстильных, резиновых, кожевенных, пищевкусовых предприятиях. Уровень заработной платы рабочих в отдельных экономических районах страны зависел от специфики их хозяйственного развития. В аграрных районах, как правило, доминировали самые низкие заработки рабочих (с. 186). Вместе с тем автор подчеркивает, что именно сила революционного натиска определяла, в конечном счете, положение пролетариата. Она приводит данные о влиянии первой русской революции на улучшение положения рабочих. За период с 1904 по 1913 г. заработная плата фабрично-заводских рабочих возросла почти на 36%, у горнозаводских, транспортных, чернорабочих — на 25% (с. 294). Еще В. И. Ленин отмечал: «...без приобретений 1905—1906 гг. рабочие нищали бы совсем невыносимо, ибо дороговизна жизни за последнее десятилетие все возрастает»⁴. Э. Э. Крузе вместе с тем отмечает, что имела место и интенсификация труда пролетариата. Росли культурные запросы рабочих, потребности в питании, одежде, в предметах домашнего обихода. В этих условиях наблюдается и рост так называемой «рабочей аристократии». В. И. Ленин писал в 1915 г., что «особенно быстрый рост этого социального элемента за последние годы не подлежит сомнению». К этой категории В. И. Ленин относил и «некоторые слои наилучше оплачиваемых рабочих, мелких служащих и т. д. и т. п.»⁵. Но следует отметить, что эта важная проблема еще ждет своего исследователя.

С уровнем заработной платы неразрывно связан и вопрос о продолжительности рабочего времени. В работе указывается, что наибольшая продолжительность рабочего года в целом была на постоянно действующих фабрично-заводских предприятиях, где одновременно наблюдался самый короткий рабочий день и высокая интенсификация труда (с. 258—259). В других отраслях производства, на мелких или сезонных предприятиях, где рабочий класс был менее организован и революционер, рабочий день был самым длинным. Это относится к сельскому хозяйству, к сезонным производствам, таким, как свеклосахарные и табачные плантации, кирпичным заводам и торговым заведениям. Здесь, подчеркивает автор, царили самые хищнические методы эксплуатации рабочих, особенно детей и женщин. При определении рабочего дня нельзя обходить сверхурочные работы, бывшие скрытой формой эксплуатации рабочих. Исследовательница отмечает, что официальная ве-

домственная статистика не учитывала при определении средней продолжительности рабочего дня сверхурочные работы. Вместе с тем с учетом обязательных сверхурочных работ, продолжительность рабочего дня в России достигала 13—15 и более часов в сутки (с. 275—278). Эта форма капиталистической эксплуатации, создавая иллюзию дополнительного приработка, на деле вела к быстрому физическому истощению, болезням и увечьям, а также росту безработицы.

Автор отмечает, что «сравнительно коротким был рабочий день в ремесленных предприятиях. Согласно закону 2 июня 1897 г., он должен был составлять 10 час. в сутки» (с. 265). Между тем известны факты жестокой эксплуатации рабочих ремесленных предприятий. О произволе эксплуататоров на мелких предприятиях большевистская газета «Наша жизнь» писала: «Личность рабочего нигде так не унижена, как на ремесленных предприятиях г. Баку»⁶⁻⁷.

Нуждается в корректировке суждение о том, что большинство нефтяников Баку составляли русские рабочие (с. 239). Между тем, по данным переписи Баку⁸, русские рабочие составляли 24,7%, азербайджанцы — 39,6, армяне — 20,6%. А. М. Стопанян, на которого ссылается автор, указывает, что наибольший процент лиц, совершенно утративших связь с деревней, давали квалифицированные русские рабочие⁹. Но это вовсе не говорит о том, что большинство рабочих-нефтяников были русские. Можно сожалеть, что автор обошел такой важный вопрос, как рост рабочей интеллигенции. А. Г. Шляпников вспоминал: «На смену разночинной интеллигенции, учащейся молодежи явился интеллигентный пролетарий с мозолистыми руками и высокоразвитой головой, не порывавший связи с массами... Я встречал немало выдающихся рабочих, стоявших по своему развитию выше многих виденных и известных мне по загранице европейских рабочих»¹⁰.

В целом монография Э. Э. Крузе представляет собой интересное, оригинальное исследование, которое будет способствовать дальнейшей разработке истории рабочего класса нашей Родины.

Г. А. Арутюнов, А. М. Соловьева

⁶⁻⁷ «Наша жизнь», 1914 г., 19 апреля.

⁸ Перепись Баку 1913 г., ч. III. Население, вып. 2. Баку, 1916, с. 6—7; вып. 4. Промышленно-заводской район, Баку, 1915, с. 6—7.

⁹ Стопанян А. М. Нефтепромышленный рабочий и его бюджет. М., 1924, с. 53—63.

¹⁰ Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. М.—Пг., 1923, с. 10.

⁴ Ленин В. И. ПСС, т. 23, с. 428.

⁵ Ленин В. И. ПСС, т. 26, с. 113—114.

ОЧЕРКИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ НАРОДОВ РОССИИ И ПОЛЬШИ 1815—1917. М., «Наука», 1976, 602 с., тир. 1550 экз. *

Советская историческая наука обогатилась первым в советской и польской историографии обобщающим трудом, в котором на широком историческом фоне воссоздана картина зарождения, развития и укрепления революционных связей и формирования революционного союза народов России и Польши с конца XVIII в. до 1917 г.

Анализ российско-польских революционных связей осуществляется с учетом развития европейского революционного движения и участия в нем российских и польских революционеров: А. Герцена, Н. Огарева, З. Сераковского, Я. Домбровского, П. Лаврова, Л. Варынского и др. Авторы показали, что лучшие люди наших стран плечом к плечу боролись за национальное и социальное освобождение трудящихся. Перед читателями проходит галерея образов российских и польских революционеров: Р. Люксембург, Г. Плеханова, Ф. Дзержинского, Ю. Мархлевского и др. В книге охарактеризована деятельность В. И. Ленина и его соратников по сплочению российского и польского рабочего движения, показывается, как большевистская партия последовательно отстаивала тезис о праве польского народа на свободу и независимость.

Книга открывается главой «Россия и Польша в конце XVIII — начале XIX в.» Российско-польские революционные связи, общественные и культурные контакты этого периода почти совершенно не изучены. Автор провел трудоемкие архивные изыскания и сконструировал достаточно полную картину русско-польских отношений в конце XVIII — начале XIX в., показав, что уже тогда существовали силы, выступавшие за дружбу и сотрудничество двух соседних народов.

В дальнейшем исследуется история зарождения русско-польского революционного союза, раскрываются контакты польских революционеров с декабристами, показываются взаимоотношения деятелей российского и польского освободительного движения в годы николаевской реакции, рассматривается вопрос о том, как от-

кликнулась передовая Россия на восстание 1830—1831 гг. в Польше.

Одно из центральных мест монографии занимает глава, посвященная истории борьбы польских и русских революционеров в конце 50-х — начале 60-х годов, во время восстания в Польше 1863 г. В ней прослеживаются этапы борьбы польских и русских революционеров с самодержавием, документально раскрывается история развития и поражения восстания, определяется значение этого международного события. Авторы подчеркивают, что восстание 1863 г. «ослабляло царизм и пробуждало демократические и освободительные движения во многих европейских странах» (с. 189).

Две главы исследования посвящены истории революционных связей с конца 60-х до начала 90-х годов XIX в. Наиболее содержательными являются разделы, посвященные революционной эмиграции. Большую ценность представляют очерки, в которых рассматриваются связи, установившиеся на пути создания марксистских рабочих партий.

С интересом читаются разделы работы о революционных связях марксистов России и Польши в конце XIX — начале XX в., о влиянии ленинской «Искры» на польское рабочее движение. В работе раскрыты противоречия, которые приходилось преодолевать в процессе объединения революционных сил России и Польши, показывается огромное влияние первой русской революции на общественную борьбу в Царстве Польском.

Авторы отмечают сложность отношений большевиков и польских социал-демократов в период реакции и нового революционного подъема, что привело к ограничению действенной силы революционного союза. Но в дальнейшем русские и польские марксисты вели последовательную и успешную борьбу против шовинизма и национализма за воспитание польских и русских революционеров в духе пролетарской солидарности. Важное научное значение представляют в этом разделе страницы, посвященные пребыванию В. И. Ленина в Кракове и Порониню.

Исследование завершается анализом русско-польских революционных связей в период первой мировой войны и Февральской буржуазно-демократической революции. Авторам удалось избежать упрощений в оценке весьма сложных исторических явлений, показать действия передовых и реакционных сил движения, торжество идей интернационализма.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции привела к восста-

* Под ред. Дьякова В. А., Манусевича А. Я., Миллера И. С. (отв. ред.), Хренова И. А. Колл. авт.: Дьяков В. А., Ермолаева Р. А., Жигунов Е. К., Манусевич А. Я., Миллер И. С., Обушенкова Л. А., Ольшанский П. Н., Орехов А. М., Снытко Т. Г., Фалькович С. М., Федосова Т. Ф., Хренов И. А., Яжборовская И. С.

новлению независимости Польши. Польские социал-демократы, приветствуя революцию, в одной из листовок писали: «Работницы! Неслыханные, потрясающие вести приходят к нам из России! В Петербурге победил рабочий класс!... К этой последней, решающей борьбе за социализм прокладывают нам дорогу российские события. Слава русским товарищам, которые первыми начали эту борьбу!» (с. 566).

Авторы рецензируемой работы не только обобщили все достижения советской и польской историографии в области изучения российско-польских революционных связей, но внесли серьезный вклад в дальнейшее исследование этой проблематики. Они ввели в научный оборот многие новые материалы, обнаруженные в советских и польских центральных и местных архивах. Одним из главных достоинств «Очерков» является строгая научность и объективность изложения.

В книге уделяется серьезное внимание участию революционеров в революционных организациях других народов, взаимному влиянию идеологии и программ российских и польских революционных организаций; отмечаются революционные контакты в разной социальной среде — среди студенчества, в армии и т. д.; показывается значение контактов среди репрессированных революционеров. В «Очерках» обращается внимание и на связи украинских, белорусских, литовских революционеров с польскими. Правда, региональная проблематика российско-польского революционного сотрудничества в «Очерках» не нашла исчерпывающего освещения. Например, нуждаются в изучении революционные связи народов Кавказа и Польши.

Почти все авторы «Очерков» совершенно правомерно обращаются к культурным контактам, показывая взаимный интерес русского и польского общества к культуре соседних народов. Анализ этих связей помогает яснее представить атмосферу, в которой развивались революционные контакты. Авторы, характеризуя взгляды российских и польских революционеров и деятелей культуры, совершенно правомерно ссылаются на художественные произведения А. Мицкевича, Ю. Словацкого, Г. Р. Державина, А. А. Блока, рецензии, публицистику. В этой связи хочется отметить, что на пути исследования русско-польских культурных связей, их влияния на революционный процесс, историков еще ждут интересные открытия. Так, в не вошедших в позднейший текст набросках поэмы «Возмездие» Блок еще более резко, чем в опубликованных главах поэмы, осудил антипольскую политику царизма¹.

Рецензируемая монография подводит определенный итог исследования истории революционных связей народов России и Польши, выявляет степень изученности тех или иных сторон проблемы и одновременно позволяет определить направления дальнейших исследований.

В целом высоко оценивая рецензируемый труд, следует отметить некоторые частные недостатки. С большим знанием дела написана глава «Русская революционная демократия и польское общественное движение конца 60-х — начала 80-х гг. XIX века». В ней содержится много интересных документальных находок и глубоких наблюдений. Но иногда авторы несколько увлекаются, что приводит к определенному смещению акцентов. Правильно отмечая участие польской эмиграции в деятельности I Интернационала, они дают явно суженную оценку причин возникновения I Интернационала (с. 195), образование которого объяснялось социально-экономическими процессами и развитием международного рабочего движения. В главе весьма обстоятельно и полно показана роль П. Лаврова в истории русско-польского революционного союза. Однако нельзя согласиться с утверждением авторов, что Лавров ориентировал первых польских социалистов «на изучение теории научного социализма, на необходимость революционной пропаганды и агитации в среде рабочих с целью создания партии рабочего класса, вооруженного теорией научного социализма» (с. 198). Лавров не был марксистом и такой задачи не мог ставить.

Глубоко раскрывая значение революционных связей России и Польши, показывая их интернациональное значение, авторы монографии могли бы, нам кажется, несколько расширить оценку роли этого союза в международном социалистическом движении. Для этого следовало бы выяснить отношение социалистов Западной Европы к рассматриваемой проблеме. Так, немецкие социал-демократы, неоднократно оценивая революционное движение в Польше против царизма, указывали, в частности, что члены польской социалистической группы «Рувность» обратились к русским товарищам «с призывом организовать единую общую революционную партию России, которая объединила бы в настоящее время борющиеся изолированные группы разных национальностей, живущих в России, для совместной борьбы против русского деспотизма»². Такого рода материалы могли бы, нам кажется, быть привлечены и из социалистической прессы других западноевропейских стран.

Монография значительно выиграла бы, если бы она была снабжена иллюстрациями — портретами деятелей революцион-

¹ См.: Медведев П. Драммы и поэмы А. Блока. Из истории их создания. Л., 1928, с. 212.

² «Der Sozialdemokrat», 1880, 4.IV; 1881, 22.V; 12.VI; 20.X.

ного движения, фотокопиями документов, картами и т. д.

Подчеркивая огромное значение традиций революционного сотрудничества народов Советского Союза и Польши, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев говорил на VII съезде ПОРП в декабре 1975 г.: «С полным правом мы можем сказать, что традиции революционной солидарности того, теперь

уже далекого времени живут в наших сегодняшних делах, в эпоху строительства социализма и коммунизма»³.

Б. С. Итенберг, Б. С. Попков

³ Брежнев Л. И. Речь Генерального секретаря ЦК КПСС.— в кн. VII съезд Польской объединенной рабочей партии. М., 1976, с. 125—126.

КИСЛЯГИН А. Л. Г. ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ Н. М. КАРАМЗИНА (1785—1803 гг.). Изд-во МГУ, 1976, 197 с., тир. 5830 экз.

После того, как в 1964 г. появилось издание «Избранных сочинений» Н. М. Карамзина в двух томах — единственная пока попытка дать современному читателю подбор текстов этого автора, — обсуждение проблем творчества Карамзина значительно активизировалось. В 1966 г. в связи с двухсотлетием со дня рождения писателя были организованы научные сессии в ИРЛИ АН (Пушкинском Доме) и Тартуском государственном университете. К юбилейной дате Библиотека поэта выпустила «Полное собрание стихотворений» Карамзина¹, Пушкинский Дом издал в серии «XVIII век» специальный сборник². Появились несколько полемических статей Г. П. Макогоненко, поставившего вопрос о необходимости переоценки ряда привычных характеристик Карамзина. Был защищен ряд диссертаций, авторы которых внесли в дискуссию о Карамзине новые аспекты и свежие идеи³. Нако-

пец, вопросы мировоззрения и творчества Карамзина неоднократно затрагивались в связи с рассмотрением общих проблем эпохи⁴. Ряд заслуживающих внимания публикаций появился и за рубежом⁵.

Однако именно на этом фоне все более очевидной становится недостаточность наших знаний по этой теме: неполнота материалов (многие из которых еще остаются в архивах, а другие опубликованы выборочно и неточно, без научного комментария), ненадежность и схематичность оценок, порой подкрепленных лишь инерцией исследовательской мысли и постоянством, с которым они переписываются из работы в работу.

Карамзин как писатель и общественный деятель в равной мере принадлежит и истории, и русской литературе, и общественной мысли России. Однако, если оставить в стороне специальную проблему «Карамзин как историк», то вклад исторической науки в изучение позиции это-

¹ Карамзин Н. М. Полное собрание стихотворений. М., 1966.

² Державин и Карамзин в литературном движении XVIII — начале XIX века.— XVIII век, сб. 8. Л., 1969.

³ Макогоненко Г. П. Литературная позиция Карамзина в XIX веке.— «Русская литература», 1962, № 1; его же. «Рядовой на Пинде воин» (Поэзия Ивана Дмитриева). В кн. Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений. Л., 1967; Кочеткова Н. Д. Н. М. Карамзин и русская поэзия конца 80-х — первой половины 90-х годов XVIII в. Автореф. канд. дис. Л., 1964; Лазарчук Р. М. Дружеское письмо второй половины XVIII века как явление литературы. Автореф. канд. дис. Л., 1972; Лузянина Л. Н. Проблемы истории в русской литературе первой четверти XIX века (От «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина до трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов»). Автореф. канд. дис. Л., 1972; Ка-

инова Ф. З. Из истории русской повести. Томск, 1967.

⁴ Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины». М., 1972; Павлович С. Э. Пути развития русской сентиментальной прозы XVIII в. Саратов, 1974; Лотман Ю. М. Руссо в русской культуре XVIII века. В кн. Эпоха Просвещения. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967; его же. Руссо и русская культура XVIII — начала XIX века. В кн.: Жак-Жак Руссо, Трактаты. М., 1969.

⁵ Из большого числа публикаций английского исследователя Кросса А. Г. отметим его монографию: Karamzin N. M. A study of his Literary Career 1783—1803. L.—Amsterdam, 1971; см. также: Rothe H. N. M. Karamzins europäische Reise. Der Beginn des russischen Romans. Berlin — Zürich. 1968.

го деятеля окажется менее весомым, чем лепта, внесенная в это общее дело историками литературы. На фоне постоянного интереса историков к проблемам общественной мысли XVIII в. такой пробел особенно заметен.

Рецензируемая книга Л. Г. Кислягиной — серьезное исследование, разностороннее и объективное. Работа делится на краткое источниковедческое и археографическое введение и четыре главы. Первые две («Начало общественной и литературной деятельности Н. М. Карамзина» и «Мировоззрение Н. М. Карамзина в ранний период его деятельности. 1785—1792»), имеющие вводный характер, ориентируют читателя в круге проблем и материалов, связанных с началом общественно-литературной деятельности Карамзина. Третья и четвертая главы («Н. М. Карамзин и Великая французская буржуазная революция», «Оформление социально-политической программы Н. М. Карамзина») составляют проблемный центр книги.

Проблема «Карамзин и Великая французская революция XVIII в.», бесспорно, принадлежит к узловым при определении сущности позиции писателя. В литературе высказывалось мнение, что отношение Карамзина к французской революции было безусловно отрицательным⁶. А вместе с тем очень важно выделить в французских событиях аспекты, которые вызвали сочувствие Карамзина. Приведем частный, но характерный пример. В 1957 г. мне случилось обратить внимание на весьма сочувственные рецензии в «Московском журнале» на книги Вольея «Руины, или размышления о революциях империй» (Париж, 1791) и Мерсье «Ж.-Ж. Руссо, рассматриваемый как один из первых инициаторов революции» (Париж, 1791)⁷. Карамзин назвал эти книги «важнейшими произведениями французской литературы в прошедшем году». Характерно, что, рекомендуя сочинения Вольея и Мерсье русским читателям, Карамзин не мог даже привести в русской печати полностью их названий и вынужден был сократить титулы книг так, чтобы слово «революция» не упоминалось.

Карамзин был одним из наиболее осведомленных во французских делах русских общественных деятелей его эпохи. Этому способствовали личные впечатления, знакомства, встречи, пережитые им во время пребывания в революционном Париже.

Немногие из русских людей представляли себе в такой мере конкретно то, что происходило во Франции в эти годы. Автор рецензируемой книги стремится детализировать анализ впечатлений, вынесенных Карамзиным из путешествия в Париж, и установить динамику его отношения к событиям во Франции. Заслуживает внимания попытка Л. Г. Кислягиной определить момент перелома в отношении Карамзина к парижским событиям. Рассматривая программную статью из первого номера «Вестник Европы» (1802) «Всеобщее обозрение», она заключает: «В этой статье Карамзин различает два периода: с 1789 по август — сентябрь 1792 года и с августа — сентября 1792 года по 1801 год... Восстание 10 августа 1792 года положило конец идиллическим мечтам Карамзина о мирном пути развития революции, о близком установлении «царства разума» во Франции, которое мыслилось ему в форме просвещенной, вероятно, конституционной монархии» (с. 96—97). Изучая произведения Карамзина, так или иначе связанные с французской революцией, исследовательница приходит к выводу о том, что мировоззрение писателя характеризовалось, в основном, верой в исторический прогресс. Прогресс представлялся Карамзину в образе успехов в просвещении и нравственности. Революции казались ему грозными катастрофами, нежелательными и опасными, как кризисы в природе (в языке науки тех лет слово «революция» применялось и к геологическим катастрофам), но по-своему способствующих историческому прогрессу. С таким выводом следует согласиться. В целом глава, посвященная отношению Карамзина к французской революции, несмотря на некоторые частные неточности, удачна. Она, бесспорно, послужит отправной точкой для будущих исследователей этой проблемы.

Однако из сказанного не следует, что проблема уже решена или даже близка к окончательному разрешению. Более того, при обилии специальных работ, посвященных этому вопросу, можно лишь удивляться тому, как много остается еще сделать прежде, чем отношение Карамзина к революции в Париже прояснится. Заметим, что даже даты пребывания Карамзина в Париже неясны. Единственным источником наших сведений по этому вопросу являются «Письма русского путешественника». Однако неоднократно указывалось, что текст этого литературного произведения не может считаться надежным биографическим источником — отделить границы «Dichtung» и «Wahrheit» бывает в нем слишком трудно. Уже обращало внимание на то, что даты, приведенные в этом тексте, мистифицированы: в «Письмах русского путешественника» время отъезда из Лондона на родину помещено сентябрем 1790 г., однако, нам известно, что Карамзин, уже 15 июля был в Петер-

⁶ См. Павлович С. Э. Указ. соч.

⁷ См. Лотман Ю. М. Эволюция мировоззрения Карамзина (1789—1803). — «Ученые записки Тартуского ун-та, вып. 51. Тарту, 1957. Ряд положений этой статьи ныне представляется неточным и скорректирован в последующих работах. См., напр. Карамзин Н. М. Полное собрание стихотворений, с. 12—21.

бурге⁸; по «Письмам», он был в мае — июне в Париже и в июле — в Лондоне, однако из письма к И. И. Дмитриеву ясно, что 4 июня он был уже в Лондоне⁹. Мотивы этой мистификации непонятны, однако вряд ли она была беспричинной и причины эти не были малозначительными. Здесь уместно высказать на этот счет догадки, но следует подчеркнуть, сколь безосновательно смотреть на «Письма русского путешественника» как на бесхитростный путевой дневник и надежный источник биографических сведений.

Но, даже если предположить, что пребывание Карамзина в Париже в определенной мере совпадает с указанными им датами, картина не делается более ясной: необходима хроника парижских событий за эти дни, необходим подбор летучих листов, появившихся в эти сроки, чтобы мы могли восстановить впечатления русского путешественника во всей их реальности и понять, насколько различаются точки зрения современника, наблюдающего калейдоскоп конкретных событий, и отдаленного потомка, оперирующего схемами, к тому же почерпнутыми из вторых рук. Только обогатив себя столь же конкретным видением революционного Парижа, каким обладал Карамзин, мы поймем ряд мест в «Письмах». Современному читателю может показаться, что в описании Парижа отсутствует мир элободневной политики. Так ли это? При описании Парижа Карамзин упоминает убийство Генриха IV Равальяком: «Кучер мой остановился и кричал: „Вот улица де ла Ферроньер!“ — „Нет, — отвечал я, — ступай далее“ Я боялся выйти и ступить на ту землю, которая не провалилась под грузным Равальяком»¹⁰. Образ Генриха IV нужен Карамзину не только для того, чтобы процитировать слова Вольтера о том, что это был единственный король, память о котором сохранил народ, и тем самым подчеркнуть свою солидарность с культом Генриха IV, созданным философами XVIII в. Слова Вольтера, прославлявшего народного короля-просветителя, жертву религиозного фанатизма, приобретали особый смысл для читателя конца XVIII в. Карамзин пишет от лица путешественника, еще не знающего о печальном конце Людовика XVI, но читатель находится уже не в 1790 г. (глава опубликована в 1801 г.) и улавливает здесь и сочувствие королю-жертве, и напомина-

ние, что не только революционный, но и средневековый церковный фанатизм не считал личность короля неприкосновенной. Из этого вытекало, что революционные грозы не дискредитировали для Карамзина прогресса, а в их характере он усматривал реакцию на преступления средневековья.

В последней главе Л. Г. Кислягина дает содержательный анализ воззрений Карамзина в конце XVIII — начале XIX в. Особенно удачными представляются страницы, на которых рассмотрено «Историческое похвальное слово Екатерине II» — произведение, не подвергавшееся ранее столь детальному анализу. Зато «Вестник Европы» заслуживал бы более подробного изучения. В свое время мне удалось, отыскав источники, из которых Карамзин черпал материалы для статей в своем журнале, и сопоставив их с переводами-переработками установить тенденцию самого редактора. Продолжение этой работы сулит весьма интересные результаты. Хотелось бы пожелать также, чтобы эта глава была менее имманентной. Автор убедительно описал нам систему взглядов Карамзина в эти годы, однако подлинный смысл их, конечно, раскрывается в конкретном контексте общественной жизни и идеологии тех лет. Здесь необходима и скрупулезная комментаторская работа: сочинения Карамзина полны конкретных намеков, откликов и цитат, отсылающих нас к исключительно широкому кругу публицистических, философских и литературных текстов. Пока статьи Карамзина не прочтены глазами комментатора (это очень трудная работа, сделать которую неизмеримо сложнее, чем построить на основании карамзинских текстов ту или иную концепцию), мы не можем сказать, что они нам до конца понятны. А без этого любая интерпретация теряет в своей убедительности.

Рекомендуя читателю книгу Л. Г. Кислягиной как содержательную и полезную, рецензент не может не отметить некоторые неточности. Исследовательница пишет: «Карамзин в 1802 году говорит о конце 10-летней войны, следовательно, начало ее падает на 1792 год. Текст статьи позволяет определить его более точно. Оно совпадает с установлением республики во Франции» (с. 96). Нет никакой надобности вычислять время начала войны столь сложным образом — оно известно и никакого отношения к республике не имеет. Война, которой предшествовала длительная политическая борьба, началась 20 апреля 1792 г. по инициативе Людовика XVI и жирондистов (по предложению короля Ассамблея объявила войну Австрии), которые надеялись, каждый со своей стороны, извлечь из нее политические выгоды. Неточно и определение австрийского императора Леопольда как «вдохновителя военной коалиции против Франции» (с. 97). Император Леопольд,

⁸ См. Шторм Г. П. О намеренно ложной датировке «Писем русского путешественника». — «Известия» АН СССР, отд. яз. и лит., XIX, 1960, № 2, с. 149—151.

⁹ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. Изд. Грот Я. и Пекарский П. СПб., 1866, с. 13—14.

¹⁰ Н. М. Карамзин. Избранные сочинения. М.—Л., 1964, т. 1, с. 429.

несмотря на неприкрытую неприязнь к революции, был сторонником осторожной политики и предпочитал закулисные интриги и широковещательные, но пустые заявления прямой военной интервенции. Связанный внутри Франции с Ламетами, он был противником перехода от угроз к действию. Именно его внезапная смерть 1 марта 1792 г. и воцарение молодого воцарившегося Франциска II способствовали торжеству в обоих лагерях «военной партии».

Книга Л. Г. Кислягиной — значительный шаг вперед в изучении общественно-политических воззрений Карамзина. Она интересна, насыщена фактическим материалом, продумана по концепции и легко читается. Однако было бы ошибкой утверждать, что с появлением этой монографии вопрос представляется исчерпанным. Остается еще сделать много. Прежде всего нет научно проверенного, комментированного издания Карамзина. Предпринятое Академией наук перед первой мировой войной издание полного академического собрания сочинений остановилось на первом томе (вышел в 1917 г.). Такой важный текст, как «Записка о древней и новой России», был опубликован в 1914 г. с грифом: «Печатается в ограниченном количестве экземпляров. Перепечатка воспрещается». Запрет этот, кажется, продолжает гипнотизировать издателей до сих пор. Не собраны и не изданы полностью письма Карамзина — ценный культурный и литературный памятник. Тем более не проделана комментаторская работа.

Оправдан ли такой труд? Существенно ли исказится наше знание об эпохе, если мы ограничимся лишь некоторым приближением к пониманию позиции Карамзина? Карамзин был не только крупным

деятелем русской культуры и литературы, он был и мыслителем, общественным деятелем. Однако подлинных последователей у Карамзина не было ни в одном лагере. Карамзин был к моменту, когда его воззрения окончательно сложились, русским консерватором. Неразвитость консервативного лагеря в русской общественной мысли — факт примечательный. До тех пор, пока мы не будем различать лагерь реакции и лагерь консерваторов, мы ограничим себя схемами такой степени обобщенности, что при конкретном историческом анализе материала они не смогут служить полезными инструментами. В отличие от реакции, консервативный лагерь опирается не на физическую силу власти, а на идеологию, теорию, работу мысли. Поэтому, несмотря на его лояльность по отношению к самодержавию, последнее не может питать к нему доверия, с основанием считая его недостаточно контролируемым. В отличие от реакции, лагерь этот воспринимает самодержавие как идеальное понятие, порой весьма критически относясь к его реальным воплощениям. Нас не должно удивлять, что в этой группе мы будем встречать людей, чья высокая личная честность будет беспресловенно признаваться во всех общественных лагерях. А всякий, кто углублялся в историю самодержавного государства, знает, какую роль в общественных коллизиях играет «подвиг честного человека» (слова Пушкина о Карамзине). Контрастное освещение исторического процесса полезно лишь при первом к нему приближении. Затем наступает очередь более детализированного знания. Предшествующие исследования деятельности Карамзина подвели нас к этой черте.

Ю. М. Лотман

РУСАКОВА Л. М. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ НА РУБЕЖЕ XVIII—XIX в. Новосибирск, «Наука», 1976, 183 с., тир. 1000 экз.

В литературе уже известны плодотворные попытки исследовать уральские и сибирские территории как единый локальный комплекс¹. В рецензируемой книге удачно выделен в качестве объекта наблюдения район первоначального заселения русскими Сибири — пограничные сибирские и уральские уезды — Тобольский, Тюменский, Туринский и Верхотурский, которые автор в целом называет Средним Зауральем. Рассматриваемые полвека (последняя четверть XVIII — первая четверть XIX в.)

дают большие возможности для сравнительно-исторического изучения: выявление динамики внутри периода и результатов сельскохозяйственного освоения региона за два столетия с начала колонизации.

Разработка проблем аграрной истории затруднена разрозненностью и плохой сохранностью источников. Л. М. Русакова мобилизовала такие комплексы документов, как топографические, экономические, историко-географические описания и экономические примечания, статистические источники, губернаторские отчеты и ведомости о подворных крестьянских посевах, судебные-следственные дела, указы и распоряжения высших, центральных и мест-

¹ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVII — начале XVIII в. М., 1972.

ных административных органов. Книга содержит новые интересные данные о происхождении Топографических описаний Тобольского и Пермского наместничества (с. 28—32). Использование значительного количества источников позволило автору представить 33 таблицы в тексте и 5 обширных таблиц в приложении, которые несомненно обогащают исследование. Впервые введены в научный оборот такие исходившие непосредственно от крестьян документы, как просьбы о наделении и уравнивании участков, жалобы по поводу захвата угодий, подписи или показания соседей, старожиллов, выборных при решении вопроса о переселении крестьян из одной общины в другую; показания челобитчиков, ответчиков, свидетелей на судебных процессах о земельных спорах. К сожалению, автор не обратился к материалам делопроизводства волостных правлений, а они как раз дают характеристику таких менее обеспеченных источниками явлений в поземельных отношениях крестьян, как мобилизация земли и межкрестьянская аренда.

Л. М. Русакова показывает развитие западносибирской деревни как поступательный непрерывный процесс земледельческого освоения. Автору удалось раскрыть конкретные черты прогресса в земледелии: использование усовершенствованной сохи, близкой к орудиям плужного типа, применение двойной и тройной пахоты и боронования, широко налаженное местное производство сельскохозяйственного инвентаря, комбинацию различных систем земледелия в зависимости от природных условий. Результаты развития производительных сил Среднего Зауралья, как отмечает Л. М. Русакова, проявились в росте площади пашни и посева, расширении состава зерновых культур, повышении удельного веса пшеницы, возрастании значения технических культур, а в области животноводства — в увеличении поголовья рабочего и продуктивного скота, обеспеченности им крестьянского хозяйства.

Автор делает акцент на таких результатах развития сельского хозяйства, как возрастание уровня товарности его продукции, исследует пути и формы реализации хлебной продукции. Она отмечает, что общий объем товарной хлебной продукции в целом по району зависел не только от развития местного хлебопашества, но и от привоза зерна. Среднее Зауралье было тесно связано с южными плодородными областями, откуда большие партии хлеба доставлялись на хлебные рынки.

Исследуя развитие производительных сил, автор рассматривает их подъем как итог трудовой деятельности непосредственных производителей материальных благ. Существовавшие порайонные различия в календаре сельскохозяйственных работ, самих агротехнических приемах, нормах высева зерновых и технических куль-

тур свидетельствуют, по справедливому мнению автора, о природной гибкости и сметливости русского крестьянина, который, с одной стороны, помнил и хранил многие трудовые традиции предшествующих поколений, а с другой — вносил свои собственные поправки, если того требовала практика земледелия на новых местах.

В книге рассматриваются также социальные последствия развития производительных сил. Материалы книги убеждают в том, что выводы сибиреведения о характере общественных отношений в этом регионе верны и для последней четверти XVIII — первой четверти XIX в. Автор острейшим вниманием на полемике, которая ведется в литературе вокруг вопроса об определении экономического статуса государственного крестьянина-собственника или владельца земли. Л. М. Русакова присоединяется к тем историкам, которые считают крестьянина «традиционным владельцем земли»² (с. 12—13, 155). Исследователи обращают внимание на наличие в Среднем Зауралье последней четверти XVIII — первой четверти XIX в. системы государственного феодализма. В системе государственного феодализма рассматриваются отношения в среде крестьян, важнейшие из которых регулировались общиной. Л. М. Русакова показывает, что формирование и развитие поземельной общины неразрывно связано с колонизацией Сибири и распространением феодализма вширь, причем межкрестьянские поземельные связи характеризовались сочетанием коллективных и индивидуальных начал в области земледелия и землепользования.

Если учесть, что в дальнейших исторических судьбах Сибири, как и страны в целом, решающую роль приобрело соотношение капитализма и феодальных пережитков, значительным представляется изучение естественно-исторических и социально-экономических условий в период, непосредственно предшествующий капитализму.

Эти моменты определяют значение темы, которую избрала Л. М. Русакова. В книге подробно анализируется, как закономерности, общие для всей страны, неизбежно вели к разложению феодальной формации. Автор неточно определяет смысл изучаемого этапа как переходного от феодализма к капитализму (с. 4, 5), имея в виду формирование новых, буржуазных отношений в недрах феодальных. Известно, что смена феодального способа производства капиталистическим происходит без переходного периода. Совершенно справедливо, на наш взгляд, Л. М. Русакова осторожно оценивает уровень развития буржуазных отношений, когда говорит лишь об их элементах в зауральской деревне на рубеже XVIII и XIX вв. (с. 156). Вместе с тем на отношения, находящиеся, по мнению автора монографии, еще целиком в рам-

² Ленин В. И. ПСС. т. 3, с. 167.

ках феодального общества, накладывались уже новые моменты, имеющие большое значение для понимания главных тенденций в социальной перестройке деревни. Объектом сделок становятся крестьянские наделенные земли, развиваются товарные формы эксплуатации казенных земель, устанавливаются товарные цены на землю, происходит мобилизация земли в руках зажиточного крестьянства (с. 108, 123, 124).

Наличие имущественного неравенства, существование градаций в среде крестьянства по материальному достатку («худые», «лучшие» и пр.) отмечали многие исследователи. Л. М. Русакова для четырех волостей Тюменского уезда подсчитала на 1798 г. абсолютную величину категорий крестьянства по обеспеченности посевами на двор (с. 146) и соотнесла размеры посевов на двор со средними размерами на душу во дворах разных групп (с. 149—150). Монография содержит интересные данные, характеризующие состояние категории «лучших людей» по Антроповской волости Тюменского уезда (с. 151—153).

Автор указывает на далеко зашедшее имущественное расслоение, значительный удельный вес обедневшего и даже полностью разорившегося крестьянства (с. 123). Она проводит типологию форм мобилизации земли в конкретных условиях Среднего Зауралья. Л. М. Русакова показывает также активную роль надстройки в сохранении старых производственных отношений: административные органы осуществляли на местах политику попечительства феодального государства, стремились сдержать, затормозить расслоение крестьянства (с. 147, 153). Тем не менее процесс социального расслоения продолжался.

Анализ книги Л. М. Русаковой показывает, что главная задача, которую ставил автор книги, — изучение интенсивности и особенностей процесса сельскохозяйственного освоения Среднего Зауралья — выполнена. Историография крестьянства, основного производящего класса феодальной России, пополнилась новым интересным исследованием.

В. В. Рабцевич

Ю. И. ИГРИЦКИЙ

ОКтябрьская революция в новейшей буржуазной историографии

История первой в мире социалистической революции стоит на одном из первых мест среди проблем, вокруг которых на протяжении последних шестидесяти лет идет острейшая борьба идей. Не будет преувеличением сказать, что в подходе буржуазной идеологии ко всем важнейшим общественным явлениям современности так или иначе проявляется ее классово-враждебное отношение к Октябрю, стремление ниспровергнуть те открытые марксизмом исторические закономерности, ярчайшим выражением которых явилась победа Великой Октябрьской социалистической революции. В этой связи понятно постоянное внимание буржуазной историографии к событиям 1917 г. в России. Как констатировал американский советолог М. Шварц, «о русской революции и пятидесяти с лишним годах советского строя было написано больше, чем о любом другом сравнимом явлении в истории»¹. Английский советолог И. Дейзер высказывал предположение, что и в будущем «различные школы историков будут изучать русскую революцию с тем же интересом и той же страстью», с которыми в течение полутора веков исследуется Великая французская буржуазная революция².

Если правомерно употребить слово «страсть» для характеристики современной буржуазной историографии Октябрьской революции, то прежде всего в отношении той настойчивости, с которой она отстаивает свои предвзятые субъективистские концепции, предназначенные опровергнуть марксистское понимание исторического процесса. Это обязывает историков-марксистов внимательно следить за формированием и развитием данных концепций, вскрывать их несостоятельность и ненаучность.

В советской исторической литературе, посвященной критике буржуазной историографии Октября, рассмотрены как общие схемы буржуазных историков (изображение Октябрьской революции либо некоей аномалией исторического процесса, либо началом перехода «отсталой» России к «индустриальному обществу» советского типа), так и освещение ими отдельных аспектов событий 1917 г. и их предыстории. В ряде монографий анализируется американская, английская, западногерманская и французская историография Октябрьской революции³. В нескольких исследованиях подвергаются критике буржуазные концепции ряда проблем российской и советской истории,

¹ Schwartz M. The Foreign Policy of the USSR. Domestic Factors. Encino — Belmont (Calif.), 1975, p. VI.

² Deutscher I. Heretics and Renegades and Other Essays. L., 1969, pp. 109—110.

³ Салов В. И. Германская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1960; Игрицкий Ю. И. Мифы буржуазной историографии и реальность истории. Современная американская и английская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1974; Наумов Н. В. Великая Октябрьская социалистическая революция во французской буржуазной историографии. М., 1975; Жарков М. Г. Против буржуазных фальсификаций истории Октября. Минск, 1975.

тесно связанных с историей Октября⁴. Наконец, есть книги, в которых показано, какое место в буржуазной советологии занимает изучение Октябрьской революции⁵.

В работах советских ученых убедительно опровергнуты версии о якобы незакономерном и недемократическом характере Октябрьской революции, выявлены методологическая несостоятельность и эклектизм буржуазной историографии, ее зависимость от теоретического наследия обанкротившихся буржуазных и мелкобуржуазных партий дореволюционной России, вскрыта связь советологической интерпретации Октября с политикой и идеологией антикоммунизма, показаны методы и приемы извращения исторических фактов ярыми антикоммунистами. Однако это не означает, что «поле битвы» очищено и критика буржуазной историографии Октября утратила свою актуальность. В условиях, когда, по признанию самих буржуазных идеологов, в крупнейших капиталистических странах происходит интенсивная политизация науки⁶, антимарксистская трактовка первой в мире социалистической революции во все большей степени используется в качестве важнейшего средства идеологической борьбы. Буржуазные историки декларируют свое категорическое неприятие марксистского объяснения причин, характера и международного значения Великого Октября, а также мнимое превосходство западных исследований по истории Октябрьской революции над советскими⁷. Правда, можно встретить и заявления, что исходные посылки буржуазной и марксистской историографии являются якобы «не столь уж непримиримыми»⁸, в которых явственно ощущается расчет на отход марксистской общественной науки от своих принципиальных позиций.

Позиции самих буржуазных историков в освещении узловых проблем Октябрьской революции отнюдь не подкрепляют их претензий на научное «лидерство». И ныне, шестьдесят лет спустя после Октября, буржуазная историография проявляет полную неспособность выйти из круга субъективистских, зачастую проникнутых откровенной предвзятостью идей, которые еще по горячим следам революции были призваны изобразить ее «случайным», «узковерхушечным» переворотом.

Есть, разумеется, и существенные различия в тогдашней и современной буржуазной литературе об Октябре. Это прежде всего относится к освещению места Октябрьской революции в мировой истории. Если в начале 20-х годов многие буржуазные авторы стремились подчеркнуть неустойчивый (по их мнению) характер нового общества⁹, то сейчас ничего подобного уже не встретишь в литературе, выходящей в капиталистических странах. «Ни одно известное событие в истории не оказало столь глубокого воздействия на человечество, как русская революция 1917 г.», — читаем в одной из последних книг по истории Октября, вышедших на Западе¹⁰. По мнению М. Шварца, в результате «революционного примера» Советской России ход истории

⁴ Якушевский И. Ленинизм, революция и «советология». Л., 1968; Иоффе Г. З. Февральская революция 1917 г. в англо-американской буржуазной историографии. М., 1970; Олегина И. Н. Индустриализация СССР в английской и американской историографии. Л., 1971 (третья глава этой книги посвящена критике взглядов буржуазных историков на соотношение процессов дореволюционной и советской индустриализации); Зырянов П. Н., Шелухин В. В. Первая русская революция в американской и английской буржуазной историографии. М., 1976.

⁵ Салов В. И. Современная западногерманская буржуазная историография. Некоторые проблемы новейшей истории. М., 1968; Марушкин Б. И. История и политика. Американская буржуазная историография советского общества. М., 1969; его же. Советология: расчеты и просчеты. М., 1976.

⁶ Haberer J. Politicalization of Science. — «Science», November 17, 1972, pp. 713—724; Ladd E. C., Lipset S. M. The Divided Academy. Professors and Politics, N. Y., etc. 1975.

⁷ «Slavic Review», June 1967, p. 247; Marxism, Communism and Western Society. A Comparative Encyclopedia. Vol. 6, N. Y., 1973, p. 131—132.

⁸ Nolte E. The Relationship Between «Bourgeois» and «Marxist» Historiography. — «History and Theory», 1975, vol. XIV, № 1, p. 57.

⁹ См., напр., Farnham M. Bolshevism in Retreat. L., 1923, p. 55.

¹⁰ Brown D. Doomsday 1917. The Destruction of the Russian Ruling Class. L., 1975, p. 9.

значительно ускорился, этот пример «оказал глубокое влияние на форму и содержание международной политической жизни»¹¹.

Однако признание буржуазными историками того огромного влияния, которое оказала Октябрьская революция на мировой исторический процесс, еще, разумеется, не свидетельствует о правильном понимании ими исторической роли Великого Октября. Использование несостоятельной методологии изучения общественного развития, приверженность к антимарксистским и антикоммунистическим догмам, игнорирование фактов не «вписывающихся» в предвзятые схемы, до сих пор являются отличительными чертами буржуазной историографии Октября.

Методологические изъяны изучения революции в буржуазной науке. Советские ученые неоднократно отмечали, что революционное движение рассматривается в буржуазной науке вне связи с общественно-историческим процессом в целом, что ведет к субъективизму как в подборе материала, так и в обобщениях¹². Для буржуазной историографии характерен резко негативный подход к революциям как к чисто политическим явлениям, нарушающим логику «естественного» хода истории. Это признается и самими буржуазными авторами. «Западному ученому трудно сказать доброе слово о революционном радикализме, потому что это противоречит его глубоко укоренившимся умственным рефлексам», — отмечает американский социолог Б. Мур¹³. «В нашем западном мире существует сильное предубеждение в пользу постепенной эволюции, противостоящей революции», — подтверждает голландский ученый В. Вертхейм¹⁴.

В полном соответствии с этими представлениями Октябрь характеризуется в одной из вышедших недавно в Англии книг как «первая успешная радикальная революция современности», которая перечеркнула надежды «умеренных» на эволюционное развитие мира¹⁵. Каков был классовый характер «радикализма» Октября и какие социальные силы стояли за теми, кого автор называет «умеренными», в книге полностью обходится молчанием. Читатель ее должен прежде всего уверовать в то, что все пороки современного капиталистического общества вызваны не социальной природой буржуазного строя, а социалистической революцией в России.

Ярый антикоммунист С. Хук доводит эту «логику» до абсурда, возлагая на Октябрьскую революцию и большевистскую партию вину за возникновение фашизма в Италии и Германии¹⁶⁻¹⁷. Немного найдется западных историков, стоящих на столь откровенно предвзятых позициях, но следует заметить, что фантазии С. Хука стали возможны благодаря тому, что методология буржуазной историографии позволяет менять местами причину и следствие — в данном случае противоречия капитализма как общественного строя и социальную революцию, разрывающую gordnevy узлы этих противоречий.

Запутыванию вопроса о причинах, характере и последствиях Октябрьской революции служат и утверждения западных историков о невозможности прийти к достоверным выводам по этим вопросам якобы ввиду отсутствия точных данных. «Крайне трудно объективно изучать русскую революцию и последующую гражданскую войну», — заявляет, например, профессор Манчестерского университета Д. Брэдли, выражая недовольство тем, что в изучении проблематики Октября исследователи стремятся занять «философские позиции». По мнению Брэдли, историки не имеют «в

¹¹ Schwartz M. Op. cit., p. VI.

¹² Красин Ю. А. Революцией устрешенные. Критический очерк буржуазных концепций социальной революции. М., 1975, с. 20.

¹³ Moore B. Social Origins of Dictatorship and Democracy. Lord and Peasant in the Making of the Modern World. N. Y., 1966, p. 505.

¹⁴ Wertheim W. F. Evolution and Revolution. The Rising Waves of Emancipation. Harmondsworth, 1974, p. 178.

¹⁵ The Russian Revolution and the Soviet State 1917—1921. Documents. Selected and edited by M. McCauley, L., 1975, p. XIII.

¹⁶⁻¹⁷ Violence and Aggression in the History of Ideas. New Brunswick, 1974, p. 269.

своем распоряжении свидетельств... чтобы установить достоверные исторические факты»¹⁸.

Д. Брэдли недоволен привнесением «философии» в историческое исследование, но отрицание возможности установления исторической истины также есть философская позиция, только весьма отдающая агностицизмом. Подход к Октябрьской революции как к чему-то непознаваемому в корне неверен. Историки располагают более чем достаточным количеством достоверных свидетельств и установленных фактов, чтобы дать точную оценку Октябрьской революции. Так, является бесспорным фактом поддержка широкими слоями российских трудящихся большевистских лозунгов мира, передачи власти Советам, земли — крестьянам, фабрик и заводов — рабочим. В августе — октябре 1917 г. только в массовых забастовках в России участвовало около 2 млн. человек. Главной формой крестьянского движения осенью 1917 г. стал массовый захват помещичьей земли. По далеко неполным данным, случаев такого захвата в мае 1917 г. было 152, в июле — 387, в сентябре — 958¹⁹. На отсутствие полных данных можно сетовать, но наличие крестьянских выступлений принимавших революционный характер, их постоянный количественный рост в 1917 г. не вызывают сомнения. Бесспорен и факт (кстати, не отрицаемый ни одним из буржуазных историков) интенсивной большевизации Советов осенью 1917 г. Из 362 Советов, представленных на II Всероссийском съезде Советов, около 250 Советов только крупных промышленных городов и районов страны безоговорочно поддержали требование взятия всей власти Советами, выдвигавшееся большевиками²⁰.

Из этого, разумеется, не следует, что в истории Октябрьской революции абсолютно все вопросы выяснены и эта тема «закрыта» для дальнейших научных исследований. Академик И. И. Минц, автор наиболее фундаментального трехтомного монографического труда по истории Октября, подчеркивает, что он не смог осветить все вопросы с желательной полнотой, что архивы по данной теме неисчерпаемы²¹. Но понимание наличия каких-то лакун в историческом исследовании, а в более широком плане понимание безграничности процесса познания, свойственное историкам-марксистам, отнюдь не означает, что историческую истину установить невозможно. В отношении Октябрьской революции такой абсолютно достоверной истиной является то, что она была исторически обусловленной, совершенной передовыми отрядами рабочих, солдат и крестьян под руководством партии большевиков и при поддержке широких трудящихся масс^{21а}.

Следует отметить, что оценки Октябрьской революции, имеющиеся в работах буржуазных советологов, далеко не всегда соответствуют даже тем представлениям о революционных процессах, которые широко распространены ныне в буржуазной политологии. Так, буржуазные политологи признают, что для революции необходимы по крайней мере такие посылки, как существование оппозиции, претендующей на всю полноту власти, поддержка этой оппозиции значительной частью населения, неспособность правительства подавить оппозицию²². Разумеется, для глубокого научного анализа революций недостаточно этой формулы, игнорирующей главное — социально-экономические предпосылки и классовый характер движения.

Однако и она показывает шаткость позиции тех, кто заявляет, будто революция свершилась в силу случайных причин, или что исторические факты не дают основания для вывода о ее закономерности: ведь все эти условия (и много других) неопровержимо присутствовали на российской внутриполитической сцене в 1917 г.

¹⁸ Bradley J. F. N. *Civil War in Russia 1917—1920*. L.—Sydney, 1975, p. 9.

¹⁹ История СССР с древнейших времен до наших дней, т. 2, М., 1967, с. 111.

²⁰ Минц И. И. История Великого Октября, т. 2, М., 1968, с. 833.

²¹ Там же, т. 1, М., 1967, с. 6, 12.

^{21а} Все это аргументированно раскрыто в обширной советской историографии Октября. См. о ней: напр., Партия и Великий Октябрь. Историографический очерк. М., 1976.

²² См., напр., *Handbook of Political Science*. Ed. by F. Greenstein and N. Polby. Vol. 3. *Macropolitical Theory*. Reading (Mass.), 1975, p. 521; Lewis P. G. *The Politics of Revolt*. Rustington, 1974, pp. 91—93.

Неизменность основных постулатов буржуазной историографии Октября. Позиция «непознаваемости» событий 1917 г. не просто непродуктивна; более полувека спустя после этих событий она лишней раз свидетельствует об определенном тупике, в который зашла буржуазная историография. Не все западные историки, конечно, разделяют точку зрения Д. Брэдли, однако в целом для буржуазной историографии Октября характерен эклектизм, сохраняющаяся приверженность канонам полувековой давности, лишь робкие попытки отойти от этих несостоятельных канонов.

Действительно, если выделить основные линии интерпретации Октябрьской революции в буржуазной историографии, то получится, что — с известными модификациями — они сложились давным-давно. Возьмем, например, кадетскую точку зрения, по которой интересам российской нации более всего соответствовала конституционная монархия британского образца или какой-либо другой вариант буржуазного парламентаризма. Эта «концепция» не выдержала проверки временем: за восемь месяцев «семинадцатого года» российская буржуазия проявила свою полную неспособность решить насущные проблемы, стоявшие перед страной. Гражданская война развеяла как монархические иллюзии, так и надежды соглашательских партий на «третий путь» в революции. Не было в общем ничего удивительного в том, что историки-белоэмигранты сохраняли верность кадетским идеям и в двадцатые, и в последующие годы; можно также понять, почему М. Карпович, Г. Вернадский и во многом с ними солидарный Б. Пейрс пользовались таким авторитетом в университетах США и Англии (они были первыми учителями нарождавшегося поколения профессиональных советологов), — но ведь и сейчас, в 1970-х годах, в западной литературе по истории России заметно влияние кадетских версий²³.

Возьмем далее версию о том, что Февральская и Октябрьская революции свершились вследствие первой мировой войны и ошибок царизма в ней. Наиболее полно ее развил еще П. Н. Милюков, и она вполне импонировала эмигрантским и западным историкам, которые игнорировали социально-экономические противоречия как важнейший фактор исторического процесса²⁴. Однако эта версия отстает до сих пор²⁵ и в наиболее обнаженном и претенциозном виде была сформулирована несколько лет назад американским советологом Р. Уэссоном, без обиняков заявившим: «Война — не повивальная бабка революции, а ее мать»²⁶. В несколько иносказательной форме ту же мысль выразил американский историк-экономист У. Блэквелл: «Сцена для русской истории была подготовлена не в Петрограде, а в Сараево и при Танненберге»²⁷.

Подобные далекие от науки выводы показывают, что развитие буржуазной советологии идет посредством не только отказа от наиболее однозвучных, давно опровергнутых историй версий, но и их явного гипертрофирования. Наиболее заметно это на примере домысла о так называемых «немецких деньгах», с помощью которых якобы были совершены революции 1917 г. в России. Этот домысел, пущенный в ход еще в бурное революционное время Временным правительством, преследовавшим большевиков, и реакционными публицистами типа Г. Алексинского, а позднее пытавшимися оправдать свою антисоветскую интервенцию политиками Антанты (особенно Э. Сиссоном) давно отброшен трезвомыслящими западными историками^{27а}. Время от времени, однако, наблюдаются вспышки активности ярых антисоветчиков, которые, по замеча-

²³ См., напр., *Essays of Russian Liberalism*. Ed. by Ch. E. Timberlake. University of Missouri Press, 1972. Некоторые американские советологи даже заявляют, что буржуазный строй, сохранившийся в России после октября 1917 г., обеспечил бы стране более высокий уровень хозяйственного развития. (См. Goldman M. *Soviet Economic Growth Since the Revolution*. — «Current History», October 1967, p. 233).

²⁴ См., напр., Seton-Watson H. *From Lenin to Khrushchev. The History of World Communism*. N. Y. — L., 1964, p. 409.

²⁵ См., напр., Foot M. R. D. *Resistance, War and Revolution*. In: *The Yearbook of World Affairs*. 1977. L., 1977, p. 160.

²⁶ Wesson R. G. *War and Communism*. — «Survey», Winter 1974, p. 101.

²⁷ Blackwell W. *Russian Economic Development from Peter the Great to Stalin*. N. Y., 1974, p. XXVIII.

^{27а} См., напр., Kennan G. *The Sisson Documents*. — «Journal of Modern History», 1956, vol. 28, № 2.

нию американского историка А. Сенна, ищут «доказательств» связей большевиков с кайзеровской Германией столь рьяно, «будто надеются, что большевистская революция исчезнет»²⁸. В канун пятидесятилетнего юбилея Октября с претендующими на сенсацию «открытиями» в этой области выступил профессор Оксфорда Г. Катков²⁹. Большинство западных советологов не согласилось с его измышлениями, а некоторые и высмеяли их³⁰.

О низкопробном опусе Каткова не стоило бы и вспоминать, если бы восемь лет спустя по этому же пути не пошел и его коллега М. Пирсон³¹. Выводы Пирсона также были подвергнуты критике в западной литературе. Назвав указанную версию «мифом», А. Сеня отметил, что «Октябрьская революция остается историческим фактом, который нужно рассматривать во взаимосвязи с эпохой, а не как заговор»³². Против такого подхода к Октябрю выступают и другие буржуазные авторы³³. Есть основания сделать вывод, что в целом разного рода «заговорщицкие» интерпретации событий 1917 г. не являются господствующими в современной буржуазной историографии. Однако остается питательная почва для их рецидивов — крайне правое антикоммунистическое направление в буржуазной идеологии, сохраняющаяся (хотя и уменьшившаяся) активность историков-эмигрантов первого и второго поколений.

Если изложенные выше версии причин и характера Октября были рождены в основном в кадетских и близких им кругах, то концепция незрелости России для социалистической революции и якобы отхода В. И. Ленина от марксизма проповедовалась меньшевиками. В первые послеоктябрьские годы она редко встречалась в буржуазной историографии. Это объяснялось прежде всего тем, что тогда идейное сближение буржуазной и реформистской идеологии на почве антисоветизма еще не было столь явным. Позднее, когда авторы меньшевистского и троцкистского толка (Николаевский, Валентинов, Шуб, Абрамович, Дейчер, Вольф и др.) приобрели вес в академических кругах Запада, а правые социалисты и социал-демократы оказались у власти в целом ряде капиталистических стран, концепция «немарксистского» характера Октябрьской революции не только прочно закрепилась в западной историографии, но и стала господствующей. Есть, поистине, ирония судьбы в том, что буржуазные идеологи, более ста лет пытающиеся опровергнуть марксистское учение о развитии общества, ныне вынуждены играть роль «защитников» чистоты марксизма.

Если разобраться в данном явлении глубже, то среди движущих мотивов буржуазных идеологов видны и тактические уловки, своего рода «кража идей» в охранительных целях³⁴, и попытки внести раскол в мировое коммунистическое движение. Однако, когда Р. Даниэлс утверждает, что «реальное советское государственное управление по всем пунктам противоречит марксистской теории»³⁵, читатель вправе усомниться в его компетентности в теории марксизма — ведь именно этот автор едва ли не наиболее упорно изо всех западных советологов отстаивает концепцию случайности исторического процесса³⁶, органически чуждую марксизму. Но, может быть, расчет сделан именно на неискушенность аудитории?

Читатель, задавшийся целью проследить развитие западной историографии Октября от ее истоков до современности, обнаружил бы в ней массу неизменных клише.

²⁸ Senn A. E. The Myth of German Money During the First World War.—«Soviet Studies», January 1976, p. 90.

²⁹ Katkov G. Russia 1917. The February Revolution. L., 1967. Об «открытиях» Каткова см.: Ю. И. Грицкий. Юбилей Октября и буржуазная историография.—«История СССР», 1968, № 3, с. 201—203; Иоффе Г. З. Указ. соч., с. 45—49.

³⁰ «Canadian Slavic Studies», 1967, vol. 1, № 3, pp. 482—489.

³¹ Pearson M. The Sealed Train, Journey to Revolution. Lenin — 1917. L., 1975, pp. 289—292.

³² Senn A. E. Op. cit., p. 90.

³³ Van Rossum L. A propos d'une biographie de Parvus.—«Cahiers du monde russe et soviétique», 1967, № 8, pp. 244—263.

³⁴ См., напр., Арбатов Ю. А. Краденые лозунги.—«Коммунист», 1965, № 5.

³⁵ Daniels R. V. Russia. Englewood Cliffs, 1964, p. 54.

³⁶ См. Грицкий Ю. И. Мифы буржуазной историографии и реальность истории, с. 79—94.

В самом деле, согласно Л. Лоутону, У. Батселлу и другим буржуазным историкам и публицистам 1920-х годов, истоки революции лежат в «особом» пути России, ее «отсталости»³⁷. И ныне Ф. Баргури, Р. Уэссон и Х. Ситон-Уотсон считают доминантой развития России «авторитарную» традицию, отделяющую ее от Европы³⁸, а У. Гриффит договаривается до утверждения, что в царской России не было «частного капитализма»³⁹. Д. Мэйвор в 1928 г. искусственно расчленил Октябрьскую революцию на две якобы проходившие параллельно, в «низах» и «верхах»⁴⁰; сейчас на тех же позициях стоит Д. Кармайкл⁴¹. Б. Пейрс объявлял о якобы «интеллигентском» составе большевистской партии⁴²; Р. Петибридж вторит ему пятьдесят лет спустя, модернизируя свою терминологию и именуя КПСС партией «белых воротничков»⁴³.

Такое постоянство не удивительно, если учесть, что одной из главных задач борьбы буржуазной идеологии против марксизма является доказательство, во-первых, «незакономерности» и, во-вторых, «недемократичности» Великого Октября. Для осуществления этой цели буржуазные советологи готовы использовать любые идеи и, действительно, в ход пускаются не только кадетские, меньшевистские и эсеровские концепции, но также воззрения полуторавековой давности, заимствованные, например, у русских славянофилов, в трудах А. Токвиля и дневниках маркиза де Кюстина⁴⁴. Собственно, именно на этих «источниках» во многом базируются представления современных западных историков об историческом пути нашей страны и его особенностях.

Модификация традиционных концепций. Вместе с тем буржуазные советологи не могут не учитывать меняющиеся реалии в мире и обуславливаемые ими видоизменения теоретического арсенала буржуазной идеологии. В советской научной литературе отмечалось, что распространение в буржуазном обществоведении теорий «стадий роста», «модернизации», «единого индустриального общества» привело к тому, что советологи предприняли попытки заменить миф об «уникальности» или «специфичности» исторического пути России концепциями, которые как-то соответствовали бы этим теориям⁴⁵. Иными словами, испытывая необходимость преодолеть явный субъективизм подхода к историческому процессу как к конгломерату случайных явлений и ввести в изучение истории некие общие категории, буржуазные авторы стремились приложить эти категории к истории России с тем, чтобы опровергнуть марксистскую философию истории, и прежде всего положение о смене общественных формаций, о неизбежности смены капитализма социализмом в мировом масштабе. Так родилась точка зрения (отстаиваемая Т. фон Лауэ и рядом других западных авторов) на Октябрь как первую из «революций отсталых стран», ставящих целью превратить эти страны в «индустриальные общества» по образу и подобию Запада⁴⁶.

Эта точка зрения во многом согласовывалась с другой советологической теорией — теорией конвергенции двух общественных систем. В конце 50-х — начале 60-х го-

³⁷ Lawton L. The Russian Revolution (1917—1926). L., p. 15; Batsell W. Soviet Rule in Russia. N. Y., 1929, p. 35.

³⁸ Barghoorn F. Politics in the USSR. Boston, 1972, p. 18; Wesson R. G. The Russian Dilemma: A Political and Geopolitical View. New Brunswick, 1974, p. 3, 23, 72; Seton-Watson H. George Kennan's Illusions. — «Encounter», November, 1976, pp. 25—33.

³⁹ Griffith W. The Soviet Union and Eastern Europe: an Overview. In: The Soviet Empire. Expansion and Detente. Lexington — Toronto, 1976, p. 1.

⁴⁰ Mavor J. The Russian Revolution. L., 1928, p. 132.

⁴¹ Carmichael J. A Short History of the Russian Revolution. N. Y., 1966, pp. 142—147.

⁴² Pares B. A History of Russia. N. Y., 1926, pp. 474, 477.

⁴³ Pethbridge R. The Social Prelude to Stalinism. L., 1974, p. 8.

⁴⁴ См. Марущик Б. И. Советология: расчеты и просчеты, с. 29—39.

⁴⁵ См. Наумов Н. В. Указ. соч., с. 111—115; Игрицкий Ю. И., Романовский Н. В. Критика буржуазной историографии трех революций в России. М., 1975, с. 38—39.

⁴⁶ См. Гиндия И. Ф. Концепция капиталистической индустриализации России в работах Теодора фон Лауэ. — «История СССР», 1971, № 4; Оленина И. Н. Указ. соч., с. 92—107; Зырянов П. Н., Шелохаев В. В. Первая русская революция в английской и американской буржуазной историографии, с. 21—25.

дов и та, и другая стали быстро завоевывать позиции в буржуазном общественном развитии. Но затем в их развитии наступил некоторый спад.

Здесь следует заметить, что пересмотр субъективистско-релятивистских канонів, беспредельно господствовавших в буржуазных общественных науках в период с 30-х по 50-е годы, проходил с неодинаковой интенсивностью в разных дисциплинах. Если в конкретно-социологических исследованиях, социальной психологии, политологии системный подход и структурализм, ориентирующиеся на анализ общества как единства части и целого и представляющие шаг вперед по сравнению с этими канонами, утверждались относительно успешно, то среди буржуазных историков нашлось немало таких, которые оказали сопротивление напору новых веяний. Тем не менее ряд буржуазных авторов восприняли их, что выразилось, в частности, в признании ведущей роли глубинных социально-экономических факторов в развитии общества⁴⁷. Президент Американской исторической ассоциации Т. Кокран предложил рассматривать экономический фактор как «главный элемент общей социальной истории»⁴⁸. Однако груз традиционных представлений в западной историографии еще очень силен. Даже признавая важность изучения экономических факторов, буржуазные историки крайне неохотно идут на обобщения, которые хоть в малейшей степени могли бы подвести западного читателя к мысли о правильности марксистского учения о смене общественных формаций. Так, на 67-м ежегодном собрании Организации американских историков, в апреле 1974 г., проявились очевидные разногласия в отношении к самому понятию социальной истории, к необходимости анализа общества в совокупности и в развитии. Профессор университета штата Мичиган Р. Беркхофер заявил, что история должна изучать события, а не процессы, и всякие попытки увидеть в общественном развитии какие-либо закономерности обречены на провал⁴⁹.

В Англии также идет борьба между сторонниками субъективистского метода исторического исследования, и прежде всего школой презентизма, созданной К. Поппером⁵⁰, и историками, пытающимися осмыслить развитие общества как объективный процесс, имеющий свою логику, которая не зависит от прихоти исследователя. Преподаватель Университета графства Эссекс (Англия) М. Фримен, критикуя взгляды К. Поппера, указал, что «во многих важных исторических ситуациях частичное социальное конструирование (т. е. изучение отдельных аспектов общественного развития.— Ю. И.) не дает верного решения проблем, стоявших перед народом в данном обществе», заметив, что это относится, в частности, к освещению России 1917 г. в западной литературе⁵¹. Здравая рекомендация для современных западных советологов, расчленяющих политическое и социально-экономическое развитие России в эпоху империализма, акцентирующих внимание на действиях отдельных лиц (Николай II, Витте, Столыпин, Распутин, Керенский, Чернов и другие) в отрыве от анализа расстановки классовых сил в стране! Но автор этой рекомендации — не советолог. А советолог Р. Петтибридж, директор Центра по изучению России и Восточной Европы в г. Суонси (Уэльс), стоит на совсем другой позиции: «Попытки объяснить все явления как возникающие на общественной почве... сами себя побивают»⁵². Другой английский советолог П. Уайлз заявляет еще более категорично: «Я настаиваю на том, что почти все в основном непредсказуемо»⁵³.

⁴⁷ Ковальченко И. Д., Сивачев Н. В. Структурализм и структурно-количественные методы в современной исторической науке.— «История СССР», 1976, № 5, с. 70, 75.

⁴⁸ Cochran Th. The History of a Business Society.— «Journal of American History», June 1961, p. 8.

⁴⁹ «The Journal of American History», March 1975, p. 1043.

⁵⁰ См. Кон И. С. К спорам о логике исторического объяснения (схема Поппера — Гемпеля и ее критики).— «Философские проблемы исторической науки», М., 1969, стр. 263—295; Корнфорт М. Открытая философия и открытое общество. Ответ д-ру Карлу Попперу на его опровержение марксизма. Пер. с англ. М., 1972.

⁵¹ См. «British Journal of Sociology», March 1975, p. 26.

⁵² Pethybridge R. Op. cit., p. 2.

⁵³ Wiles P. A Comment on Bell.— «Survey», Winter 1971, p. 42.

Такого же подхода придерживаются американские историки А. Гершенкрон и Р. Даниэлс (чьи концепции уже служили предметом разбора в советской литературе)⁵³. И неудивительно, ибо эта консервативная историко-философская позиция хорошо согласуется с предвзятостью советологических концепций, их тесной связью с политикой и идеологией антикоммунизма. Одно дело, если точка зрения западного автора близка марксистской в освещении, например, истории древних циклов, и совсем другое, если это произойдет при анализе российского революционного движения и первой в мире социалистической революции. Это чревато мгновенной негативной реакцией антикоммунистов⁵⁴.

Возвращаясь к концепции Октября как первой из «революций отсталых стран», подчеркнем, что она прямо направлена против марксизма, ибо пытается подменить открытую К. Марксом закономерность смены общественно-экономических формаций неким развитием всех стран в сторону туманного, лишенного классовой сущности «индустриального общества». И хотя в этой концепции, безусловно, меньше иррационализма и субъективизма, чем в искусственном противопоставлении «западного» исторического пути «восточному», она также антиисторична по своей сути.

Ставя во главу угла идею развития общественных институтов (а не их застывленности, как это делали твердолобые апологеты капитализма), сторонники теорий «индустриального общества», конвергенции и «революций отсталых стран» не могли сколько-нибудь внятно объяснить, в чем, кроме индустриализации, выражается развитие «не-Запада» в сторону «Запада», одинаков ли сам процесс индустриализации в Европе, России и «третьем мире», наконец, каковы различия между уже существующими «индустриальными обществами» в капиталистических и социалистических странах. Акцент на развитие не подкреплялся научно верным представлением о его характере. Примечательно, что сами бесконечно далекие от правильного понимания исторического процесса, противники теории конвергенции уловили это и развернули активную кампанию против нее⁵⁵.

Кроме того, концепция «революций отсталых стран», как верно отметили советские ученые⁵⁶, не годилась для идеологического экспорта в «третий мир» — иными словами, она оказалась неприемлемой не только для буржуазных идеологов крупнейших капиталистических держав, но и для идеологов национальной буржуазии в развивающихся странах. Отметим, что Т. фон Лауэ впоследствии частично отошел от прежних позиций. В одной из статей 70-х годов он уже сделал акцент не на возможность для России «примкнуть» к Европе в результате быстрого промышленного развития, а на их якобы вечную противоположность⁵⁷.

Вообще мотив «Россия вне Европы» звучит в последнее время весьма громко на страницах различных изданий, выходящих в капиталистических странах. Но примечательно, что иной раз при этом происходит не возврат к старому клише, отделяющему «Восток» от «Запада», и не повторение более поздней концепции «подтягивания» Рос-

⁵³ Олегина И. Н. Капиталистическая и социалистическая индустриализация в трактовке А. Гершенкрона. — «История СССР», 1971, № 2; Мянц И. И. Невероятные шансы Роберта Даниэлса. — «Коммунист», 1969, № 5.

⁵⁴ Когда, например, американский историк А. Рабинович отметил в качестве основного недостатка книги кадета С. П. Мельгунова «Захват власти большевиками», изданной в США, игнорирование устремлений рабочих, солдат и матросов, выступивших за власть Советов, историк-эмигрант С. Пушкарёв немедленно прислал в редакцию журнала «Slavic Review» (где была опубликована рецензия Рабиновича) разгневанное письмо. «Главная ценность книги Мельгунова, — заявил Пушкарёв, — состоит в том, что она существенно корректирует построения официальной советской историографии, которую, к сожалению, продолжают воспринимать серьезно некоторые западные историки» («Slavic Review», December 1975, pp. 879—880).

⁵⁵ См., напр., Wolfe B. D. An Historian Looks at the Convergence Theory. In: Sidney Hook and the Contemporary World. Essays on the Pragmatic Intelligence, N. Y., 1968, pp. 54—75; London K. The Delusion of Convergence. — «Problems of Communism», July—August 1974, pp. 59—60.

⁵⁶ Зырянов П. Н., Шелохаев В. В. Указ. соч., с. 11.

⁵⁷ Von Laue Th. H. Op. cit., p. 181.

сии к «Западу» посредством революции и индустриализации, а, напротив, изображение Октября водоразделом, отграничившим Россию от «Запада». Так, совсем недавно Р. Арон безапелляционно заявил: «В 1917 г. Россия ушла из Европы»⁵⁸. Если бы известный французский философ и историк имел в виду прорыв единого фронта империалистических держав, рождение социалистической России в капиталистическом окружении, с ним можно было бы согласиться — да, в этом смысле путь России действительно разошелся с путем остальной Европы до окончания второй мировой войны, когда еще ряд восточноевропейских государств «ушли» из капиталистического мира. Но Арон, разумеется, бесконечно далек от марксистского понимания истории. Больше того, данное заявление далеко от науки вообще, оно продиктовано чисто политическими мотивами весьма реакционного свойства. Р. Арон стремится вызвать недоверие к политике разрядки международной напряженности, к духу Общеввропейского совещания в Хельсинки. С Россией советской, социалистической «остальная» Европа не может плодотворно сотрудничать — вот суть его позиции. Однако Р. Арон упускает из виду, что предлагаемая им постановка вопроса не только дезавуирует теорию «индустриального общества», одним из авторов которой он является, но и противоречит всему ходу европейской истории XX в. Является неопровержимым фактом то, что вторая мировая война была развязана нацизмом — порождением наиболее реакционных сил европейского империализма, а «неевропейский» Советский Союз пытался ее предотвратить с помощью системы коллективной безопасности и внес решающий вклад в победу стран антигитлеровской коалиции, в спасение мировой цивилизации от ужасов фашизма.

Стремление отыскать в Октябрьской революции некие чуждые «европейской цивилизации» черты нередко приводит буржуазных историков к абсурдным выводам. Например, в книге, вышедшей в США два года назад и посвященной гражданской войне на Дальнем Востоке, можно прочесть, что В. И. Ленин и большевики «враждебно относились к традиционным ценностям и институтам» и эта враждебность якобы приобрела международное значение, когда они пришли к власти в России в ноябре 1917 г.⁵⁹ Может ли серьезный историк не понимать или делать вид, будто он не понимает, что коммунисты выступают не против «традиционных ценностей и институтов» вообще, а против института эксплуатации человека человеком, частной собственности, порождающей эту эксплуатацию, социально-экономического неравенства, узакониваемого буржуазным обществом, короче против всех и всяких форм классового и национального угнетения? В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что марксизм критически переработал все, что было создано человеческим обществом, и в этом смысле является не ниспровергателем, а законным наследником лучших традиций человечества, в том числе и «ценнейших завоеваний буржуазной эпохи»⁶⁰. «Мы должны поставить умнее, взяв себе всю сумму человеческих знаний», — призывал В. И. Ленин тех коммунистов, которые проявляли нигилистическое отношение к ценностям старой культуры⁶¹.

Уже упоминавшийся американский историк Р. Уэссон, склонный к антиисторическим гиперболам, видит свидетельство преемственности самодержавной и социалистической России в... национализации земли, якобы явившейся «в некотором роде возвратом к старой системе Московии, где вся земля была собственностью одного господина»⁶². Автору, очевидно, неизвестно ни то, что русские бояре были крупными вотчинными землевладельцами, бесконтрольно правившими на своих землях и подчинявшимися великому князю так же, как в Западной Европе феодалы подчинялись своему сюзерену; ни то, что национализация земли является лозунгом не социалистической, а буржуазной революции.

Можно было бы привести много других примеров таких «новшеств» в современной.

⁵⁸ Aron R. The Crisis of the European Idea. — «Government and Opposition. A Journal of Comparative Politics», Winter 1976, pp. 8—9.

⁵⁹ Smith C. F. Vladivostok Under Red and White Rule. Revolution and Counterrevolution in the Russian Far East, 1920—1922. Seattle — L., 1975, p. IX.

⁶⁰ Ленин В. И. ПСС, т. 41, с. 304, 337.

⁶¹ Там же, т. 41, с. 306.

⁶² Wesson R. G. The Soviet Russian State. N. Y. — L. — Sydney — Toronto, 1972, p. 66.

буржуазной литературе по истории России и СССР, которые скорее относятся к историографическим курьезам. Например, директор Института по изучению СССР и Восточной Европы в Глазго А. Ноув объясняет образование фракций в РСДРП тем, что российские революционеры «не имели никаких обязанностей» и поэтому «без конца спорили»⁶³. Как здесь не вспомнить, что бывший директор ФБР Э. Гувер в свое время объяснял возникновение марксизма тем, что у Маркса не было склонности «заниматься производительным трудом»⁶⁴. Американский историк-реакционер Э. Саттон в книге «Уолл-стрит и большевистская революция» договаривается ни много, ни мало до того, что существует «давний тайный союз» между капиталистами и международным революционным движением, в силу которого американские банкиры помогали большевикам осуществлять революцию!⁶⁵ Саттон был высмеян своими коллегами⁶⁶.

Версия о «запланированной революции». Если обратиться к трактовкам Великого Октября, начинающим ныне занимать более или менее заметное место на Западе, то надо отметить версию о т. н. «запланированной революции». «Не соглашаясь с марксистско-ленинским взглядом на историю,— пишет Р. Уэссон,— мы вполне можем согласиться с тем, что захват власти большевиками и возникновение Советского государства были, возможно, самым важным запланированным политическим событием истории»⁶⁷. Из формулировки Р. Уэссона ясно лишь то, что он отказывается видеть в Октябрьской революции проявление общих закономерностей исторического процесса. Какое именно антимарксистское содержание вкладывается советологами в понятие «запланированной революции», объясняет западногерманский автор Т. Шидер. «Октябрьская революция 1917 г.,— заявляет он,— может быть понята как результат последовательного применения ленинской теории революции» и является по своему происхождению запланированной революцией, так как ее движущей силой была большевистская партия, «совершившая революцию меньшинства, а не революцию широкого большинства в марксистском понимании»⁶⁸.

Противопоставляя ленинскую теорию социалистической революции марксизму, Т. Шидер не блещет оригинальностью — буржуазные историки занимаются этим не один десяток лет. Да и в самом термине «запланированная революция» можно услышать отзвук эсеро-меньшевистских утверждений о путчистском характере Октября⁶⁹. В этом отношении данная концепция также служит обоснованию якобы незакономерного и недемократического характера Октябрьской революции. Но почему все же она появилась на свет, какие выгоды имеет, по замыслу ее апологетов, по сравнению с традиционными интерпретациями событий 1917 г. в буржуазной советологии?

Чтобы понять это, необходимо учесть, что пересмотр крайне субъективистских концепций буржуазной социологии и философии истории, о котором говорилось выше, привел не только к более рациональным, системным представлениям об обществе, но и к известным изменениям во взглядах на роль народных масс в истории. Разгром фашизма во второй мировой войне, возникновение социалистических государств в Европе и Азии, крах старой колониальной системы под напором национально-освободительного движения наглядно продемонстрировали, что активная борьба широких слоев народа за свободу, независимость и социальный прогресс является решающим фактором в мировой истории. Все это способствовало обращению буржуазных историков и социологов к изучению исторического творчества масс и вызвало возникновение доктрин «массового общества» и «массовой политики». Однако, будучи вынужденными включить

⁶³ Nove A. *Stalinism and After*. L., 1975, p. 13.

⁶⁴ Hoover E. *Masters of Deceit. The Story of Communism in America*. L., 1958, pp. 13, 17.

⁶⁵ Sutton A. G. *Wall Street and the Bolshevik Revolution*. N. Y., 1974, p. 17.

⁶⁶ «Choices», May 1975, p. 12. Характерно, однако, что журнал американских «ультра» «National Review» (June 6, 1975) поднял книгу Саттона на шит.

⁶⁷ Wesson R. G. *The Soviet Russian State*, p. 2.

⁶⁸ Marxism, Communism and Western Society, vol. 7. N. Y., 1973, p. 240.

⁶⁹ Правый эсер М. Вишняк заявлял, например, что Октябрь «не произошел, а был «сделан». Цит. по: Сивохина Т. В. Крах мелкобуржуазной оппозиции. М., 1973, с. 36.

народные массы, как субъект истории, в сферу своих исследований, буржуазные обществоведы остались верными своим классово-ограниченным позициям, проявившимся в тезисе о том, что рост политической активности масс контролируется «элитами» с помощью различных средств «манипуляции»⁷⁰. Этот тезис, берущий истоки в изучении политики буржуазных партий капиталистического мира, проник и в советологию.

Одним из тех, кто активно включил подобные понятия и категории в сферу исторического анализа в советологии, явился Т. фон Лауэ. В книге, претенциозно озаглавленной «Переоценка русской революции. 1900—1930 гг.» (эти хронологические рамки становятся понятными, если вспомнить, что, согласно теории модернизации, главным содержанием процесса революционных изменений в России XX в. явилась ее индустриализация), Т. фон Лауэ заявил, что из всех политических партий России в 1917 г. «только большевики пошли в русле революционного потока», выдвинув лозунги мира, земли и социальной справедливости, т. е. проводили действительно массовую политику⁷¹. Основу этой политики, по Лауэ, составляло понимание того, что в век активности масс ни одна политическая партия не может рассчитывать на успех, если она не выдвинет программы, близкой и понятной широким народным слоям. Сама по себе такая постановка вопроса является правильной. Но в соответствии с советологическими канонами Лауэ развивал ее далее в духе антибольшевизма и антисоветизма. Он заявил, что большевики, внешне действуя в одном революционном потоке с трудящимися, «внутренне оставались вне масс в качестве манипуляторов волей народа, а не ее агентов»⁷².

Эта фраза все ставит на свои места. Рассуждения Лауэ призваны не только опорочить идеи и деятельность большевистской партии; в них сквозит глубоко скептическое отношение к возможностям вовлеченных в политические события масс. Обвиняя большевиков в некоей оторванности от масс, Т. фон Лауэ по сути дела продемонстрировал собственную убежденность в делении людей на призванную руководить «сознательную элиту» и живущую сиюминутными интересами и инстинктами «толпу».

Однако сам поворот буржуазных авторов к изучению действий масс в период Октябрьской революции был чреват для буржуазной советологии расширением исследований в нежелательном направлении. Достаточно сказать, что в ряде работ, вышедших на Западе в последние годы, роль народа в событиях 1917 г. определенно признавалась⁷³. В одном из иллюстрированных изданий, рассчитанном на широкие круги читателей и содержащем множество в корне неверных положений, есть следующие нетипичные для работ западных советологов строки: «Уникальным достижением второй революции в России в 1917 г. было то, что солдаты и крестьяне из самых различных мест объединились при большевиках общей идеологической целью»⁷⁴.

Вот это-то признание единства целей и действий большевистской партии и трудящихся России было и остается неприемлемым для тех буржуазных историков, которые рассматривают Октябрь как «специфически русскую», «немарксистскую» революцию. Они испытывают насущную потребность в концепции, которая противостояла бы тенденции к дальнейшему изучению роли социально-экономических факторов в революции и вместе с тем обладала внешне наукообразными чертами. Для этого не годились теория «заговора» и прочие крайне субъективистские «объяснения» причин Октября, среди которых своей абсурдностью выделялась версия Р. Даниэлса⁷⁵. По-видимому,

⁷⁰ См., напр., Ашия Г. К. Доктрина «массового общества». М., 1971, с. 136—142.

⁷¹ Von Laue Th. H. Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of the Russian Revolution. 1900—1930. Philadelphia — N. Y., 1964, p. 127.

⁷² Ibid.

⁷³ Lindeman A. S. The «Red Years». European Socialism Versus Bolshevism, 1919—1921. Berkeley — Los Angeles — L., 1974, p. 31; Wertheim W. F. Op. cit., p. 165. Подобные признания можно было встретить в буржуазной историографии и ранее, но крайне редко (см. Chamberlin W. H. The Russian Revolution 1917—1921. Vol. I. N. Y., 1935, pp. 260—275, 453; Curtiss J. Sh. The Russian Revolutions of 1917. Toronto — N. Y. — L., 1957, pp. 103—104).

⁷⁴ Charlesworth M. Revolution in Perspective. N. Y., 1974, p. 115.

⁷⁵ Daniels R. V. Red October. The Bolshevik Revolution of 1917. N. Y., 1967, p. 81; idem. The Bolshevik Gamble. — «The Russian Review», October 1967, p. 335.

концепция «запланированной революции» была призвана заполнить вакуум, образовавшийся после банкротства старых субъективистских трактовок Октябрьской революции. Она включает в себя традиционное «отторжение» ленинизма от марксизма и большевиков от широких народных масс, но в то же время, по мысли ее апологетов, дает ответ на вопрос, каким же образом большевистская партия пришла к власти, если народ ее не поддерживал: с помощью «тщательно спланированных действий»⁷⁶. Оказывается, революционерам совершенно необязательно опираться на массы, если сплоченная и знающая свое дело организация все «продумает» и «решит»!

Такая позиция в чем-то перекликается с некоторыми ультралевыми псевдореволюционными теориями, и это, видимо, устраивает буржуазных идеологов.

Трудно сказать, чего больше в рассуждениях историков Р. Уэссона и Т. Шидера — политической предвзятости или теоретической путаницы. Броский термин «запланированная революция» обретает хоть какое-то подобие смысла, лишь если под ним иметь в виду акцент на фактор организованности политической армии революции. Но и в этом случае совершенно неправомерна его абсолютизация. Если революционная организация не располагает сколько-нибудь широкой поддержкой в массах, то она обречена на сектантское существование и конечное поражение — немало примеров тому дала история революционного движения не только в России, но и во всем мире.

Органованность революционного движения, охватывающего в эпоху империализма невиданные дотоле массы народа, но сталкивающегося со столь же беспрецедентно мощным союзом правящих классов и находящегося в их руках государства, требует наличия дисциплинированной и сплоченной партии рабочего класса, руководствующейся научно обоснованной революционной стратегией, которая должна отвечать на вопросы, при каких социальных, экономических и политических условиях пролетариат может рассчитывать на победу революции. На эти вопросы давала ответ ленинская теория социалистической революции, явившаяся творческим развитием марксизма в XX веке. В. И. Ленин и его соратники стремились донести азбуку марксизма до сознания как можно более широких слоев рабочих России. Тесная, неразрывная связь большевиков с рабочими массами страны, распространение большевистской печати на фабриках и заводах вели к расширению рядов партии, к пополнению ее за счет притока рабочей молодежи. Особенно бурно этот процесс шел после свержения самодержавия. С февраля по октябрь 1917 г. численность партии выросла почти в 15 раз⁷⁷. Причем в нее вступало все больше не только рабочих, но и крестьян, солдат, матросов. Программа большевиков отвечала чаяниям народа, поэтому революционная работа партии и действия масс составляли единый фронт, порождали тот сплав, который обеспечил победу Октябрьского вооруженного восстания.

Да и мыслимо ли вообще «планировать» революции? Называя искусством подготовку восстания революционной марксистской партией, В. И. Ленин указывал три условия победы этого восстания: опора его не только на партию, но и на передовой класс; революционный подъем народа; умение правильно выбрать *«переломный пункт»* в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее *колебания* в рядах врагов и в рядах *слабых половинчатых нерешительных друзей революции*»⁷⁸. Эти условия возникают как следствие такого объективно складывающегося социального, экономического и политического развития общества, которое ведет к обострению классовых противоречий, к возникновению революционной ситуации и общенационального кризиса. Всей своей деятельностью партия также подготавливает эти условия в той мере, в какой вообще субъективный фактор оказывает влияние на ход истории — но без наличия объективного фактора, без нарастания всех общественных противоречий до высшей точки никакая партия не сможет осуществить социальную революцию, ведущую к смене общественного строя.

Невозможно и заранее «планировать» переломный момент в соотношении сил в революции. Искусство революционеров-марксистов, указывал В. И. Ленин, состоит в том,

⁷⁶ Marxism, Communism and Western Society, vol. 7, p. 240.

⁷⁷ История Коммунистической партии Советского Союза, т. 3, кн. 1, М., 1967, с. 244.

⁷⁸ Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 242—243.

чтобы точно уловить этот момент и не упустить его, ибо промедление чревато консолидацией сил реакции и поражением революции. Так, еще в июльские дни 1917 г. не было объективных условий, необходимых для победы восстания; потому, писал В. И. Ленин, «3—4 июля восстание было бы ошибкой: мы не удержали бы власти ни физически, ни политически»⁷⁹. Эти условия созрели осенью 1917 г., и В. И. Ленин, охарактеризовав их в работах «Марксизм и восстание», «Кризис назрел», «Удержат ли большевики государственную власть?» и других, подчеркивал, что теперь «промедление смерти подобно»⁸⁰. Взяв курс на подготовку вооруженного восстания на VI съезде РСДРП(б), партия большевиков в октябре 1917 г. поставила на повестку дня решение конкретных практических вопросов, «всестороннюю и усиленную подготовку вооруженного восстания»⁸¹.

Концепция «запланированной революции» столь же несостоятельна, сколь несостоятельна версия о том, что большевистская партия вообще не имела плана вооруженного восстания⁸². И та, и другая показывают, что, стремясь отстоять свои субъективистские позиции, буржуазные советологи склонны впадать в крайности, противоречащие здравому смыслу.

Но в еще большей степени, чем утверждение о возможности «планировать» революции, противоречит фактам и логике истории характеристика Октябрьской революции как «революции меньшинства».

Прежде всего следует заметить, что низвержение капиталистического строя К. Маркс и Ф. Энгельс связывали не с туманно определяемой «революцией широкого большинства», а с имеющей четкое классовое содержание пролетарской «Коммунистической революцией». Основоположники научного коммунизма подчеркивали, во-первых, громадное численное превосходство угнетаемого рабочего класса над угнетающей его буржуазией, и, во-вторых, присущую только рабочему классу потенциальную силу на месте старого общества с его классовыми антагонизмами создать общество, в котором «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»⁸³.

Однако К. Маркс и Ф. Энгельс никогда не строили иллюзий на тот счет, что в борьбе с буржуазным обществом у пролетариата есть союзники, которые обладали бы столь же высокой революционной сознательностью и последовательностью, как и он сам. Это не означало негативного отношения к союзу рабочих с крестьянством, как уверяют западные советологи. «Как демократы объединяются с крестьянами, так и рабочие должны объединиться с сельским пролетариатом», — ясно указывали К. Маркс и Ф. Энгельс в обращении ЦК Союза коммунистов ко всем его членам⁸⁴. Успех пролетарского восстания, подчеркивал К. Маркс в 1852 г., зависит особенно от того, будет ли оно поддержано революционной борьбой крестьян⁸⁵. Вместе с тем отношение революционной рабочей партии к мелкой буржуазии принципиально должно быть таковым: идти вместе с нею в борьбе против крупной буржуазии и крупных землевладельцев; идти против нее «во всех случаях, когда мелкобуржуазная демократия хочет упрочить свое положение в своих собственных интересах», «закончить революцию», сделав лишь «более сносным и удобным существующее общество»⁸⁶. К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали, что пролетариату «следует отказаться самым решительным образом» от такого объединения с мелкобуржуазной демократией, которое привело бы к утрате им самостоятельности в общем демократическом движении; напротив «рабочие и прежде всего Союз должны добиваться того, чтобы наряду с официальными демократами создать самостоятельную тайную и открытую организацию рабочей партии»⁸⁷.

⁷⁹ Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 244.

⁸⁰ Там же, с. 390.

⁸¹ Там же, с. 393, 397.

⁸² Несоответствие этой версии историческим фактам убедительно показал академик И. И. Минц. См. «Коммунист», 1969, № 5, с. 88—96.

⁸³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 447.

⁸⁴ Там же, т. 7, с. 265.

⁸⁵ См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 607.

⁸⁶ Там же, т. 7, с. 260—261.

⁸⁷ Там же, с. 262.

Как видим, эта точка зрения отнюдь не тождественна лозунгу «революции широкого большинства», о котором пишет Т. Шидер, не уточняя, из кого именно формируется такое «большинство».

Что касается Октябрьской революции, то именно ее, в отличие от западноевропейских революций 1848 г., опыт которых обобщали К. Маркс и Ф. Энгельс, поддерживали, помимо большинства промышленного пролетариата, примерно половина армии и основная масса крестьянской бедноты. Еще первая русская революция 1905—1907 гг. была народной, демократической революцией, охватившей широкие слои трудящихся города и деревни. Сохранение феодальных пережитков в российской деревне превращало крестьянство в союзника рабочего класса в борьбе против самодержавия. Дальнейшее социальное расслоение крестьянства вело к численному увеличению сельского пролетариата и острому столкновению кулаков и сельской бедноты.

Данных об активном участии широких трудящихся масс России в революционных событиях 1917 г. так много, что только историк, ослепленный политической предубежденностью, может игнорировать их. Одним из важнейших актов трудового народа было создание Советов. Рабочие явочным порядком вводили восьмичасовой рабочий день, брали в свои руки управление предприятиями. С марта по май 1917 г. фабзавкомы отстранили администрацию на более чем 100 фабриках и заводах⁸⁸. Осенью 1917 г. Советы насчитывали более 20 млн. человек⁸⁹ и в своем большинстве шли за большевиками. Крестьянское восстание охватило 26 губерний европейской части России, приступив к фактической ликвидации помещичьего аграрного строя⁹⁰. Большевиков поддерживали около $\frac{2}{3}$ солдат и матросов всех тыловых гарнизонов⁹¹.

Такого широкого вовлечения народных масс в борьбу против существующего строя, все чаще принимающую насильственные формы, не знали буржуазные революции ни в XIX, ни в XX вв. Большевицкая партия не могла бы прийти к власти, не располагая она поддержкой большинства народа, ибо Великий Октябрь осуществил не просто смену одной формы правления имущих классов другой, как это чаще всего случалось в буржуазных революциях, но вызвал коренные социальные сдвиги, ломку всей старой общественной структуры, уход со сцены паразитирующих классов и слоев.

* * *

В отдельных работах западных авторов можно встретить нетипичные для буржуазной историографии оценки характера и роли Октябрьской революции. Так, английский публицист Д. Браун рассматривает вопрос об исторической обусловленности свержения буржуазно-помещичьего правительства в России в ракурсе, прямо противоположном точке зрения Т. Шидера и его коллег. «Мораль может быть только одна,— пишет он,— очевидная: когда силы истории сходятся, чтобы произвести мощный взрыв, этот взрыв не в состоянии предотвратить ни реакция, ни либеральный идеализм»⁹².

Автор не поясняет, что он имеет в виду под «силами истории», но он явно расходится с концепциями «случайности» Октября. Все чаще в среде западных советологов раздаются голоса о необходимости отказа от поиска причин революции только лишь в сфере действия партий и отдельных лиц. Так, когда в США была переведена книга западногерманского историка О. Анвайлера о Советах в период с 1905 по 1921 г.⁹³, американские рецензенты дружно упрекнули автора в пренебрежении к изучению роли трудящихся масс в Советах⁹⁴.

⁸⁸ История СССР с древнейших времен до наших дней, т. VII, с. 38.

⁸⁹ Гапоненко Л. С. Рабочий класс в России в 1917 году. М., 1970, с. 467.

⁹⁰ Минц И. И. История Великого Октября, т. 2, с. 849.

⁹¹ См. Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России. 1917—1920. М., 1968, табл. 3.

⁹² Brown D. Op. cit., p. 13.

⁹³ O. Anweiler. The Soviets: The Russian Workers, Peasants and Soldiers Councils 1905—1921. N. Y., 1974 (Нем. изд.: O. Anweiler. Die Rätebewegung in Russland 1905—1921. Leiden — Köln, 1958).

⁹⁴ «Telos», Summer 1975, p. 180; «Slavic Review», June 1976, p. 333.

Меняются, хотя и медленно, взгляды буржуазных советологов на место Октябрьской революции в мировой истории, на ее влияние на развитие Европы. Если Р. Арон, как мы видели, полагает, что в 1917 г. «Россия ушла из Европы», то американский историк А. Линдеман, преподающий в Калифорнийском университете (г. Санта-Барбара), называет Октябрьскую революцию «составной частью мирового кризиса 1914—1920 гг.» и признает, что она вдохновила революционный оптимизм многих западных социалистов⁹⁵.

Профессор Эдинбургского университета П. Дьюкс возражает против противопоставления ленинской теории социалистической революции марксизму и характеристики Октября как «немарксистской» революции. «Те, кто утверждают, что Октябрьская революция была не более, чем верхушечным переворотом, и ее нельзя назвать в полном смысле слова марксистской по духу, глубоко ошибаются», — пишет П. Дьюкс. Далее автор цитирует «Коммунистический манифест» и, в частности, предисловие К. Маркса и Ф. Энгельса к его русскому изданию 1882 г., где указывается, что революция в России станет сигналом к пролетарской революции на Западе. «Именно в это свято верили Ленин и его сторонники после Октября», — продолжает Дьюкс, — и многие люди с тех пор рассматривали Октябрь как сигнал и для Востока, и для Запада»⁹⁶.

Такие строки, однако, — редкость в современной буржуазной историографии. Шестдесят лет спустя после Октябрьской революции изучение ее предпосылок, характера и движущих сил по-прежнему ведется западными историками под флагом давно дискредитировавших себя идей. Попытки же отойти от них явно непоследовательны и эклектичны, что лишний раз доказывает: подлинно объективное и плодотворное исследование проблематики первой в мире социалистической революции возможно только с позиций марксистско-ленинской исторической науки.

⁹⁵ Lindeman A. S. Op. cit., pp. 290, 292.

⁹⁶ Dukes P. A History of Russia. L., 1974, pp. 222—223.

Г. С. ШАХОВЦОВ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В НОВЕЙШИХ ТРУДАХ ВЕНГЕРСКИХ УЧЕНЫХ

Историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции, открывшей новую эру в развитии человечества, предопределило неослабевающий интерес к ее истории. Большое внимание изучению истории Великого Октября — первой победоносной социалистической революции — уделяется в странах социализма, в том числе и в Венгерской Народной Республике. Как отмечает в обзоре венгерской исторической литературы по истории СССР Э. Нидерхаузер, проблематика Великого Октября занимает ведущее место в исследованиях ученых ВНР, посвященных истории нашей страны¹.

Учеными социалистической Венгрии опубликованы монографии, в которых анализируются самые различные аспекты истории Октябрьской революции. Эти сюжеты широко освещаются на страницах ведущих исторических журналов ВНР: «Парттёрнетти кёзлеменек» («Вестник истории партии»), «Сазадок» («Века») и «Тёртенелми семле» («Историческое обозрение»). Ряд материалов, посвященных участию венгерских интернационалистов в революции и гражданской войне в России, опубликован в журнале «Хадтёртенелми кёзлеменек» («Вестник военной истории»).

¹ Niederhauzer E. A Szovjetunió történetének problémái és azok megoldása a magyar történettudományban. — A Magyar Tudományos Akadémia Filozófiai és Történettudományi Osztályának Közleményei (далее — МТАФТОК), 1975, № 1.

Среди работ, изданных в 50-е годы, можно отметить труды Д. Немеша «Великая Октябрьская революция и развитие венгерских революционных сил»², Г. Кашшай «Великая Октябрьская социалистическая революция — поворотный пункт в судьбе малых народов» (Россия. — Г. Ш.)³, сборник статей «Великая Октябрьская социалистическая революция и Венгрия»⁴ и др. Однако наиболее плодотворным периодом в изучении истории Великого Октября в социалистической Венгрии явилось последнее десятилетие. К полувековому юбилею революции были изданы два сборника трудов венгерских ученых — «Пятьдесят лет. Великий Октябрь и венгерские революции» и «Великая Октябрьская социалистическая революция и Венгрия»⁵. Этому событию были посвящены также номера журналов «Сазадок» (1967, № 5), «Хадтёртенelmi кёзлеменек» (1967, № 3), а во 2—3 номере «Известий Отделения философии и истории Венгерской академии наук» за 1968 г. (т. XVI) были помещены материалы юбилейного заседания отделения, а также материалы научной сессии совместной венгерско-польской комиссии историков, посвященной 50-летию Великого Октября⁶. В последующие годы также опубликован ряд сборников документов и интересных работ, рассматривающих различные аспекты темы. В сообщении анализируются исследования историков ВНР, посвященные Великой Октябрьской социалистической революции, которые были подготовлены в это десятилетие.

Изучение истории Великого Октября ведется в Венгрии в основном по трем направлениям. Это, во-первых, исследование проблем, непосредственно связанных с подготовкой и ходом Октябрьской революции и гражданской войны, во-вторых, участие в революционных событиях в России венгерских интернационалистов и, в-третьих, международное значение Великой Октябрьской социалистической революции и ее влияние на Венгрию. Охарактеризуем каждое из них в отдельности.

Среди появившихся в рассматриваемый период публикаций, непосредственно посвященных революционным событиям 1917 г. в России, необходимо отметить вышедшее к 50-й годовщине революции издание документов и воспоминаний участников революции под названием «Хроника Великой революции 1917 года в воспоминаниях и подлинных документах»⁷. В это издание включены выдержки из работ В. И. Ленина, документальные материалы советских архивов: ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ЦГАОР СССР, ЦГИА, ЦГВИА, АВПр и др., опубликованные в различных советских изданиях, а также отрывки из воспоминаний участников революции. Ряд документов, относящихся к периоду Октябрьской революции, был помещен в пяти номерах органа ЦК ВСРП «Тársadalmi szemle» за 1967 г.⁸

В последние годы венгерские историки подготовили и несколько обобщающих работ по интересующей нас проблематике. Так, предпосылки, ход и международное значение Великой Октябрьской социалистической революции подробно изложены И. Долманьюшем⁹. Третье издание выдержал в 1975 г. иллюстрированный очерк П. Фёлдеша «Великий Октябрь», рассчитанный на самые широкие круги читателей¹⁰. К этой же группе можно отнести и книгу Л. Дюрко «Ленин, Октябрь»¹¹, в которой автор в популярной форме излагает события Февральской и Октябрьской революций 1917 года в России.

² Nemes D. A Nagy Októberi Szocialista Forradalom és a magyar forradalmi erők fejlődése 1917—1919 — ben. — «Századok», 1957, № 1—4.

³ Kassai G. Kis népek sorsfordulója a Nagy Októberi Szocialista Forradalom. Bp., 1955.

⁴ Великая Октябрьская революция и Венгрия. Будапешт, 1959.

⁵ Ötven év. A Nagy Október és a magyarországi forradalmak. Tanulmányok. Bp., 1967; Великая Октябрьская социалистическая революция и Венгрия. Будапешт, 1969 (далее — ВОСР и Венгрия).

⁶ «MTAFTOK», 1968, № 2—3.

⁷ A Nagy Forradalom krónikája 1917 emlékezésekben és hiteles okmányokban. Bp., 1967.

⁸ A Nagy Október dokumentumaiból. — «Társadalmi szemle», 1967, № 5, 6, 8—9, 10, 11.

⁹ Dolmányos I. A Szovjetunió története. Bp., 1971.

¹⁰ Földes P. A Nagy Október. Az 1917-es szocialista forradalom története. Bp., 1975.

¹¹ Gyurkó L. Lenin, Október. Bp., 1968.

В ряде статей венгерских историков уделяется большое внимание руководящей роли партии большевиков и В. И. Ленина в подготовке и проведении революции, борьбе РСДРП(б) за руководство массами. Так, Д. Фаркаш анализирует разработку В. И. Лениным аграрной программы партии и борьбу за ее осуществление в 1917 г.¹² Ш. Муч в статье «Ленин — военный руководитель Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны»¹³ обращается к разработке В. И. Лениным теории вооруженного восстания, к деятельности Ленина на посту Председателя СНК в период гражданской войны и интервенции.

В статьях И. Йоханчика «Ленин и революции 1917 года в России», Л. Дюрко «Вторая революция», Л. Варги «По пути выработки революционной тактики» и др. рассматривается революционная тактика большевистской партии в 1917 г.¹⁴ Значительный интерес представляет также работа Э. Загони «Развитие военной политики Российской коммунистической партии (большевиков) в годы гражданской войны (1917—1922)»¹⁵, в которой автор подробно разбирает причины, побудившие большевиков отказаться от принципа всеародного вооружения и перейти к созданию регулярной Красной Армии, построенной на классовой основе, а также анализирует строительство Советских Вооруженных Сил в годы гражданской войны.

Ряд работ И. Долманьоша, И. Лендела и И. Вертеша посвящен мирному этапу развития революции весной 1917 г. и деятельности большевиков в условиях двоевластия¹⁶. Внешняя политика молодой Советской Республики рассматривается в монографии И. Лендела, посвященной Брест-Литовским мирным переговорам и в серии статей Ж. Л. Надь о т. н. «русском вопросе» на Парижской мирной конференции¹⁷.

Одной из наиболее интенсивно разрабатываемых в венгерской историографии Великого Октября тем является история участия в революции и гражданской войне в России венгерских интернационалистов из числа бывших военнослужащих австро-венгерской армии¹⁸. Исследователи, работающие в этой области, располагают солидной документальной базой. В дополнение к изданному в 1957 г. сборнику документов¹⁹, в 1967—1968 гг. были опубликованы еще два тома совместного советско-венгерского издания документов, освещающего участие венгерских интернационалистов в Октябре

¹² Farkas D. Lenin és az agrárkérdés 1917 — ben. — «Acta Universitatis Debrecenensis de Ludoviko Kossuth nominatae 14. Series marxistica-leninistica», 1968, № 1.

¹³ Mucs S. Lenin, A Nagy Októberi Szocialista Forradalom és a polgárháború katonai vezetője. — «Hadtörténelmi Közlemények», 1967, № 3.

¹⁴ Johancsik J. Lenin és az 1917-es orosz forradalmak. — «Történelem», 1966, № 5; Gyurkó L. A második forradalom. — «Valóság», 1966, № 1, 4; Varga L. A forradalmi taktika kidolgozásának útján. — «Tiszatáj», 1967, № 11; idem. A bolsevik párt megalakulása és harca a hatalomért. — «Párttörténelmi Közlemények», 1973, № 4; Magyar Gy. Über den Charakter der Oktoberrevolution. — «Annales Universitatis Scientiarum Budapestinensis de Rolando Eötvös nominatae. Section historica», 1968, № 10; Havas P. A bolsevikok eszer párttal kapcsolatos taktikájának kérdései. — Magyar Szocialista Munkáspárt Nőgrád magyci Bizottsága 1970-es évkönyve. Nőgrád, 1970.

¹⁵ Zagoni E. Az Oroszországi Kommunista (bolsevik) párt katonapolitikájának fejlődése a polgárháborúban (1917—1922). — «Hadtörténelmi Közlemények», 1967, № 3; 1968, № 1.

¹⁶ Dolmányos I. Az 1917. évi februári oroszországi forradalom. — «Partélet», 1967, № 3; Lengyel I. 1917 áprilisa: a Forradalom békés lehelősege. — «Élet és Tudomány», 1967, № 15; Vértess I. A forradalom továbbfejlesztésének tudományos programja. (Az Áprilisi Tézisek megjelenésének 50. évfordulójára). — «Partélet», 1967, № 4.

¹⁷ Nagy L. Z. Az antantihatalmak szovjetellenes politikája. — «MTAFTOK», 1968, № 2—3; idem. Az «orosz kérdés» a párizsi békekonferencián és Magyarországon. — «MTAFTOK», 1968, № 2—3; idem. Az «orosz kérdés» a párizsi békekonferencián. — Ötven év...; Надь Ж. Л. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции. В кн. ВОСР и Венгрия; Lengyel I. A breszt-litovszki béketárgyalások. Bp., 1975.

¹⁸ О венгерской исторической литературе по этой теме см. напр., Николаенко К. А. Октябрь и Венгрия. Новейшие работы венгерских историков (1966—1967 гг.). — «История СССР», 1968, № 2.

¹⁹ Magyar internacionalisták a Nagy Október Szocialista Forradalomban, Bp., 1957 (в рус. пер.: Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1959).

ской революции и гражданской войне в России²⁰. В двухтомник вошли выдержки из газет, выходивших в те годы в России как на русском, так и на венгерском языках, документы из ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ЦГАСА, ЦГАОР СССР, ЦГВИА, Архива Музея Революции СССР и более, чем 40 партийных и государственных архивов республик, краев и областей СССР. С венгерской стороны были включены материалы архива Института истории партии ЦК ВСРП, Архива Военно-исторического института Венгерской Народной Армии, Национального архива Венгрии, а также местных архивов и собраний документов музеев ВНР. Значительная часть вошедших в сборник материалов была опубликована впервые. Помимо этого фундаментального издания отдельные публикации документов были помещены в венгерской периодической печати²¹.

Много интересных сведений содержит большая серия воспоминаний венгерских участников движения интернационалистов в Советской России. Среди них мемуары таких видных впоследствии государственных деятелей Венгерской Народной Республики, как Ференца Мюнниха, Эндре Шика²², командира «красных гусаров» — отдельного кавалерийского интернационального полка — Р. Гарашина, сборник воспоминаний «Мы сражались за власть советов» и ряд других²³. Интересная публикация под названием «Венгры на берегах Амура» подготовлена Е. Дёркен, который побывал на местах сражений венгерских интернационалистов в Сибири, собрал и обработал воспоминания их участников²⁴. И. Частьвай опубликовал воспоминания венгров — участников революции в России, хранящиеся в партийном архиве области Солнок²⁵. Ряд этих публикаций переведен на русский язык²⁶.

На основе опубликованных документов и воспоминаний участников событий, а также благодаря большой исследовательской работе в архивах как Венгрии, так и Советского Союза, венгерскими историками, и в первую очередь А. Йожей, Д. Милей, Е. Дёркен и А. Жилаком, написано значительное число работ, освещающих самые различные аспекты революционного движения среди венгерских военнопленных в России и их участия в Октябрьской революции и гражданской войне. Среди них необходимо отметить обобщающее исследование А. Йожи, «Война, плен, революция. Венгерские военнопленные-интернационалисты в российских революциях 1917 года»²⁷, а также написанный в популярной форме труд А. Йожи и Д. Милей «Несокрушимые сто тысяч. Венгры в Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войне»²⁸.

По подсчетам венгерских историков, к концу первой мировой войны в русском плену находилось примерно два миллиона солдат и офицеров центральных держав, в том числе около полумиллиона венгров²⁹.

²⁰ A magyar internacionalisták a Nagy Október Szocialista Forradalomban és a polgárháborúban (1917—1922). 1. Az oroszországi magyar hadifoglyok forradalmi mozgalma. 2. A magyar internacionalisták résztvétele a szovjet hatalom védelmében a polgárháború frontjain. Szerk. biz.: G. D. Obicskin, Vass Henrik stb. Bp., 1967—1968. (В рус. пер.: Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР, тт. I, II. М., 1968).

²¹ См., напр.: Karikás Frigyes és Némethi Lajos levelei magyar kommunista hadifogoly agitátoroknak a megszálló német csapatok és a hazatérő hadifoglyok között végzett munkájáról. 1918. június — november. — «Párttörténeti közlemények», 1967, № 3.

²² Münich F. Viharos út. Bp. 1966; Sík E. Probaévek. Bp., 1967; Garasin R. Vörössapkás lovasok. Bp., 1967.

²³ Harcoltunk a szovjet hatalomért. Bp., 1967; Gavró L. Visszaemlékezés. — «Társadalmi szemle», 1967, № 11; Gavró L. Visszaemlékezésből. — «Párttörténeti közlemények», 1967, № 3; Biborszíni ég alatt. Magyar internacionalisták a Nagy Októberi Szocialista Forradalomban. Bp., 1967; Némethi L. Egy internacionalista emlékezése. Bp., 1972.

²⁴ Magyarok az Amur partján. Szerk. Györkei J. Bp., 1967.

²⁵ Császtvai I. A szolnok megyei internacionalisták a Nagy Októberi Szocialista Forradalomban. — «Szolnoki megyei Néplap», 1967, oct. 10, 11, 12, 13, 14, 15.

²⁶ Мюнних Ф. Бурный путь. М., 1968; Шик Э. Годы испытаний. М., 1969; Гарашина Р. Красные гусары. М., 1970.

²⁷ Józsa A. Háború, hadifogság, forradalom, Magyar internacionalista hadifoglyok az 1917-es oroszországi forradalmakban. Bp., 1970.

²⁸ Józsa A., Milei Gy. A rendíthetetlen százezer. Magyarok a Nagy Októberi Szocialista Forradalomban és a polgárháborúban. Bp., 1968.

²⁹ Józsa A. Háború..., 102. old.

Д. Милеи в статье «Революционная деятельность венгерских военнопленных в европейской части Советской России» подчеркивает, что в период с февраля по октябрь 1917 г. значительное число пленных всех национальностей принимало участие в демонстрациях и забастовках, возглавляемых большевиками³⁰. Под влиянием борьбы российского пролетариата и революционной пропаганды большевиков идеи интернациональной солидарности трудящихся всех стран завоевывали все больше сторонников среди венгров и военнопленных других национальностей. «Наиболее сознательные слои венгерских военнопленных включились в борьбу российского пролетариата сразу после Февральской революции», — отмечает в статье «1917 год. Венгерские интернационалисты в Советском Союзе» один из руководителей движения интернационалистов — Ф. Мюнних³¹.

Отдельные группы венгерских военнопленных, руководствуясь решениями VI съезда РСДРП(б) и местных организаций большевиков начали подготовку к участию в пролетарской революции. Так, в Москве, Иванове-Вознесенске, Серпухове были созданы боевые группы из венгерских военнопленных, которые участвовали затем в вооруженном восстании в Москве. Венгерскими историками проделана большая работа по выявлению свидетельств участия венгерских военнопленных в Октябрьской революции. В своих работах они приводят данные о роли групп и отдельных венгерских военнопленных в установлении Советской власти в Петрограде, Томске, Омске, Твери, Киеве, Полтаве, Могилеве, Оренбурге, Хабаровске, Саратове, Астрахани, Екатеринославе, Иркутске и в ряде других городов России³².

Д. Милеи и А. Йожа справедливо отмечают, что участие интернационалистов в установлении Советской власти в ряде районов страны имело огромное политическое значение, свидетельствовало о классовой солидарности трудящихся всех стран в борьбе за свое социальное освобождение. «В этих боях, — подчеркивают авторы, — прошли закалку зачинатели движения интернационалистов, его будущие руководители, здесь они приобрели опыт, пригодившийся им в течение всей их жизни»³³.

После победы Великого Октября революционное движение среди военнопленных значительно усилилось. Венгерские военнопленные начали вступать в интернациональные формирования Красной Армии. По сведениям, приводимым Д. Милеи и А. Йожей, в сентябре 1918 г. на фронтах гражданской войны в составе интернациональных формирований Красной Армии сражались более 50 тыс. иностранных солдат и офицеров, почти 60% из них составляли венгры. А всего в рядах движения интернационалистов сражалось около 100 тыс. бывших военнопленных венгерской национальности³⁴.

Анализируя причины массового участия военнопленных в движении интернационалистов, А. Шиклош пишет: «Венгерские рабочие и крестьяне, одетые в солдатские шинели, легко заметили аналогию между условиями России и Венгрии, поэтому им было легко понять, что борьба, ведшаяся за победу русской социалистической революции, была одновременно и борьбой за их освобождение»³⁵. В революционных событиях 1917 г. венгерские рабочие и крестьяне, оказавшиеся в русском плену, увидели будущее всего человечества и своей Венгрии. Многие из них встали на его защиту с оружием в руках. А. Йожа приводит в своей монографии слова очевидца и участника этих событий И. Молнара, вернувшегося из России на родину в мае 1918 г. Он писал: «В условиях, порожденных революцией, наши солдаты, находившиеся в русском плену, открыто продемонстрировали все то, что кипит в душе масс»³⁶.

³⁰ Milei Gy. A magyar hadifoglyok fennadalmi szervezkedése Szovjet — Oroszország európai területén. — Otven év..., 225. old.

³¹ Műn nich F. 1917. Magyar internacionalisták a Szovjetunióban. — «Pártélet», 1966, № 10, 5. old.

³² Milei Gy. — Jó z s a A. A magyarok részvételéről..., 955. old.; Jó z s a A. Háború..., 299—308. old.

³³ Milei Gy. — Jó z s a A. A magyarok részvételéről..., 956. old.

³⁴ Ibid., 984—985. old.

³⁵ Шиклош А. Великая Октябрьская социалистическая революция и Венгрия (1917—1919). — «Annales Universitatis Scientiarum Budapestinensis de Rolando Eötvös nominatae. Sectio historica», № 10, 1968, 127. old.

³⁶ Jó z s a A. Háború..., 435. old.

Результатом большой исследовательской работы не только в центральных, но и в местных архивах СССР являлась серия статей о революционной деятельности венгерских военнопленных в различных районах России, о боевых действиях отдельных венгерских отрядов и групп, сражавшихся в рядах интернациональных формирований, а также о венгерских интернационалистах, командовавших отрядами и частями Красной Армии. Особая заслуга здесь принадлежит А. Йоже. Им написаны статьи об участии венгерских интернационалистов в разгроме войск Каледина и Корнилова, а также об их боях в Поволжье и Сибири летом 1918 г.³⁷ Эти материалы вошли затем в монографию «Война, плен, революция», шестая глава которой посвящена деятельности интернационалистов в национальных окраинах России. Ш. Сиклаи рассказывает об участии венгерских интернационалистов в боях на Закаспийском фронте летом 1918—весной 1920 г.³⁸ Деятельность Коммунистической (социал-демократической) партии иностранных рабочих Сибири освещает в своей статье А. Жилак.³⁹

Ряд исследований посвящены революционному движению военнопленных в России в годы первой мировой войны и после победы Октябрьской революции. Здесь необходимо отметить публикацию документов о братании солдат на Восточном фронте весной 1917 г. из фондов венгерского Института военной истории и венского Kriegesarchiv.⁴⁰ Большой интерес представляют также статьи А. Йожи о роли венгерских военнопленных-интернационалистов в братании солдат в период революции, а также о ходе обсуждения вопроса об обмене пленными на брест-литовских мирных переговорах.⁴¹

Историки ВНР уделяют большое внимание деятельности созданной в марте 1918 г. Венгерской группы РКП(б). За короткий период времени венгерскими коммунистами были переведены и изданы на родном языке произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, а также брошюры и листовки, написанные Б. Куном, Т. Самуэли и другими руководителями венгерского революционного движения, в которых излагались задачи пролетариата в социалистической революции, истинные причины мировой войны. Часть из них вошла в первый том «Избранных работ и речей» Бела Куна⁴², предисловие к которому написано Ф. Мюннихом. Публицистике Б. Куна в 1917—1918 гг. посвящена статья Т. Дерши.⁴³ Деятельность группы рассматривает и Д. Милек в своей работе «Некоторые вопросы венгерского коммунистического движения в Советской России».⁴⁴

Венгерская группа РКП(б) организовала в Москве школу революционных агитаторов. О деятельности ее выпускников рассказывают опубликованные в журнале «Párttörténeti közlemények» письма из переписки Фридеша Карпкаша и Лайоша Немети с Венгерской группой РКП(б) (см. сноску 21). После окончания московской школы агитаторов Ф. Карикаш и Л. Немети были направлены на фронт и в Вязьму

³⁷ Józsa A. Az internacionalisták szerepe Kalegyin és Kornijlov ellenforradalmi lázadásának leverésében.— «Hadtörténelmi Közlemények», 1967, № 3; idem. A magyar internacionalisták szerepe a Volga menti és a szibériai harcokban 1918 nyarán.— «Hadtörténelmi Közlemények», 1968, № 2; idem. Az internacionalisták katonai szerepe a polgárháborúban.— «MTAFTOK», 1968, № 2—3.

³⁸ Sziklai S.-né. Magyar internacionalisták a kaspin-túli arcvonalon (1918—július — 1920 — március).— «Hadtörténelmi Közlemények», 1967, № 2.

³⁹ Zsilák A. A Nagy Október és Szibéria Külföldi Munkások Kommunista (Szocialdemokrata) Pártja.— «Párttörténeti Közlemények», 1967, № 4.

⁴⁰ Katonabarátkozások a keleti arcvonalon (1917. március — május). Közl.: Böhm J.—Gazsi J.—Józsa A.—Kún J.—«Hadtörténelmi Közlemények», 1967, № 3.

⁴¹ Józsa A. A breszt-litovszki béketárgyalások és a hadifogolycseré (1917. december 22.—1918. október 31.).— «Hadtörténelmi szemle», 1965, № 2; idem. Az osztrák-magyar hadsereg frontpropagandája és az internacionalista hadifoglyok szerepe az októberi forradalom idején lezajlott katonabarátkozásokban.— «Hadtörténelmi szemle», 1966, № 2.

⁴² Kún B. Válogatott írások és beszédek. I. K. Bp., 1966, 96—121, 122—128, 142—148, 149—154. stb. old.

⁴³ Dersi T. Kún Béla publicisztikája 1917—1918 — ban.— «Valóság», 1968, № 9.

⁴⁴ Milej Gy. A szovjet-oroszországi magyar kommunista mozgalom néhány kérdése.— «MTAFTOK», 1968, № 2—3.

(один из пунктов обмена пленными). Эти письма, подлинники которых хранятся в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС (фонд 549), были опубликованы впервые.

После окончания первой мировой войны началось массовое возвращение из плена бывших военнослужащих центральных держав. «Сотни тысяч военнопленных из армий, которые империалисты строили исключительно в своих целях, передвинувшись в Венгрию, в Германию, в Австрию, создали то, что бастионы большевизма захватили эти страны целиком», — говорил В. И. Ленин на VIII съезде РКП(б)⁴⁵. Размаху революционного движения в Европе и влиянию на него идей Великого Октября посвящены работы Д. Немеша «Пятидесятилетие Советского государства и Венгрия»⁴⁶, Ж. П. Паха «Об исторической роли Советского Союза»⁴⁷, Ш. Радо «Октябрьская революция и мировой революционный процесс»⁴⁸. Я. Емниц в своих статьях исследует влияние русской революции на европейское социалистическое движение⁴⁹.

Особое внимание венгерские историки уделяют проблеме непосредственного влияния Великой Октябрьской социалистической революции на Венгрию. Революционные события в России нашли в Венгрии самый горячий отклик. Выступая на митинге в Будапеште 25 ноября 1917 г., Д. Бокани говорил о том, что русская революция показала всем народам пример завоевания подлинного народовластия, ликвидации господства эксплуататоров. «Мы, — говорил Д. Бокани, — протягиваем и горячо ждем руку нашим русским товарищам, потому что они вернули человечеству его веру, доверие и надежду в социализм...»⁵⁰ Большевики, писала в эти же дни газета «Непсава», «доказали, что завоевание власти пролетариатом не утопия»⁵¹.

Оценивая влияние Великой Октябрьской социалистической революции на Венгрию, венгерские историки отмечают обострение революционной ситуации в стране, рост активности левых сил и прежде всего революционную деятельность возвратившихся на родину из Советской России интернационалистов.

Интересные данные о восприятии идей Великого Октября в Венгрии приводит А. Андрашши⁵² в двух своих статьях, подготовленных на основе хранящихся в партийном архиве области Шомодь газет того времени.

Изменения во внутриполитической обстановке в Венгрии под влиянием революции показаны в работах Ф. Мучи «Великая Октябрьская социалистическая революция и обострение венгерских внутриполитических противоречий»⁵³, М. Фаркаша «Революционное брожение в австро-венгерской армии после победы Великой Октябрьской социалистической революции»⁵⁴, а также Д. Немеша, А. Шиклоша и др.⁵⁵

⁴⁵ Ленин В. И. ПСС, т. 38, с. 148.

⁴⁶ Nemes D. Az 50 éves Szovjetunió és Magyarországnak. — Ötven év..., Bp., 1967 (в рус. пер.: Немеш Д. Пятидесятилетие Советского государства и Венгрия. М., 1967).

⁴⁷ Pach Zs. P. A Szovjetunió történelmi zerepéről. — Magyar Tudomány, 1967, № 11; Пах Ж. П. Об исторической роли Советского Союза. В кн. ВОСР и Венгрия.

⁴⁸ Radó S. Az Októberi Forradalom és a világorradalmi folyamat. — Társadalmi szemle, 1967, № 10.

⁴⁹ Jemnitz J. Az 1917. évi orosz forradalmak és az európai szocialista munkásmozgalom. — Századok, 1967, № 5; Емниц Я. Из отзывов социалистов Европы о русских революциях 1917 года. В кн. ВОСР и Венгрия.

⁵⁰ Шиклош А. Указ. соч., с. 124.

⁵¹ Хайду Т. Октябрь и кризис власти габсбургской монархии в Венгрии. В кн. ВОСР и Венгрия, с. 181.

⁵² András A. A scillag föltűnt. A Nagy Októberi Szocialista Forradalom 1917-es somogyi kronikája. — Somogyi Néplap, 1967, nov. 7; idem. A Nagy Októberi Szocialista Forradalom a somogyi sajtóban. — 50 éve történt. (Kaposvár), 1967.

⁵³ Mucsi F. A Nagy Októberi Szocialista Forradalom és a magyar belpolitikai ellentétek kiéleződése 1917. november — 1918. február. — MTAFTOK, 1968, № 2—3.

⁵⁴ Farkas M. Forradalmi erjedés az osztrák — magyar hadseregben a Nagy Októberi Szocialista Forradalom győzelme után. — Századok, 1967, № 5.

⁵⁵ Nemes D. A Nagy Októberi Forradalom és Magyarország. — Pártélet, 1967, № 11; Sikló A. A Nagy Októberi Szocialista Forradalom és Magyarország. — Történelem, 1967, № 7; idem. Az oroszországi forradalmak magyarországi hatása. — Századok, 1971, № 5; Halász S. Adatok a szovjet — magyar kapcsolatok történetéhez 1917—1919. — Századok, 1967, № 5; Dolmányos I. Öt nap, amely figyelmeztetette a világot. — Élet és Tudomány, 1967, № 9; Немеш Д. Октябрьская революция и путь Венгрии к социализму. В кн. ВОСР и Венгрия и др.

Великий Октябрь оказал громадное влияние на развитие венгерского рабочего и социалистического движения. Эта тема раскрывается в работах А. Фехера, Ф. Мучи, монографии Э. Шпейдла «Русские революции и Венгрия»⁵⁶.

Неоценимое значение для развития революционного движения в Венгрии, подчеркивают Д. Немеш, А. Фехер, Ф. Мучи, Т. Хайду и другие венгерские историки, имело то обстоятельство, что десятки и сотни тысяч рабочих и крестьян всех национальностей Австро-Венгрии прошли в ходе Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны школу революционной борьбы. Под идейным влиянием победоносной Октябрьской революции левые силы в стране активизировали свои действия, бывшие военнопленные и солдаты, вернувшиеся с фронта, стали инициаторами многих революционных акций, сыграли значительную роль в уничтожении монархии и установлении республиканского строя в Венгрии.

Распад австро-венгерской монархии изменил расстановку политических сил в Венгрии. 4 ноября 1918 г. в Москве состоялась конференция Венгерской группы РКП(б), которая приняла резолюцию о возвращении в кратчайший срок венгров-членов РКП(б) на родину. Вернувшись на родину, участники движения интернационалистов приняли самое активное участие в создании Коммунистической партии Венгрии, которая провозгласила «неразрывность дела венгерской и международной социалистической революции» и необходимость создания «тесного союза с Советской Россией»⁵⁷. В создании Коммунистической партии Венгрии проявилась одна из важнейших сторон того глубокого влияния, которое оказала на Венгрию Октябрьская революция⁵⁸.

Под руководством компартии трудящиеся Венгрии провозгласили в марте 1919 г. образование Венгерской Советской Республики, важную роль в установлении и защите которой сыграли бывшие участники движения интернационалистов в Советской России.

Уже шесть десятилетий отделяет нас от октября 1917 г., и все это время не ослабевает интерес к первой в истории человечества победоносной социалистической революции. Каждое новое поколение находит свой угол зрения и точки соприкосновения событий той героической эпохи с современностью, продолжая летопись Великого Октября. В апреле 1977 г. первый секретарь ЦК ВСРП Янош Кадар сказал о праздновании 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции: «Это прекрасная и великая годовщина. Октябрь открыл новую страницу в истории России и всего человечества. В духе этого ЦК ВСРП постановил достойно отметить юбилей»⁵⁹. Мы не сомневаемся, что историки Венгерской Народной Республики ознаменуют юбилей Октября новыми работами.

⁵⁶ Фехер А. Великая Октябрьская социалистическая революция и главные изменения политического курса в Венгрии за 1917—1944 гг.—*«Acta Universitatis Debrecenensis de Ludoviko Kossuth nominatae. Series historica»* IX. 1969; Mucsi F. A februári forradalom, a stockholmi konferencia és a Magyarországi Szociáldemokrata Párt.—*Ötven év...*; Speidl Z. Az orosz forradalmak és Magyarország. Bp., 1969.

⁵⁷ Шпеклош А. Указ. соч., с. 131. Об этом см., напр.: Nemes D. Az Októberi Forradalom és Magyarország útja a szocializmushoz.—*Századok*, 1967, № 5; Józsa A. Háború..., 437. old.; stb.

⁵⁸ См. об этом Пах Ж. П. Об исторической роли Советского Союза, с. 15.

⁵⁹ «Правда», 1977 г., 18 апреля.

Т. ХОВИ. ДЖОН РИД: ОЧЕВИДЕЦ РЕВОЛЮЦИИ *

В США опубликована книга о славном сыне американского народа, выдающемся исследователе и очевидце Великого Ок-

тября Джоне Риде, чье 90-летие со дня рождения исполняется 22 октября 1977 года. Ее автор — Тамара Хови, дочь Карла Хови — большого друга Джона Рида, редактора журнала «Метрополитен», в котором Дж. Рид опубликовал массу мате-

* Hovey T. John Reed: Witness to Revolution. N. Y., 1975, 227 p.

риалов, особенно о Мексиканской революции*. В своей работе автор опиралась на созданные Джоном Ридом книги, статьи, очерки и рассказы, опубликованные в журналах «Америкэн мэгэзин», «Кольерс», «Мэссиз», «Либереитор», «Метрополитен», а также письма Джона Рида и К. Хови, некоторые архивные материалы. Издание богато иллюстрировано. Некоторые фотографии публикуются впервые. Т. Хови посетила Советский Союз, где ей была предоставлена возможность собрать необходимые для книги материалы.

Рецензируемое издание является очерком жизни и деятельности Дж. Рида. Книга состоит из введения, одиннадцати глав и заключения.

В первых трех главах работы рассказывается о детских и школьных годах Джона Рида, о студенческих днях в колледже Гарвардского университета (1906—1910 гг.), о становлении Дж. Рида как писателя и о первом его путешествии в Европу (Англия, Франция, Испания). В четвертой, пятой и шестой главах автор повествует о раннем этапе литературного творчества Джона Рида в Нью-Йорке, куда он прибыл после окончания Гарвардского университета, о формировании мировоззрения молодого талантливого журналиста.

Пребыванию Джона Рида в Мексике, в армии легендарного Панчо Вилья, в качестве корреспондента «Метрополитен мэгэзин» посвящена седьмая глава книги. Корреспонденции Дж. Рида несли правду народу США о событиях в Мексике, разоблачали происки американского империализма в этой стране.

Август 1914 г. В Европе разразилась первая мировая война. Джон Рид едет на фронт военным корреспондентом, пишет массу статей и очерков, в которых раскрывает антинародную сущность первой мировой войны. Об этом периоде жизни и творчества Дж. Рида рассказывают восьмая и девятая главы книги. В двух последующих главах автор описывает жизнь Дж. Рида в Советской России и Финляндии.

Осень 1917 г. Джон Рид прибыл в Петроград корреспондентом американской социалистической прессы. Из очевидца пролетарской революции он становится ее участником, неся в народные массы США правду о первой в мире республике рабочих и крестьян, выступает в защиту большевиков.

В водовороте российских революционных событий 1917—1920 гг. Джон Рид превратился в выдающегося революционного писателя и журналиста, став одним из основателей Коммунистической партии США, активным деятелем международного коммунистического движения. В своей знаме-

нитой книге «Десять дней, которые потрясли мир» Дж. Рид запечатлел революционный Октябрь в России. Эта книга, очень высоко оцененная В. И. Лениным и Н. К. Крупской, заняла почетнейшее место в ряду революционной публицистики.

Многих волновал и волнует вопрос, как выходец из знатной американской семьи, питомец аристократического Гарвардского университета мог прийти к восприятию коммунистических идей, к пониманию сущности пролетарской революции и отдать всего себя, весь свой литературный талант делу защиты социалистических завоеваний Великого Октября. «Как случилось,— пишет Т. Хови в предисловии,— что мальчик, рожденный для богатства и привилегированной жизни, став взрослым, отказался от материальных благ, которыми он мог бы наслаждаться, и со всей страстью «на столько окунулся в жизнь угнетенных, о которых он писал, что в конце концов слился с ними как в личной жизни, так и духовно? Как случилось, что отгороженный от всех бед мальчик вырос в человека, который не боялся ни пуль, ни многочисленных арестов на протяжении всей своей бурной жизни?»

Со страниц книги мы узнаем, что становление Джона Рида как революционного писателя было далеко не легким. Он постоянно испытывал на себе давление буржуазного общества, пытавшегося наставить на путь истинный «блудного сына», от него отстранились его старые идейные друзья и наставники, которые не сумели пойти дальше буржуазных реформ. Мать Джона Рида, Маргарет Рид, консервативная по своим убеждениям, бомбардировала письмами своего сына, требуя, чтобы он отказался от революционной деятельности, и угрожая ему всяческими бедами.

Джон Рид не поступил своими политическими идеалами. Убеждения его сформировались окончательно под влиянием победы Великой Октябрьской социалистической революции и встреч с В. И. Лениным. «Мою жизнь,— говорил как-то Рид одному из советских друзей,— я делю на два периода: до встречи с Лениным и Октябрьской революцией и после этой встречи. Раньше я видел лишь поверхность явлений, у Ленина я научился понимать их сущность... Ни один человек не дал мне столько, сколько он...». В книге приводится отрывок из «Десяти дней, которые потрясли мир», в котором Джон Рид живо рассказывает о выступлении В. И. Ленина в Смольном. В работе помещена репродукция портрета В. И. Ленина, сделанного 23 апреля 1920 г. в Москве.

Значительный интерес представляют десятая и одиннадцатая главы рецензируемой работы, в которых раскрывается последний период в литературной и революционной деятельности Джона Рида и его жены Луизы Брайант (1918—1920 гг.). Многочисленные факты, приводимые Т. Хо-

* Книга К. Хови «Львеенок. Джон Рид как я его знал» была опубликована в СССР в 1967 г. Большую помощь в подготовке этого издания оказала Т. Хови.

ви, свидетельствуют о том, что Джон Рид, пренебрегая полицейскими арестами и судебными преследованиями, смело рассказывал рабочим Америки правду о социалистической революции в России, о ее великих завоеваниях, о большевиках. Автор приводит слова Джона Рида о большевиках: «Что бы ни думали иные о большевизме, неоспоримо, что русская революция есть одно из величайших событий в истории человечества, а возвышение большевиков — явление мирового значения... В борьбе мои симпатии не были нейтральны. Но, рассказывая историю тех великих дней, я старался рассматривать события оком добросовестного летописца, заинтересованного в том, чтобы запечатлеть истину». Т. Хови замечает далее, что выход книги Рид «Десять дней, которые потрясли мир» в марте 1919 г. совпал по времени с разгулом антикоммунизма в Америке. Полицейские агенты министра юстиции Пальмера в то время без суда и следствия арестовывали всех, кто проявлял хоть малейшие симпатии к коммунистическим идеям.

В книге Т. Хови говорится о том, что Джон Рид в сентябре 1919 г. решением Национального комитета Коммунистической партии Америки был уполномочен представлять эту партию в Коммунистическом Интернационале в Москве. Благодаря этому назначению Дж. Рид рассчитывал также собрать материалы для задуманной им книги «От Корнилова до Брест-Литовска». Отдавая себе отчет в том, что Государственный департамент не даст выездной паспорт в Советскую Россию, Джон Рид выехал из США нелегально. Во время пребывания Дж. Рида в Москве он регулярно встречался с В. И. Лениным. Их беседы охватывали широкий круг вопросов: о рабочем и коммунистическом движении в США, о гражданской войне в России, о философских и многих других проблемах.

В феврале 1920 г. Джон Рид выехал в США, чтобы выступить на суде в защиту Коммунистической партии США и ее активных деятелей. Но по пути на родину он был арестован финскими властями и заключен в одиночную камеру. Потребовались немалые усилия, чтобы освободить Джона Рида из финской тюрьмы в г. Або. По указанию В. И. Ленина были предприняты специальные переговоры с финским правительством. Однако и после освобождения Джону Риду не удалось выехать в США из-за отказа американского консула в Финляндии выдать ему выездной паспорт. Дж. Рид вернулся в Москву.

Трехмесячное заточение Дж. Рида в тюрьме подорвало здоровье, но не сломи-

ло его волю. Он принимает участие в работе Второго Конгресса Коммунистического Интернационала в Москве, а также в работе Конгресса народов Востока, проходившем в Баку в сентябре 1920 г.

По возвращении в Москву его ждала радостная встреча с женой, прибывшей из США. В те дни он пережил также особое чувство удовлетворения, получив примирительное письмо от своей матери, которое приводится в рецензируемой книге.

17 октября 1920 г. сыпной тиф оборвал жизнь Дж. Рида в самом ее расцвете. Друг Джона Рида Рис Вильямс писал: «Хотя Джон Рид умер изгнанником и над его головой в то время висел приговор к пятилетнему тюремному заключению, но даже буржуазная пресса воздала ему должное как художнику и человеку. Сердца буржуа почувствовали великое облегчение: не было больше Джона Рида, который так умел разоблачать их лживость и лицемерие, так беспощадно бичевал их своим пером!»

Радикальный мир Америки понес невознаградимую утрату... Здесь, в Советской России, тысячи и десятки тысяч погибли за социализм. Но в Америке сравнительно мало было принесено таких жертв. Если угодно, Джон Рид был первым мучеником коммунистической революции, предтечей грядущих тысяч. Внезапный конец его поистине метеороподобной жизни в далекой блокируемой России явился для американских коммунистов страшным ударом.

Одно только утешение осталось его старым друзьям и товарищам: оно заключается в том факте, что Джон Рид лежит в единственном во всем мире месте, где ему хотелось лежать, — на площади у Кремлевской стены*.

В рецензируемой книге приводятся отрывки из писем Луизы Брайант, которая с большой теплотой и благодарностью писала о том, как чтят советские люди имя Дж. Рида, память о нем.

К сожалению, проследивая идейный рост Рида, автор уделяет мало внимания характеристике его деятельности по созданию Коммунистической партии США, недостаточно полно раскрыта также революционная деятельность Рида в 1919—1920 гг.

В целом же рецензируемая книга представляет большой интерес как для американского, так и советского читателя.

И. М. Краснов

* Джон Рид 10 дней, которые потрясли мир. М., 1957, с. 351.

ИСПАНСКАЯ ГАЗЕТА О РЕВОЛЮЦИЯХ 1917 ГОДА В РОССИИ *

Работа профессора университета в г. Севилья Алфонсо Ласо «Революция 1917 г. в России на страницах газеты „АБЦ“» — еще одно свидетельство возрастающего интереса в современной Испании к истории нашей страны и особенно к революционным событиям исторического 1917 г.¹ В период франкистской диктатуры интерес к изучению истории СССР всячески подавлялся. Негативные последствия такого положения сказываются и по сей день. В Испании, в отличие от многих стран мира, отсутствуют центры преподавания и изучения истории СССР, малочисленны и кадры специалистов в этой области.

Автор рецензируемой книги поставил перед собой задачу показать на материалах самой крупной и влиятельной испанской газеты, выражавшей интересы средней и крупной буржуазии, а также земельной аристократии, отражение важнейших событий двух российских революций 1917 г. в испанском буржуазном общественном мнении, влияние революционных событий в России на саму Испанию. Такой подход к теме представляется нам плодотворным. Он позволяет выявить события в России 1917 г., которые были особенно созвучны тогдашней Испании и оказали на нее непосредственное воздействие, и тем самым более полно представить международное влияние российской революции.

Автор отмечает, что ценность газеты „АБЦ“ как исторического источника в изучении революций 1917 г. в России по сравнению с буржуазной прессой воюющих государств заключается в том, что она придерживалась нейтралистской позиции и пользовалась информацией из обоих воюющих лагерей. Среди источников информации газеты он выделяет корреспонденции ее сотрудника в Петрограде Софии Казановой, которая стремилась объективно освещать происходившие в стране события.

Остановимся вкратце на концепции революций 1917 г. в России, предложенной автором книги. А. Ласо рассматривает Февральскую и Октябрьскую революции как единый революционный процесс, который развивался по восходящей линии и закономерно завершился в октябре 1917 г. социалистической революцией. Автор, таким образом, не противопоставляет, как это часто делается в буржуазной историографии Февраль Октябрью. Для него Великая Октябрьская социалистическая революция — логическое завершение всего революционного процесса 1917 г., осуществление чаяний широких народных масс, подлинно социальная революция.

А. Ласо дает в целом верную периодизацию этапов перерастания российской буржуазно-демократической революции в России в социалистическую. Начальным периодом он считает апрель 1917 г., приезд В. И. Ленина в Петроград и его Апрельские тезисы, в которых, как подчеркивает автор, была выдвинута программа «превращения революции из буржуазной в пролетарскую», провозглашены лозунги борьбы за мир, землю и социализм (с. 82). Далее А. Ласо выделяет июньский и июльский кризисы 1917 г. Отводя последнему большое значение в развитии революции, он считает, что в результате его партии, стоявшие за продолжение войны, «исчерпали все свои политические возможности», в то время как «роль большевиков, с самого начала выступавших за прекращение войны, неуклонно возрастала» (с. 107—108).

Разгром корниловского мятежа и большевизация Советов в сентябре — октябре 1917 г., по мнению автора книги, подняли революцию на новую ступень, создали необходимые условия для победы Великой Октябрьской социалистической революции (с. 115). Автор подчеркивает, что борьбу народных масс России за социалистическую революцию сумела возглавить только одна партия — партия большевиков. Не случайно, указывает А. Ласо, в своих корреспонденциях об Октябре из Петрограда С. Казанова писала о большевиках как о партии, которую сами массы отождествляли с революцией (с. 168).

Структура работы воспроизводит основные этапы восприятия испанским общественным мнением развития революции в России. Первые две главы книги дают представление об оценке испанской буржуазией движущих сил и характера Февральской революции. Несмотря на корреспонденции С. Казановой, в которых подчеркивалась решающая роль народных масс в свержении самодержавия, редакция „АБЦ“ дала общую для всей европейской буржуазной прессы интерпретацию Февральской революции как революции «верхушечной», совершенной представителями господствующих классов. Отсюда первоначальное сочувствие и поддержка Февральской революции со стороны испанской буржуазии. Более того, либеральные слои испанской буржуазии видели в Февральской революции «прекрасную модель» для самой Испании, где процесс буржуазных преобразований был далеко не завершен. Под непосредственным воздействием Февральской революции эта часть испанской буржуазии усилила борьбу за вступление Испании в войну на стороне Антанты, надеясь, что союз с «западными демократиями»

* Lazo A. La Revolución rusa en el diario ABC de la época. Sevilla, 1975, 174 p.

¹ См., напр., García Díaz Juan Antonio. URSS (1917—1929): de la revolución a la planificación. Madrid, 1969; Soglian Franco. La Revolución rusa. Barcelona, 1972; Vereiter K. Historia de la Revolución rusa. Vol. 1—2. Barcelona, 1974.

и революционной Россией будет способствовать либерализации политического и социально-экономического строя страны.

Вскоре, однако, в отношении испанского буржуазного общественного мнения к революционным событиям в России происходит перемена. Симпатии и поддержка сменяются сначала разочарованием (апрель—июнь), а затем все возрастающей враждебностью (особенно с сентября). Эти новые моменты в восприятии испанским буржуазным обществом революционных событий в России рассмотрены в двух последующих главах работы. Главной причиной изменения отношения испанской буржуазии к революции в России, как показано в книге, явилось перерастание Февральской буржуазно-демократической революции в социалистическую. Публикации газеты «АБЦ» отразили процесс растущего полевения настроений народных масс, большевизации Советов.

Автор подчеркивает, что аграрный аспект революции привлекал особое внимание редакции «АБЦ», его освещению была посвящена значительная часть опубликованной информации из России. Небезынтересно отметить, что Февральская революция и свержение царизма сразу же вызвали на страницах газеты оживленную дискуссию по вопросу о том, поддержит ли русское крестьянство революцию или будет защищать старый строй. В дальнейшем газета приводила многочисленные факты о захвате крестьянами явочным порядком помещичьих земель в Саратовской, Тамбовской и других губерниях, о создании и деятельности крестьянских комитетов и об их требовании раздела помещичьих земель и социализации всей земли в стране, которые не оставляли у читателей никаких сомнений относительно настроений крестьянства России.

Пристальное внимание к аграрному вопросу было обусловлено тем, что Испания в это время была преимущественно аграрной страной, с массой безземельных и малоземельных крестьян и вместе с тем крупными помещичьими латифундиями. Крестьянское движение в России, выступавшее за раздел помещичьих земель, не могло не беспокоить испанских помещиков.

Автор отмечает, что формирование позиции испанской буржуазии в отношении революции 1917 г. завершилось в основном к середине сентября 1917 г., т. е. еще до победы Великой Октябрьской социалистической революции. После разгрома корниловского мятежа и большевизации Советов для испанской буржуазии стало очевидным, что дальнейшее развитие событий ведет к пролетарской революции, руководимой большевиками (с. 115). С этого момента газета «АБЦ» не только почти прекращает публиковать информацию о событиях в России, но и занимает резко отрицательную, враждебную позицию в отношении революции.

Буржуазное общество Испании, как и всей Европы, подчеркивает А. Ласо, встретило весть об Октябрьской революции враждебно. Газета «АБЦ», подобно прочим буржуазным газетам мира, сначала попыталась умолчать о победе Великого Октября, а затем присоединилась к кампании лжи и клеветы, развязанной буржуазной прессой против первой в мире социалистической революции.

Как показывает автор, «АБЦ» включилась в эту кампанию не только из-за классового неприятия социалистической революции в России, но и из-за опасения, что Испания предрасположена к «опыту в русском стиле». В 1917 г. в Испании сложилась революционная обстановка. Мощный подъем рабочего движения, кульминационным пунктом которого явилась всеобщая политическая забастовка в августе 1917 г., рост национального движения, затяжная «кризис верхов» (за год сменилось четыре кабинета, отменялись конституционные гарантии) вселяли страх в господствующие классы страны, поколебали веру в прочность их власти.

В работе подчеркивается, что Октябрьская революция повлияла на поляризацию сил испанского общества. Крупная буржуазия, земельная аристократия, военщина стали склоняться к идее установления в стране режима диктатуры, видя в этом наиболее действенный способ борьбы с революцией. Автор отмечает, что газета «АБЦ» с конца 1917 г. начала отражать этот сдвиг вправо в настроениях испанских правящих классов.

Напротив, трудящиеся Испания восприняла Великий Октябрь с большим энтузиазмом и радостью. Подтверждением симпатии испанских трудящихся к Октябрьской революции следует считать и корреспонденции С. Казановы из Петрограда. Она приветствовала Октябрьскую революцию, подчеркивала ее общенародный характер, защищала российский пролетариат и его партию от клеветы и нападок буржуазной прессы, с большой симпатией писала о В. И. Ленине, называла большевиков «самыми смелыми и дальновидными людьми в России» (с. 147).

Революционизирующее воздействие событий в России на испанскую действительность усугубляло кризисное положение в стране. В Испании начался мощный революционный подъем, проходивший под влиянием Октября, революционных методов борьбы российского рабочего класса. В историческую литературу он вошел под названием «большевистского трехлетия» в Испании. Но испанские трудящиеся не только сочувствовали Октябрю и использовали его опыт. Они защищали первое в мире социалистическое государство от враждебных акций мирового империализма. Испанский народ принял активное участие в движении «Руки прочь от Советской России». Весной 1919 г., когда Франция предложила испанскому правительству принять участие в блока-

де Советской России, по всей стране прокатилась мощная волна протестов и демонстраций, вылившихся даже в разгром французских консульств в Барселоне и Валенсии². Вслед за этим профсоюз транспортных рабочих помешал отгрузке военных материалов для деникинской армии. На съездах Испанской социалистической рабочей партии и Национальной конфедерации труда была осуждена интервенция против молодой Советской Республики и принято решение не производить военные материалы, предназначенные для борьбы против Красной Армии, объявить всеобщую забастовку в стране, если правительство решит присоединиться к интервенции в Советской России.

Во введении к своей работе А. Ласо отметил, что данную монографию следует рассматривать только как часть исследования более широкой темы — испанская пресса о двух революциях 1917 г. в России.

Отрадно отметить, что одна из немногих книг, вышедших за последние годы в Испании по истории российских революций 1917 г., расширяет наши представления в этой области, знакомит с новым источником и написана со стремлением к объективному пониманию и освещению революционных процессов в России 1917 г., оказавших глубокое воздействие и на Испанию.

Э. Урибес

² См. Испания. 1918—1972 гг. М., 1975, с. 12.

ПО СТРАНИЦАМ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ СТРАН СОЦИАЛИЗМА

«Военно-исторический сборник», София, 1976, № 3.

Шанов С. Българи разузнавачи в помощ на западния отряд през освободителната русско-турска война 1877—1878 г.

С. Шанов в работе «Помощь болгарских разведчиков Западному отряду в период освободительной русско-турецкой войны 1877—1878 г.» характеризует деятельность болгарских разведчиков в период войны, их помощь русской разведслужбе, показывает, как их донесения влияли на планы командования Западного отряда русских войск. В работе использованы ряд документальных публикаций, труды болгарских и советских историков.

«Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung», Berlin, 1976, № 5.

Klawns W. Aus der Geschichte der brüderlichen Zusammenarbeit von KPD und KP Litauens (1918—bis 1939).

В журнале помещена статья ветерана КПГ В. Клавса «Из истории братского сотрудничества КПГ и Компартии Литвы 1918—1939 гг.», в которой рассказывается об истории создания Коммунистической партии Литвы в октябре 1918 г., важнейших вехах совместной борьбы коммунистов Литвы и Германии против диктатуры буржуазии, за срыв антисоветских агрессивных планов империалистических кругов.

«Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung», Berlin, 1976, № 6.

Heyden G. Vor dem 60. Jahrestag des Großen Oktober.

В статье Г. Хейдена «На пороге шестидесятилетия Великого Октября» отмечается историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции, ознаменовавшей начало эпохи крушения капитализма, открывшей путь строительству социализма в СССР, созданию мировой системы социализма. Автор подчеркивает значение опыта КПСС для деятельности братских коммунистических партий социалистических стран.

«Przegląd humanistyczny», Warszawa, 1976, № 12.

Bazyłow L. Rosjanie o Napoleonie.

Л. Базылев, в статье «Русские о Наполеоне» анализирует отношение различных слоев русского общества к личности Н. Бонапарта и внешней политике Франции в первое десятилетие XIX в., в период Отечественной войны 1812 г., и заграничных походов русских войск. В работе использованы периодика тех лет, работы русских до революционных и советских авторов.

«Историјски записи», Титоград, 1976, кн. 33, св. 2.

Јовановић Ј. Прилог изучавану помоћи Русије Херцеговачким избјеглицама у Црној Гори (1875—1878).

И. Јовановић в работе «К вопросу об изучении помощи России беженцам из Герцеговины в Черногории в 1875—1878 гг.» отмечает, что после подавления восстания 1875 г. положение православного населения Герцеговины резко ухудшилось, в ре-

зультате чего сотни жителей были вынуждены бежать, главным образом в Черногорию. В русском обществе началось широкое движение по оказанию помощи беженцам. В статье анализируется разнообразная помощь переселенцам, оказывавшаяся правительственными учреждениями и общественными организациями России. В работе использованы ряд архивных материалов, пресса, воспоминания и др.

XXV СЪЕЗД КПСС О ВЕДУЩЕЙ РОЛИ РАБОЧЕГО КЛАССА СССР В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ И КОММУНИСТИЧЕСКОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

Всесоюзная конференция в Минске

В ноябре минувшего года в Минске состоялась Всесоюзная научная конференция «XXV съезд КПСС о ведущей роли рабочего класса СССР в социалистическом и коммунистическом строительстве». Конференция была организована Научным советом по истории социалистического и коммунистического строительства в СССР Отделения истории АН СССР, Институтом истории СССР АН СССР, Академией общественных наук при ЦК КПСС, Институтом истории АН БССР. В ее работе приняло участие более 200 ученых из ряда научных центров страны.

Конференцию открыл вступительным словом председатель Научного совета по истории социалистического и коммунистического строительства в СССР чл.-корр. АН СССР М. П. Кириллов. С приветствием заведующий отделом науки и учебных заведений ЦК Компартии Белоруссии А. Т. Короткевич.

На пленарном заседании с докладом «Основные проблемы истории советского рабочего класса. К подготовке многотомного издания „История рабочего класса СССР“» выступил директор Института истории СССР АН СССР акад. А. Л. Нарочницкий. Он отметил, что изучение истории рабочего класса СССР является одним из магистральных направлений советской исторической науки. В поле зрения исследователей находится широкий круг вопросов, в том числе производственная и общественно-политическая деятельность рабочего класса, его трудовая активность, социалистическое соревнование, изменения в его численности и составе, материально-бытовые условия и др. В последнее время все больше внимания уделяется роли рабочего класса в складывании новой исторической общности — советского народа, интернациональным связям советских рабочих. В свете решений XXV съезда КПСС, подчеркнул докладчик, особую актуальность приобретает исследование проблемы: рабочий класс СССР в условиях развитого социалистического общества. В этих направлениях успешно идет работа по написанию многотомных трудов по истории КПСС, СССР, международного рабочего движения.

Назрела необходимость в подготовке обобщающего труда по истории рабочего класса СССР, в котором должны быть глубоко раскрыты такие вопросы, как роль и значение марксистско-ленинского учения о всемирно-исторической миссии рабочего класса, роль рабочего класса как гегемона буржуазно-демократической и социалистической революций в России, ведущая роль рабочего класса СССР в построении социалистического общества в нашей стране, в условиях развитого социализма. Задача этого многотомного труда заключается в том, чтобы осветить всю историю рабочего класса, проследить общее и особенное в развитии отдельных национальных отрядов советского рабочего класса, складывание и упрочение его союза с крестьянством и др., противостоять различным буржуазным и ревизионистским концепциям, искажающим историю рабочего класса СССР.

С докладом «Основные направления публикации документов по истории рабочего класса и промышленности СССР» выступил заместитель начальника Главного архивного управления при Совете Министров СССР А. С. Маликов (Москва). Он отметил важное значение в деле расширения источниковой базы исследований публикации документов деятельности учреждений ГАУ при Совете Министров СССР. Намечено издание документальной серии «Промышленность и рабочий класс СССР. 1946—1975 гг.». Материалы сводных томов издания будут готовить ЦГАНХ СССР совместно с ЦГАОР СССР, ЦГАОР и ЦГАНХ совместно с Центральным архивом ВЦСПС предпримут публикацию пятитомного издания документов «Творческая активность рабочего класса. 1917—1970 гг.». Планируется также выпустить сборники материалов о социальном соревновании в ряде союзных и автономных республик, краев и областей РСФСР.

«Развитие рабочего класса СССР и его влияние на социальную структуру советского общества» — с докладом на эту тему выступил С. Л. Сенявский (Москва). Изучение истории рабочего класса — ведущей силы социалистического и коммунистического строительства — неотделимо, указывалось в докладе, от исследования изменений в социально-классовой структуре советского общества в целом; изменения в облике советского рабочего класса влекут за собой существенные сдвиги в социальной структуре нашего общества. Так, сдвиги в отраслевом составе рабочего класса, особенно рост численности его аграрного отряда, оказывают прямое воздействие на социальную структуру общества. Важнейшим показателем влияния развития советского рабочего класса на социально-классовую структуру общества является сближение классов и слоев в СССР в процессе ликвидации различий между городом и деревней, между умственным и физическим трудом. Повышение культурно-технического уровня рабочего класса, сочетание в труде высококвалифицированных рабочих элементов умственного и физического труда, а также воздействие результатов трудовой деятельности советских рабочих на развитие производительных сил деревни, на изменения в облике колхозного крестьянства — все это проявления процесса влияния советского рабочего класса на социальную структуру нашего общества.

Секция «Рабочий класс и развитие индустрии в период построения и упрочения социалистического общества. 1917—1958 гг.» заслушала доклад А. А. Матюгина (Москва), в котором было уделено основное внимание методологическому значению трудов В. И. Ленина для характеристики облика советского рабочего класса, изучения его истории. Стремясь глубже осветить изменения, происходившие в рабочем классе социалистического общества, исследовать процесс возрастания руководящей роли рабочего класса в коммунистическом строительстве, историки-марксисты постоянно обращаются к произведениям В. И. Ленина. Методологической основой при анализе развития рабочего класса СССР, социальной структуры советского общества в целом служит определение классов, данное В. И. Лениным. Ведущая роль рабочего класса в развитом социалистическом обществе, отметил докладчик, определяется коллективным владением им средствами производства, руководящей ролью рабочего класса в общественной организации труда.

Л. Е. Репида (Кишинев) представила доклад «Влияние рабочего класса СССР на совершенствование социальной структуры советского общества в период строительства социализма». В условиях переходного периода на базе социалистической формы собственности, и прежде всего общенародной, государственной формы собственности, изменяется классовая структура общества. Ликвидируются эксплуататорские классы, формируется колхозно-кооперативная форма собственности на основе коллективизации сельского хозяйства и кооперирования ремесленников и кустарей. Рабочий класс оказывает решающее влияние на ускорение этих преобразований. На этапе упрочения и развития социалистического общества возрастающая роль рабочего класса определялась в первую очередь его вкладом в укрепление и развитие материально-технической базы промышленности, сельского хозяйства, в упрочение союза рабочего класса и советского крестьянства. На завершающем этапе строительства социализма и в условиях развитого социалистического общества одним из важнейших направлений сближения государственной и колхозно-кооперативной форм собственности является специализация, кооперирование сельскохозяйственного производства, создание агропромышленных комплексов и объединений, в которых наиболее интенсивно изменяется характер труда, все более сближаясь с трудом индустриальным.

Б. В. Алексеев (Новосибирск) в своем докладе особое внимание уделил вопросам изучения социалистического образа жизни советских рабочих, их духовного облика, формирования рабочих коллективов вновь осваиваемых районов, материально-бытового положения рабочего класса, подчеркнув важность более широкого привлечения исследователями такого источника, как бюджеты рабочих семей. О производственных совещаниях, о времени их возникновения говорил В. И. Вышинский (Минск). Н. А. Шарошкин (Пенза) охарактеризовал многогранную деятельность партийных и профсоюзных органов по укреплению трудовой дисциплины на промышленных предприятиях Средней Волги в годы довоенных пятилеток. В. П. Крикунов (Грозный) остановился на еще не решенных проблемах истории формирования духовного облика советского рабочего класса в период построения социалистического общества. Он подчеркнул важность для изучения духовного облика рабочего класса обращения к такому источнику, как письма рабочих, их воспоминания. Проблемам общественно-политической деятельности рабочего класса в годы упрочения социализма (1938—1958) было посвящено выступление Г. А. Докучаева (Новосибирск). Отметив значение подготовки советскими историками многотомной истории советского рабочего класса, он подчеркнул необходимость глубокого освещения в планируемом издании общественно-политической деятельности рабочего класса СССР, и прежде всего многогранной деятельности КПСС — авангарда советского рабочего класса, деятельности рабочих-депутатов Советов, интернациональных связей рабочего класса СССР.

Б. И. Гвоздев и В. З. Дробижев (Москва) остановились на проблемах историографии истории советского рабочего класса в период четвертой пятилетки. Особое

внимание авторы уделили разработке в литературе темы трудовой деятельности рабочего класса в период перехода нашей страны от войны к миру, социалистическому соревнованию советских рабочих в 1946—1950 гг. Анализу предпосылок научно-технической революции в нашей стране посвятил свое выступление М. И. Хлусов (Москва). Ведущая роль рабочего класса в восстановлении и дальнейшем развитии материально-технической базы сельского хозяйства страны в первые послевоенные годы — тема выступления З. В. Куравского (Москва). Он отметил необходимость дальнейшего изучения таких вопросов, как вклад рабочего класса СССР в восстановление и дальнейшее развитие сельскохозяйственного машиностроения, шефская помощь селу в годы четвертой пятилетки. С. Н. Бойченко (Москва) обратил внимание на важность исследования вклада рабочей молодежи в восстановление разрушенных фашистскими захватчиками предприятий тяжелой промышленности. Изучение и обобщение опыта молодых рабочих сороковых годов, многие из которых в наши дни стали наставниками новой рабочей смены, имеет не только научное, но и большое политическое значение.

Интернациональные связи советского рабочего класса с трудящимися стран народной демократии в первые послевоенные годы рассмотрел А. И. Литвинчук (Москва). Проблемам формирования и развития национальных кадров рабочего класса было посвящено выступление П. Т. Тимофеева (Москва). Г. И. Иванов (Чебоксары) остановился на вопросе формирования рабочего класса Чувашии в период перехода от капитализма к социализму.

Секция «Рабочий класс и индустриальное развитие СССР в условиях зрелого социализма» заслушала доклад В. А. Ежова (Ленинград) «Политическая активность рабочего класса СССР и ее роль в совершенствовании общественных отношений». Докладчик отметил, что ряд факторов влияет на рост политической активности советских рабочих. Это — активное участие рабочих в жизни партийных организаций и в общественной жизни страны, постоянное повышение их политического и культурного уровня, общей и специальной подготовки и др. Характеризуя важнейшие направления воздействия роста политической активности советского рабочего класса на социальный прогресс общества, он отметил такие из них, как повышение сознательного отношения к труду, воспитание коммунистического отношения к социалистической собственности, участие рабочих в управлении производством и др.

Анализу важнейших особенностей развития промышленности СССР в 1966—1975 гг. был посвящен доклад, представленный А. В. Митрофановой (Москва). Проблемы индустриального развития нашей страны, указала она, должны занять достойное место в планируемой многотомной истории советского рабочего класса. Ряд особенностей отличают развитие советской индустрии во второй половине 60—70-х годов: высокие темпы роста индустриального потенциала страны, большие масштабы задач, решаемых народным хозяйством, достижение советской индустрией самых значительных по сравнению с предыдущими количественных и качественных показателей. На современном этапе для социалистической промышленности характерны постоянное увеличение мощностей, расширение сырьевой базы производства, техническое перевооружение машиностроения: внедрение комплексно-механизированных и автоматизированных процессов, создание новых промышленных комплексов на востоке и севере страны. Важной чертой промышленного развития является специализация и концентрация производства, создание производственных объединений. Ряд новых черт в промышленном развитии СССР связан с постоянно углубляющейся интеграцией экономики стран — членов СЭВ, дальнейшей специализацией и кооперацией их производства.

Вопросам совершенствования управления народным хозяйством в 60—70-е годы посвятила свое выступление Е. Д. Козочкина (Москва). В. И. Царанов (Кишинев) отметил наиболее характерные черты промышленного развития Молдавии в условиях развитого социализма. А. З. Ваксер (Ленинград) проанализировал влияние интенсификации производства на количественные и качественные изменения в облике советского рабочего класса. В условиях интенсификации социалистического производства качественные факторы роста рабочего класса выходят на первый план. Об освещении в советской научной литературе проблемы «Научно-техническая революция и промышленные рабочие СССР» говорил Е. И. Пивовар (Москва). Творческая активность советского рабочего класса на современном этапе была темой выступления И. Е. Марченко (Минск), который рассказал о патристических начинаниях новаторов производства, о размахе социалистического соревнования в нашей стране, о значении рационализаторства и изобретательства в развитии производства. Техническому творчеству рабочих в условиях развитого социализма было посвящено выступление А. М. Кацвы (Москва).

В. А. Кадейкин (Москва) охарактеризовал основные направления в деятельности профсоюзных организаций по развитию творческой активности рабочего класса СССР, их роль в развращении социалистического соревнования за успешное выполнение заданий десятой пятилетки, в привлечении широких масс к управлению производством, совершенствовании системы материального и морального стимулирования, укреплении трудовой дисциплины, развитии технического творчества рабочих, повышении уровня их общей и специальной подготовки. Историографии социалистического сорев-

нования было посвящено выступление Л. С. Рогачевской (Москва). На вопросах сопоставления остановился и А. И. Житников (Барнаул).

Ряд выступавших охарактеризовали роль рабочего класса в укреплении братского сотрудничества народов Советского Союза. К. Н. Сануков (Ульяновск) отметил, что прочной материальной основой дружбы народов СССР является единый народнохозяйственный комплекс страны, создаваемый трудом многонационального советского рабочего класса, всех трудящихся. О некоторых особенностях формирования многонациональных по своему составу рабочих коллективов вновь строящихся предприятий в условиях развитого социализма говорил Ю. П. Смирнов (Чебоксары). На примере таких новостроек, как Камский автомобильный комплекс, Чебоксарский завод промышленных тракторов, он осветил процесс становления трудовых коллективов. Большой удельный вес в составе новых рабочих коллективов составляет молодежь. Проблемам рабочей молодежи были посвящены выступления Л. В. Рутес (Москва) и Л. Д. Алексеевой (Москва). На основании сравнительного изучения материалов социологических обследований рабочей молодежи 1936 и 1972 гг. были охарактеризованы изменения в общеобразовательном уровне молодых рабочих, в их материальном положении.

Проблемы интернациональных связей советского рабочего класса были затронуты в выступлениях Н. К. Петровой (Москва) и И. И. Серовой (Могилев). В докладе И. И. Комогоорцева (Новосибирск) освещались вопросы влияния индустриального развития восточных районов страны на изменения в социальной структуре населения Сибири. Докладчик отметил, что экономическая политика КПСС, направленная на ускоренное развитие производительных сил восточных районов СССР, интенсивное освоение их природных ресурсов, успешно выполняется. В регионе осуществляются такие грандиозные программы, как освоение гидроресурсов Восточной Сибири, дальнейшее освоение крупнейшей в СССР нефтедобывающей базы в Западной Сибири, строительство Байкало-Амурской магистрали. В районах нового освоения формируются большие отряды рабочего класса. Рост рядов рабочих Сибири влияет и на изменения в социальной структуре населения региона в целом. Вкладу советского рабочего класса в строительство Байкало-Амурской магистрали было посвящено выступление И. И. Осинского (Улан-Удэ).

«Рабочий класс Украины в условиях развитого социализма» — такова была тема выступления В. Е. Романцова (Киев). Он отметил, что одна из характерных черт развития рабочего класса республики — неуклонный рост его численности, темпы роста которой значительно опережают естественный прирост населения; это приводит к увеличению удельного веса рабочих в составе трудоспособного населения. Наряду с этим наблюдается и снижение темпов роста численности рабочих отдельных отраслей индустрии УССР, например, легкой и пищевой промышленности. В то же время быстрыми темпами увеличивалась численность машиностроителей, а также аграрного отряда рабочего класса. Ускоренное развитие автомобильного транспорта приводит к тому, что ведущим отрядом среди транспортных рабочих становятся рабочие автомобильного транспорта. Об изучении истории рабочего класса в Казахстане говорили М. К. Асылбеков (Алма-Ата) и Б. Н. Абишева (Алма-Ата). Ученые республики приступили к созданию трехтомной истории рабочего класса Казахстана.

В. В. Басков (Ярославль) охарактеризовал основные источники и формы пополнения рабочего класса Российской Федерации на этапе развитого социализма. Ю. И. Романов (Алма-Ата) отметил роль электрификации как важнейшего фактора индустриального развития страны, ее значение в выравнивании уровня экономического развития отдельных республик. А. Т. Мандрик (Владивосток) остановился на вопросах индустриального развития Дальнего Востока, которое способствует росту рядов рабочих этого района страны, процессу формирования национальных отрядов рабочего класса. В выступлениях В. Н. Земскова (Москва), Е. Я. Крупенкова (Минск) были затронуты вопросы дальнейшего упрочения союза рабочего класса и крестьянства в условиях развитого социализма.

Секция «История фабрик и заводов» рассмотрела вопросы историографии и источниковедения проблемы. В коллективном докладе «Итоги и задачи исследования истории фабрик и заводов СССР», представленном А. В. Митрофановой, Л. С. Рогачевской и И. П. Остапенко (Москва) был дан анализ организационно-научной и исследовательской работы по изучению истории предприятий, осуществленной в нашей стране за годы Советской власти.

И. Л. Корняковский (Москва) в докладе «Источники по истории фабрик и заводов» охарактеризовал важнейшие группы источников, их специфику и особенности. Основное внимание было уделено тем источникам, которые, по мнению автора, мало используются при написании истории предприятий (годовые отчеты, штатные расписания предприятий, материалы личных карточек, листки по учету кадров и т. д.).

О новейшей литературе по истории предприятий Москвы рассказала А. М. Панфилова (Москва), об историографии фабрик и заводов Украинской ССР — Л. И. Евселевский (Кременчуг) и М. В. Резницкая (Днепропетровск). Характеристика историографии рассматриваемой проблемы по РСФСР была дана в сообщении А. А. Зыриной (Москва), по Белоруссии — в сообщении И. Е. Марченко и С. В. Тала-

пиной (Минск), по Казахстану и Средней Азии — в сообщении Н. Г. Пана (Алма-Ата), по Дону и Северному Кавказу — в сообщении Ю. А. Болдырева (Ростов-на-Дону), по истории предприятий Европейского Севера СССР — в сообщении А. В. Ненахова (Сыктывкар). Выступавшие отмечали научную и общественно-политическую значимость литературы по истории предприятий. Указывалось, что изучение истории предприятий в региональном и отраслевом плане ведется неравномерно. По-прежнему недостаточное внимание уделяется истории предприятий легкой промышленности, строек, транспортных предприятий. Слабо используются при написании истории предприятий социологические исследования. Участники секции сочли необходимым просить Институт истории СССР усилить координацию научных исследований по истории предприятий страны. Необходимо создать обобщающую библиографию — указатель литературы по истории фабрик и заводов с 1917 г. по настоящее время; опубликовать методические материалы об опыте написания истории крупнейших предприятий страны.

На заключительном пленарном заседании были подведены итоги работы конференции.

Заведующий сектором Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС С. С. Хромов отметил, что конференция показала, насколько проблема разработана в отечественной историографии, выявила недостаточно изученные аспекты темы. Необходима дальнейшая разработка таких проблем, как роль русского рабочего класса в трех революциях в России; перемещение центра мирового революционного движения в Россию; роль рабочего класса в обеспечении социалистического строительства в нашей стране, в защите социалистических завоеваний в гражданской и Великой Отечественной войнах; ведущая роль рабочего класса в условиях развитого социалистического общества и др. Перед историками стоит задача комплексного исследования истории советского рабочего класса, его ведущей роли в международном рабочем движении.

М. П. Ким подчеркнул, что работа конференции будет способствовать дальнейшему плодотворному изучению истории советского рабочего класса.

На заседании выступил Герой Социалистического Труда токарь Минского завода электронных вычислительных машин им. Орджоникидзе А. И. Хорольской. Он рассказал о достижениях коллектива этого предприятия, приветствовал участников конференции и пожелал успехов в деле воссоздания истории советского рабочего класса — ведущей силы советского общества.

Участники конференции приняли рекомендации, определяющие пути дальнейшей разработки обсуждавшихся проблем.

Е. И. Пивовар

ЧИТАТЕЛИ О ЖУРНАЛЕ

В марте состоялась конференция читателей журнала «История СССР» — работников вузов Ростова-на-Дону и Ростовской области, ряда городов РСФСР. Она проходила в Институте повышения квалификации преподавателей общественных наук при Ростовском университете. С сообщением о работе редакции, тематическом плане журнала выступил перед собравшимися заместитель главного редактора И. Е. Зеленкин.

Ряд преподавателей высказал пожелания относительно дальнейших публикаций в журнале. П. Г. Чернопицкий (Ростовский университет) отметил, что историки-аграрники, работающие на местах, в частности, в Северо-Кавказском регионе, могли бы более активно сотрудничать с журналом. Он высказался также за увеличение публикаций краеведческого материала, представляющего не только научный интерес, но и имеющего познавательный, политико-воспитательный характер.

П. В. Барчугов (Ростовский пединститут) говорил о желательности расширения жанров помещаемых на страницах журнала материалов. Например, были бы интересны мемуары и близкие к ним по характеру выступления, опирающиеся на документальную основу. Ю. П. Денисов (Ростовский университет), Е. И. Габелко (Воронежский пединститут), Г. Л. Гайда (Пятигорский фармацевтический институт) и другие предложили шире освещать проблемы развитого социализма. В этой связи были названы такие темы, как социальная структура развитого социалистического общества, история развития его экономики, культуры и др.

Итоги конференции подвел И. Е. Зеленкин, отметив, что редколлегия журнала учит высказанные предложения.

М. Г. Киселев

К 70-ЛЕТИЮ АКАДЕМИКА Е. М. ЖУКОВА

23 октября 1977 г. исполняется 70 лет академику Евгению Михайловичу Жукову — крупнейшему специалисту в области всеобщей истории, методологии исторической науки, востоковедения и истории международных отношений. Юбиляр — автор большого числа работ в различных областях советской исторической науки, руководитель ведущих исследовательских коллективов, председатель Национального комитета историков Советского Союза, академик-секретарь Отделения истории АН СССР, директор Института всеобщей истории АН СССР.

Научная деятельность Е. М. Жукова началась в Научно-исследовательском институте востоковедения АН СССР в Ленинграде. Она была связана в первую очередь с изучением истории и политических проблем Японии. На протяжении 30-х годов Е. М. Жуков написал ряд исследований, выдвинувших его в число ведущих советских востоковедов. В 1939 г. он опубликовал «Историю Японии» — первый в марксистско-ленинской историографии обобщающий труд по истории этой страны. Уже в названной книге, сохранившей большую научную ценность до нынешних дней, а также в защищенной в 1940 г. докторской диссертации «История японской женщины» Е. М. Жуков обнаружил не только прекрасное знание предмета, но и стремление к глубокому теоретическому осмыслению сущности исторического процесса.

Активная и плодотворная исследовательская деятельность сочетается в эти годы у Е. М. Жукова с большой работой по подготовке научных кадров. Один из основателей школы советских японоведов, он отдает немало сил воспитанию молодых ученых и в других областях исторической науки. Начав преподавательскую работу в Ленинградском государственном университете и Историко-лингвистическом институте, он затем преподает в МИФЛИ, в ВПШ при ЦК КПСС. В 1944 г. Е. М. Жуков был утвержден в звании профессора по специальности «История стран Востока»; он руководит кафедрой стран Дальнего Востока исторического факультета МГУ, а с 1946 г. на протяжении 30 лет — кафедрой международного рабочего движения в Академии общественных наук при ЦК КПСС.

Большую государственную и общественно-политическую работу Е. М. Жуков вел в годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы, находясь на ответственных постах в Государственном Радиокomitee, редакциях «Правды», «Известий», журнала «Новое время». Одновременно расширялось поле его научной деятельности. С 1943 по 1950 г. ученый руководит Тихоокеанским институтом АН СССР, где возглавляет научную разработку проблем, возникающих на стыке истории и современности, в том числе таких, как межимпериалистические отношения в бассейне Тихого океана, процесс распада колониальной системы империализма. В результате под руководством и при авторском участии Е. М. Жукова увидели свет два коллективных труда — «Кризис колониальной системы» (1949 г.) и «Международные отношения на Дальнем Востоке» (1-е изд. — 1951 г.; 2-е изд. — 1956 г.).

Признанием выдающихся научных заслуг Е. М. Жукова явилось избрание его в 1946 г. членом-корреспондентом, а в 1958 г. — действительным членом Академии наук СССР. В том же 1958 г. он избирается академиком-секретарем Отделения истории АН СССР и остается на этом посту до 1971 г. С 1975 г. Е. М. Жуков — снова академик-секретарь.

Еще в середине 50-х годов Е. М. Жуков выступил с инициативой создания первого в марксистской историографии труда, охватывающего весь исторический процесс от первобытно-общинного строя до современности. Как главный редактор многотомной «Всемирной истории» академик Е. М. Жуков сумел сплотить в единый коллектив крупнейших советских историков, специалистов по самым различным направлениям исторической науки. В ходе создания «Всемирной истории» был решен ряд сложных методологических проблем, проанализирована с позиций марксизма-ленинизма связь исторических явлений, на огромном фактическом материале показан всеобщий и универсальный характер действия фундаментальных законов общественного развития и прежде всего за-

кона прогрессивной смены общественно-экономических формаций. 10 томов «Всемирной истории» получили заслуженное признание в мировой науке, изданы в ряде зарубежных стран. В год 60-летия Великого Октября вышел в свет 11-й том «Всемирной истории», в котором охватываются события первых послевоенных лет, когда складывалась мировая социалистическая система, когда силы социализма и демократии объединились в борьбе против империалистической реакции за прочный мир на земле.

В 1976 г. вышел завершающий, 16-й том Советской исторической энциклопедии. Главным редактором этого уникального издания, в котором сделана попытка дать с марксистских позиций оценку многим тысячам исторических фактов и явлений, выступил также Е. М. Жуков. Помимо руководства работой над «Всемирной историей» и Советской исторической энциклопедией Е. М. Жуков возглавил в последние годы подготовку ряда крупных коллективных трудов. Под его редакцией в 1972 г. вышла в свет капитальная монография «Японский милитаризм. Военно-исторические исследования», в 1973 — книга «Мировая социалистическая система. Некоторые проблемы теории и истории становления социализма», в 1975 г. «Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования». Готовится к выходу в свет крупное исследование «Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса», где академик Е. М. Жуков является ответственным редактором и одним из ведущих авторов. Широко развернулась под его руководством работа над коллективным трудом «Смена общественно-экономических формаций и изменение социально-классовых структур», четырехтомной «Историей США». Близится к завершению подготавливаемая юбиларом монография «Методология истории».

Одно только перечисление трудов, которыми занят в последние годы Е. М. Жуков, показывает широту научных интересов ученого и его пристальное внимание к сложным проблемам теории и методологии исторической науки. Многие теоретические труды Е. М. Жукова посвящены осмыслению неисчерпаемого ленинского идейного наследия и выявлению его значения для современного развития нашей науки. На основе тщательного изучения ленинских идей написана статья Е. М. Жукова «Ленин и понятие «эпохи» в мировой истории» (1965). Эта статья, ставшая заметной вехой в развитии методологических исследований советских историков, содержит анализ соотношений категорий «социально-экономическая формация» и «историческая эпоха». Основываясь на глубоких мыслях Ленина, анализируя то, как использовалось понятие «эпоха» в ленинских трудах, Е. М. Жуков определяет ее как период в мировой истории, отмеченный достаточно отчетливой тенденцией развития общества, определенным соотношением и взаимодействием социально-экономических формаций. Существенным вкладом в раскрытие значения гениальных ленинских идей и выводов для прогресса исторической науки являются такие работы академика Е. М. Жукова, как «Ленин и методологические основы исторической науки» (1970), «Ленин, история, современность» (1970), «Некоторые проблемы методологии истории» (1977) и др.

Большой научный резонанс вызвал доклад Е. М. Жукова «О периодизации всемирной истории», прочитанный на XI Международном конгрессе исторических наук. В этом докладе содержится развернутое научное обоснование марксистско-ленинских принципов периодизации как всемирно-исторического процесса в целом, так и истории отдельных регионов и стран. Немалый вклад внесены трудами Е. М. Жукова в исследование проблемы соотношения социологических и исторических законов, которая в последние годы привлекает особое внимание историков и философов. В ряде трудов Е. М. Жукова исследуются различные теоретические вопросы воздействия надстроечных явлений на ход всемирно-исторического процесса. Так, в работе «Роль религии в мировой истории» (1975 г.) сделаны важные наблюдения и выводы об общем и особенном в развитии так называемых «мировых религий» и их функции на различных стадиях классово-антагонистических формаций. Плодотворными оказались также идеи академика Е. М. Жукова, высказанные им по проблемам марксистской типологии всемирно-исторического процесса и социальной революции, как основному узлу механизма смены общественно-экономических формаций, по проблемам повторяемости в истории и неравномерности и асинхронности исторического процесса и многим другим. В ряде работ Е. М. Жукова намечены

главные направления марксистско-ленинской критики неопозитивизма, технологизма, структурализма и определены линии развития советской теоретической историографии.

Ученый не только сам ведет огромную исследовательскую работу в области теории и методологии исторической науки, но и организует работу исследователей в этой важнейшей области. В этой связи следует специально отметить деятельность возглавляемого Е. М. Жуковым Научного совета по комплексной проблеме «Закономерности исторического развития общества и перехода от одной социально-экономической формации к другой». Наконец, он непосредственно руководит Сектором теоретических проблем всемирно-исторического процесса Института всеобщей истории АН СССР, который Е. М. Жуков успешно возглавляет с самого его основания в 1968 г.

Характеризуя деятельность академика Е. М. Жукова как ученого и общественного деятеля нельзя не подчеркнуть его роль в развитии связей советских историков с зарубежными коллегами. Будучи с 1972 по 1975 г. президентом Международного комитета исторических наук, он немало сделал для повышения авторитета советской исторической науки на мировой арене. Свидетельством тому явился XIV Международный конгресс исторических наук, состоявшийся в 1975 г. в Сан-Франциско, на открытии которого Е. М. Жуков выступил с глубокой и яркой речью.

Многогранна общественная деятельность академика Е. М. Жукова. Он является заместителем председателя Советского Комитета солидарности стран Азии и Африки, членом советского Комитета защиты мира, членом Комитета по Ленинским премиям при Совете Министров СССР, председателем советской части Комиссии историков СССР и Болгарии, председателем Всесоюзного общества книголюбов, участвует в работе ряда государственных и общественных организаций.

Е. М. Жуков — член Коммунистической партии с 1946 г. — своей деятельностью являет образец партийной принципиальности и беззаветной преданности делу коммунизма. Советское правительство неоднократно отмечало заслуги ученого перед Родиной: он награжден орденом Ленина, орденом Октябрьской Революции, тремя орденами Трудового Красного Знамени и медалями. В связи с 250-летием Академии наук СССР он был награжден орденом Ленина.

Евгений Михайлович Жуков встречает свой юбилей как всегда в труде, полный новых творческих замыслов и идей. Сердечно поздравляя Евгения Михайловича с 70-летием, мы желаем ему доброго здоровья, счастья и благополучия, новых успехов в научной и общественной деятельности.

**Академик Н. М. Дружинин,
академик Б. А. Рыбаков,
член-корреспондент АН СССР И. Д. Ковальченко,
В. А. Тишков.**

V ВСЕСОЮЗНЫЙ КОНКУРС РАБОТ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ, ПОСВЯЩЕННЫЙ 60-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

Лауреатами прошедшего IV Всесоюзного конкурса работ молодых ученых по общественным наукам стали 36 молодых ученых. В их числе специалисты по истории СССР: О. И. Чеченкина, кандидат исторических наук, преподаватель Первого московского медицинского института (за главу «Культурное строительство в СССР в освещении буржуазной историографии» в монографии «Критика буржуазной фальсификации национальной политики КПСС»); Л. Н. Бада, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник НИЦ ВКШ при ЦК ВЛКСМ (за рукопись монографии «Академик А. М. Панкратов — историк рабочего класса СССР»).

ЦК ВЛКСМ, Академия наук СССР, Министерство высшего и среднего специального образования СССР, Министерство просвещения СССР, Академия педагогических наук СССР приняли совместное постановление о проведении в 1977—1978 гг. V Всесоюзного конкурса работ молодых ученых по общественным наукам, посвященного 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Оргкомитет конкурса возглавляет вице-президент АН СССР П. Н. Федосеев.

К участию в конкурсе допускаются авторы изданных книг, брошюр, опубликованных статей, а также рукописей объемом не менее трех печатных листов по марксистско-ленинской философии, научному коммунизму, политической экономии, конкретной экономике, истории КПСС, истории ВЛКСМ и международного молодежного движения, истории СССР, всеобщей истории, праву, психологии, педагогике и проблемам коммунистического воспитания молодежи. Выдвигаемые на конкурс работы должны представлять собой самостоятельно выполненные исследования по актуальным проблемам общественных наук, определенных постановлением ЦК КПСС от 14 августа 1967 г. «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве», документами XXV съезда КПСС.

Конкурс проводится в 2 тура. Первый тур проводится в областях, краях, автономных и союзных республиках. Право выдвижения работ молодых ученых на конкурс предоставляется отделам или секторам научных учреждений, кафедрам вузов, комитетам комсомола, советам молодых ученых. При выдвижении на первый тур представляются следующие документы: отзыв-рекомендация отдела (кафедры, комитета комсомола, совета молодых ученых), краткая аннотация работы, характеристика научной и общественной деятельности. На 1 ноября 1977 г. возраст авторов не должен превышать 33 лет.

Первый тур конкурса заканчивается в ноябре 1977 — январе 1978 г. в форме областных, краевых, республиканских совещаний (конференций) молодых ученых, на которых подводятся итоги, награждаются победители тура и выносятся рекомендации об участниках второго тура конкурса. На второй тур работы представляются до 1 марта 1978 г. во Всесоюзный оргкомитет конкурса в двух экземплярах (для рукописей первый экземпляр обязателен) с аннотацией, характеристикой и отзывом-рекомендацией республиканского, областного, краевого оргкомитета.

В краткую аннотацию объемом не более 2-х страниц машинописного текста включаются фамилия, имя, отчество автора, полное название научного учреждения или вуза, где выполнена работа, год написания работы, ее объем. В основной части аннотации раскрываются краткое содержание работы и ее выводы. Аннотация подписывается автором с указанием его служебного и домашнего адресов и телефонов. Если на конкурс выдвигается несколько работ, то аннотация составляется на каждую работу в отдельности.

В характеристике научной и общественной деятельности автора обязательно указываются фамилия, имя, отчество, год рождения, партийность, национальность, занимаемая должность, образование, основные показатели его общественной и научной работы, имеющиеся публикации. Характеристика должна быть заверена подписями руководителя соответствующего научного учреждения или вуза, секретарей партийной и комсомольской организаций.

В отзыве-рекомендации республиканского, областного, краевого оргкомитета оценивается научное содержание работы, высказываются критические замечания, перечисляются опубликованные рецензии на данную работу. Отзыв-рекомендация утверждается на заседании республиканского, областного, краевого оргкомитета и заверяется подписью председателя оргкомитета.

Рукописные работы должны быть отпечатаны на машинке через 1,5 или 2 интервала черным шрифтом без помарок, на белой бумаге, вычитаны, отредактированы, состоять из титульного листа, основного текста, приложений (если они есть), библиографии и оглавления.

Второй тур конкурса завершается в октябре 1978 г. Адрес Всесоюзного оргкомитета: Москва, Центр, ул. Богдана Хмельницкого, 3/13, Отдел научной молодежи ЦК ВЛКСМ. Телефоны: 206-85-49, 206-89-08.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гусев Кирилл Владимирович — доктор исторических наук, профессор. Автор монографий: «Крах партии левых эсеров», «Партия социалистов-революционеров: соглашательство и контрреволюция» и др.

Деренковский Григорий Михайлович — старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР, кандидат исторических наук, автор многочисленных работ по истории революционного движения в России.

Игрицкий Юрий Иванович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам АН СССР. Автор монографии «Мифы буржуазной историографии и реальность истории. Англо-американская буржуазная историография Великой Октябрьской социалистической революции» и ряда статей.

Куличенко Михаил Иванович — доктор исторических наук, специализируется в области изучения национальных отношений в СССР. Автор монографий на эту тему.

Минаев Леонид Митрофанович — доктор исторических наук, профессор. Автор монографий: «Развитие социалистического интернационализма и взаимоотношения социалистических стран», «Об идейных источниках современного ревизионизма в вопросе о партии» и др.

Миц Исак Израильевич — академик, Герой Социалистического Труда, Лауреат Ленинской премии и Государственных премий СССР.

Польский Марк Петрович — заведующий отделом журнала «История СССР», специализируется в области истории КПСС. Автор ряда статей по истории продовольственной политики партии.

Пронштейн Александр Павлович — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой Ростовского государственного университета, автор работ по истории русского феодализма и источниковедению истории СССР.

Степанов Зиновий Васильевич — доктор исторических наук, профессор, автор монографии «Рабочие Петрограда в период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания. Август — октябрь 1917 г.».

Тютюкин Станислав Васильевич — старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР, кандидат исторических наук, автор ряда работ по истории революционного движения в России в начале XIX в.

Федюкин Сергей Алексеевич — старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР, доктор исторических наук, специалист в области истории советской интеллигенции, автор монографий и других работ по данной проблеме.

Флоря Борис Николаевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР, автор монографии «Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в.»

Шацлло Корнелий Федорович — старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР, доктор исторических наук, автор книг: «Русский империализм и развитие флота накануне первой мировой войны», «Россия перед первой мировой войной» и др.

СОДЕРЖАНИЕ

К 60-летию Великого Октября

Акад. Минц И. И.— Октябрь и мировой революционный процесс . . .	3
Гусев К. В., Минаев Л. М.— Октябрьская революция — великий под- виг партии и народа . . .	18
Степанов З. В. (Ленинград) — Рабочий класс — ведущая сила Вели- кой Октябрьской социалистической революции . . .	36
Куличенко М. И.— 60-летие Октября и торжество ленинской нацио- нальной политики в СССР . . .	51
Федюкин С. А.— Октябрьская революция и интеллигенция . . .	69
Шацилло К. Ф.— Пролетариат в Февральской революции . . .	89
Деренковский Г. М., Тютюкин С. В.— К вопросу об использовании опыта первой русской революции в период подготовки Октября . . .	105

Статьи и сообщения

Маниев Ф. С. (Баку) — Некоторые вопросы динамики численности сельского населения Азербайджана (1965—1975 гг.) . . .	120
Польский М. П.— Проблема общественного питания в первые после- октябрьские годы . . .	126
Потехин М. И. (Ленинград) — Переселение петроградских рабочих в квартиры буржуазии (октябрь 1917—1919 гг.) . . .	140
Флоря Б. Н.— Привилегированное купечество и городская община в Русском государстве (Вторая половина XV — начало XVII в.) . . .	145

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Пронштейн А. П. (Ростов-на-Дону) — О предмете источниковедения как научной исторической дисциплины . . .	161
---	-----

Критика и библиография

Чугунов А. И.— Вопросы истории СССР в серии «История», изда- ваемой Всесоюзным обществом «Знание» (1975—1976 гг.) . . .	174
--	-----

Рецензии и заметки

Минибаев Е. К. (Уфа) — Остапенко И. П. Рабочий класс СССР в управлении производством 1956—1970 гг. . .	179
Винокурова Р. Ф., Колодин Ф. И.— Денисов Ю. П. Развитие кол- хозной демократии (1946—1970 гг.) . . .	180
Проэктор Д. М.— Самсонов А. М. Крах фашистской агрессии . . .	181
Кузеев Р. Г. (Уфа) — Назипова К. А. Национализация промышлен- ности в Татарии (1917—1921 гг.) . . .	183
Булдаков В. П., Михайлов И. В.— Иноятов Х. Ш. Против фальси- фикации истории победы Советской власти в Средней Азии и Ка- захстане . . .	185

Плотникова М. Е. (Томск) — Поликарпов В. Д. Пролог гражданской войны в России (Октябрь 1917 — февраль 1918)	187
Луцкий Е. А. — Смирнов А. С. Большевики и крестьянство в Октябрьской революции	190
Миловидов В. Л. (Кострома) — Шишкин В. Ф. Великий Октябрь и пролетарская мораль	191
Арутюнов Г. А., Соловьева А. М. — Крузе Э. Э. Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг.	192
Итенберг Б. С. (Москва), Попков Б. С. (Петрозаводск) — Очерки революционных связей народов России и Польши. 1815—1917	195
Лотман Ю. М. (Тарту) — Кислягина Л. Г. Формирование общественно-политических взглядов Н. М. Карамзина (1785—1803 гг.)	197
Рабцевич В. В. (Новосибирск) — Русакова Л. М. Сельское хозяйство Среднего Зауралья на рубеже XVIII—XIX в.	200

История СССР за рубежом

Игрицкий Ю. И. — Октябрьская революция в новейшей буржуазной историографии	203
Шаховцов Г. С. — Проблемы истории Великой Октябрьской социалистической революции в новейших трудах венгерских ученых	218
Краснов И. М. — Т. Хови. Джон Рид: очевидец революции	225
Урибес Э. — Испанская газета о революциях 1917 года в России	228
По страницам исторических журналов стран социализма	230

Научная жизнь

Пивовар Е. И. — XXV съезд КПСС о ведущей роли рабочего класса СССР в социалистическом и коммунистическом строительстве. Всесоюзная конференция в Минске	232
Киселев М. Г. (Ростовская обл.) — Читатели о журнале	236
Акад. Н. М. Дружинин, акад. Б. А. Рыбаков, чл.-корр. АН СССР И. Д. Ковальченко, В. А. Тишков — К 70-летию академика Е. М. Жукова	237
V Всесоюзный конкурс работ молодых ученых по общественным наукам, посвященный 60-летию Великого Октября	240
Сведения об авторах	242

CONTENTS

Towards the 60th Anniversary of Great October

Acad. Mints I. I.—October and World Revolutionary Process	3
Gusev K. V., Minaev L. M.—The October Revolution: A Great Deed of the Party and the People	18
Stepanov Z. V. (Leningrad) — The Working Class — the Leading Force of the Great October Socialist Revolution	36
Kulichenko M. I.—The 60th Anniversary of the October Revolution and the Triumph of the Leninist Nationalities Policy in the USSR	51
Fedyukin S. A.—The October Revolution and the Intelligentsia	69
Shatsillo K. F.—The Proletariat in the February Revolution	89
Derenkovsky G. M., Tyutyukin S. V.—On the Problem of Use of Experience of the First Russian Revolution in the Period of Preparation for the October Revolution	105

Articles and Communications

Maniev F. C. (Baku) — Some questions of the Dynamics of Numbers of Rural Population of Azerbaidzhan (1965—1975)	120
Polsky M. P.—Problem of Food Service in the Initial Post-October Years	128
Potekhin M. N. (Leningrad) — Petrograd Workers' Move into Bourgeois Apartments (October 1917—1919)	140
Florya B. N.—Privileged Merchants and Town Community in the Russian State (second half of the 15th—early 17th centuries)	145

Historiography, Study of Sources, Methods of Historical Study

Pronshtein A. P. (Rostov-on-the-Don) — On Study of Sources as a Scientific Historical Discipline	161
--	-----

Book Reviews and Bibliography

Chugunov A. I.—Problems of History of the USSR in the «History» Series Published by the «Znanie» Society	174
--	-----

Reviews and Notes

Minibaev E. K. (Ufa) — Ostapenko I. P. The Working Class of the USSR in Production Management 1956—1970	179
Vinokurova R. F., Kolodin F. I.—Denisov Yu. P. The Development of Collective Farm Democracy (1946—1970)	180
Proektor D. M.—Samsonov A. M. The Crash of the Fascist Aggression	181
Kuzev R. G. (Ufa) — Nazipova K. A. Nationalisation of Industry in Tataria (1917—1921)	183
Buldaikov V. P., Mikhailov I. V.—Inoyatov Kh. Sh. Against Falsification of History of the Victory of Soviet Power in Middle Asia and Kazakhstan	185
Plotnikova M. Ye. (Tomsk) — Polikarpov V. D. Prologue to the Civil War in Russia (October 1917—February 1918)	187
Lutsky Ye. A.—Smirnov A. S. The Bolsheviks and the Peasantry in the October Revolution	190

Milovidov V. L. (Kostroma) — Shishkin V. F. Great October and Proletarian Morality	191
Arutyunov G. A., Solovieva A. M. — Kruze E. E. Condition of the Working Class in Russia in 1900—1914	192
Itenberg B. S. (Moscow), Popkov B. S. (Petrozavodsk) — Essays on Revolutionary Ties Between the Peoples of Russia and Poland	195
Lotman Yu. M. (Tartu) — Kisiyagina L. G. Formation of Social and Political Views of N. M. Karamzin (1785—1803)	197
Rabtsevich V. V. (Novosibirsk) — Rusakova L. M. Agriculture of the Middle Transurals Region on the Border of the 18th and the 19th Centuries	200

History of the USSR in Foreign Studies

Igriksky Yu. I. — The October Revolution in Recent Bourgeois Historiography	203
Shakhovtsov G. S. — Problems of History of the Great October Socialist Revolution in Recent Works of Hungarian Scholars	218
Krasnov I. M. — T. Hovey. John Reed: A Witness to the Revolution	225
Uribe E. — A Spanish Paper on the Revolutions of 1917 in Russia	228
Through the Pages of Historical Magazines of Socialist Countries	230

Academic Life

Pivovarov E. I. — The 25th Congress of the CPSU on the Leading Role of the Working Class of the USSR in Socialist and Communist Construction. An All-Union Conference in Minsk	232
Kiselev M. G. (The Rostov District) — Readers about This Magazine	236
Acad. N. M. Druzhinin, Acad. B. A. Rubakov, Corr. Member of the USSR Academy of Science, J. D. Kovalchenko, V. A. Tishkov — The 70th Birthday of Acad. Ye. M. Zhukov	237
The 5th All-Union Contest of Works of Young Scientists on Social Sciences devoted to the 60th Anniversary of Great October	240
Authors of This Issue	242

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО (главный редактор),
К. В. ГУСЕВ, С. С. ДМИТРИЕВ,
И. Е. ЗЕЛЕНИН (зам. главного редактора),
В. И. КАСЬЯНЕНКО, Г. Д. КОМКОВ,
Б. И. КРАСНОБАЕВ (зам. главного редактора),
В. И. КУЛИКОВ, В. Я. ЛАВЕРЬЧЕВ,
И. И. МИНЦ, А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ,
М. В. НЕЧКИНА, А. П. ОКЛАДНИКОВ,
А. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, А. М. САХАРОВ,
Г. А. ЦЫПКИН, Л. В. ЧЕРЕПНИН

Адрес редакции:

103031. Москва, К-31, Кузнецкий мост, 19, тел. 294-29-31

Ответственный секретарь Г. С. Осипян, тел. 223-56-93

EDITORIAL BOARD:

I. D. KOVALCHENKO (Editor-in-Chief),
K. V. GUSEV, S. S. DMITRIEV,
I. E. ZELENIN (Assistant Editor-in-Chief),
V. I. KASYANENKO, G. D. KOMKOV,
B. I. KRASNOBAEV (Assistant Editor-in-Chief),
V. I. KULIKOV, V. Ya. LAVERYCHEV,
I. I. MINTS, A. L. NAROCHNITSKY,
M. V. NECHKINA, A. P. OKLADNIKOV,
A. A. PREOBRAZHENSKY, A. M. SAKHAROV,
G. A. TSYPKIN, L. V. CHEREPNIN

Address:

19. Kuznetsky Most, Moscow, U. S. S. R. Tel. 294-29-31

Managing Editor G. S. Osipian, tel. 223-56-93

РУКОПИСИ ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ В РЕДАКЦИЮ
В ДВУХ ЭКЗЕМПЛЯРАХ ОБЪЕМОМ НЕ БОЛЕЕ
1,5 АВТОРСКОГО ЛИСТА (35 СТР. МАШИНО-
ПИСИ ЧЕРЕЗ ДВА ИНТЕРВАЛА). В СЛУЧАЕ
ОТКЛОНЕНИЯ РУКОПИСИ АВТОРУ ВОЗВРА-
ЩАЕТСЯ ОДИН ЭКЗЕМПЛЯР, ДРУГОЙ ОСТА-
ЕТСЯ В АРХИВЕ РЕДАКЦИИ.

Технический редактор Л. И. Глинкина

Сдано в набор 6/VI-1977 г. Т-10271 Подписано к печати 17/VIII-1977 г.
Зак. 4604. Формат бумаги 70×108/16. Усл. печ. л. 21,7 Бум. л. 7 3/4

Тираж 10000 экз.
Уч.-изд. л. 24,9

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ НАШЕГО ЖУРНАЛА

Статьи

Советская конституция — конституция социалистического типа

Научно-техническая революция и повышение образованности рабочего класса в условиях развитого социализма

Выдающийся организатор социалистической экономики. К 100-летию со дня рождения Ф. Э. Дзержинского

Из истории государственно-монополистического капитализма в России

Поход Руси на Константинополь в 907 году

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Современная советская литература о Великом Октябре

Историки советских республик навстречу Великой Октябрьской социалистической революции

Сообщения и заметки

Из истории торговых связей СССР и Англии

Советско-американские торговые отношения в годы 2-й пятилетки

Крестьянские съезды на Украине в период двоевластия

История СССР за рубежом

Новейшая англо-американская историография о буржуазных партиях России

Публикуются также различные материалы под рубриками «Критика и библиография», «Научная жизнь», «Письма в редакцию».